Простое Евангельское слово протоиерей Григорий Дьяченко

Проповеди протоиерея Григория Дьяченко
Предисловие
Предисловие к переизданию

Предисловие

К изданию в свет настоящей книги мы имели следующие побуждения.

Во-первых, доселе не было издано такого сборника, который содержал бы в себе рассказы и статьи общедоступного характера, расположенные по Евангельским чтениям во дни Воскресные и Праздничные всего года, и служил бы педагогическим подспорьем в руках пастыря-проповедника при ведении внебогослужебных собеседований по предмету Евангельских чтений или всей Евангельской истории. Прочитать после или во время беседы краткий рассказ, который в силу своей живости и наглядности был бы доступен простым слушателям и помогал бы им лучше запомнить предложенное объяснение, а равно и служил бы некоторым отдыхом и разнообразием после утомительного напряжения внимания, есть прием, о пользе коего едва ли нужно много говорить. Довольно сказать, что сборник рекомендуется Святейшим Синодом, практикуется большинством пастырей-проповедников и крайне сочувственно встречается слушателями, жадно внимающими таким рассказам. Подыскивать всякий раз подходящий рассказ или статейку, часто при бедности сельской церковно-приходской библиотеки и отсутствия достаточного времени для пастыря, обремененного и законоучительством в церковно-приходской школе, и требоисправлением часто по разбросанному приходу, и церковным письмоводством, и ведением собственного хозяйства, весьма неудобно. Вот почему мы думаем, что настоящая наша книга, идущая навстречу этой потребности, не будет излишнею. Это тем более, что при довольно значительном числе сборников духовно-назидательных рассказов доселе не было издано ни одного, приспособленного к Евангельским чтениям, как Воскресным, так и Праздничным, и притом всего года. Настоящий свод рассказов и статей является первым опытом в этом роде.

Во-вторых, мы убеждены, что подобное собрание духовно-назидательных рассказов и статей, вмещающих и выясняющих не некоторые только, а все главнейшие догматические и нравоучительные истины, наглядно научающих человека его обязанностям к Богу, ближним

и самому себе, показывающих в живом и доступном изложении силу и величие христианской веры, красоту и мощь христианской любви к людям – к врагам и друзьям – и ко всему окружающему, спасительность христианской надежды, которая дает крепость духу переносить все невзгоды жизни, терпеливо нести крест, посланный премудрым и всеблагим Промыслом Божиим, не отчаиваться и не малодушествовать в ожидании вечных, небесных благ в будущей жизни, – что подобный сборник будет благовременен и полезен и для простого, грамотного народа как средство отвлечь его от нечистых и недостойных христианина удовольствий во дни праздничного отдыха, о разумном провождении которого заботятся и правительство, и духовенство, и все добрые люди, ревнующие о религиозно-нравственном развитии народа как залоге его благоденствия. Статьи мрачного характера мы старались, по возможности, не вносить в предлагаемый сборник. Исключения, весьма редкие, допущены тогда, когда надобно было указать грозное вразумление Божие нарушителям Его святого закона. На каждый воскресный и праздничный день мы дали столько полных назидания и живого интереса рассказов и статей, что прочтение их вполне может занять праздничный досуг христианина и доставить ему высокое духовное удовольствие и несомненную пользу.

В заключение мы считаем своим долгом сказать, что настоящее собрание духовно-назидательных рассказов и размышлений может быть полезно для пастырей не только при ведении внебогослужебных собеседований по Евангельской истории, как нами упомянуто выше, но и по изъяснению катехизиса Православной Церкви и вообще, на наш взгляд, при ведении бесед и поучений всякого рода, ибо всякое исходящее с церковной кафедры назидание не должно быть отвлеченным рассуждением, мало доступным пониманию слушателей, но должно возбуждать к добродетели указанием на примеры святых Божиих человеков (см.: Определение Святейшего Синода в Церковных ведомостях за 1890 г. № 26), а подобных примеров, взятых не только из жизни древних христиан, но и из жизни православного русского народа, живые образцы христианского благочестия которого проводили жизнь свою в тех же условиях, в которых живут и слушатели их, в нашем сборнике весьма достаточное количество. Это последнее обстоятельство должно, как нам кажется, сообщить нашей книге характер особенной назидательности, убедительности и живого интереса.

Да поможет Господь, чтобы заключающиеся в этой книге семена христианской веры и благочестия пали на добрые сердца и принесли

обильный плод во славу Божию!

1890 г. февраля 1-го дня. Священник Григорий Дьяченко

Предисловие к переизданию

Духовно-нравственное наследие протоиерея Григория Дьяченко известно многим православным читателям. Будучи настоятелем Трифоновского храма в Москве, он удивлял своих современников обилием изданных трудов, которые отличались особой простотой при изъяснении Священного Писания и изложении Евангельской истории. Многие пастыри хотели иметь их как пособие для живой, наглядной, краткой, простой, назидательной, но в то же время содержательной церковной проповеди. Его книги неоднократно переиздавались и огромными тиражами расходились по России.

Основание для проповеди как церковного учительства положено Самим Господом Иисусом Христом. Совершая дело спасения людей, Он оставил заповедь апостолам: шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Мф. 28, 19–20). В этих словах апостолам, а в их лице и их преемникам, пастырям Церкви, указаны три главных служения: учить (научите), священнодействовать (крестяще) и руководить (учаще блюсти). Учительство поставлено Иисусом Христом на первое место, потому что оно первым пробуждает в душах людей веру в Бога. Наставления Господа о важности церковного учительства, примеры святых апостолов и отцев Церкви, правила Вселенской Церкви – все говорит о значимости церковной проповеди.

Труды протоиерея Григория Дьяченко и служили пастырям таким пособием для проповеди в виде живой церковной беседы с широким кругом православных верующих. Рассказы, размышления и статьи, собранные в них, имели, прежде всего, религиозно-нравственную воспитательную цель.

Данный сборник составлен с целью разъяснения Евангельских зачал, читаемых за праздничными и воскресными богослужениями. Эти Евангельские чтения раскрывают сущность Православной веры и предлагаются Церковью для поучения и назидания ее чад в благочестии.

При работе над этой книгой протоиерей Григорий Дьяченко, учитывая особенную сложность изъяснения Евангельских чтений, где всякая неточность может привести к опасным недоразумениям, придерживался авторитетных толковников Слова Божия, таких, как святитель Филарет, митрополит Московский, святитель Феофан Затворник, святой праведный Иоанн Кронштадтский, Иннокентий,

архиепископ Херсонский, Филарет, архиепископ Черниговский, протоиерей Родион Путятин, известный пастырь-проповедник, и многих других, издававших свои проповеднические труды.

Кроме того, значительная часть поучений была составлена по Словам, поучениям и беседам, помещенным в журналах «Душеполезное чтение», «Христианское чтение», «Воскресное чтение», «Руководство для пастырей», «Странник», «Кормчий» и некоторых других. Отдельные статьи написаны по Словам и беседам святых отцев Восточной Церкви, например святителя Иоанна Златоустого, и отечественной, преимущественно святителя Тихона Задонского и святителя Димитрия Ростовского.

Полнота историй и размышлений, помещенных в сборнике, способствовала углублению понимания духовных основ Православия у современников составителя. И сегодня, по прошествии многих десятилетий, книга продолжает помогать читателю просветиться Евангельским светом и обрести желание идти вместе с Церковью Христовой путем спасения – противостоять разрушительному духу нашего времени.

Принимая во внимание, что книга переиздается спустя столетие, издатели позволили себе изменить прежнее название книги «Праздничный отдых христианина» на «Простое Евангельское Слово».

В процессе подготовки сборника редакцией были внесены следующие изменения:

– орфография и пунктуация в целом приближены к современной;

– текст отредактирован, заменены некоторые архаичные слова и выражения;

– в отдельных рассказах опущены устаревшие исторические факты и реалии;

– рассказы и поучения, изъясняющие Евангельские чтения, дополнены новыми;

– в начало каждой Недели помещены Евангельские зачала.

При оформлении цитат из Священного Писания редакция придерживалась следующих требований:

а) пунктуация текстов Священного Писания воспроизведена по тексту издания: Библия на церковно-славянском языке. Российское Библейское общество. М., 1993;

б) написание строчных и прописных букв текстов Священного Писания приводится по изданию: Библия. Российское Библейское общество. М.: 1995. [На рус. яз.;

в) при полном совпадении текста цитаты и Библии дается ссылка, например: (Мк. 6, 12). Если же текст совпадает не полностью, то указывается ссылка: (ср.: Мк. 6, 12).

Переиздавая этот сборник, надеемся, что он окажется весьма полезным пастырям как пособие для проповедей, для ведения собеседований по Евангельской истории и по изъяснению катехизиса Православной Церкви, а также широкому кругу читателей, тем более, что подобного рода сборников рассказов по Евангельским чтениям Воскресных и Праздничных дней, и притом всего года, можно встретить не так много.

Неделя Святой Пасхи

Светлое Христово Воскресение

Много светлых и торжественных праздников во Святой Православной Церкви; но нет светлее и торжественнее, нет радостнее и утешительнее великого дня Воскресения Христова, когда все облекается в свет, небеса веселятся, земля радуется и весь мир торжествует великую победу Спасителя нашего над смертью и адом.

Вот что повествует Евангелие об этом славном и великом событи́и. Миновала Великая Суббота, в ночь на которую Иосиф Аримафейский и Никодим погребли Тело Иисусово. Гробовая пещера, в которой Его положили, была запечатана огромным камнем; при ней стояла стража – первосвященник и фарисеи убедили Пилата и приставили ее для охранения *гроба до третьего дня, чтобы ученики Христовы, пришедши ночью, не украли тела Его и не сказали бы народу: воскрес из мертвых* (ср.: Мф. 27, 64). Но на третий день после Своих крестных страданий и смерти Иисус Христос воскрес из мертвых, согласно писаниям пророков. Это совершилось после полуночи с субботы на следующий день (ныне воскресенье). Находившиеся на страже воины видели, как по Воскресении Спасителя Ангел отвалил камень от гробовой пещеры, и были свидетелями происшедшего в то время землетрясения. Вид Ангела, отвалившего камень, по словам евангелиста Матфея, *был как молния, а одеяние его бело как снег* (ср.: Мф. 28,3). Этот вид Ангела, его блестящее одеяние, были живым выражением его небесной радости и светлого торжества на небе, которое в этот Великий день, по свидетельству Святой Церкви, исполнилось особенного света. Пораженные и устрашенные этим чудом, воины упали ниц и некоторое время оставались без чувств. Придя в себя, они пошли и рассказали о всем случившемся первосвященникам. А те, подкупив воинов, научи ли их говорить народу, будто ночью, когда они спали, ученики Иисуса Христа пришли и украли Тело своего Учителя. Но эта злобная и нелепая выдумка врагов Христовых не имела успеха: истина Воскресения Христова в короткое время была засвидетельствована всему миру и сделалась его достоянием.

По церковному преданию, в первый же день по Воскресении Своем Господь явился прежде всех Пречистой Своей Матери; но в Евангелии ничего не упоминается об этом явлении Воскресшего Господа Богородице. Согласно этому преданию, Святая Церковь воспевает в своих песнопениях, обращаясь к Богородице: «Воскресшаго видевши Сына Твоего и Бога, радуйся со апостолы Богоблагодатная Чистая: и еже радуйся первее, яко

всех радости вина восприяла еси, Богомати Всенепорочная».

Затем последовали другие явления Воскресшего Господа, и все верующие узнали об этом радостном, великом событии. Рано на рассвете первого дня недели, в который Иисус Христос воскрес, Мария Магдалина, и Мария, мать Иаковлева, и Саломия поспешили ко Гробу с приготовленными драгоценными благовониями, чтобы помазать Тело Господа. Войдя в сад и зная, что камень, приваленный ко входу в пещеру, весьма велик, жены-мироносицы стали говорить между собою: «Кто отвалит нам камень от дверей Гроба?» Мария Магдалина, побуждаемая глубокою скорбью и пламенной любовью ко Господу, опередила всех и нашла камень у Гроба отваленным. Она вошла внутрь пещеры и, не найдя Тела Господня, поспешила известить об этом апостолов Петра и Иоанна: *унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его* (Ин. 20, 2). Вслед за тем пришли и прочие жены и также с изумлением нашли камень отваленным, а пещеру пустой. Недоумевая о происшедшем, они увидели Ангела в белой блистающей одежде, сидящего на правой стороне пещеры. Жены пришли в страх, но Ангел сказал: *Не бойтесь; знаю, что вы ищете Иисуса распятого.* Что вы ищете живого с мертвыми? *Его нет здесь: Он воскрес;* вспомните, как Он говорил вам, еще будучи в Галилее, что *Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть* (Лк. 24, 5–7). *Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его* и Петру, *что Он воскрес из мертвых и встретит вас в Галилее; там Его увидите* (ср.: Мф. 28, 5–7). Мироносицы вспомнили слова Иисуса Христа. Поспешно выйдя из Гроба, они со страхом и радостью великой побежали возвестить ученикам Иисусовым ангельскую весть.

Между тем, узнав о происшедшем от Марии Магдалины, Петр и Иоанн поспешили ко Гробу. *Они побежали оба вместе;* но Иоанн *бежал скорее Петра, и пришел ко гробу первый. И, наклонясь, увидел одни погребальные пелены, лежащие; но не вошел в пещеру гроба. Вслед за ним приходит Петр, и входит в пещеру, и видит одни пелены и плат, который был на главе Иисуса, не с пеленами лежащий, но особо свитый в другом месте. Тогда вошел и Иоанн, и увидел, и поверил, ибо они еще не знали из Писания, что Христу надлежало воскреснуть из мертвых* (ср.: Ин. 20, 4–9). Затем ученики опять возвратились к себе, дивясь происшедшему.

А Мария Магдалина, объятая скорбью, стояла около пещеры и плакала. Она наклонилась, чтобы заглянуть внутрь, и увидела Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного в головах, а другого в ногах, где лежало

Тело Иисусово. *Жена! что плачешь?* – спросили ее Ангелы. Мария отвечала: *Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.* Сказав это, она обернулась назад и увидела пред собою Воскресшего Иисуса, но не узнала Его. Иисус Христос сказал ей: *Жена! что ты плачешь? кого ищешь?* Она же, думая, что это садовник, воскликнула: *Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.* Тогда Иисус говорит ей Своим кротким и сладчайшим голосом: *Мария!* Этот голос проник до глубины души Марии – она узнала Господа и радостно воскликнула: *Учитель!* – и кинулась к Нему, желая припасть к Его стопам, но Господь кротко остановил ее: *Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему, а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20, 13–17). Объятая благоговейным страхом, Мария Магдалина пошла и возвестила о случившемся ученикам Христовым: «Я видела Господа».

Все это происходило рано утром до восхода солнца. Весть Марии не осталась неподтвержденной. И другие жены-мироносицы встретили Иисуса Христа, Который сказал им: *Радуйтесь!* И они, объятые ужасом, припали к ногам Его. *Не бойтесь,* сказал им Господь, а *пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня* (Мф. 28, 10).

В тот же день Воскресший Спаситель явился Петру, а потом двум ученикам, шедшим из Иерусалима в селение Эммаус. Он беседовал с ними и на вечери преломил хлеб. Но прочие апостолы, услышав от Марии Магдалины и других жен-мироносиц о Воскресении Господа, все еще не верили этой вести до тех пор, пока, наконец, не убедились в этом воочию. Вечером того же дня Воскресший Иисус явился всем апостолам (не было лишь апостола Фомы, который позже уверился в Воскресении Господа) в иерусалимской горнице, когда двери дома были заперты из опасения иудеев. Став посреди, Господь сказал им: *Мир вам!* – и показал им Свои пронзенные гвоздями руки и ноги. Чтобы еще более уверить апостолов, что Он тот же, Спаситель потребовал у них пищи и вкусил часть рыбы и несколько меду.

Апостолы, убедившись, что это действительно Христос, возрадовались несказанно. Так началось на земле светлое торжество Воскресения Христова. Это было всеобщее торжество: вместе с землей радостно торжествовали Воскресение Иисуса Христа и Его победу над смертью и небо с его светлыми небожителями, и преисподняя, в которой неисходно томились до сего дня души всех умерших до пришествия Господня; в этот день, по выражению церковного песнопения, «все

исполнилось света: небо, и земля, и преисподняя...»

Пасхальное Евангелие

Ни один праздник не совершается у нас так торжественно, как праздник Пасхи или Светлого Христова Воскресения; все пасхальное богослужение направлено к тому, чтобы возбудить в сердцах верующих радость о Воскресшем Христе, смертью смерть поправшего, Живот Вечный даровавшего. К особенностям пасхального богослужения относится торжественное чтение Святого Евангелия на разных языках; этим выражается та мысль, что Слово Божие, по заповеди Воскресшего Господа: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари* (Мк. 16, 15), должно быть проповедано всем, чтобы не осталось народа, который не мог бы принимать участия в светлой радости Воскресения Христова. Для чтения в первый день Пасхи избрано Евангелие святого апостола Иоанна Богослова, которое начинается словами: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово...* Учение о Боге-Слове, т. е. Иисусе Христе, так возвышенно, что даже язычники с удивлением внимали ему. Один языческий мудрец сказал, что начальные слова этого Евангелия следовало бы написать золотыми буквами на самых возвышенных местах. Поэтому справедливо евангелиста Иоанна называют Богословом по преимуществу. Евангелие от Иоанна, читаемое в первый день Пасхи, очень трудно для понимания большинству православных, и мы, при помощи Божией, постараемся кратко объяснить его во славу Воскресшего Господа и для собственного назидания.

В начале бе Слово: в самом начале, когда еще не существовал мир, Слово Божие, т. е. Сын Божий, уже существовало. Почему Сын Божий называется Словом? Для того, чтобы выразить Его бестелесное рождение. Как обыкновенное слово, происходя из нашего ума, когда не произносится, скрывается в нашей природе, когда же произносится, то становится ясным и выражает наши мысли, чувствования и желания, – так и Сын Божий, имея одну сущность с Богом и Отцом, выражает и открывает советы и волю Божию тысячам тысяч верующих.

И Слово бе к Богу: Сын Божий вечно пребывает у Бога Отца, всегда был с Ним неразлучно.

И Бог бе Слово: Слово Божественное всегда было и есть Бог, – равный и единосущный Отцу.

Сей бе искони к Богу. Вся тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже быст: все, что мы видим на земле и на небе и чего не видим (например, Ангелов), – все произошло через Слово Божие, и без участия Его ничего не

произошло из того, что существует. Эти слова поясняет апостол Павел, когда говорит: *Тем,* т. е. Сыном Божиим, *создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая... всяческая Тем и о Нем создашася. И Той есть прежде всех, и всяческая в нем состоятся* (Кол. 1, 16–17). Все через Него было, но не независимо от Отца, а совместно с Отцом.

В Том живот бе и живот бе свет человеком: в Сыне Божием заключается вся жизнь; Он дает всему жизнь и поддерживает ее; Он, будучи Жизнью для всех, для людей был просвещающим и освящающим Светом.

И свет во тме светится, и тма его не объят (не объяла): как обыкновенный свет во тьме светит, освещает предметы и разгоняет тьму, так и Сын Божий, истинный Свет, просвещал людей, блуждающих во тьме невежества и идолопоклонства, – и тьма не могла погасить этот Небесный Свет. Сын Божий явился в мир, и этот Свет, тускло светивший в Ветхом Завете, стал светить во всем блеске. Такое важное событие, как явление в мир Сына Божия, воплощение Слова Божия, не могло совершиться без какого-либо о том предвозвещения. И действительно, много об этом событии было пророчеств, и все, и особенно иудеи, с нетерпением ожидали обещанного Мессию. И вот это ожидаемое время наступило; прежде всего явился великий подвижник и проповедник покаяния святой Иоанн Предтеча и Креститель Господень, сын священника Захарии и Елисаветы, родственницы Пресвятой Девы Марии.

Быст человек послан от Бога, имя ему Иоанн. Сей прииде во свидетельство, да свидетельствует о Свете, да вси веру имут ему (Ин. 1, 5–7). Он послан был Богом для того, чтобы приготовить путь Господу, чтобы расположить людей к принятию Того, Кто идет за ним. Хотя Иоанн Креститель был величайший из пророков, по отзыву Самого Спасителя: *из рожденных женами нет большего Иоанна Крестителя* (ср.: Мф. 11, 11), однако он не был светом, но только проповедником о Свете.

Не бе той свет, но да свидетельствует о Свете. Бе Свет истинный, Иже просвещает всякого человека, грядущего в мир. Истинный Свет – Иисус Христос.

В мире бе, и мир Тем бысть, и мир Его не позна. Во своя прииде, и свои Его не приняша. Этот Свет – Сын Божий – давно был в мире, и мир Им сотворен, но так как мир был погружен во мрак и невежество, то он не узнал истинного Света, потому что тьма боится света. Иудеи, которые больше других имели познания о Боге, должны бы с радостью принять Спасителя, но на деле вышло не так: они не приняли Его как своего

Мессию; и этот народ, охотно слушавший спасительное учение Иисуса и так часто получавший помощь от Его благодетельной силы, все же предательски допустил, чтобы Спасителя связанным повели на суд к старейшинам, не возвысив даже голоса в Его пользу.

Елицы же приняша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася. Тем же из иудеев, которые приняли Его и уверовали в Него, Иисус Христос дал право называться чадами Божиими не по плотскому рождению, а по благодати Божией, по духовному рождению в Таинстве крещения. Все верующие со дерзновением могут обращаться к Богу: «Отче наш...»

И Слово плоть бысть и вселися в ны, и видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца, исполнъ благодати и истины. Хотя Сын Божий и воплотился, т. е. стал человеком, но слава Божества была с Ним неразлучна: Он был Богочеловек; а славу Его как Единородного Сына Божия видели апостолы (особенно во время Преображения) и также Иоанн Креститель.

Иоанн свидетельствует о Нем и воззва глаголя: Сей бе, егоже рех, Иже по мне грядый, предо мною быст, яко первее мене бе. Иоанн Креститель говорит, у что Он – Тот, о Котором я сказал: Идущий за мною, явившийся после меня, стал впереди, выше и сильнее меня, так как Он как безначальное Слово существовал), вечно, был прежде меня. *И от исполнения Его мы вси прияхом и благодать* воз *благодать: яко закон Моисеом дан быст, благодать же и истина Иисус Христом, быст* (Ин. 71,1–17): от полноты Его Божества мы все получили – полноту благодатных даров, которых в Ветхом Завете не было; в то время был только Закон, данный Богом через Моисея, а теперь, с пришествием Иисуса Христа на землю, наступило время благодати и истины.

Вот какие глубокие мысли заключаются в Пасхальном Евангелии: здесь содержится учение о Боге Слове, о втором Лице Пресвятой Троицы – Сыне Божием, Предвечном и Вездесущем, нас ради человек, сшедшем с небес и воплотившемся.

Слово Святителя Иоанна Златоуста

Христос Воскресе!

«Кто благочестив и боголюбив», – кто истинно чтит Бога и любит Его искренно, «да насладится сего доброго и светлого торжества», – преславного Воскресения Христова, которое мы ныне празднуем и в коем Господь так дивно показал – и благость Свою к роду человеческому, и премудрость в искуплении его от вечной погибели, и силу Свою над врагами спасения нашего.

«Кто раб благоразумный», кто данные ему от Бога таланты – время, силы и способности – не скрывает напрасно в землю, не иждивает на земные только дела и удовольствия, но мудро употребляет на служение Господу и стяжание вечного блаженства, «да внидет радуяся в *радость Господа своего»*, да будет участником той духовной радости, которую Господь уготовал верным рабам Его, искупленным кровью Спасителя (ср.: Мф. 25, 21).

«Кто потрудился постяся», – кто во время прошедшего поста не оставался в праздности, но усердно трудился над делом спасения своего, «да приимет ныне динарий», – получит в благодатных плодах Воскресения Христова ту награду, какую обещал Бог добрым делателям (см.: Мф. 10, 10; 20, 1–8).

«Кто работал с первого часа» – исполнял волю Божию с детства или с того времени, как Господь призвал его в вертоград Свой, т. е. в Церковь Христову, «пусть получит ныне плату, следующую ему по справедливости».

«Кто пришел после третьего часа», приступил к делу Божию не вдруг, но опустил несколько времени, «да празднует благодаря» Бога за снисхождение к нему.

«Кто успел прийти по шестом часе» – пришел на зов Божий еще позже, когда протекла уже половина его жизни, «пусть нимало не беспокоится; ибо он ничего не лишится» из тех благ, которые Воскресший Господь дарует всем, желающим вкушать оные.

«Кто пропустил и девятый час» – замедлил еще более и начал трудиться над делом Божиим тогда, когда день жизни его склонился уже к вечеру, «пусть приступит без всякого сомнения и боязни»: *ибо ныне явилась благодать Божия, спасительная всем человекам* (ср.: Тит. 2, 11).

«Если же кто успел прийти только в одиннадцатый час» – даже и тот, кто вышел на дело Божие очень поздно, стал пещись о спасении души

своей уже в старости, «и тот да не страшится замедления: ибо Домовладыка, любя честь» и будучи щедр, «приемлет и последнего, как первого, успокоивает и пришедшего в одиннадцатый час, как трудившегося с первого часа», воздавая всем должное. «И первому удовлетворяет», награждая его по справедливости, «и последнего милует» по снисхождению, «и оному дает» заслуженное, «и сему дарит» по благости Своей; «и добрые дела приемлет» с радостью, «и благое намерение лобызает» с любовью; «и деяние чтит», как должно, «и доброе расположение хвалит».

«Итак, все войдите *в радость Господа* своего! И первые и последние приимите мзду» от Милосердого Владыки!

«Богатые и бедные, ликуйте друг со другом», как дети одного Отца Небесного!

«Трудящиеся и ленивые>> в деле спасения своего, «почтите настоящий день» всемирного торжества!

«Постившиеся и не постившиеся, возвеселитесь ныне», когда небо и земля радуются, и празднует вся тварь! «Трапеза обильна: насыщайтесь ею все». «Телец», закланный ради нас, «велик и упитан: никто не уходи голодным!». «Все насладитесь пиршеством веры, все пользуйтесь богатством благости Божией!»

«Никто не жалуйся на бедность: ибо для всех открылось Царство Небесное», в котором уготовано верующим богатое наследие.

«Никто не плачь о грехах своих: ибо из Гроба» Спасителя «воссияло прощение» всем грешникам, желающим получить оное.

«Никто не страшись смерти: ибо от нее освободила нас Спасова смерть», если только мы снова не поработимся ей грехами. «Ее истребил объятый ею» Жизнодавец. «Сошедший во ад» Сын Божий «пленил ад и огорчил его». Давно предузнав это, пророк Исайя воскликнул: *ад огорчися, сретив Тебя в преисподних* своих (ср.: Ис. 14, 9). «Огорчился: ибо упразднился» – опустел; «огорчился: ибо посрамлен» исходом борьбы своей со Спасителем; «огорчился: ибо умерщвлен» – лишился того, что составляло его жизнь и силу; «огорчился: ибо низложен» с престола своего и лишен власти над родом человеческим; «огорчился: ибо связан» и не может теперь действовать с той свободой и силой, как прежде. «Он взял плоть, а принял в ней Бога: взял землю, а нашел в ней небо; взял то, что видел, а подвергся тому, чего не ожидал». Так Бог уловил его Своею премудростью!

Где твое, смерте, жало? Где твоя, аде, победа (I Кор. 15, 55)? Где грех, которым ты, смерть, уязвляла людей? Где, ад, торжество твое над

родом человеческим? – «Воскрес Христос, и ты низвергся», как бессильный враг! – «Воскрес Христос, и пали демоны» – твои слуги, чрез коих ты уловлял людей! – «Воскрес Христос, и радуются Ангелы», взирая на дивное торжество Сына Божия и спасение человеков! – «Воскрес Христос, и жизнь водворяется» всюду, даже и там, где прежде была область смерти и тления! – «Воскрес Христос, и нет ни одного мертвого во гробе»; ибо *Христос, Воскресший из мертвых, начаток умершим бысть* (ср.: 1Кор. 15, 20) – Он первый воскрес, как Глава, а потом восстанут и все члены Его, – верующие в Него и имеющие в себе животворный Дух Его (см.: 1Кор. 15, 21–23; Рим. 8, 11). Да будет же «Ему слава и держава во веки веков»! Амин.

Пасха Ветхозаветная и Пасха Новая Христианская

Долго томился избранный народ Божий в рабстве египетском и терял уже всякую надежду на освобождение. Сколько великий вождь сего народа Моисей ни являл, силою Божией, чудес перед фараоном, царь оставался непреклонным, не хотел слушать гласа Бога Израилева и отпустить от себя народ Его. Наконец, когда и после девяти язв, ниспосланных на египтян, сердце фараоново осталось ожесточенным, тогда Господь объявил Моисею, что намерен послать еще одну, последнюю, страшную казнь на Египет и царя его: истребление всех первенцев, начиная от первенца фараонова до первенца последней рабыни его и даже до первенца всякого скота, – и этой казнью упорство фараона будет, наконец, сокрушено, и он немедленно отпустит израильтян (см.: Исх. 11, 1, 4, 8). Вместе с тем, дабы навсегда сохранить в народе Своем память об избавлении его от ига египетского, Бог заповедал учредить праздник. В 10-й день месяца Авива каждый отец семейства должен был избрать из своих овец лучшего (совершеннейшего) однолетнего мужского пола агнца, а в 14-й день к вечеру заколоть его и, омочив кисть иссопа в крови агнца, помазать ею порог своего дома и двери, дабы погубляющий, когда приидет поражать первенцев египетских, видя знаки крови, проходил мимо домов еврейских и не вносил в них истребления; потом испечь агнца на огне и, собрав всех домашних, съесть его, не сокрушая ни одной его кости, с неквашеным хлебом (опресноками) и горькими травами, в знак поспешности отхода и в воспоминание горестной жизни и тяжелого рабства в Египте. Ядущие должны были представлять вид готовящихся в путь: иметь чресла перепоясанными, сапоги на ногах, жезлы в руках и вкушать агнца стоя, с благоговением, потому что это пасха Господня (см.: Исх. 12, 11).

Еврейское слово «пасха», по объяснению одних, означает напутственное; по толкованию других, – прехождение; по переводу же третьих, – спасение первородных. Все эти три значения применимы к праздновавшемуся событию. Пасха вкушалась вечером, накануне исхода народа Божия из Египта; в эту ночь Ангел, погубляющий первенцев египетских, проходил мимо запечатленных кровью агнца домов израильтян, и первенцы их были спасены.

Как некогда реки наполнялись первенцами еврейскими, так теперь гробы египетские наполнились первенцами египетскими. Плач и рыдание огласили все жилища, начиная от чертога царского до убогой хижины: всякий плакал о своем первенце, начатке сынов своих. Устрашенный

фараон не только решился отпустить израильтян, но даже понудил их идти скорее и взять с собой все их имущество. И воздвигся Израиль, пробыв в плену египетском 430 лет, и на берегу моря, чудно им пройденного, и поглотившего фараона со всем его воинством, воспел Богу, Спасителю своему, торжественную песнь хвалы и благодарения! (см.: Исх. 12, 31, 33, 37, 40; 14, 31).

В память этого великого события израильтяне ежегодно, в 14-й день Нисана, торжественно совершали пасху, т. е. вкушали пасхального агнца, которого по Закону должно было закалать не иначе, как в святилище: сначала в скинии, а потом в храме Иерусалимском.

Законно праздновалась пасха иудейская до тех пор, пока имел силу Закон Моисеев. Но когда он был заменен законом благодати, когда образ уступил место Первообразу, когда, вместо закалаемого ежегодно в каждом семействе агнца, заклан был на Голгофе, единожды навсегда и за всех, Агнец Божий, взявший на Себя грехи всего мира, тогда пасха иудейская перестала быть законной, уступив место Пасхе христианской!

Что же значит Пасха христианская? На этот вопрос отвечает апостол Павел. *Пасха наша – Христос, принесший Себя за нас в жертву Богу* (ср.: 1Кор. 5, 7)! Господь наш Иисус Христос принял на Себя плоть человеческую ни для чего иного, как чтобы умереть за нас, и если бы Он не подверг себя смерти, то не последовало бы и преславной победы над смертью, и не было бы Светлого Воскресения! Итак, празднуя в нашу Пасху Воскресение Господа, мы вместе празднуем и смерть Его.

В древней Церкви день Распятия Господа считался между великими праздниками; некоторые церкви на Востоке за три дня до Пасхи воскресной праздновали другую Пасху, Крестную, в воспоминание крестных страданий Господа. Ныне же Церковь, соединяя воспоминание Воскресения и смерти Иисуса Христа в один торжественный праздник Пасхи, приглашает к этому радостному празднованию небо, землю, весь видимый мир и невидимый, ибо Христос восстал – веселие вечное! И вместе с тем песнословит Христа – Пасху новую, очистительную, Жертву живую, Агнца Божия, Который волею принес Себя за всех на заклание! К такому соединению – воспоминанию славы Воскресения Господа с уничижением Его до крестной смерти и погребения – призывает нас один из святителей. «Торжествуя Христу, – говорит он, – для нас воскресшему, да взираем в то же время умиленным сердцем на Христа, за нас распятого, страдавшего, умершего и погребенного, чтобы радость не забылась и не сделалась неосмысленною. Только тот имеет полную и неотъемлемую радость Воскресения Христова, кто со Христом и сам воскрес внутренне и

имеет надежду воскреснуть торжественно, а сию надежду имеет только тот, кто приемлет участие в Кресте, страданиях и смерти Христовой... Праздничная радость, которая забывает Крест и смерть Христову, призывающие нас к распинанию плоти со страстями и похотями, находится в опасности – начатое духом окончить плотью, и празднующих Воскресение Христа превратить в распинающих Его вторично!».

А каково должно быть празднование Пасхи христианской, очевидно – торжество наше настолько же должно быть святее и совершеннее торжества иудейского, насколько Пасха наша святее и совершеннее пасхи иудейской! Основанием пасхи иудейской было благо временное – освобождение народа израильского от рабства египетского; основание же Пасхи христианской есть благо вечное – освобождение всего рода человеческого от рабства греха и смерти! Учреждая праздник пасхи ветхозаветной, Бог внушал иудеям особенную важность этого праздника и заповедал совершать его со всею торжественностью. «Законно, – говорит Он, – вечно празднуйте его! Душа, нарушившая святость сего праздника, погубится от сонма сынов израильских» (см.: Исх. 12, 14, 19). При этом иудеям во время празднования пасхи поведено было, также под опасением смерти, беречься всякого квасного, почему они, еще за несколько дней до пасхи, оставляли употребление кваса и в продолжение семи дней вкушали неквашеный хлеб – опресноки. Законодатель Нового Завета не благоволил повелеть ученикам Своим, чтобы они в Священных книгах Евангелия начертали какие-либо правила о праздновании Пасхи христианской; Пасха Христова празднуется без всякого закона, повеления и учреждения и будет праздноваться вечно до кончины мира и составлять сама по себе праздник праздников и торжество торжеств!

Один только апостол Павел оставил нам наставление, как праздновать Пасху достойным образом, чтобы празднованием угодить Воскресшему Господу. «Станем праздновать, – говорит он, – имея в виду обычай иудейский и строгость Церкви Ветхозаветной, – станем праздновать не с ветхою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, – но с опресноками чистоты и истины!» (см.: 1Кор. 5, 7–8). Иудей берегся кваса вещественного, христианин должен беречься кваса духовного – злобы и лукавства; иудей вкушал опресноки, бывшие только символом чистоты, а христианин должен питаться самою вещью – иметь чистоту духовную. Почему и праздничная радость христианина должна быть духовная, мирная, возвышающая душу. Если христианин вообще должен вести себя так, чтобы в мыслях, чувствах, словах и делах его постоянно отражался образ жизни и дух нашего Спасителя, то тем более в дни, назначенные для

празднования Пасхи, чем ему лучше заняться, как не воспоминанием великих событий Евангельских – смерти и Воскресения Иисуса Христа, которые и составляют именно предмет настоящего празднования?

Об обычае Христосования во Святую Пасху

В первый день Святой Пасхи на утрене мы исполняем установленный Церковью обряд христосования. Обряд этот очень важен и утешителен, почему мы считаем священным долгом изъяснить его значение.

1. Обычно мы говорим: *Христос Воскресе!* – и начинаем христосоваться с кем-либо, а нам отвечают: *Воистину Воскресе!* Поступая так, мы подражаем первым ученикам Господа, когда, по Воскресении Его, беседуя друг с другом о Воскресшем Господе, они говорили: *воистину воста Господь* (ср.: Лк. 24, 14–35). Кроме того, этими же приветствиями хотя и кратко, но ясно высказываем мы друг другу историю настоящего праздника.

Это приветствие вселяет неизъяснимую радость в нашу душу! Как-то особенно бывает весело, когда скажешь или от кого услышишь сладостные слова: *Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!* Можно сказать, что они спасительны для души нашей, так как заключают в себе сладостную надежду на наше будущее воскресение. *Христос воста от мертвых*, говорит апостол Павел, *начатой умершим бысть* (1Кор. 15, 20). Следовательно, если воскрес Иисус Христос, то и мы воскреснем. Это весьма утешительно для всех нас, а в особенности для тех, у кого путь настоящей жизни усеян тернием и волчцами. В самом деле, бедствовать целую жизнь и потом сделаться навеки жертвою смерти – это ужасно! Но бедствовать здесь, а потом перейти в блаженную вечность и, наконец, вместе с воскресшим телом насладиться блаженством... Может ли что быть вожделеннее этого? Вот причины священной радости, ощущаемой нами от слов *Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!* и всеобщего их употребления в наших взаимных приветствиях.

2. Высказав друг другу приветствие, мы совершаем взаимное целование. Что это значит? Целование вообще в быту житейском принимается как знак сердечной любви друг к другу. То же значение имеет оно и при христосовании. «Праздник Пасхи, – скажем словами святителя Иоанна Златоустого, – есть залог мира, источник примирения, разрушение смерти, погибель диавола. Сегодня люди соединились с Ангелами».. А потому можно ли нам, христианам, в такой светлый праздник оставаться во вражде на кого-либо? Можно ли не питать сердечной любви друг к другу?.. «Просветимся торжеством, – поет нам Святая Церковь, – и друг друга обымем. Рцем, братие, и ненавидящим нас простим вся Воскресением!»[2]. Вот в каких чувствах должно совершаться

наше целование. А иначе оно будет походить на Иудино лобзание.

3. Наконец, по произнесении сладостных слов *Христос Воскресе!* – *Воистину Воскресе!* – и по взаимном целовании мы дарим друг другу красные яйца. Яйцо есть знак нашего блаженного воскресения из мертвых, коего залог мы имеем в Иисусе Христе. Чтобы вам понять, каким образом яйцо служит знаком и нашего воскресения, представьте себе, что бывает с яйцом, когда оно несколько дней насиживается курицей? В таком случае из него является новое существо, жизнь которого скрыта была мертвой скорлупой. Точно так же из гроба – жилища смерти – восстал Жизнодавец, а придет время, и наши тела, действием Всемогущего Бога, по звуку трубы Архангела выйдут из сердца земли и облачатся в нетление. Вот это-то и напоминают нам яйца, которые мы дарим друг другу.

А знаете ли, откуда взялся этот обычай? Он очень древний и произошел, как говорит предание, от равноапостольной Марии Магдалины. Она, придя в Рим по Вознесении Господнем для проповедания Евангелия, предстала пред императором Тиверием и, сказав: Христос Воскресе, – поднесла ему красное яйцо. Тогда было обыкновение, чтобы бедные люди, в знак уважения к людям богатым, друзьям, благодетелям и властям, приносили им в подарок в новый год и в дни их рождения яйцо. По примеру Марии Магдалины и первые христиане стали дарить друг другу яйца в дни Светлого Христова Воскресения. А от них этот обычай перешел к нам.

Но как появился обычай дарить друг другу красные яйца? Случай к этому, по преданию, был следующий: в самый день Воскресения Христова один еврей нес в корзинке свежие яйца для продажи на рынок. По дороге повстречался ему другой еврей, который и говорит ему: «А что, друг, знаешь ли ты, какое чудо произошло в нашем городе Иерусалиме? – ведь Христос, Который умер три дня тому назад, воскрес из Гроба, и уже многие видели Его». Но еврей, несший продавать свежие яйца, отвечал ему: «Нет, не верю, чтобы Христос воскрес из Гроба: это так же невозможно, как невозможно, чтобы эти белые яйца вдруг сделались красными». Но что же? Едва он произнес эти слова, как белые яйца в корзине сделались красными. И чудо это было так поразительно для него, что он не замедлил принять христианскую веру. Весть об этом дивном событии скоро распространилась между верующими христианами, и, в воспоминание о нем, они стали дарить друг другу красные яйца. Поэтому-то, может быть, и Мария Магдалина поднесла императору Тиверию красное яйцо.

С другой стороны, красный цвет на яйцах имеет особенное значение –

не погрешим, если скажем, что он означает здесь Животворящую Кровь Господа нашего Иисуса Христа. Если бы Иисус Христос не искупил нас, то мы были бы вечными пленниками ада и смерти, следовательно, не имели бы никакого основания надеяться и на будущее свое воскресение. *Но мы искуплены* не чем иным, как бесценною *Кровию Иисуса Христа* (ср.: Еф. 1,7). Следовательно, непременно и воскреснем. А так как искупление наше совершено Кровью Иисуса Христа, то, значит, и будущее наше воскресение приобретено нами тою же Кровью. Вот об этом-то и напоминает нам красный цвет на яйцах, или, точнее, он проповедует нам, что будущее наше воскресение есть плод или следствие пролития бесценной Крови Спасителем.

Вот что означает обряд христосования.

Праздник Воскресения Христова – Радость Всех Радостей

Мы должны радоваться, вспоминая тот великий и славный день, когда Господь наш Иисус Христос воскрес из Гроба и Своим Воскресением избавил и нас от смерти. Сам Бог желает, чтобы мы проводили праздник Воскресения Христова в радости и веселии, и потому нередко посылает в этот день неожиданную радость верным сынам Своим, находящимся в каких-нибудь затруднительных обстоятельствах.

В одной книге рассказывается о таком событии. Перед одним епископом оклеветали невинного священника. Незадолго до Пасхи этот священник был взят под стражу и содержался в темнице. В ночь с Великой Субботы на Светлое Воскресение священнику является Ангел Божий и говорит: «По воле Бога ты освобождаешься от сего заключения; тебе дается свобода для того, чтобы ты в твоем приходском селе в первый день Пасхи отслужил Литургию». Сказав это, Ангел вывел священника из темницы и проводил его до села. Сторож сообщил епископу об исчезновении священника из темницы, сказав, что это произошло чудесным образом, потому что ключ от замка хранился у него. Епископ послал нарочного в село поразведать, не служил ли там священник Литургию. Убедившись, что служил, епископ разгневался и решил с бесчестием вновь подвергнуть его заключению. Но Ангел Божий, после завершения службы, с согласия священника, вернул его в ту же темницу.

Епископ призывает к себе священника и слышит от него такое оправдание: «Я из темницы был освобожден и возвращен туда не своею волею. На то была воля Самого Бога, посылавшего двукратно ко мне Ангела». Епископ навел справки, не был ли кто из служащих при темнице виноват в тайном отлучении и возвращении священника. Оказалось, что никто. Убедившись, что священник напрасно терпел бесчестие, епископ простил священника и велел ему продолжать свое служение, а клеветавших на него строго наказал. Так Сам Бог заботится, чтобы в такой праздник, как Светлое Воскресение, совершалась в храме Его святая служба.

В житии преподобного Пафнутия Боровского рассказывается о том, что в монастыре, где жил преподобный, однажды ко дню Святой Пасхи, на печаль братии, не было рыбы. Святой Пафнутий сказал им в утешение: «Не скорбите об этом, Господь утешит нас». И действительно, в Великую Субботу пономарь, вышедший к разлившейся реке почерпнуть воды для

Божественной службы, заметил в воде такую большую стаю рыбы, что, когда ее выловили, оказалось, что рыбы хватит всей братии на всю Пасхальную неделю. Замечательно, что рыбы в таком количестве в той реке ни прежде, ни после той Пасхи никогда не было. Кто, как не Бог, чудесно понудил эту рыбу собраться в такую густую стаю, чтобы обрадовать братию, дабы их пасхальная радость не омрачилась недостатком рыбы?[1]

В житии же преподобного Венедикта повествуется об одном священнике, который, по случаю праздника Пасхи, приготовил себе обильную трапезу. Однако в видении явился ему Господь и сказал: «Вот ты много себе приготовил всего, а мой раб Венедикт, любя Меня, изнемогает от голода». Священник встал и, взяв еду, пошел искать святого Венедикта и нашел его в пещере. Они встретились с радостью. «Отче! – сказал священник святому Венедикту, – вкусим пищи с благодарностью Богу, так как ныне Пасха». «Мне ныне Пасха, – отвечал святой Венедикт, – так как я сподобился видеть тебя!» Преподобный, живя далеко от людей, не знал, что в это время был праздник Пасхи. «Сегодня, – сказал священник, – поистине праздник Воскресения Господня, и тебе не должно поститься. Я на это и послан к тебе Господом». Вкусив пищи вместе со святым подвижником, священник возвратился в свое селение.

В 1821 году в Нижнем Новгороде девица Ирина была так больна, что не могла ни видеть, ни говорить, ни ходить. Когда нужно было идти ей куда-нибудь, ее носили на руках, пищу брала она из посторонних рук; если что нужно было ей попросить, то она стучала рукой или же просто мычала. Но в первый день Светлого Воскресения Христова несчастная страдалица вдруг почувствовала силу в ногах, облегчение в голове, свет в глазах, свободу в языке и способность слышать. Потом она рассказывала, что за несколько дней до Светлого Воскресения Христова ей во сне было видение. В некоем прекрасном храме она увидела двух мужей: Иоанна Крестителя и какого-то другого Мужа в прекрасном архиерейском облачении. Этот Муж повелел ей приблизиться к Нему; со страхом пала она к стопам Его и заметила на ногах и руках Его по глубокой ране. Он благословил ее и сказал: «Страдания твои кончились; в день Воскресения Моего ты будешь здорова!» В день Пасхи Ирина Андреева снова увидела во сне прекрасную Ч Деву, Которая, обратившись к ней с обыкновенным пасхальным приветствием «Христос Воскресе!», тотчас же внезапно скрылась. Проснувшись после этого видения, Ч больная почувствовала себя совершенно здоровой и на к другой же день праздника Пасхи была уже в церкви на Божественной литургии и благодарственном молебне, Ч

заказанном ею за чудесное исцеление.

22 апреля 1823 года, в первый день Святой Пасхи, после заутрени, в городе Киеве совершилось чудо исцеления глухонемого послушника Максима. К вечеру Великой Субботы, по исполнении своих послушнических работ, Максим пошел в большую Лаврскую церковь. Его начал одолевать сон, и он из церкви отправился в просфорню поспать. Но лишь только он задремал, как пред ним предстала Жена в белом одеянии и приказала ему снова идти в церковь. Пробудившись, Максим отправился в церковь, но его опять стало клонить ко сну, и он вернулся в просфорню. Но едва заснул, как был разбужен Той же Женой, вероятно Богородицей. Это повторилось и в третий раз. Тогда, придя в церковь и став пред иконою Пресвятой Богородицы, Максим услышал пение пасхального тропаря «Христос Воскресе» и увидел Жену в светлом одеянии, что являлась ему в просфорне. Она три раза повелела ему говорить «Воистину Воскресе!». Наконец, на его молчание дунула ему в лицо и скрылась, а Максим в ту же минуту выговорил «Воистину Воскресе!». По окончании утреннего пения Максим с радостью рассказал всем о совершившемся чуде!.. Замечательно, что за год до чудесного возвращения Максиму дара слова силой Божией ему чудесно открыт был и слух, и также перед первым утренним пасхальным пением[1] .

В 1838 году с понедельника на вторник Светлой недели вдова Анисия Степанова, бывшая настолько глухой, что даже не слышала колокольного звона, пришла в московскую Неопалимовскую церковь помолиться перед иконой Богоматери, именуемой «Нечаянная Радость». Во время молебна перед этой иконой она ясно услышала пение пасхального тропаря «Христос Воскресе» и «к Богородице прилежно ныне притецем», – с того времени глухота более уже не возвращалась к ней.

Итак, Сам Бог желает, чтобы в день славного Воскресения Единородного Сына Его все люди радовались и чтобы не было у них печалей и скорбен. Ныне Христос восстал – веселие вечное! Христос воскрес и нас воскресит для вечноблаженной жизни с Ним на небе. Он даровал нам Живот Вечный – вот причина радости и торжества нынешнего Светлого праздника! Обойдите все города, селения, деревни – и вы везде увидите, что в дни этого праздника радуются все: знатные и незнатные, богатые и бедные, старые и малые, родные и чужие, знакомые и незнакомые, друзья и враги, – все, все приветствуют восторженно друг друга с радостью о Воскресении Христа. Возрадуемся же и возвеселимся и мы чистой и святой радостью, искренним, сердечным весельем. Радость наша от веры нашей и теперь неописуемая; какова же будет радость, когда

мы увидим в будущей жизни Самого Господа? Это будет радость всех радостей!

После Воскресения иисуса Христа Свято Живущим Людям смерть на страшна

Воскрес Христос и Своей смертью попрал смерть, и она потеряла свое значение. Верующие в Иисуса Христа встречают ее теперь с радостью и весельем. *Я больше всего желаю разрешиться от тела и водвориться у Господа,* говорит о себе святой апостол Павел (ср.: 2Кор. 5, 8). «Смерть мне не страшна; она скорее соединит меня со Христом», – говорили о себе святители Василий Великий и Иоанн Златоуст.

Почему это? Потому что с Воскресением Христовым души, истинно верующие во Иисуса Христа, не идут во ад, ибо Воскресший Христос открыл всем двери рая в Царство Небесное. Многим святым угодникам было открыто, что души праведников, по разлучении от тела, были тотчас отнесены Ангелами в Царство Небесное. Так, например, в житии преподобного Антония Великого рассказывается, что в одно время, когда он шел в пустыне, увидел сонм Ангелов и лики апостолов и между ними преподобного Павла Фивейского, восходящего на небо.

Святитель Григорий Двоеслов рассказывает, что однажды святой Венедикт встал ночью на молитву: в самую полночь он увидел свет, который так блистал, что ночь стала светлее дня. Со вниманием взирая на тот свет, он увидел в огненном сиянии душу епископа Германа, несомую Ангелами на небо.

Также и когда преподобный Иоанникий преставился, иноки видели душу его, возносимую Ангелами на небо.

Подобное говорится и о преподобном Макарии Египетском.

Что действительно Воскресением Христовым смерть умерщвлена и потеряла свою силу, видно из тех чудесных действий, которые являли в своей жизни люди святые.

Так, святые апостолы воскрешали умерших: например, святой апостол Петр воскресил Тавифу ради того добра, которое она делала бедным; апостол Павел воскресил юношу Евтиха, упавшего из окна; преподобный Макарий Египетский воскресил мужа одной женщины, чтобы спросить его о сокрытом залоге, просил также одного убитого, чтобы он подтвердил невинность оклеветанного в убийстве, и тот дал свой ответ. Преподобный Патермуфий однажды вопросил уже умершего инока, что лучше для него: умерши, жить со Христом или возвратиться и жить в теле, – на что он, воскресши, сказал: «Зачем ты воскресил меня? Для меня гораздо лучше жить со Христом; в теле жить не хочу». «Спи же и молись о мне Господу»,

– сказал Патермуфий.

Воскресение Христово – торжество веры, добродетели и упования

Пасха христианская всегда совершалась со всею торжественностью. Еще христиане не имели храмов, гонимые язычниками, сокрывали свое богослужение в вертепах и пропастях земных, но воспоминание Воскресения Христова было уже причиной торжества столь светлого и продолжительного, что один из древних защитников христианства (Тертуллиан) говорил для всех язычников: «Ваши праздники, взятые все вместе, не могут сравниться продолжением своим с одною Пасхою христианскою».

В самом деле, Воскресение Господа нашего само по себе есть торжество торжеств и праздников праздник. Оно есть высочайшее торжество веры, ибо им утверждена, возвышена, обожжена вера наша; есть высочайшее торжество добродетели, ибо в нем самая чистейшая добродетель восторжествовала над величайшим искушением; есть высочайшее торжество упования, ибо служит вернейшим залогом обетовании самых величественных.

I. Воскресение Иисуса Христа есть высочайшее торжество веры. Апостол Павел, один из первейших проповедников веры, написал коринфским ученикам своим: *аще же Христос не воста, тще убо проповедание наше, тща же и вера ваша* (1Кор. 15, 14). То есть ежели Христос не воскрес, то все истины нашей веры теряют свою силу, Евангелие и проповедь не имеют более достоинства, все христианство есть праздное имя.

Мысль разительная, но совершенно истинная, неоспоримая! Ибо на чем основана вся вера наша? *Наздани бывше*, отвечает святой Павел, *на основании апостол и пророк, сущу краеуголъну Самому Иисусу Христу* (Еф. 2, 20). Воскресший Иисус есть краеугольный камень нашей веры, Он есть *Посланник и Святитель исповедания нашего* (ср.: Евр. 3, 1), но почему сей *камень, пренебреженный зиждущими*, соделался для *нас во главу угла и дивен во очию нашею?* (ср.: Мф. 21, 42). Почему мы признаем в нем *Христа, Божию силу и Божию премудрость?* (1Кор. 1, 24). У нас есть на это весьма много доказательств, но все они были бы недостаточны без Воскресения Господа нашего.

Вообразим, что мы принадлежим к числу людей, кои следовали за Господом от начала до конца Его земного служения, слышали все беседы Его, видели все дела, Им совершенные. Доколе Он отверзал очи слепых,

воскрешал мертвых, мы, конечно, спокойно следовали бы за Ним, восклицали бы вместе с апостолами: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго!* (Ин. 6, 69). Но вот наступает ужасный час страданий: ученик предает Его, безумная синагога отвергает как льстеца, неразумный Пилат осуждает как возмутителя; Иисус – чаяние наше – возносится на Крест вместе со злодеями; Сам Отец оставляет Его, Он умирает в муках, погребается; самый гроб Его запечатан печатью Каиафы. Что было бы тогда с нами, с нашею верою, если бы Он не воскрес? *Мы же надеяхомся, яко Сей есть хотя избавити Израиля, но и над всеми сими* (Лк. 24, 21) Он остался во гробе: вот что сказал бы каждый из нас.

В самом деле, никак нельзя думать, чтобы наша вера оказалась тогда тверже веры апостолов. Но что случилось с ними по смерти Господа? Не все ли они поколебались было в своем веровании в Него? А без сей уверенности вышли бы они на всемирную проповедь и отдали бы за истину ее жизнь свою? А без их проповеди обратился бы мир, погруженный во тьму язычества, к вере христианской?

И что бы апостолы начали проповедовать без Воскресения своего Учителя? Как бы они сказали: *Веруяй в Сына Божия имат живот вечный* (ср.: Ин. 3, 36), когда Сам Сын Божий остался бы мертвым? Как бы они сказали: *Христос вчера и днесь Тойже, и во веки* (Евр. 13, 8), когда бы всякий знал, что Он прежде был жив, а потом умер и не воскрес?

Таким образом, без Воскресения Иисуса Христа гроб Его был бы вместе и гробом веры христианской: потому что все прежде веровавшие в Него перестали бы верить; потому что никто не принял бы на себя труда проповедовать веру в Того, кто умер и не воскрес; потому, наконец, что проповедь эта сама по себе не стоила бы доверия.

Но теперь гроб Иисуса Христа есть святилище, в коем совершилось торжество веры христианской. Не напрасно Сам Иисус Христос, когда иудеи требовали от Него новых чудес в удостоверение, что Он есть Единородный Сын Божий, отвечал, что другого знамения не дастся им, *кроме знамения Ионы пророка* (Мф. 12, 39–40), т. е. Воскресения; не напрасно, отходя на страдания Свои, Он изрек, что *наступает время, когда прославится Сын Человеческий* (ср.: Ин. 13, 31). В Своем Воскресении Он подлинно прославился, но, по замечанию апостола Павла[1], *уже не яко пророк, ниже яко Сын Человеческий или Мессия, но яко Сын Божий, в Коем обитает вся полнота Божества* (ср.: Кол. 2, 9).

Кто не узнает Сына Божия в Воскресшем Иисусе?

В каком благолепии является теперь самый Крест Христов, на котором вместе с Иисусом распята была, можно сказать, самая вера! Кто

не видит, что это знамение проклятия для других – для Иисуса было жертвенником, на коем принесена всемирная жертва; что Бог принял эту жертву в воню благоухания; что *Агнец закланный достоин принты честь и славу* (ср.: Апок. 5, 12).

После сего что может поколебать веру нашу, когда сама смерть и ад не одолели ее в лице Начальника и Совершителя веры? *Я знаю,* восклицал некогда апостол Павел, *я знаю, в Кого верую – знаю,* что *Спаситель мой есть Бог, Который силен сохранить залог спасения .моего до Своего славного пришествия* (ср.: 2Тим. 1, 12).

П. Воскресение Иисуса Христа есть высочайшее торжество добродетели. Добродетель, гонимая на земле, никогда не оставляла совершенно лица земли, являясь в избранных Божиих, *кои сияли, яко светила в мире* (ср.: Флп. 2, 15). Но какая была участь их? *Камением побиени быша, претрени быша... убийством меча умроша, проидоша в милотех... лишены, скорбяще, озлоблена* (Евр. 11, 37). И сколько раз слышался глас жалобы и печали: *что путь нечестивых спеется* (см.: Иер. 12, 1), праведники же пожинаются яко класы.

Промысл оправдывал иногда пути свои; не раз пред лицом всего мира, вменяющего житие праведных в посмех, добродетель торжествовала над пороком; не раз, повергаемые в горнило искушений, праведники выходили из него, яко злато чисто, не только пред очами Божиими, но и пред очами врагов своих. Но торжество добродетели всегда оставалось неполно; поелику и добродетель сынов человеческих всегда несовершенна, нечиста. Между тем для посрамления торжества мира суетного надлежало явить полное торжество добродетели. Для сего требовалась чистейшая добродетель, величайшее искушение и всесовершенная слава.

Таково Воскресение Иисуса Христа! Что была вся Его жизнь, как не единое непрерывное служение Богу и ближним? Между тем какой праведник был посрамлен, презрен, умучен более Иисуса Христа?

Но зрите торжество благочестия в лице Воскресшего! Он *смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякого имени, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних!* (Флп. 2, 8–10). Он *богат сый, обнищал для нас* (ср.: 2Кор. 8, 9), *не имел где главы подклонить* (ср.: Мф. 8, 20). И вот предана Ему всякая *власть на небеси и на земли!* (Мф. 28, 18). Он из любви к ближним отдал душу Свою: и вот души всех сынов человеческих предаются Ему во власть, яко Искупителю и Судии!

И это еще только видимые для нас следы торжества невидимого. Если

бы мы, по обещанию Спасителя, *узрели небо отверстым* (Ин. 1, 51), какое бы торжество добродетелей открылось в лице Его пред очами нашими! Там увидели бы мы Сына Человеческого, за приятие смерти венчанного славою и честью (см.: Евр. 2, 9), увидели бы двадцать четыре старца, повергающих венцы свои пред Агнцем закланным (см.: Апок. 4, 10), увидели бы сонмы Ангелов, не восходящих уже и нисходящих к Сыну Человеческому (см.: Ин. 1,51), а закрывающих лица свои от неприступной славы Его лица.

Какое же сердце, любящее добродетель, может не радоваться при таком торжестве Сына Человеческого? Это торжество истинно всемирное, в коем может участвовать самый язычник. Пусть он не верит в Божество Иисуса Христа; довольно, если он верит в Бога и добродетель, дабы радоваться о том, что Святейший из сынов человеческих столь величественно награжден ныне самим небом. Правосудный Бог показал в Воскресении Иисуса Христа, как Он прославляет любящих Его, показал пред всем родом человеческим, что Он никогда не забывает *труда любое*, подъятого *во имя Его* (Евр. 6, 10), и что все торжества мира суть ничто пред торжеством праведника.

III. Воскресение Иисуса Христа есть высочайшее торжество упования. Для угнетенного всякого рода бедствиями смертного рода человеческого ничего не может быть нужнее, как прозрение оком упования в ту страну, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. – И действительно, мысли и желания человеческие во все времена и у всех народов устремлялись за пределы сей жизни.

Но кто мог рассеять мрак гроба, ниспровергнуть эту преграду? Являлись мудрецы, но, *приходя от земли* (ср.: Ин. 3, 31), о земле и говорили; хвалились, что «свели философию с неба», а на небо не возвели ни одного человека. Приходили пророки, наставляли, обличали, утешали, но потом сами умирали, не прияв обетования (см.: Евр. 11, 39). Над всем родом человеческим царствовала смерть с такою свирепостью, что во время Иисуса Христа не только многие из мудрецов языческих, но даже великая часть народа Божия отвергла всякую надежду на бессмертие, глаголя *не быти воскресению* (Мф. 22, 23).

Надлежало восставить падшую надежду и явить пред лицом всего мира, что только тело человека *возвращается в землю, а дух возвращается к Богу, Иже даде его* (ср.: Еккл. 12, 7). И вот в Воскресении Спасителя совершается торжество надежды.

Гроб и смерть были виною страха и отчаяния человеческого: Премудрость Божия гроб обращает в источник надежды. Смерть

принуждает быть проводницею бессмертия. Ибо для чего другого служит теперь Гроб Иисуса Христа, как не в доказательство того, что и все гробы некогда опустеют и отдадут мертвецов своих? – К чему послужила смерть Иисуса Христа, как не к уверенности, что смерть есть только страж, который хранит то, что ему предано, хранит дотоле, доколе угодно Господу жизни, и что во власти сего стража находится только бренный состав наш, а не дух, совершенно не знающий гроба и смерти!

Торжество самое верное. Решительно должно сказать, что все доказательства бессмертия, употребляемые разумом, не имеют столько силы, сколько заключается ее в одном Воскресении Иисуса Христа. Верить сему Воскресению и сомневаться в нашем воскресении есть совершенное противоречие. *Аще Христос воста, како глаголют нецыи, яко воскресения мертвых несть? Аще воскресения мертвых несть, то ни Христос воста* (ср.: 1Кор. 15, 12–13). В самом деле, Христос есть Глава верующих: когда воскресла Глава, то как могут остаться мертвыми прочие члены?

Торжество полное. Надежда на бессмертие духа человеческого, хотя слабая, и прежде была в роде человеческом. Воскресение Иисуса Христа, утверждая эту надежду, расширило ее область, показав, что не только дух человеческий не умирает, но и тело соделается некогда бессмертным, что наступит день, когда и сие тленное облечется нетлением, и сие мертвенное пожерто будет животом, что, по уверению Апостола, настанет время, когда Христос *преобразит тело смирения нашего, яко быта сему сообразну телу славы Его* (Флп. 3, 21).

Да будет же *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Иже по мнозей Своей милости порожден нас во упование живо воскресением Иисус Христовым от мертвых* (1Пет. 1,3). Господь, Сам Господь сотворил день сей, да возрадуемся и возвеселимся в онь! Воистину он есть праздников праздник и торжество торжеств: торжество веры, добродетели и упования.

Чем стали ад, земля и небо после Воскресения Христова?

Сошествие во ад и Воскресение Христово имеют важное значение в деле спасения людей.

Святитель Филарет, митрополит Московский писал: «Надобно ли основать веру, сотворить надежду, воспламенить любовь, просветить мудрость, воскресить молитву, низвести благодать, уничтожить бедствие, смерть, зло, дать жизненность жизни, сделать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава – не призрак, но вечная молния вечного света, все озаряющая и никого не поражающая? – На все сие найдется довольно силы в одном чудодейственном слове: Христос Воскресе».

«Что ад после того, как, по сошествии во ад, Христос Воскресе? Крепость, в которую под видом пленника вошел победитель; темница, у которой врата сокрушены и стражи рассеяны; вот подлинно, по изображению Христову, чудовище, которое поглотило сверженного с корабля пророка; но вместо того, чтобы пожрать и истребить его, сделалось для него другим, хотя не столь покойным, кораблем, чтобы вывести его на брег жизни и безопасности. Теперь становится понятным, как надеялся некто через самый ад пройти безопасно: *аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4), – Ты, Который для нас сошел с неба, подобно нам, ходил по земле и, подобно нам, нисшел в сень смертную, дабы и оттоле проложить Твоим последователям путь во свет жизни».

«Теперь, когда Христос Воскресе, чем оказывается земля? – Она есть рассадник для неба; кратковременная и разрушением оканчивающаяся жизнь человека в теле есть начинающаяся жизнь птенца в яйце, которому, по сокрушении скорлупы, открывается высший и обширнейший круг жизни; надобно только, чтобы зародыш птенца объят, проникнут и возбужден был материнскою теплотою крова, то есть надобно, чтобы зародыш небесной жизни в человеке объят, проникнут и возбужден был Животворящей силою Крови Христовой».

«Теперь, когда Христос» Воскресе, и когда Ему, яко Богочеловеку, дадеся... *всяка власть на небеси и на земли* (ср.: Мф. 28, 18), не только небо сделалось досязаемым, но даже соединилось с землею так, что трудно найти между ними предел и различие; яко и на земли является Божество, и на небеси человечество; Ангелы, которых Иаков видал восходящих и нисходящих по лестнице небесной, теперь сонмами ходят по земли, как

вестники Сына Человеческого, который владычествует на Небеси»

Что есть Воскресение мертвых?

Как ежегодно по окончании зимы и при наступлении весны, ежегодно при приближении солнца к нашей земле всегда бывает великая перемена. Именно силою сего приблизившегося к земле великого светила вся природа воскресает, все земные вещи – и растения, и некоторые животные, как бы полумертвые, а иногда и действительно мертвые – оживают и получают новые силы к действованию, и при этих новых силах новое растение и новое плодотворение проявляют. Таким видимым образом, и по прошествии зимы последних антихристовых скорбей, и при Втором Пришествии Господа нашего Иисуса Христа, истинного Богочеловека, в мир сей, при возвращении Великого духовного Светила, Солнца Правды, в полном сиянии и свете, в неизреченном великолепии и славе, – так вот, при возвращении сего Светила к нашему земному кругу все человеческие мертвые тела сокровенною силою Его оживут, воскреснут, восстанут; новый вид, новую жизнь и новые действия получат.

Но что такое есть воскресение мертвых, в чем будет состоять существенность его – на это мы не можем дать лучшего рассуждения и иметь яснейшего свидетельства и достовернейшего доказательства, чем пример Воскресения Самого же Спасителя нашего Иисуса Христа. Он воскресением Своим доказал, что и наше воскресение возможно и, без сомнения, будет; Он учением Своим изъявил, когда оно будет; Его же Самого пример может научить нас, что оно такое будет.

Итак, чтобы нам узнать, в чем будет состоять наше воскресение, рассмотрим, в чем состояло славное Воскресение Христово.

Воскресение Христово в том состояло, что Он, как совершенный человек, будучи предан от Иуды, мучен и распят от иудеев, умерши на Кресте, снят со древа и положен во гроб, – что Он, после Своей смерти бывши по Божеству со Отцем на небеси, человеческою душою во аде, а мертвым телом во гробе, явил Свою Божественную силу, – что Он, паки вышедши душою из ада и выведши с Собою бывших во аде и с верою ожидавших Его, соединил душу Свою с телом Своим, по трех днях оживил оное, восставил, воскресил силою Божества Своего, – Он, воскресив плоть Свою и соединив с Божеством, паки явил Себя истинным Богочеловеком.

Восставил же Он из гроба плоть Свою уже не такою, какова она была прежде, но гораздо более благородною и величественною, восставил совсем в преображенном виде. Плоть Его прежде, как и прочих человеков, была подвержена земной чувственности и земным склонностям, хотя Он и

не последовал чувственности, но владел ею; после же смерти и после Воскресения чувственность эта отпала, и земные склонности существовать в ней перестали и уничтожились. Плоть Его прежде была видима, осязаема, груба; в Воскресении же она стала невидимою, тончайшею; из земной и плотской – стала Телом небесным, духовным; выражаясь кратко, плоть могла быть и видима, и осязаема учениками – и невидима, неосязаема, грубыми телами неодержима, всюду проходна; она имела вид плоти и костей, когда осязал ее Фома, имела вид и духа, когда пришел Господь к ученикам *Зверем затворенным* (ср.: Ин. 20, 19). Плоть Его прежде была тленна, немощна, душевна, страданиям и смерти подвержена: в Воскресении же восстала нетленною, сильною, бессмертною, славною, духовною (см.: 1Кор. 15, 42–44), прославленною, в Божественный свет облеченною, словом, такою, которая совершенно способна была вознестись с Божеством Сына на небеса, вступить в ангельские, бесплотным духам приличные места и сесть одесную Самого Небесного Отца.

Вот в чем состояло Воскресение Господа нашего Иисуса Христа! А когда Его Воскресение в таких состояло действиях, то весьма правильное, можно сказать, из того заключение, что и наше воскресение будет состоять в подобной перемене и в подобных действиях.

И именно: когда паки воссияет Солнце Правды на горизонте сего видимого мира, когда паки приидет Господь наш Иисус Христос на землю – приидет или наградить, или наказать каждого по делам его, приидет и повелит святым Ангелам трубным гласом воззвати мертвых; тогда так, как при начале мира, по произнесении устами Божиими вседействующего слова сего: *да будет, да будет свет,* и все вещи, и всё, *и – быст* (Быт. 1,3), все вещи явились, все из небытия в бытие произошли и существование получили, – тогда, говорю, после ангельского трубного гласа силою Всемогущего Бога все от начала мира умерших человеков тела, земле преданные, согнившие, на стихии свои разделившиеся, в огонь, в воду, в воздух и в землю преобразившиеся; тела, в воде потонувшие и в огне сгоревшие, все мертвые тела, малые и великие, мужские и женские, снова составятся из тех частей, которые прежде имели и на которые разделились; ибо отдадут стихии взятые от них части – и огонь, и море, и смерть, и ад отдадут мертвецы своя, все сухие кости получат жилы, облекутся плотию, оживотворятся духом, соединятся паки с душами своими, с которыми разлучились при смерти, соединятся и восстанут из гробов, воскреснут мертвые, и изыдут, и станут пред Престолом нелицеприемного Судии, воскреснут и *Суд приимут от написаных в*

книгах по делом своим (ср.: Апок. 20, 12).

Воскреснут мертвые, восстанут умершие тела; но восстанут не в таком виде, в каком они находятся ныне от падения. Ныне они грубы, тверды, тяжестны, тленны, немощны, смертны, видимы, земны; но восстанут в общее всех воскресение совсем в другом виде, в виде, отличном от сего. Они вместо грубых будут утонченными, вместо твердых прозрачными и всюду проходимыми, вместо тяжелых легкими, скоро парящими, так что в единое мгновение ока они от всех стран вселенной, яко же орли, соберутся пред Престолом Божиим. Они вместо тленных будут нетленными, вместо немощных сильными, вместо смертных бессмертными, вместо видимых телесными очами невидимыми, вместо земных и плотских точно небесными и духовными.

Однако же, при всей такой перемене своей, они будут не привидениями какими и не духами, но будут истинными телами, виды тех же человеков имеющими; а только будут они истинными телами духовными. Ибо апостол Павел, свидетельствуя о воскресении мертвых, говорит: *сеется теперь в тление: востает в нетлении, сеется не в честь, востает в славе: сеется в немощи, востает в силе: сеется тело душевное, плотское, востает тело духовное. Есть тело душевное, и есть тело духовное* (1Кор. 15, 42–44).

В этом-то будет состоять воскресение наше! Оно будет состоять в той перемене, что тела наши из мертвых воскреснут, оживут, восстанут из гробов, изыдут из земли; они из грубых, земных, тленных, смертных, плотских сделаются тончайшими, как бы совершенно небесными, нетленными, бессмертными, духовными.

И в этой перемене будут участвовать не только мертвые, от начала мира и до того времени умершие люди, но и живые, те, которые живыми останутся в сей последний час, те, которых в живых постигнет Страшный день Господень. Ибо живые, которые дожили и дождались Второго славного Пришествия Христова, уже не умрут в то время: смерти бо уже не будет. Но так как невозможно им будет с грубою плотию своею вступить в духовное Царство, то для сего вместо наружной смерти воспоследует в наружном человеке их следующая за всеобщим воскресением перемена: когда живые так же, как и мертвые, услышат трубный ангельский глас, услышат громогласную весть последнего часа, – тогда, как мертвые, яко от сна, восстанут и увидят себя совсем в другом виде, во образе духовных существ, так и живые, как бы от малого сна воспрянув, увидят себя совершенно в другом образе, в другом положении и в других чувствованиях. Все живые хотя в то время уже и не умрут, однако

же изменятся; *вси таковые не уснут, оси же изменятся* (ср.: 1Кор. 15, 51).

Это грубое тело, как толстая одежда, тогда как бы спадет, и плоть сделается утонченною, чувственность вся отойдет, плотские похоти уничтожатся, страстные склонности действовать перестанут; и таким образом, живые без смерти увидят на себе смерть, не умерши узрят себя и по наружной части своей, по самому телу новыми человеками, духовными тварями. Ибо их тела, отложив плотские склонности, скинув с себя чувственность и тление, облекутся в нетление; оставив мертвенность, восприимут бессмертие и так же, как и мертвых телеса, сделаются духовными, всюду проходными и способными к вечному пребыванию в духовном царстве.

Светлое Воскресенье в Иерусалиме

Русский игумен Даниил, в XII веке путешествовавший на Святую землю, так описывает встречу Светлого праздника пред Гробом Господним.

«В Великую Субботу, в шестом часу дня, собирается бесчисленное множество людей к церкви Воскресения Христова. Приходят туземцы и пришельцы из других стран – из Вавилона, Египта, Антиохии. Все собираются туда в тот день в несказанном множестве и наполняют место около храма Гроба Господня. Большая теснота бывает тогда в церкви: многие и задыхаются от тесноты. – И все эти поклонники стоят с невозжженными свечами и ждут, когда отворятся двери церкви. – Вот они отворяются, и все входят в церковь, пробиваясь с усилием и тесня друг друга, наполняют всю церковь и притворы. Везде бывает много народа – и в церкви, и вне церкви, и около Голгофы и лобного места – вплоть до того места, где найден Крест Господень. И весь народ молится одною только молитвою: «Господи, помилуй». Так громки бывают эти возгласы, что земля стонет и колеблется на всем этом пространстве от вопля народного. Люди, истинно верующие, плачут в то время от умиления, и даже тот, у кого сердце окаменело, и тот чувствует стыд, припоминает грехи свои и говорит сам себе: «Неужели по грехам моим не снидет ныне Свет Святой?» Так стояли все верные со слезами и в сердечном сокрушении. Вдруг после девятого часа нашла небольшая туча с востока и стала над церковью (а церковь не покрыта крышею), и дождь пошел над Гробом святым и сильно смочил тех, которые стояли близ Гроба. Тогда внезапно воссиял свет во Святом Гробе, и распространилось из Святого Гроба Господня светлое сияние, на которое все смотрели со страхом.

Епископ с четырьмя диаконами приступили и отворили двери Гроба. И, взяв свечу, епископ вошел в Гроб, зажег ее от этого Святого Света и вынес из Гроба; от этой свечи мы все зажгли свои свечи. Свет же Святой не похож на земной, но как-то иначе, удивительно светло сияет; и пламя его красно, как киноварь. Так все люди стоят с горящими свещами и неумолчно молятся: «Господи, помилуй», в великой радости и восхищении смотря на Свет Божий.

Кто никогда не был свидетелем этой радости светлого дня, тот, может быть, и не поверит рассказу, но тот, кто верит малому, поверит и великому чуду; а для злого человека и истина показывается несправедливою. Потом пошли все из церкви в великой радости с горящими свечами, и всякий

наблюдал за своей свечой, чтобы ветер не потушил ее. Этим Святым Светом зажигают богомольцы свечи в своих церквах и кончают вечернее пение каждый в своей церкви; и мы с игуменом и братией возвратились в свой монастырь, неся горящие свечи, и там, кончив вечернее пение, разошлись по кельям, вознося хвалы Богу, сподобившему нас видеть такую благодать. А наутро, в день Светлого Воскресения, отслужив заутреню, обыкновенным образом, после целования с игуменом и с братией и после отпуста – в первый час дня – пошли ко Гробу Господню при пении кондака: «Аще и во гроб снизшел еси Бессмертие», и, войдя в самый Гроб, облобызали его с искреннею любовию и слезами»

Храм Святого Гроба Господня в Иерусалиме

Никакой храм в мире не привлекает к себе столько богомольцев со всех стран света, как Иерусалимский храм Святого Гроба Господня. Построенный святым равноапостольным царем Константином и его святою матерью, равноапостольною Еленою, этот храм много раз подвергался опустошению, особенно пострадал он от страшного пожара в 1808 году, когда обрушились его главные своды и погибли в пламени все украшения, но основание, большая часть стен уцелели от времен царя Константина доныне.

В храм ведут двойные входные врата. Из них одни замурованы, а другие запираются на ночь турками, которые, для охраны порядка, в течение дня неотлучно находятся в церкви, у самых дверей. Первая святыня, которую видят поклонники при входе в храм, прямо против дверей, в нескольких шагах от них, – это Камень помазания, на котором Иосиф и Никодим повили пеленами и умастили ароматами Пречистое Тело Господа Иисуса по снятии Его со Креста. Камень этот покрыт ныне мраморною плитою розового цвета; над ним балдахин на четырех столбах, под сенью которого висит много неугасимых лампад, а по углам стоят большие подсвечники. Отсюда поклонников ведут налево, в западную часть храма, которая представляет величественную ротонду, т. е. круг, из 18 пилястр (или четырехугольных столбов), соединенных арками, в два этажа. На этих пилястрах покоится огромный купол, а посреди ротонды стоит небольшая часовня из желтого мрамора, называемая Кувуклия. В этой часовне и помещается неоцененное сокровище – Гроб Господень, или та пещера, в которой был погребен Спаситель наш Иисус Христос. От живоносного Гроба проходят мимо Камня помазания на Голгофу, на которой Единородный Сын Божий пострадал и умер, яко человек, за всех нас, грешных сынов Адамовых, заклан был на Кресте, яко Агнец непорочный, взявший на Себя грехи всего мира...

Святая гора Голгофа занимает юго-восточную часть храма Гроба Господня. Эта священная скала во времена Спасителя находилась за стеной городской, о чем говорит и Апостол: *вне врат пострадати изволил Господь* (Евр. 13, 12). Около скалы Голгофской расположен был и сад Иосифа Аримафейского: *бе же на месте, ид еже распятся, вертоград,* как сказано в Евангелии от Иоанна, *и в вертограде гроб нов* (Ин. 19, 41); посему и теперь Гроб Господень и скала Голгофская находятся в одном и том же храме Воскресения. Скала обложена камнем, на нее восходят по 28

ступеням. На верху Голгофы – церковь, разделенная на две половины, как бы две церкви; в одну, где был водружен Крест Господень, свет проникает с запада, изнутри храма, – эта часть принадлежит грекам. Другая половина, южная, где Господь наш Иисус Христос был распят на Кресте; здесь служат латины. Престол греческий из белого мрамора; он стоит открыто; в передней стороне сделана выемка, так что человек, став на колени, может легко наклониться под престол, где и находится то самое место, на котором утвержден был Животворящий Крест Господень. При пении священных песней: «Приидите, вернии, Животворящему древу поклонимся, на нем же Христос, Царь Славы, волею руце распростер... Днесь пророческое исполнися слово, се бо поклоняемся на месте, идеже стоясте нози Твои, Господи...», благочестивые поклонники восходят на Голгофу, со страхом и любовию припадают к сему священному отверстию и с горячими слезами сокрушения сердечного лобызают края священной скалы, обложенные серебром, с чеканным изображением страстей Господних...

За престолом, на возвышенном мраморном помосте, стоит величественное, во весь рост, Распятие Господне: Животворящая Кровь как бы струится из пречистых язв Господа на Голгофу; Кресту предстоят, пораженные глубокою скорбию, Пречистая Матерь Его и возлюбленный ученик Иоанн... За Крестом к стене прислонен иконостас с изображением страстей Господних, а сверху висит множество неугасимых лампад, возжженных от усердия благочестивых христиан из всех стран и народов земных... А вот, направо и налево от Креста Господня, немного позади его, на мраморе видны два черных круга: это места, где были водружены кресты распятых со Христом разбойников. По преданию, распятый Спаситель был обращен лицом на запад, так что крест распятого одесную Его благоразумного разбойника находился на северной стороне, а между ним и Крестом Господним стояла наша Заступница и Ходатаица за всех грешников, Пресвятая Богородица. В правой стороне от престола Голгофского видна глубокая трещина, образовавшаяся во время землетрясения, когда Господь испустил Дух Свой на Кресте. Эта трещина проходит сквозь всю скалу Голгофскую и замечательна тем, что камень расселся не по слоям скалы, а поперек их, чего никогда не бывает при обычном землетрясении. Ясно, что землетрясение во время смерти Спасителя не было обыкновенным действием природы, но особенным чудом Божиим для вразумления жестокосердных иудеев.

Под Голгофою есть небольшой пещерный храм; здесь, по преданию, был погребен иерусалимский царь – Мелхиседек, ветхозаветный

священник Бога Вышнего. Во глубине сей пещеры стоит престол во имя Предтечи Господня и нашего праотца Адама; за престолом, сквозь железную решетку, при свете неугасимой лампады, видна все та же расселина скалы; тут, по древнему преданию, сохранившемуся в писаниях многих святых отцов, была погребена глава Адамова, отчего и самая скала получила название Голгофа, что значит: лобное место. И вот, говорит предание, когда воин ударил копьем в пречистое ребро Второго Адама – Господа нашего, то Святая Кровь и вода, истекшие из ребра, прошли сквозь трещину Голгофской скалы и омыли главу первозданного Адама. Согласно с этим преданием, в нашей Православной Церкви, при изображении Распятия Господня, всегда под Крестом изображается и череп человеческий, лежащий на двух крестообразно сложенных костях.

С Голгофы паломники сходят вниз, за алтарь главного храма Воскресения. Тут, в темной полукруглой галерее, находится несколько малых приделов и сход в подземные церкви. Первый от Голгофы придел принадлежит грекам; он называется приделом Поругания и Тернового венца. В этом алтаре, под престолом, находится часть столпа из серого мрамора, на котором сидел Господь наш, когда воины ругались над Ним в претории Пилата. Тут же в стене, за стеклом и за решеткой, сохраняется часть тернового венца; две неугасимые лампады освещают таинственный мрак этого придела.

Рядом с этим приделом – дверь в подземную церковь святых равноапостольных Константина и Елены, куда спускаются по 33 ступеням. Эта церковь ископана в природной скале в то время, когда царица Елена искала здесь Животворящий Крест Господень; место обширное, шагов 30 в длину и столько же в ширину; купол поддерживают четыре толстые колонны. Владеют этой церковью армяне. По правую сторону алтаря есть каменное седалище, где, по преданию, находилась святая царица Елена в то время, когда отыскивали Крест; тут же сходят еще 13 ступенями в пещеру, где закопан был Святой Крест в продолжение трехсот лет, здесь-то и найдены были три креста: один – Господень, а два – разбойников, распятых со Христом. Самое место обретения Креста принадлежит православным; оно выложено разноцветным мрамором; посредине – изображение Креста. По выходе отсюда опять в галерею, окружающую алтарь храма Воскресения, поклонники вступают в придел Разделения риз, принадлежащий православным. Далее – придел Лонгина Сотника, принадлежащий армянам. По армянскому преданию, Лонгин был родом из Армении; он пронзил копнем пречистые ребра распятого Спасителя, но потом уверовал в Него и приходил сюда оплакивать свой поступок; он

умер мученически в Каппадокии. Еще далее под престолом, за решеткою, видны узы Христовы, или две пробоины в камне, в которые были забиты ноги Божественного Страдальца, когда Он заключен был в темнице до утра, пред отведением Его к Пилату. Недалеко от уз, влево, находится место, называемое Темница Христова, где, по преданию, Господь был удержан, пока были окончены приготовления к Его распятию, и где потом Матерь Божия, когда повели на Голгофу ее Божественного Сына, рыдая от скорби, опустилась на землю, поддерживаемая благочестивыми женами. Это трогательное событие изображено на запрестольном образе. Престол во имя Успения Богоматери, а по левую сторону престол в память того, когда Господа нашего били привязанного у столба, по повелению Пилата.

Обойдя, таким образом, главный алтарь, поклонники идут северной стороной храма к западу; тут, против северной стороны часовни Гроба Господня, – латинская церковь, на месте, где, по преданию, Спаситель явился по Воскресении Своей Пречистой Матери; по сторонам главного престола – два меньшие: справа – придел Святого Креста, слева – Бичевания, где на престоле, за железною решеткою, часть столба, к коему был привязан Господь во время бичевания. Между церковью Явления и часовнею Святого Гроба на полу два мраморных круга означают места, где, по преданию, Спаситель явился Марии Магдалине во образе Вертоградаря. Тут же неподалеку латинский престол в память сего явления, а за престолом картина изображает и самое событие. В самой западной части храма, в галерее, позади Гроба Господня, находится погребальная пещера праведного Иосифа Аримафейского, который уступил свой новый гроб для Спасителя; здесь же погребен был и его друг, праведный Никодим. Отсюда, обойдя часовню Гроба Господня, поклонники вступают в главную церковь Воскресения Христова, принадлежащую грекам; она занимает всю средину храма Святого Гроба и имеет в длину до Царских врат 40, а в ширину 20 шагов. Главный иконостас мраморный, в четыре яруса. Местные иконы – хорошего русского письма. Царские врата резные, вызолоченные, увенчаны двуглавым орлом; позади иконостаса – в алтаре – хоры в несколько рядов; над престолом мраморный балдахин. Посреди храма висят три больших паникадила, по 50 свечей, – все дар наших православных царей. Кроме того, повсюду множество лампад, так что в праздники зажигается их более 400 и до 1500 свечей. Кто видал этот храм и часовню Гроба Господня в ночь Светлого Воскресения, тот никогда не забудет этого дивного зрелища. Таков храм Святого Гроба в Иерусалиме.

Утешительно напомнить, что для тех, кто не имеет возможности

посетить Иерусалим, есть у нас в России, в 57 верстах от Москвы, точное подобие сего храма в монастыре, именуемом Новый Иерусалим. Сей храм построен приснопамятным святителем нашим, патриархом Никоном. Обходя святые места в этом храме, невольно переносишься мыслию и сердцем к заветным святыням Иерусалима.

О схождении Благодатного огня

Святой Свет у греков – Священный Огонь (или благодать Господня) – у русских паломников, – искони являемый в храме Воскресения Господня в Иерусалиме в последний день Страстной седмицы, в два часа пополудни, – торжество, коему подобного нет во всем христианском мире. ?

Мне довелось быть очевидцем схождения Благодатного огня в храме Воскресения два раза. Испытываемое внешними чувствами при этом своеобразном зрелище передать с надлежащей точностью нелегко.

Обыкновенно в Великую Субботу, в половине второго часа, раздается колокол в Патриархии и оттуда начинается шествие. Длинной черной лентой входит греческое духовенство в храм, предшествуя Его Блаженству, патриарху. Он – в полном облачении, сияющей митре и панагиях. Духовенство медленной поступью минует Камень миропомазания, идет к помосту, соединяющему Кувуклию с собором, а затем между двух рядов вооруженной турецкой рати, едва сдерживающей натиск толпы, исчезает в большом алтаре собора. Патриарх останавливается перед Царскими вратами. Два архимандрита с иеродиаконами его разоблачают. Без митры и всех архипастырских отличий, в белой полотняной хламиде, подпоясанный кожаным ремнем, он возвращается в сопровождении митрополитов и архиереев ко входу в часовню. Вход запечатан турецкой печатью, охраняемой турецким караулом.

Накануне в храме уже все свечи, лампады, паникадила были потушены. Еще в неотдаленном прошлом тщательно наблюдалось за этим: турецкими властями производился строжайший обыск внутри часовни; по наветам католиков доходили даже до ревизии карманов священнодействовавшего митрополита, наместника патриарха, когда резиденция последнего находилась еще в Константинополе.

После троекратного обхода духовенством, предшествуемым хоругвеносцами, часовни Святого Гроба, с пением шестого гласа стихиры: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех...» Патриарх останавливается на помосте перед наружным входом в часовню. Здесь его ожидает армянский епископ в облачении. Турецкий офицер снимает печать. По входе патриарха, а за ним и армянского епископа, дверь снова запирается... Греческий же иерарх проникает через низкое отверстие поперечной стены ко Святому Гробу. Там царит безусловный мрак ночи.

Следуют страшные... страстные минуты... иногда четверть часа,

иногда двадцать минут... Это целый век трепетного ожидания... Гробовое молчание... Представьте себе мертвенную тишину многотысячной дикой толпы – такую, что пролети птица, слышен был бы шум крыльев, – и поймете тогда степень напряженного ожидания этого люда. Только имевшие случай пережить эти минуты в состоянии понять, как бьются сердца.

В Кувуклии, в приделе Ангела, в северной и южной стенах – два отверстия, овальные, величиной с большое столовое блюдо... В северном вдруг показывается длинная свеча... пылающая!

– Благодать!.. Господи, помилуй! Кирие, элейсон!.. Волядин, илядин, эль Мессия! (по-арабски: нет веры иной, как православная!)...

Крики, вопли неистовые, неумолкающие несутся снизу, сверху, с балконов галерей, лож, карнизов; отовсюду оглушительные возгласы, звон колоколов, торжественные звуки деревянных бил, треск барабанов, резкие трели металлических молотков; все скачет, кричит, все лезет на плечи друг другу... Мне сдается, что я в громадном здании, охваченном пожаром. Огонь моментально появляется всюду; у всех горят пучки свеч; их спускают на веревках с галерей; зажженные летят вверх. Весь храм объят пламенем. Температура мгновенно доходит до 45 и выше градусов...

Солдаты, с неимоверными усилиями, едва успевают очистить путь патриарху, выходящему из Кувуклии. Бледный, со страдальческими чертами лица от глубокого душевного потрясения, патриарх медленно приближается к соборному алтарю. Так, во время оно, Моисей оставлял выси Синайские... Патриарх простирает в обе стороны зажженные свечи; кто успевает, тушит свой пук и ловит пламя патриаршей свечи...

Никак не мог себе объяснить я, как Огонь, едва замеченный в северном отверстии Кувуклии, почти в мгновение ока появлялся почти в алтаре собора. Там все свечи уже пылают в то время, когда Огонь едва стал перехватываться и переливаться близстоящим у самой часовни. У сказанного отверстия обыкновенно ожидают двое нарочных с фонарями; один из них немедленно скачет верхом в Вифлеем... Но как может другой в единый миг пронизать сплоченную массу народа и проникнуть в алтарь – остается решительно непонятным...

В алтаре патриарх отдыхает не более пяти минут и затем удаляется; мало-помалу и все духовенство исчезает из храма.

Что же произошло? Откуда же взялся Огонь у патриарха? Таковы вопросы, которые у скептика, разумеется, так сказать, на языке.

Как-то вскоре после пасхальных дней я, в числе нескольких вновь прибывших паломников, сопровождал патриарха на пути в Иерихон и к

Иордану. На половине пути мы были приглашены в его палатку к обеду. Один из таких скептиков, выбрав удобную минуту, вдруг задал такой вопрос:

– Откуда, Ваше Блаженство, изволите получать огонь в Кувуклии?

Престарелый архипастырь, не обращая внимания на ироничность вопроса, невозмутимо отвечал так:

– Я, милостивый государь, извольте знать, без очков уже не чтец. Когда впервые вошел я в придел Ангела и за мною закрылись двери, там царил полумрак. Свет едва проникал через два отверстия из ротонды Святого Гроба, тоже слабо освященной сверху. В приделе же Святого Гроба я не мог различить, молитвенник ли у меня в руках, или что другое. Едва-едва замечалось как бы белесоватое пятно на черном фоне ночи: то, очевидно, белела мраморная доска на Святом Гробе. Когда же я открыл молитвенник, к моему удивлению, текст стал вполне доступен моему зрению без очков. Не успел я прочесть с глубоким душевным волнением строки три-четыре, как, взглянув снова на доску, белевшую все более и более и так, что мне ясно представились уже все четыре ее края, заметил я на доске оной как бы мелкий рассыпанный бисер разных цветов, вернее сказать, как бы жемчуг с булавочную головку и того меньше, а доска начала положительно излучать якобы свет. Бессознательно сметая изрядным куском ваты этот жемчуг, который начал сливаться подобно каплям масла, я почувствовал в вате некую теплоту и столь же бессознательно коснулся ее фитилем свечи. Он вспыхнул подобно пороху, и – свеча горела и три образа Воскресения озаряла, как озаряла и лик Богоматери и все металлические над Святым Гробом лампады. Предоставляю теперь вам, милостивый государь, судить о моем в ту минуту душевном волнении и получить ответ на заданный вопрос.

Светлое Воскресенье на Афоне

Нет у христиан праздника торжественнее и радостнее Пасхи. И Афон, удаленный от мира, совершает в этот день особенно торжественное празднество. Усталый от трудов и подвигов Святой Четыредесятницы, афонский инок, после вкушения предлагаемой в Великую Субботу, на заходе солнца, скудной порции хлеба и смокв с маленьким стаканом виноградного вина, бодро и радостно спешит в соборный храм, чтобы слушать чтение «Деяний», в ожидании священной полуночи и бесконечно радостного, одному только христианину вполне понятного, победного возгласа. Между тем до полуночи, среди мертвой тишины и полусвета, мирно и тихо звучит голос чтеца «Деяний». На Афоне, по обычаю греков, в это время среди церкви не стоит Святая Плащаница (она еще с утра Великой Субботы, после обхода на утрене вокруг церкви, поставлена на святом престоле). За полчаса до полуночи начинается пение канона Великой Субботы, после чего собранные и ожидающие в алтаре священнослужители, в светлых облачениях, все со свечами в руках, а настоятель со Святым Евангелием, и с пением «Воскресение Твое» и прочее исходят в церковный притвор (хождения вокруг церкви, как у нас, в это время не бывает) и здесь, пред затворенными вратами храма, совершают обычное начало пасхальной службы. Бесконечно радостны для всякого христианина первые слова, возвещающие победу Спасителя нашего над смертью, но еще понятнее радость иноков; по окончании пения пасхальных стихов настоятель стучится в затворенные врата церкви, которые мгновенно отворяются изнутри храма, выражая этим силу Спасителя, внезапно разрушившего державу смерти и с чрезвычайною легкостью – в одно мгновение – отверзшего райские врата. Вся остальная затем служба пасхальной утрени до хвалитных стихиридет таким же порядком, как и у нас на Руси, с таким же пением всего канона и каждением и с таким же всеобщим в руках всех предстоящих освещением. Когда наступает время священного приветствия и лобызания, здесь (с началом пения «Хвалите Господа»), в предшествии священнослужителей и хоругвей, все исходят из храма на площадь пред церковью, где более обширное место, и тут начинается приветствие: «Христос Воскресе» и целование Святого Евангелия и крестов. Сначала священнодействующие священнослужители целуют друг у друга святые кресты и иконы, в их руках находящиеся, по порядку, начиная с настоятеля, у которого Святое Евангелие, потом иеромонахи и затем иеродиаконы, а после подходят к

лобызанию и прочие братия один за другим, становясь потом друг возле друга. Нужно заметить, что, соблюдая во всей строгости древнее чиноположение иноческое, на Афоне даже и в этот Святой день в уста не целуются, а только целуют друг друга в плечо.

По мере того как с одной стороны редеет масса ожидающих лобызания Святого Евангелия, крестов и икон, с другой стороны увеличивается круг свещеносцев, стоящих уже в ряду ожидающих других своих собратий. Под конец священного лобызания устрояется великолепное зрелище: представьте около тысячи, а иногда и более, человек, всех со свечами в руках, в порядке размещенных на обширной площади монастыря; все они составляют два или три неправильных круга, замыкающиеся одним человеком в самом центре. (Обыкновенно для устроения порядка один из немолодых монахов добровольно принимает на себя эту заботу.) Чтобы вполне насладиться этим зрелищем, нужно в это время подняться в одну из верхнеэтажных келий; оттуда вам представится огромная витая огненная лента. Когда взаимное приветствие кончится, все снова возвращаются в церковь, и по окончании утрени и часов начинается обедня. Отличие афонской обедни от нашей на этот раз в том, что Евангелие читается на одном только языке; на разных же языках чтение его, вероятно ради трудов почти тридневных, отлагается на вечерню (впрочем, этот обычай читать на вечерне Евангелие на всех языках есть общий на Востоке). Обедня оканчивается, по нашему времени, около 5–6 часов. Около трех часов пополудни начинается торжественная пасхальная вечерня, на которой и читается Евангелие на разных языках, с принятыми и у нас расстановками; во время этого чтения и здесь, так же, как и у нас, бывает перебор колоколов, в заключение же колокольный звон сливается со звуками всевозможных колокольчиков и досок деревянных и железных, находящихся в разных местах обители при службах, что продолжается почти до конца вечерни.

А что же вы увидите, когда выйдете из церкви? Конечно, прежде всего ту же радость на лицах, как и у всех христиан: везде, куда ни посмотрите, – сияющие от радости лица иноков. Но вот спросите кого-нибудь из них, чему особенно он радуется, и если кто из афонских иноков вступит с вами в разговор об этом, то не может быть никакого сомнения в том, что он поведет речь о небесной радости и о том, как удостоиться там праздновать Вечную Пасху и как он грешен и далек от пути к этому. Вдвойне если не радостна, то полезна для души встреча Святой Пасхи на Афонской горе и для ее жителей, и для посетителей. По крайней мере, и после недельного праздника вы не почувствуете никакого душевного утомления и никакой

сердечной пустоты, которые обыкновенно испытывают в мире и которые часто сглаживают самую память о празднике и Виновнике его. Самое большое житейское утешение в эти дни радости для афонского обитателя, особенно если он из далекого края, каков хоть русский, это встреча с земляком и взаимные воспоминания о родине, но и эти воспоминания редко надолго занимают афонца, чаще же всего они сменяются обменом мыслей о настоящем месте их пребывания, если сошедшиеся живут в разных местах. Прогулка по красивейшим местам, какие есть в окрестностях каждого монастыря, скита и кельи, составляет, может быть, лучшее, в обыкновенном смысле понимаемое удовольствие; прибавьте к этому расцветшую уже к тому времени весеннюю природу; все это способно заменить для афонца все оставленные им радости в родном краю. Кому из посетителей – поклонников Святой Горы – случилось провести здесь Святую Пасху, тот и на родине, в самые лучшие дни своей радости, вспоминает об этом с бесконечно сладостным и редко знакомым душевным настроением, которое особенно способно напоминать о всемирной и Вечной Пасхе на небесах.

Празднование Пасхи в Древней Руси

Торжественный день Светлого Воскресения Христова, всегда и везде великий и радостный, старая Москва встречала и проводила с особенным великолепием. Патриаршее служение и выходы царские придавали ему еще больше торжественности и блеска.

В навечерии Светлого праздника государь слушал полунощницу у себя во дворце, в особой комнате, которая известна под именем престольной. В этой же комнате, по окончании полуношницы, совершался обряд царского лицезрения. Все высшие дворовые и служилые чины допускались сюда ударить челом царю и «видеть его, государя, пресветлые очи», что принималось как высшее жалование за верную службу. Чиновники меньших разрядов допускались по особенному соизволению царя, по выбору, и входили в комнату по распоряжению одного из ближних людей, обыкновенно стольника, который в то время стоял в комнате у крюка и впускал их по списку, по два человека. Низшие разряды служилых людей совсем не допускались в комнату, а жаловались только лицезрением государя во время пути его в Успенский собор.

В то время как бояре и другие сановники входили в комнату, государь сидел в креслах в становом шелковом кафтане, надетом поверх зипуна. Пред ним спальники держали весь наряд, который назначался для выхода к утрене. В состав этого наряда входили: опашень, кафтан становой, зипун, ожерелье стоячее (воротник), шапка горлатная[1] и колпак, посох индейский (черного дерева). Каждый из входивших в комнату, узрев пресветлые очи государя, бил челом, преклоняясь пред ним до земли, и, отдав челобитье, возвращался на свое место.

В первом, а иногда во втором часу ночи с колокольни Ивана Великого раздавался торжественный благовест к Светлой заутрене. Благовестили довольно продолжительное время – до тех пор, пока не придет в собор государь. Во время благовеста в собор входил патриарх со всеми сослужившими ему архиереями, архимандритами, игуменами и священниками. Пройдя в алтарь, патриарх и все духовенство облачались там «во весь светлейший сан». Когда все уже было готово к началу заутрени, патриарх посылал крестового дьяка во дворец оповестить государя.

Открывалось величественное шествие государя к заутрене, в сопровождении огромной свиты в драгоценных блестящих одеждах. Государя окружали бояре и окольничие в золотых и в горлатных шапках;

впереди государя шли стольники, стряпчие, дворяне, дьяки в золотых же и в горлатных шапках. Сам государь был также в золотом опашне с жемчужною нашивкой, с каменьями и в горлатной шапке. Все чины, которые стояли в сенях и на крыльцах, ударив государю челом, шли до собора впереди, разделяясь по три человека в ряд. У собора они останавливались по обе стороны пути у западных дверей, в решетках, нарочно для того устроенных. В собор за государем проходили лишь те, которые были в золотых кафтанах.

Войдя в собор и сотворив начало, государь прикладывался к иконам, ракам чудотворцевым, к ризе Господней и становился на своем обычном месте у правого столпа, близ патриаршего места.

В это время патриарх в облачении выходил из алтаря и благословлял государя. После этого начинался крестный ход, который совершался по одной стороне собора из северных дверей к западным. Нужно заметить, что перед выходом патриарх не раздавал свечей ни духовенству, ни царю, ни боярам и народу, а равно и в соборе еще не были приготовлены ни аналои для икон, ни патриаршее место посредине.

Когда начинался крестный ход, ключари приказывали звонить во все колокола, а из собора высылали всех людей и все двери церковные затворяли. Царь с боярами не ходил за иконами, но шел прямо в западные двери и там, вне собора, останавливался на правой стороне. Тем временем в соборе оставался один ключарь с половиною сторожей и делал все приготовления к совершению заутрени: посредине собора они ставили патриаршее место, а перед ним два аналоя с поволоками и пеленами золотыми, с богатыми и разноцветными украшениями; на этих аналоях после хода полагались Евангелие и образ Воскресения Христова. Образ минейный ключарь снимал с аналоя и относил в алтарь на жертвенник. Посредине же церкви ставились два «гореца с угольем и фимиамом».

Патриарх совершал крестный ход со всем собором. Впереди его несли хоругвь меньшую, четыре рипиды, два креста – хрустальный и писаный, запрестольный образ Богоматери. За Богородичным образом шли священники с Евангелием и образом Воскресения Христова, которые они несли на пеленах, а перед ними шли подьяки со свечами витыми, подсвечниками и лампадою. Перед священниками шли певчие государевы и пели: «Воскресение Твое, Христе Спасе»[1]. Патриарх замыкал шествие. «А звонят тогда во вся един час, долго».

Когда патриарх приходил к затворенным западным дверям собора, и крестоносцы устанавливались «хребтом к дверям», «и в то время свещею велят ключари замахати, и престанут звонити». Ключарь со свечою

становился у самых западных дверей с правой стороны, а близ себя у соборного угла или Грановитой палаты ставил сторожей с доской.

Когда шествие устанавливалось и все было готово к началу заутрени, патриарх раздавал возжженные свечи царю, боярам, властям и всему народу и потом, взяв в руку кадило и честный крест, кадил святые иконы, государя, бояр, властей, весь народ и, обратившись на восток, возглашал: «Слава Святей и Единосущней и Животворящей и Неразделимой Троице всегда, ныне и присно и во веки веков». Сослужившее ему духовенство отвечало «аминь». И тогда сам патриарх единолично трижды пел пасхальный тропарь «Христос Воскресе», причем в третий раз пел его только до половины, а оканчивали его певчие правого клироса. Приняв от патриарха тропарь со слов «и сущим во гробех», певчие на оба клироса пели его восемнадцать раз. Патриарх при этом возглашал «по единожды» обычные стихи, а за ним, по знаку ключаря, сторож ударял в доску, а за сторожем ударяли в колокол столько раз, какой по счету следовал стих; после всех стихов патриарх снова сам запевал «Христос Воскресе» и, передав певчим «и сущим во гробех», сам крестом отверзал закрытые двери. В этот момент ключарь многажды свещею замашет, и сторож ударяет также в било многажды, и звон во вся вдруг ударят, и звонят тогда долго три часа во все колокола.

Войдя в собор, патриарх становился с крестом в руке на приготовленном месте посредине собора. Пред ним на аналоях полагали Евангелие и праздник – образ Воскресения Христова. Архидиакон возглашал великую ектению «Миром Господу помолимся», после которой патриарх сам высоким голосом начинал ирмос: «Воскресения день, просветимся людие». Певчие принимали от патриарха слова: «Пасха Господня, Пасха» и пели канон по уставу. В это время переставали звонить; патриарх начинал каждение аналоев, алтаря, всего собора, по чину: царя, властей, бояр и народа. Пред патриархом два подьяка ходили с двумя свечами витыми и лампадою, архидиакон с патриаршею свечою «треплетеною», а протодиакон и диакон держали патриарха под руки, за патриархом совершали каждение архиереи.

После третьей песни канона протопоп, в ризах, читал статью в Толковом Евангелии. После 6-ой песни диакон в стихаре читал Пролог с Синаксарем.

Во все продолжение заутрени царь стоял у правого заднего столпа, на триступенном рундучке, подножие его было обито красным бархатом.

Когда певчие в третий раз запевали «Плотию уснув», ключари принимали аналои с Евангелием и праздничной иконой и ставили их

против патриаршего места у правого столпа, а из алтаря выносили минейный образ и полагали его на аналое пред царем.

Во время стихир на хвалитех патриарх со всеми со служившими с ним входил в алтарь и становился запрестолом. Архидиакон или протодиакон подносил ему крест на блюде, ключари подносили митрополиту Евангелие, а другому митрополиту или архиепископу образ Воскресения Христова, всем властям и священникам раздавали иконы. Когда в алтаре все становились в ряд, начиналось христосование. Патриарх прикладывался к Евангелию и иконам в руках сослуживших с ним и их самих целовал в уста и приветствовал «Христос Воскресе», на что получал ответ: «Воистину Воскресе Христос». При этом христосовании патриарх каждому давал «по яичку червленому». За патриархом то же самое и в том же порядке совершало и остальное духовенство, певшее во все это время немолчно «Христос Воскресе из мертвых».

После христосования в алтаре патриарх выходил со всем духовенством на средину собора и становился с крестом лицом к западу, а прочие власти стояли в один ряд от патриарха и держали Евангелие и иконы. Прежде других подходил христосоваться царь, патриарх благословлял его крестом, и царь целовался с ним в уста; приложившись к Евангелию и образам, царь христосовался и с другими архиереями, а архимандритов, игуменов, протопопов и священников жаловал к руке. Каждому из них государь вручал «по два яичка». После царя с духовенством христосовались бояре и народ.

Приложившись к образам и одарив духовенство, царь отходил на свое место у южной двери собора и здесь жаловал к руке бояр своих и раздавал им яйца. Чинно и в порядке подходили к царю бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки, кравчий, ближние и приказные люди, стольники, стряпчие, дворяне московские. Царь давал им яйца гусиные, куриные и деревянные точеные, каждому по три, по два и по одному, смотря по знатности жалуемого. Яйца были расписаны золотом и яркими красками в узор или цветными травами, «а в травах птицы, и звери, и люди».

По окончании христосования патриарх возвращался в алтарь и в Царских вратах читал Пасхальное слово святителя Иоанна Златоуста. Государь подходил к Царским вратам слушать поучение, и, когда патриарх кончал его, царь говорил: «Многа лет ти, владыко».

По окончании заутрени государь со своею свитою шел из Успенского собора в Архангельский, прикладывался там ко святым иконам и мощам и «христосовался с родителями», поклоняясь гробницам своих усопших предков. Из Архангельского собора государь ходил в Благовещенский, а

потом иногда в Вознесенский и Чудов монастыри и подворья. Везде, приложившись к святым иконам и мощам, царь жаловал духовенство к руке и яйцами.

Возвратившись во дворец, царь христосовался со всеми придворными чинами, оставшимися в покоях царских во время заутрени.

Перед обеднею, часу в седьмом утра, во дворец ходил патриарх славить Христа и звать государя к службе.

Из Успенского собора патриарх шел со всеми духовными властями в предшествии ключаря с крестом и святою водою. Подьяки во время пути пели «Христос Воскресе», 3-ю и 9-ю песни Пасхального канона. Царь встречал патриарха в сенях и, получив благословение крестом и окропление святою водою, провожал его в палату. Войдя в Золотую палату, подьяки пели: «Светися»и «Плотию уснув». Патриарх говорил: «Светися» и отпуст. Государь, патриарх, власти и бояре садились по своим местам и, посидев немного, вставали, и патриарх говорил государю речь:

«О, Великий Государь царь и Великий Князь *(имярек)*, всея Руси самодержец, празднуем праздник Светлого тридневного Воскресения Господа Бога нашего Иисуса Христа и молим Всемилостивого и Всещедрого и Преблагого в Троице славимого Бога, и Пречистую Богородицу, и великих чудотворцев, и всех святых о вселенском устроении и благосостоянии святых Божиих церквей и о многолетнем здравии тебя, Великого Государя нашего; дай, Господи, ты, Великий Государь наш и Великий Князь *(имярек)*, всея Руси самодержец, здрав был на многие лета, с своею государевою благоверною и благородною и христолюбивою и Богом венчанною царицею и Великою Княгинею *(имярек)*, и с своими государевыми благородными чады *(имярек)*, и с своими государевыми богомольцы, с первосвященными митрополиты, и со архиепископы, и епископы, со архимандриты, и игумены, и с своими государевыми князи и бояры, и христолюбивым воинством, и с доброхоты, и со всеми православными христианы».

Проговоря «Светися» и отпуст, патриарх в том же порядке возвращался в собор. Выйдя из палаты, патриарх благословлял ключаря благовестить к обедне в большой колокол «довольно».

За обедней снова присутствовал государь со всею свитою.

Среди блестящих выходов и великолепных обрядов царь не забывал явить и свое милосердие. В первый же день Пасхи, а иногда и в промежуток между утреней и обедней он ходил в тюрьмы и, сказав преступникам: «Христос Воскресе и для вас», – дарил им одежды и на разговение. В первый же день государь давал у себя стол на нищую

братию.

С первого же дня у государя начинались торжественные приемы духовных и светских лиц и праздничные посещения московских монастырей, больниц и богаделен, и праздник проходил среди общей радости и самых торжественных служений.

Артос

К числу некоторых чинов и обрядов, соединенных с празднованием Пасхи в Православной Церкви, относится употребление артоса. Артос, по буквальному переводу с греческого языка, значит «хлеб», а по церковному уставу – просфора всецелая. Символическое значение артоса достаточно ясно открывается из тех молитв, которые положено читать на благословение и раздробление артоса.

Как в Ветхом Завете, в воспоминание освобождения народа Божия от горькой работы фараоновой, заклался по повелению Господа агнец, который с тем вместе прообразовал Агнца, вземлющего грехи всего мира, возлюбленного Сына Божия; так в Новом Завете, в воспоминание славного Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, через Которого мы от вечной работы вражией избавились и от адовых нерешимых уз освобождение получили, приносится артос – хлеб, изображающий собою Хлеб Живота Вечного, сошедший с небес, Господа нашего Иисуса Христа, Который, напитав нас духовною пищею тридневного ради и спасительного Воскресения, соделался для нас истинным Хлебом Жизни. Призывая благословение Божие на освящаемый артос, священник в молитвенном обращении просит Господа исцелить всякий недуг и болезнь и подать здравие всем вкушающим от сего артоса.

По действующему ныне уставу Православной Греко-российской церкви церковное употребление артоса состоит в следующем: «Сообразно со знаменованием Пасхи, которая соединяет в себе событие смерти и Воскресения Господа, на артосе начертывается или Крест, увенчанный тернием, как знамение победы Христовой над смертью, или образ Воскресения Христова». Приготовленный таким образом, он в первый же день Пасхи приносится в алтарь и здесь на жертвеннике полагается в особый сосуд, называемый «панагиар». В тот же день по заамвонной молитве происходит его освящение, с чтением установленной молитвы и окроплением святою водою. В продолжение всей Светлой седмицы артос лежит или в алтаре, или в храме на аналое, нарочно к тому устроенном, вместе с образом Воскресения Христова. Во время крестного хода, который полагается каждый день Светлой седмицы после утрени, но в приходских церквах обыкновенно бывает после Литургии, с хоругвями, образами Воскресения Господня, Богородицы, обносят и артос кругом храма. В монастырях каждый день Светлой седмицы, кроме того, приносится артос в торжественном шествии, с иконою Воскресения

Христова, лампадами, при звоне во все колокола и при пении «Христос Воскресе», в братскую трапезу, и полагается здесь на особо приготовленном аналое. После трапезы бывает так называемое возношение артоса. При возношении артоса келарь говорит: «Христос Воскресе» однажды; ему присутствующие отвечают: «Воистину Воскресе». Потом, назнаменав крестообразно артосом, говорит: «Покланяемся Его Тридневному Воскресению», – и полагает артос на панагиар. Затем все подходят к аналою, на котором был положен артос, и целуют последний. После сего артос с тою же торжественностью, с какою был принесен в трапезу, относится обратно в церковь. В последний день Светлой седмицы, в субботу, артос торжественно раздробляется после Литургии. В монастырях это раздробление совершается обыкновенно следующим порядком: после Литургии артос приносят в трапезу, здесь поют трижды «Христос Воскресе», читают молитву Господню, и затем священник произносит особо положенную молитву, и раздробленный артос вкушается братией прежде трапезы. «Но, – сказано в Дополнительном Требнике[1], – иерей может раздробить артос и на Литургии по заамвонной молитве и раздавать верующим вместо антидора. Артос не должно хранить весь год для какого-либо суеверия».

Употребление артоса есть обычай церкви Греко-восточной. Запад этого обряда не знает. В Русскую Церковь «чин о артусе» несомненно перешел вместе с христианством и богослужением из Греции, где возношение артоса (и панагии) было обычаем, прочно укрепившимся в церковной практике, как показывает «Евхологион» Гоара. Из сравнения разных рукописных богослужебных книг, принадлежащих XIII-XIV векам, видно, что и в Русской Церкви этот обряд имеет значение повсеместное и по монастырям соблюдался тогда неуклонно. Во времена патриаршества у нас было в обычае, чтобы артос, а равно и просфоры на обедне в первый день Пасхи доставлялись в Московский Успенский собор от царского двора. Патриарх первый день после Литургии с собором, в крестном ходу и с артосом являлся к государю; здесь, после возношения артоса архидиаконом, артос целовал государь, патриарх и другие. Артос относился потом обратно в храм, и здесь его снова воздвигал архидиакон.

Что касается исторического происхождения обряда с артосом в Православной Церкви, то об этом необходимо поговорить в связи с историей так называемого «чина о панагии». Панагия с греческого языка значит «Всесвятая» или «Пресвятая», каковое наименование обыкновенно прилагается к имени Богородицы. Под «чином о панагии» разумеется чин возношения особого хлеба в монастырской трапезе, после стола, в честь

Богородицы. О происхождении сего чина так говорит наша Следованная Псалтирь[1]. Господь Иисус Христос пред Своими страданиями имел с учениками трапезу на Тайной вечери, когда установил Таинство Евхаристии, и по Воскресении не раз являлся благословлять их трапезу и даже вкушал с ними пищу. В воспоминание этого апостолы имели обычай оставлять за трапезою праздным среднее место и полагать пред ним часть хлеба, как бы для Господа, присутствующего среди них. После трапезы они с молитвою и благодарением возвышали этот хлеб, говоря: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Велико имя Святыя Троицы. Христос Воскресе». После же дня Вознесения Господня они произносили: «Велико имя Святью Троицы. Господи Иисусе Христе, помогай нам». Так совершали этот обычай апостолы, пока Матерь Божия пребывала на земле. В третий же день после Успения Богоматери, когда они, быв чудно собраны все в одно место для погребения ее, стали после трапезы совершать обычное возношение хлеба в честь Господа и только что сказали: «Велико имя...», вдруг явилась на облаке Матерь Божия с Ангелами и сказала: «Радуйтесь, Я с вами во все дни». Ученики удивились такому чуду и, вместо «Господи Иисусе Христе», воззвали: «Пресвятая Богородица, помоги нам». Потом пошли ко Гробу и, не найдя в нем Пречистого тела Ее, убедились в Ее взятии с Телом на небо. В воспоминание сего в монастырях обыкновенно и совершается при трапезе «чин о панагии»; в пасхальную седмицу этот чин получает свои изменения и является чином возношения артоса.

«Евхологион» Гоара следующим образом изображает «чин о панагии», совершаемый в греческих монастырях. «Наиболее благочестивые из греков, – говорит Гоар, – монахи и клирики имеют обычай, совершив благодарение после принятия пищи, возносить двумя первыми перстами обеих рук треугольный хлебец – панагию. Самое действие возношения поручается в монастырях кому-либо нарочито избранному из братии. Избранный, попросивший благословение и прощение у предстоящих, берет особый кусок хлеба, лежавший во время трапезы перед образом Богоматери, и поднимает его на виду у всех двумя пальцами своих рук, говоря: «Велико имя», и все добавляют: «Святыя Троицы». Тогда возносящий продолжает: «Пресвятая Богородице, помоги нам». На это присутствующие отвечают: «Тоя молитвами, Боже, помилуй и спаси нас!» Затем по каждении принимает братия из рук трапезаря (келаря) «панагию», делит ее между собою, и, воссылая хвалу Богоматери, все вкушают. В общем «чин возношения панагии», изложенный в нашей печатной Следованной Псалтири (гл. 16), совершенно согласен с этим

греческим порядком возношения.

«Панагия», по словам Гоара, имеет форму треугольника, заостренного сверху. Гоар в своем «Евхологионе», в объяснение символического значения этой формы, приводит слова Симеона Солунского: «Этот вырезок указывает в одно и то же время и на единство, и на троичность, – своими тремя боковыми сторонами означая тройственное, а верхней частью – единое... И так мы приняли от отцов, по апостольскому преданию, посвящать каждый день Единому в Троице нашему Богу в честь Богоматери, через Которую познали мы Троицу».

НЕДЕЛЯ АНТИПАСХИ

Явление Господа Святому Апостолу Фоме

Сегодня Воскресения, в продолжение целой Пасхальной седмицы Воскресший Господь не являлся более Своим ученикам. Через восемь дней после Пасхи ученики опять собрались вместе, и Фома был с ними. Двери, как и в тот вечер, опять были заперты. Вдруг явился среди них Иисус Христос и сказал им: *Мир вам!* – и, обратившись к Фоме, отвечая на требования его сомневающегося сердца, сказал ему: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим» (см.: Ин. 20, 27). Тогда чудесное явление Господа и Его чудесное слово, показывающее Его всеведение, победило сомнение ученика; он не осмеливался уже влагать персты в язвы гвоздиные и влагать рук в ребра Воскресшего Спасителя. Пристыженный в своем неверии, он в молитвенном благоговении признает: *Господь мой и Бог мой!* Теперь он верует от всего сердца, потому что видел Господа и испытал на себе силу Его Воскресения. Господь, принимая исповедание Своего ученика, говорит, однако, ему: *ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Этим Он указал нам, не видевшим Его, на слово, которое возвестили о Нем Его апостолы.

Антипасха

Обычай продолжать торжества великих праздников до семи дней был уже в Церкви Ветхозаветной. Таким образом праздновались Пасха и праздник Кущей. Последний из праздничных дней был особенно торжествен, назывался великим (см.: Ин. 7, 37) и как бы заменял собой сам праздник. По этому примеру и от переизбытка духовной радости о Воскресшем Спасителе, и в Церкви христианской восьмой день по Пасхе, как окончание торжества Светлой седмицы, издревле составил особое торжество как бы в замену самой Пасхи, отчего и назван Антипасхой, что значит: вместо или против Пасхи. Притом день этот, служа заключением Светлой, служит вместе началом другой – новой Недели после Пасхи – царицы праздников; им начинается круг Недель и седмиц целого года; в этот день в первый раз обновляется память Воскресения Христова, которое от самых апостольских времен принято в Церкви воспоминать через каждые семь дней, т. е. в каждый первый день недельный. Отсюда произошло название Антипасхи Неделей новой, т. е. первой – днем обновления или просто обновлением; что, по изъяснению святителя Григория Богослова, напоминает тот первый день мира, который следовал по торжественном окончании творения.

Но с восьмым днем по Пасхе уже само собою соединяется и воспоминание о явлении Иисуса Христа ученикам Своим в восьмой день по Воскресении и об осязании спасительных язв Тела Его апостолом Фомой; отсюда и – более других употребительное у нас – название Антипасхи Неделей святого апостола Фомы, или Фоминой. Это примечательное событие – как очевиднейшее доказательство истины Воскресения Христова и как опыт неизреченной любви и снисхождения Воскресшего Господа к слабости сердца человеческого и в самих учениках Его – было положено в основу песнопений церковных в продолжение новой Недели. Святая Церковь, напоминая нам о явлении Господа дневным чтением из Евангелия, приглашает всех с благодарением воспеть Благоволившему – в уверение наше – дать осязать Себя: «Человеколюбче, велие и бесприкладное множество щедрот Твоих: яко долготерпел еси, от иудей заушаем, от Апостола осязаем, и от отметающихся Тебе многоиспытуем: како воплотился еси? како распялся еси безгрешне? Но вразуми ны, яко Фому, вопити Тебе: Господь мой и Бог мой, слава Тебе!»

В древней Церкви Неделя Антипасхи имела еще особое назначение, оставшееся и теперь в употреблении в Церкви Западной. А именно: в

древности праздник Пасхи был торжественным временем крещения иудеев и язычников, обращавшихся в христианство, это Таинство совершалось над ними в ночь под Светлый праздник. Новокрещенных, или – как обыкновенно называли их древние – новорожденных, одевали в белую одежду – образ их младенчества во Христе, которую носили они в продолжение всей Светлой седмицы. В Неделю Фомину торжественно в церкви снимали с них эту одежду и полагали ее в особом притворе храма. Оттого все дни Светлой седмицы назывались нередко днями в белых.

Взгляд Церкви на неверие Апостола Фомы

1. В чем состояло неверие Апостола?

а) В неверии свидетельству соучеников о явлении им Господа. Глаголаше апостолам: «не иму веры, аще не увижду и аз Владыки». «Аще не узрю Его, не верую словесем вашим».

б) В неверии самому Воскресению.

«Не верова Твоему Воскресению, и видевшим Тя вопияше: аще не вложу перста в ребра Его и гвоздей язвы, не верую, яко востал есть».

2. Что было в основании его неверия?

а) Сильное желание узреть Господа. «Возжелевый Твое радостное видение, прежде не вероваше Фома».

б) Желание совершенной уверенности для себя и для всех.

«Не всуе усумневся Фома о востании Твоем, не низложися, но несумнетельное тщашеся показати сие, Христе, всем языком». «Не вероваше реченным ему, от неверия в веру извествуя».

3. Что произвело благотворную перемену в душе Апостола?

а) Благодатное явление Самого Воскресшего. «Неверующему ученику руце показал еси и пречистое ребро. Он же веровав вопияше Тебе: Господь мой и Бог мой, слава Тебе!.. Веровав же и Фома зрением руку и ребр Твоих, Господа и Бога Тя исповеда».

б) В особенности живоносная сила язв Господних. «Со страхом руку Фома в ребра Твоя Живоносная,

Христе, вложив, трепетен ощути действо, Спасе, сугубое, двема естествома в Тебе соединяемыма неслиянно, и верою взываше глаголя: Ты еси Господь...» «Ощущая рукою Твое сугубое существо, со страхом вопияше верно, верою влеком: Господь мой и Бог мой, слава Тебе!».

4. Что последовало за такой переменой в Апостоле?

а) Явление, вместо неверия, твердой веры. «Вложив бо Фома во огненная ребра руку Иисуса

Христа Бога, не опалися осязанием. Души бо зловерство преложи на благоверие».

б) Высокое исповедание и ревность возвещать всем истину.

«Ребро Твое Божественное радуяся Фома осязав, Господи, и Зиждителя Тя прослави». «Возопи, егда виде Тя, Всесильне: Ты еси Бог мой и Господь... Кланяюся Твоей державе и мирови возвещаю страшное Твое и Всесильное Востание». «О, преславнаго чудесе! Иоанн на перси Слова возлеже, Фома же ребра осязати сподобися: но ов убо отонуду

страшно Богословия глубокое извлече смотрение: ов же сподобися тайнонаучити нас: представляет бо показания ясно востания Его».

5. Какие благотворные действия перемены в Апостоле для мира и Церкви?

а) Большее утверждение веры в Воскресшего.

«О, доброе неверие Фомино! Верных сердца в познание приведе». «О, преславнаго чудесе! Неверие веру известную роди». «Неверною же верою облагодетельствовавый нас Фома Близнец, решит убо мрачное неведение всех концев, верным неверствием». «Радуешися испытаем: темже, Человеколюбче, на сие повелевавши Фоме, простирая неверующу ребра, мирови уверяя Твое, Христе, тридневное Востание».

б) Открытие высоких истин Богословия. «Богатство почерп от сокровища некрадомаго Божественнаго, Благодетелю, копнем прободеннаго Твоего ребра, премудрости и разума наполняет мир Близнец». «Твое неудобное сокровище, утаеное нам отверзе Фома: богословив бо языком Богоносным, пойте Господа, глаголаше, и превозносите Его во вся веки».

О твердости и постоянстве веры

После славного Своего Воскресения Господь Иисус Христос неоднократно являлся Своим ученикам и последователям. Так, в самый день Своего дивного Воскресения Он благоволил явиться апостолам, которые все, кроме апостола Фомы, из страха от иудеев проводили время в запертой горнице в общей молитве и глубоких думах. Чтобы убедить учеников в истине Своего Воскресения, Божественный Учитель показал им Пречистые руки, ноги и ребра. Это явление исполнило сердца учеников верой и любовью к своему Учителю, так что они всем возвестили, что восстал Господь. Но когда апостолы рассказали о явлении Спасителя Фоме, то он отказался поверить им: *если я не увижу на руках Его ран от гвоздей, если не вложу перста моего... в ребра Его, то не поверю* (ср.: Ин. 20, 25). И вот в то время, как ученики торжествовали восстание от гроба Своего Учителя и Господа, сердце апостола Фомы томилось смущением, грустью и тяжелым раздумьем. Господь Сам пришел на помощь к нему, явив и ему славу Своего Воскресения. Спустя восемь дней по Воскресении Господа, когда все апостолы, не исключая уже и Фомы, снова собрались в одно место, вдруг предстал посреди них Христос и сказал: *Мир вам.* Хотя лик и голос Спасителя тотчас показали апостолу Фоме несправедливость его сомнения, однако Милосердый Господь благоволил окончательно рассеять маловерие ученика. Обратясь к Фоме, Спаситель сказал ему: *Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не оставайся в неверии, но будь верующим* (ср.: Ин. 20, 27). Прикосновение к цельбоносным язвам Спасителя совершенно уврачевало душу Апостола; преисполненный чувством радости и веры, он воскликнул: *Господь мой и Бог мой!* Иисус же Христос сказал ему: *Ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие* (ср.: Ин. 20, 28–29).

Впоследствии апостол Фома много потрудился для благовествования веры Христовой; он же послужил к утверждению веры учеников Христа, а с ними и всех христиан, в Божественном Вознесении на небо Пречистого Тела Богоматери после Ее Успения. Древнее предание Православной Церкви повествует об этом следующим образом. После сошествия Святаго Духа на апостолов все они, облеченные силою свыше, разошлись в разные стороны для проповеди Евангелия, причем апостол Фома отправился в самые отдаленные земли от Иерусалима. Господу угодно было чудесным образом собрать всех их к смертному одру Пресвятой Богородицы, чтобы

почтить Ее торжественным погребением. По Его же святому Провидению, апостол Фома не успел прибыть в Иерусалим ко дню погребения Богоматери, но явился сюда на третий день; он сильно скорбел, что не мог в последний раз проститься и облобызать Пречистое Тело Божией Матери. Чтобы утешить скорбящего, на общем совещании апостолы решили открыть гроб Богородицы. И вот когда открыли гроб, то в нем не нашли Тела Богоматери, но только погребальные пелены. Тогда все познали, что Богоматерь с плотию Своею вознеслась на небо. Так в первый раз открылась слава Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим Богородицы, Которую весь род христианский стал чтить как свою ближайшую Заступницу пред Престолом Всевышнего.

При воспоминании о святом апостоле Фоме обрати свое внимание, христианин, на слова Спасителя, сказанные Им Апостолу: *Ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Для нас, христиан, нет уже нужды уверяться в Воскресении Христовом через какие-либо особенные знамения и чудеса. Первых учеников Своих Воскресший Господь уверял не ради только их самих, но и ради всех нас, исповедующих имя Христово. И Апостолы за всех нас убедились в истине Воскресения Спасителя: они видели своими очами Воскресшего Господа, осязали его раны, неоднократно беседовали с Ним и обо всем этом устно и письменно проповедали всему миру. Этой проповеди апостолов, как самовидцев и служителей Христа, каждый из нас должен веровать твердо и несомненно. Так как верующим Господь обещал блаженство, то мы должны стараться всегда пребывать в православной вере, должны бояться всяких заблуждений неверия и лжеверия, а также нерадения и беспечности о вере. Итак, христианин, храни Святую Соборную и Апостольскую веру как самое дорогое твое сокровище, которым приобретается блаженная жизнь на небе. Как счастлив человек, свято хранящий преподаваемое ему Православною Церковью учение веры, который не уклоняется от этого учения, но старается во всем благоугождать Триединому Богу по Заповедям Христа и Его апостолов! Он, как тихий поток, мирно проходит долину земной жизни, стремясь к Горнему Отечеству, где обитают все святые.

С другой стороны, как жалки колеблющиеся в вере, по своему суемудрию извращающие православное учение христианское, отделяющиеся от матери своей – Святой Церкви и старающиеся даже других вовлекать в свои заблуждения! Все они готовят для себя вечную погибель. К сожалению, отступники от правоверия появляются и в недрах нашей отечественной Церкви. Ослепляемые самолюбием, они дерзновенно

отвергают водительство Богоучрежденной Церкви и ее пастырей. Да убоятся все суемудрые Праведного гнева Божия: отступая от православной веры и ее хранительницы Святой Церкви, они сами себя ведут в геенну огненную.

Известен такой случай. Однажды к преподобному Кириаку пришел инок Феофан, державшийся осужденного Церковью неправого учения о Христе Иисусе. Преподобный Кириак стал умолять Феофана оставить свои заблуждения и обратиться к Соборной и Апостольской Церкви. «Един путь к нашему спасению, – говорил преподобный, – есть тот, чтобы мыслить и веровать так, как мыслили и веровали святые отцы». Узнав о готовности Феофана принять вразумление, святой Кириак сказал ему: «Я надеюсь на Бога, что Его Благость откроет тебе истину». После этого он удалился в уединение и стал молиться Господу за брата. По его молитве заблудшему на другой день было видение. Ему явился грозный муж и сказал: «Поди и познай истину», – и привел Феофана в темное и смрадное место, и показал ему грешников, испускающих вопль и стенание от адского огня. «Вот обиталище тех, – сказал грозный муж, – которые нечестиво умствуют. Если тебе нравится это место, оставайся при своем лжеучении; если же не хочешь подвергнуться подобному наказанию, обратись к Святой Соборной и Апостольской Церкви, к которой принадлежит Кириак».

Помня это, возлюбленный собрат, твердо стой в православной вере, завещанной тебе отцами и предками. Блюди себя и не входи в общение с людьми суемудрыми, неправо мыслящими о вере, которые, *хотяще быти законоучители, не разумеюще ни яже глаголют, ни о низсже утверждают* (1Тим. 1, 7). Одна сокровищница веры – Святая Православная Церковь; одни истинные учители веры – законные пастыри церковные.

Рассказы из Церковной истории о силе Веры

I. На требование поклониться богам святой священномученик Власий отвечал своему мучителю: «Мучь тело мое, как хочешь, в твоей власти это; над душою же моею властен Бог». «А если я брошу тебя в озеро, спасет ли тебя твой Христос?» – спросил мучитель. «Я верю и надеюсь, – отвечал исповедник, – что Иисус Христос, Бог мой, окажет мне Свою дивную помощь и на водах». Правитель велел бросить святого Власия в озеро, но он пошел по воде, как по суше. Дойдя до середины озера, он сказал стоявшим на берегу воинам: «Покажите теперь и вы силу богов своих и идите сюда». Шестьдесят восемь воинов призвали своих богов и бросились в озеро, но все потонули. Считая виновником их смерти Власия, правитель приказал усекнуть его мечом.

II. За святую и богоугодную жизнь святой Акакий, Мелитинский епископ, еще при жизни удостоился от Господа дара чудотворений. Однажды, во время бездождия, святитель вышел за город и на открытом воздухе совершил Бескровную Жертву о ниспослании дождя. При этом он показал столь сильную веру, что не приказал вливать воды в святую чашу, надеясь, что Господь ниспошлет дождь. Твердая вера не посрамила святителя. По молитвам его дождь в изобилии полился на землю. В другой раз святой Акакий совершал в храме Литургию. Во время службы, вследствие непрочного сооружения, свод храма готов был обрушиться. Народ с ужасом побежал было из церкви, но святитель воскликнул: «Господь Защитник жизни моей, кого убоюся!» И свод держался на своем месте до того времени, пока святитель совершил службу, и все вышли из церкви. Тогда свод с грохотом рухнул на землю. Многими и другими чудесами прославился святитель. Блаженная кончина его последовала около 435 года.

III. Один добродетельный друг святого Спиридона, епископа Тримифунтского, оклеветанный перед судьею, был заключен в темницу и осужден на смерть. Узнав об этом, святитель немедленно пошел избавить его от неповинной смерти. Надлежало ему переходить через поток, который в это время, по случаю наводнения, выступил из берегов и преграждал ему путь. Святой угодник Божий, приведя себе на память, как Иисус Навин с Ковчегом Завета перешел по сухому дну Иордан во время его полноводия, и веруя, что Всемогущий Бог всегда слышит, обратился к потоку и, как слуге, сказал ему: «Общий нам Владыка повелевает тебе: остановись, чтобы мне пройти и невинного человека избавить от смерти».

При этих словах поток вдруг остановился, сдерживая стремление вод своих, и открыл сухой путь не только святому Спиридону, но и спутникам его, которые, опередив святителя, дали знать судье о пришествии его и рассказали чудо, совершенное им на пути. Судья немедленно освободил невинно осужденного и отдал его в руки святого чудотворца.

IV. Святитель Тихон Амафунтский в молодости своей продавал хлебы и, имея сострадательное сердце, раздавал их нищим без денег. Отец не мог этого не заметить и потому в одно время строго наказал его за это. Святой Тихон, желая успокоить своего отца, сказал ему: «Батюшка! Напрасно ты на меня гневаешься, я твои хлебы трачу не попусту, а отдаю их взаймы Богу и имею от Него в том расписку – Его Божественное слово: *кто даст нищему, тот взаймы дает Богу, и сторицею от Него приимет* (ср.: Притч. 19, 17). Ты мне не веришь? Пойди посмотри и увидишь, как верно слово Божие». Сказав это, Тихон взял отца за руку, повел его в житницу и отворил двери – отец увидел подтверждение слов Священного Писания: житница была наполнена самой чистой и лучшей пшеницей, хотя прежде в ней ничего не было. Отец пал на землю и возблагодарил Бога. С того времени он не стал уже запрещать своему сыну раздавать милостыню бедным.

Другое чудо, совершенное святителем Тихоном, было не менее поразительно. В одном саду обрезали сухие ветви с виноградных лоз и, как принято, выбрасывали их. Святитель Тихон, собрав эти сухие ветви, рассадил их в своем огороде; при этом он попросил Бога, чтобы они принялись и выросли, чтобы виноград на них был полон и красив, чтобы ягоды были сладки и здоровы и чтобы виноград в его саду поспевал раньше. Как хотелось святому, так и сделалось. На другой день он вышел в огород посмотреть, что сделалось с его посадками, и увидел на нем благословение Божие: все ветви принялись и в то же лето принесли чрезвычайно много плодов; в других садах виноград был еще зелен, а у святого Тихона самый спелый, сладкий и здоровый. Слушая о чудесах святителя Тихона, вы, конечно, заметили ту детскую простоту, с какой он верил словам Святого Писания, и ту детскую смелость, с какой ожидал всего от Бога. Заметьте же еще, что и все святые мужи, особенно чудотворцы, всегда бывают таковы, все они точно дети. Дети, нимало не размышляя, верят всему, что им скажут старшие: и святые, нимало не сомневаясь, верят всему, что говорит Слово Божие. Дети всего смело ожидают от родителей; и святые всего смело ожидают от Бога.

V. Господь сказал: *аще имате веру, яко зерно горушно, речете горе сей: прейди отсюду тамо, и прейдет* (Мф. 17, 20). *Знамения же*

веровавшим сия последуют: именем Моим бесы ижденут: языки возглаголют новы: змия возмут: аще и что смертно испиют, не вредит их: на недужныя руки возложат, и здрави будут (Мк. 16, 17–18). Читаем историю жизни святых и видим, что все это оправдано самим делом. *Речете горе сей: прейди отсюду тамо, и прейдет:* и, действительно, горы двигались по молитвенному слову преподобного Марка и святителя Григория, епископа Неокесарийского. *Именем Моим бесы ижденут,* – и бесы не только изгоняемы были святыми, но даже и служили им. *Языки возглаголют новы:* преподобный Пахомий не знал греческого языка, но помолился и стал понимать инока-грека, пришедшего посетить его, и отвечал ему на греческом языке; а преподобный Ор читал, не учившись читать. *Змия возмут:* святая великомученица Ирина брошена была в ров, наполненный змеями, но не только ничего не потерпела от них, напротив, они издохли от одного ее присутствия во рве. *Аще что смертно испиют, не вредит их:* святой мученик Михаил, по приказанию мучителя, выпил яд и остался цел, тогда как тот же яд, выпитый одним преступником, осужденным на смертную казнь, тотчас лишил его жизни[6]. *На недужные руки возложат, и здрави будут:* преподобный Пафнутий Боровский устроял церковь; один иконописец, по имени Дионисий, работавший для этой церкви, сильно занемог ногами и должен был оставить работу, но святой Пафнутий только сказал ему: «Примись-ка, Дионисий, за дело, Бог тебя благословит, Матерь Божия даст тебе здоровье», – и больной Дионисий тотчас же принялся за работу, а его болезни как не бывало.

Рассказы о любви русских к православной вере

Русские издавна отличались особой любовью к святой вере Христовой и Православной Церкви. Во времена татарского ига многие православные засвидетельствовали эту любовь своей кровью.

I. В 1246 году татарский хан Батый позвал к себе Черниговского князя Михаила и потребовал от него через своих волхвов, чтобы он перед вступлением в ханскую палату прошел, по обычаю монголов, сквозь огонь и поклонился солнцу и истуканам. Благоверный князь отвечал: «Я христианин и не могу поклониться твари и идолам». Когда ему предложили одно из двух – или поклониться, или умереть, – князь не поколебался избрать последнее, несмотря на все убеждения близких людей; приготовился к христианской кончине и вкусил лютую смерть от варваров. Примеру доблестного князя тогда же последовал и любимый боярин его Феодор.

II. В 1270 году другой русский князь, Роман Олегович Рязанский, был оклеветан в Орде, будто он поносил хана и его веру. Хан отдал князя в руки татар, которые начали принуждать его к своей вере. Но он не только не соглашался на это, но открыто исповедовал, что вера христианская воистину есть святая, а татарская поганая. Озлобленные язычники отрезали ему язык, заткнули уста и медленно изрезали по суставам все члены его тела, так что новый мученик действительно уподобился древнему Иакову Персиянину, по замечанию летописей.

III. Защищая себя от нападающих врагов или выступая против них сами, русские были убеждены, что они проливают свою кровь и умирают, прежде всего, за Святую веру и Церковь. «Умрем за Святую Богородицу (т. е. за Соборную церковь Пресвятой Богородицы) и за правую веру», – говорили жители Владимира, когда он был осажден татарами. «Умрем за Святую Софию (т. е. за Софийский собор)», – обыкновенно повторяли новгородцы, собираясь на поле брани. «Прольем кровь свою за дом Пресвятой Троицы и за Святые Церкви», – восклицали псковитяне во дни Довмонта, отражая нападения Литвы. И святой благоверный князь Димитрий Донской, отправляясь с войском из Москвы против татар, говорил прочим князьям и воеводам: «Пойдем против безбожного и нечестивого Мамая за правую веру христианскую и за святые церкви, и за всех младенцев, и старцев, и за всех христиан»[1]. Да, русские любили свое Отечество, а в нем, прежде всего, любили свою святую веру и свою Святую Церковь. Русские тем более привязывались к святой вере и Церкви, что в

них только находили для себя утешение и подкрепление посреди бедствий и скорбен, в особенности от своих поработителей, и в имени или звании христиан видели свое главное отличие от иноверцев – поганых агарян и свое превосходство перед ними.

Наказание за неверие

Блажени не видевший и веровавше.

Ин. 20, 29.

Давно, очень давно случилось это. Я был тогда и молод, и горяч, и любопытен. С детства не вложена была в мое сердце живая и чистая вера в Господа. И чем старше я становился, тем более закрадывалось неверие в душу мою. Я не умел верить, я все хотел узнать своим умом, своим чувством. И вот как Господь Милосердый вразумил меня.

Стояла свежая, ранняя весна. Великим постом пришлось мне заехать по делам службы в небольшой губернский город. В семи верстах от города, на холме, высился красивый мужской монастырь. Там почивало много святых мощей.

Я очень любил пение и часто приезжал в монастырь послушать хор иноков; пели они действительно прекрасно. Было у меня в монастыре несколько знакомых монахов, и я часто ночевал у них.

Целые вечера, бывало, спорили мы о разных предметах веры; я открыто смеялся над их верой, над их благоговением к святым мощам, и смело заявлял я, несчастный, о своем неверии. Монахи ужасались и принимались меня усовещивать. Из всех особенно нравился мне один монах – это был высокий, статный отец Ириней. Рода он был знатного, очень образованный и умный человек; его худощавое и слегка желтоватое лицо с большими черными глазами поражало своей строгостью и святостью. Я часто подолгу беседовал с ним.

На четвертой неделе Великого поста выбрал я теплый денек и отправился в монастырь. Поглядел я на храм, послушал пение монахов и отправился в келью отца Иринея, с намерением переночевать.

За разговорами не заметили, как уже стемнело, но мы все еще не умолкали; изредка слышались удары сторожа в чугунную доску. Монастырь спал.

«Нет, вы это бросьте и из ума выкиньте ваше неверие, – говорил отец Ириней, – тяжкий грех неверие, и тяжко накажется Господом». «Ну, а если бы я на деле доказал вам, отец Ириней, что все вы заблуждаетесь, поверили бы вы мне?» – спрашивал я. «Что вы говорите, опомнитесь! Не глупее нас с вами были наши отцы, деды, а поверили сему. И верит уже целые века Церковь Православная, верили и верят миллионы людей православных. Наконец, прочитайте жития святых... Как же можно сомневаться в святости угодников Божиих и нетленности их мощей? Что

вы!.. Бог с вами!» – толковал отец Ириней.

Я промолчал, но сам затаил в сердце дерзкую мысль. «Так и сделаю», – решил я и лег спать, ничего не сказав отцу Иринею.

Уснуть я не мог на жесткой постели монаха. Отец Ириней долго молился и, наконец, задремал на полу, в уголке.

Убедившись, что он спит, я тихо встал, кое-как оделся и поспешно вышел из кельи. На востоке белела предрассветная полоска, звезды начинали гаснуть. Ветерок освежал мне лицо. Я пошел прямо к храму. Он был открыт. При слабом мерцании лампад едва можно было различить образа и очертания храма. Двое монахов суетились около правого придела и не обратили внимания на меня. Скоро должна была начаться служба. На минуту мне стало страшно. Я прошел в левый придел к раке почивавших там святых мощей, остановился около них и огляделся; у открытой раки горела лампада. В храме никого не было, монахи, верно, вышли. Вновь какой-то внутренний страх захолодил мое сердце. Я постарался усмехнуться, подошел к раке и смело поднял ее покров... Мне хотелось осязать мощи своими руками, близко разглядеть лицо почившего угодника, иначе я не мог поверить в святость мощей. Какая-то сила все ниже и ниже склоняла мою голову... Рука уже хотела коснуться мощей... Но вдруг... раздался страшный удар грома, или блеск молнии... или что-то другое, я не знаю... я видел только поднятую руку... Все вокруг закружилось, потемнело... поднялся какой-то шум в голове, в ушах... Я опомнился на полу, в страшной мучительной темноте. Что со мной было, где я был – ничего не знаю. Я пытался протереть глаза, увидеть, где я нахожусь, все было напрасно... Кругом была темнота, как в могиле. Тогда я все понял... Я ослеп. Страшное дело задумал, и тяжко и достойно наказал меня Господь за это. Вновь, с тоской и мукой в душе, я лишился чувств.

Пришел в себя, когда около меня было много народу, слышались голоса, и я услышал голос отца Иринея. Тут же при всех я, ранее здоровый человек, теперь несчастный слепец, поведал свой незамолимый грех и свое наказание... Я знал, я чувствовал, что монахи плакали надо мной... и горько жалел, что не послушал их слов.

С тех пор я остался в монастыре, и каждый день молюсь пред святой ракой. Я прошу Господа и святого угодника простить мне тяжкий грех мой... Я часто плачу и молюсь...

Теперь я уже старик. Господь умилосердился надо мной – мои глаза немного видят, и я смог написать все, что случилось со мной.

Благодетельный сон

Однажды, когда я возвращался домой из далекой отлучки, накануне Нового года, сильная вьюга захватила меня в степи: усталые лошади, увязая в сугробе по самую грудь, едва тащили нашу повозку. Крутившиеся в воздухе хлопья мокрого снега залепляли глаза, и, наконец, мы окончательно сбились с дороги. Так прошел не один час утомительного блуждания по снежным равнинам наудачу, пока отдаленный собачий лай не обнаружил нам соседства человеческого жилья. Мы направились на него, и вскоре перед нами обрисовались темные очертания какого-то помещичьего хутора. Нас гостеприимно встретил владелец, отставной кавказский офицер старых времен: он познакомил меня со своим семейством, состоящим из его жены, пожилой дамы, с необыкновенно кротким и приятным выражением лица, и двух взрослых сыновей, приехавших из столицы к нему погостить на праздники. Все они оказались очень добрыми людьми, а потому понятно то удовольствие, с каким я, обогревшись с дороги, сидел в кабинете Александра Николаевича, так звали случайного хозяина, и за стаканом чая беседовал с ним перед жарко топившимся камином, который невольно заставлял забывать о бушевавшей на дворе непогоде. Сначала разговор наш ничем не отличался от беседы людей, недавно познакомившихся, но затем он принял характер более откровенный и задушевный, причем речь зашла о случаях более или менее замечательных, которые когда-либо совпадали в жизни каждого из нас с праздником Нового года.

«Что же касается до меня, – сказал Александр Николаевич, – то двадцать два года тому назад Новый год ознаменовался для меня таким обстоятельством, которое останется в моей памяти не столько по исключительности происшедшего, сколько потому, что дало мне возможность постичь всю неизмеримость милосердия Божиего к падшему человеку, уже намеревавшемуся наложить на себя греховную руку». Я попросил его поделиться со мною воспоминаниями, и вот что он мне рассказал:

«Прежде всего следует вам сказать, что вы видите перед собой человека, много лет сомневавшегося в бытии Божием. На первый взгляд казалось бы весьма естественным, что жизнь, исполненная ежедневных лишений и боевых опасностей, какова была моя в эпоху покорения Кавказа, должна была бы выработать во мне воззрение, что «без Бога ни до порога», однако далеко не так было на деле, и, с детства наслушавшись и

начитавшись всевозможных людских бредней, отвергавших существование Бога, Церкви и всего святого, я был неверующим человеком в полном смысле этого слова. Но вот Всевышнему угодно было послать на мою долю такое испытание, которое совершило спасительный перелом в моем нравственном недуге. Случилось это так.

По выходе из полка я поселился в нашем уездном городе, где, вступив в брак с настоящей моей супругой, я зажил спокойно и счастливо; судьба послала мне лучшую из женщин, и единственным темным пятном на нашем семейном небосклоне было мое неверие, и жену мою, истинную христианку, крайне печалило мое духовное заблуждение. Часто, в минуты моих кощунственных выходок, удалялась она из комнат в спальню и перед иконой Богородицы со слезами умоляла Ее вразумить заблудшего мужа.

Так прошло несколько лет. У нас было уже двое детей, – вот эти самые молодцы, которых вы сейчас видели, – как дошла до неба молитва моей кроткой подруги. На третий день Рождества мы находились вместе с ней на одном званом вечере, и последний был уже в самом разгаре, как вдруг послышались крики: «Пожар, горим!» Мы все высыпали на двор, но тревога оказалась напрасной: тем не менее от испуга и холода – жена была в одном лишь легком платье – она почувствовала себя нездоровой, и я поспешил с ней восвояси; ночью у ней сделался жар и бред, но к утру она немного успокоилась и заснула.

На следующий день я отлучился по своим делам, а когда вернулся домой – представьте всю тяжесть моего горя – жены моей уже не стало! Да! Смерть порвала безжалостно нить этой драгоценной для меня жизни... В том не могло быть сомнения; прибывший врач подтвердил факт, да к тому же печать мертвенности, лежавшая на восковом челе усопшей, ясно свидетельствовала о моей утрате. Я не стану здесь утомлять вас описанием всего, что последовало после, а скажу только, что с той минуты, как покойницу положили в зале, я впал в безграничное отчаяние; утешение святой молитвы мне было недоступно, ничто не могло изменить случившегося, и я решил покончить все счеты с жизнью.

Удалившись к себе в кабинет, я провел всю ночь перед праздником Нового года в приведении в порядок своих имущественных дел, и письмом к одному нашему родственнику вручал участь своих детей его попечению; вслед за этим я вынул из своего стола револьвер, и одно только слабое нажатие на спуск отделяло меня от вечности, как вдруг осенила меня следующая мысль: решение мое неизменно, весь вопрос заключается только во времени... Почему же не обождать мне какой-нибудь один-другой день, почему не побыть еще с дорогим прахом? а там... Здесь я лег

на диван и, утомленный хлопотами дня и подавленный роковым событием, забылся тяжелым, свинцовым сном.

И целый рой сновидений, то невыразимо сладостных, то ужасающих, наполнял тогда мое скорбное сердце: мне снилось, что я плыву с моей покойной женой в челноке, который, как ореховую скорлупу, подбрасывали сердитые волны безбрежного водяного пространства, оба мы трепетали за нашу участь, и ненапрасно: высокий вал опрокинул ладью, нас разъединила разъяренная стихия, и, в то время как я погружался в бездну, какая-то дивная сила далеко уносила от меня милый мне образ. Тут я начал молиться и вдруг услышал слова: «Уверуй и спасешься!»

«Верую!» – воскликнул я и... проснулся, пробужденный утренним холодом. Я встал и вышел в залу; в ней было темно, и лишь один свет восковой свечи, теплившейся перед старым дьячком, читавшим над покойницей Псалтирь, боролся с проблеском начинавшегося рассвета. Я отпустил на отдых старика и подошел к изголовью дорогого мне трупа, полный дум, одна другой мучительней... Но вот во всем своем великолепии ворвался в окно солнечный луч и обдал все своим животворным, ласкающим светом: мне показалось в это мгновение, что лицо жены утратило нечто из своей мертвенной бледности и как будто что-то, похожее на жизнь, мелькнуло на ее осунувшихся чертах. Не был ли это обман чувств, игра расстроенного горем воображения?

Нет! То была действительность! Смерть отдавала обратно свою жертву, что доказывалось и теплотой, охватывавшей мало-помалу это безжизненное доселе тело. Лишь только я уверился, что жена моя жива, она бережно была перенесена в спальню, где и пришла в себя через несколько часов... Радости моей не было пределов. С быстротой молнии облетела весь город весть о таком неслыханном происшествии, и весьма удивился почтенный наш отец Василий, прибывший на панихиду, когда я попросил его отслужить вместо нее благодарственный молебен...

Можно предположить, что побуждение, заставившее меня отсрочить самоубийство, легко объясняется жаждой жизни, которая не покидает человека даже в самых исключительных условиях; можно легко объяснить и мнимую смерть моей жены так называемым летаргическим сном; но я вижу здесь исключительно лишь перст Божий! Так вот чем, любезный мой гость, подарил меня Новый год 22 года тому назад! Провидение Божие, ниспослав мне благодетельный сон, удержало меня от тяжкого греха самоубийства; оно же возвратило мне подругу, находившуюся, казалось, уже в руках смерти, и сделало из меня верующего».

НЕДЕЛЯ СВЯТЫХ ЖЕН-МИРОНОСИЦ

Святые Жены-Мироносицы у гроба Господня

Настал вечер Великой Субботы. Весь этот день святые апостолы и святые жены провели в покое, по заповеди Закона. В вечер же Субботы, как только открылась возможность всяких дел, Мария Магдалина и Мария Иаков лева пошли взглянуть на Гроб Господа Иисуса. Их повлекло туда неудержимое желание узнать, не произошло ли около Гроба Господня, где были их мысли и сердца, что-нибудь особенное. Увидев там, что все было, как в Пятницу, они воротились в город. Здесь жены встретились с Саломией и купили ароматов и мира, чтобы утром помазать Тело Господа Иисуса.

Начинался третий день, когда, по предсказанию Господа, должно было совершиться Его Воскресение. Старейшины иудейские, опасаясь этого страшного для них дня, поспешили принять меры предосторожности, чтобы ученики Господа Иисуса не украли Тела Его ночью и не сказали, что Он воскрес. В то время, когда жены были у Гроба, старейшины ходили к Пилату, просили у него приставить ко Гробу стражу. Когда они привели и поставили стражу на место, то приложили к гробовому камню печать.

Между тем святые жены и не подозревали, что Гроб окружен стражей и запечатан. Они договорились утром собраться вместе не в городе, чтобы никого не тревожить, а у самого Гроба, ожидая там друг друга, чтобы вместе приступить к помазанию Тела Господня.

Так договорились они и спокойно ждали утра, ничего не зная о страже. Видя их любовь, Господь не попустил им быть устрашенными грозной стражей. Еще до прихода их, в таинственный час глубокой ночи совершилось Воскресение Господне незримо и неведомо ни для кого, совершилось, «камени запечатану от иудей и воином стрегущим Пречистое Тело...» И уже потом сошел с небес Ангел и, отвалив камень от двери гроба, сел на нем. Сотрясение камня и светлоблестяший вид Ангела привели в трепет и ужас стражу: она бежала в город. Камень отвален был не для Господа, а для стражи и для тех, кто любил Господа, чтобы они могли войти и увериться в том, что нет уже Его во гробе, что Он Воскрес.

Раньше всех в это утро поднялась Мария Магдалина и еще в сущей тьме устремилась ко Гробу. Придя, она увидела, что камень отвален от Гроба. Но Ангел не явил ей лика своего: небесные вестники являются по воле Божией и по той же воле могут быть невидимы. Глубоко потрясенная открытым Гробом, Мария Магдалина тотчас же подумала: взяли Господа!

С этой мыслью она поспешно возвращается в город, прибегает к апостолам Петру и Иоанну и говорит им: *Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его* (Ин. 20, 2). В это время пришла ко гробу мироносица Иоанна, жена домоправителя Иродова, вместе с некоторыми подругами, неся приготовленные ароматы. Они также нашли камень отваленным от Гроба и вошли туда. Там, к своему крайнему изумлению, они не увидели Тела Господа Иисуса и недоумевали, что бы это значило, как вдруг предстали им два Ангела в одеждах блистающих. Жены в страхе приклонили головы свои к земле, но светлые мужи успокоили их, говоря: *Что вы ищете живого с мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть* (ср.: Лк. 24, 5–7). И они вспомнили эти слова Его и, возвращаясь от Гроба, решили пойти и возвестить апостолам и всем прочим, что видели и слышали.

Между тем апостолы Петр и Иоанн с Марией Магдалиной уже спешили ко Гробу и пришли к нему, не встретясь с женами, что, по расположению улиц в Иерусалиме, легко могло случиться. Оба апостола спешили, но Иоанн был моложе и потому обогнал Петра и был первым у Гроба, однако же не вошел в него, а только заглянул и увидел там одни лежащие пелены. Вскоре подошел Петр и вошел внутрь. И он тоже увидел пелены и еще плат, бывший на голове Господа, особо свитый и лежащий на другом месте. Тогда вошел и Иоанн и уверовал в сердце своем, что Господь Воскрес (так толкует святитель Иоанн Златоуст). Осмотрев все во Гробе, апостолы вернулись домой.

Но Мария же Магдалина осталась возле Гроба, изнуренная невыразимой горестью и спешной ходьбой. Плача, она взглянула внутрь Гроба и увидела двух Ангелов в белых ризах: один сидел у головы, другой у ног, где лежало Тело Иисуса. Они спросили ее: *Жено, что плачешь?* Она отвечала: *Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.* Тут, вероятно, она заметила благоговейное движение Ангелов, коих взоры были устремлены вне пещеры; и тоже обратилась назад и увидела Господа Иисуса, но не узнала Его. *Господь говорит ей: Жено, что плачешь? Кого ищешь?* Мария, думая, что пред нею садовник, сказала Ему: *Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где положил Его, и я возьму Его.* Тогда Господь снова говорит ей: *Мария!* На сей раз она узнала Господа и говорит ему: *Учитель!* Господь предваряет ее порыв радости и предупреждает: *Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему, но иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему*

и Богу вашему (ср.:Ин. 20, 13–17).

В то утро и другие святые жены Мария Иаковля и Саломия и, может, некоторые с ними, поспешили ко Гробу. По пути они размышляли между собою: *Кто отвалит нам. камень от двери гроба?* (Ин. 20, 7). Камень был очень велик, и им не под силу было сдвинуть его. Подходя ко Гробу, жены-мироносицы увидели, что камень уже отвален и на нем – Ангела. Он сказал им: *Не бойтесь, вы ищете Иисуса распятого: нет Его здесь, Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь* (ср.: Мф. 28, 5–6). Повинуясь слову Ангела, жены вошли во Гроб и увидели юношу в белой одежде, сидящего на правой стороне, то был другой Ангел Господень. Видя их смущение, Ангел успокоил их, говоря: *Не ужасайтесь, Иисуса ищете Назарянина, распятого? Он Воскрес; Его нет здесь, вот место, где Он был положен.* Теперь пойдите скорее, *скажите ученикам Его и Петру, что Он* Воскрес из мертвых и *предваряет вас в Галилее. Там Его увидите, как Он сказал вам* (ср.: Мк. 16, 6–7). И они, выйдя поспешно из гроба, со страхом и великой радостью, в трепете и ужасе от необычайности виденного и слышанного побежали к городу.

Когда они шли возвестить о случившемся ученикам Его, то Сам Господь Иисус встретил их и сказал: *Радуйтеся!* И они, приступив, пали к ногам Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: *Не бойтесь, пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, там они увидят Меня* (ср.: Мф. 28, 9–10).

Итак, первые увидели Воскресшего Господа святые жены-мироносицы, им являлись Ангелы, им являлся Сам Господь прежде, чем кому-либо из всех апостолов. Почему так? Потому что они возлюбили Его много. Об этом свидетельствует их служение Ему от имений своих, их мужественное присутствие у Креста Господа на Голгофе, их участие в Его погребении и, наконец, их утреннее шествие ко Гробу Господа с ароматами и миром для помазания Пречистого Тела Его. Подражайте же, братия, и вы доброму примеру святых жен-мироносиц, употребляйте и вы избытки своих стяжаний на служение Богу и Церкви, на дела любви и благочестия христианского.

Равноапостольная Мария Магдалина

Ни одна из святых жен-мироносиц не любила столько Господа и не была так предана Ему, как Мария Магдалина; потому и в Евангелии она всегда именуется первой между ними. По ревности к вере Христовой она трудилась в проповедании веры, подобно апостолам. И потому Святая Церковь назвала ее равноапостольной. Родом она была из Сирии, а жила в Галилее, в городе Магдале. Судя по происхождению ее и по тому, что она некогда страдала беснованием, можно предположить, не была ли она дочь той сирофиникиянки, которая усиленно просила Господа исцелить ее беснующуюся дочь и получила от Него похвалу за великую ее веру (см.: Мф. 15, 22–28; Мк. 7, 25–30). Некоторые полагают, что она была та грешница, которая со слезами раскаяния лобызала ноги Иисуса и мазала их драгоценным миром (см.: Лк. 7, 37). Но такое мнение, принятое у латинян, не имеет основания; а если бы оно было и справедливо, то не должно унижать Магдалины: и Спаситель говорит: большая *радость будет на небеси о едином грешнике кающемся, нежели о девятидесяти девяти праведниках, иже не требуют покаяния* (см.: Лк. 15, 7).

Магдалина была одержима страшным недугом – беснованием. Спаситель исцелил ее, изгнав из нее семь бесов. Великое благодеяние, оказанное Господом Марии, произвело в ее признательном сердце такую любовь и приверженность к Спасителю, что она решилась посвятить Ему всю жизнь и при всяком случае показывала самое искреннее к Нему усердие.

Иисус Христос, пришедший на землю взыскать и спасти погибших, всюду искал заблудших овец дома Израилева и для сего переходил из города в город, из веси в весь, переплывал моря и реки, восходил на горы, углублялся в пустыни, и Мария всюду Его сопровождала, хотя непрестанные путешествия, без сомнения, были тягостны для нее. Иисус Христос, нас ради обнищавший, не имел, где главу приклонить, терпел во всем крайнюю нужду, и Мария усердно служила Ему имением и трудами своих рук. Иисус Христос, совершив дело Свое на земле, идет положить душу Свою за спасение мира, – Мария следует за Ним на Голгофу, неутешно рыдает о Нем с женами иерусалимскими, с трепетом взирает на Его распятие. Сначала она стояла со знакомыми Его поодаль, но потом, забыв всякий страх и повинуясь только влечению своего сердца, приблизилась к самому Кресту Христову, сострадала Божественному Страдальцу в тяжкие минуты Его смерти и приняла последний вздох Его в

свое сердце. Так любила она Спасителя! Ее любовь к Нему, по слову Писания, была крепкая, яко смерть (Песн. 8, 6). Нет, любовь Марии к Иисусу Христу была крепче смерти, она не ослабела и по смерти Его. Тогда как все – и друзья, и враги – оставили Распятого по смерти, Мария Магдалина осталась при Нем. Она видела, как Иосиф и Никодим снимали с Креста Пречистое Тело Иисуса; она сопровождала Его на место погребения; она смотрела и на то, где и как Его полагали. Если же сама не принимала участия в его погребении, то это, без сомнения, произошло от чрезмерной скорби, которая так истощила ее силы, что она, по замечанию Евангелиста, не могла стоять, а сидела против Гроба (см.: Мф. 27, 61). Впрочем, она мысленно стремилась туда, где полагалось сокровище ее сердца – Сладчайший Иисус, и потому, заметив, что Иосиф и Никодим, спеша закончить Его погребение до наступления приближавшейся Субботы, только обвили Тело Его пеленами и осыпали благовониями, а не помазали ароматами, как то бывало при иудейских погребениях, немедленно решилась восполнить это упущение погребальных обычаев и вместе оказать распятому Учителю последнее усердие.

Проведя Субботу в покое, по известному иудейскому обычаю, Мария Магдалина тотчас купила разных ароматов и на другой день рано поутру, еще в предрассветных сумерках, поспешила с ними ко Гробу Спасителя в сопровождении некоторых подруг своих. Мрак ночи, уединенное положение Гроба Господня, близость к нему страшной Голгофы – ничто не могло удержать благочестивых жен. Они идут и думают только о том, как бы скорее помазать Тело возлюбленного Учителя. Мария Магдалина опередила всех и, увидев, что камень отвален от Гроба, тотчас побежала в Иерусалим к апостолам Петру и Иоанну и сказала им в испуге: *Взята Господа от гроба и не вем, где положиша Его* (Ин. 20, 2). Весть эта поразила апостолов, и они бросились ко Гробу, туда же побежала и Мария. Но, придя ко Гробу и увидев в нем одни пелены Спасителя и плат, бывший на главе Его, апостолы возвратились к себе, дивясь всему происшедшему.

А Мария? Она не пошла с ними, но осталась при Гробе, думала об Иисусе и горько плакала о Нем. О, как трогателен сей поступок ее! Как умилительны ее слезы! В них ясно выразилась такая искренняя преданность Иисусу, такая нежная любовь к Нему, какой не имели, кажется, самые усердные и любимые ученики Его. Такую любовь и преданность Господь не мог оставить без награды и утешения. Так и было. Когда Мария стояла и плакала у Гроба, она решила еще раз посмотреть, нет ли в нем где-нибудь Тела Иисусова. Но, приникнув ко Гробу, увидела в нем двух Ангелов, которые сказали ей: *Жено, что плачеши?* Мария

отвечала им то же, что и апостолам: *Взята Господа моего и не вем, где положиша Его* (Ин. 20, 13). Сказав это, она обратилась назад и увидела Иисуса Христа, но не узнала Его, вероятно, потому, что по скромности и в унынии не смотрела Ему в лицо или вид Его изменился по Воскресении, а может быть, и одежда скрывала оный. Тогда Спаситель сказал ей: *Жено, что плачеши? кого ищеши?* Она же, будучи занята мыслию об Иисусе Христе и думою, что говорит с нею вертоградарь, отвечала Ему: *Господи, аще ты еси взял Его, повежд ми, где еси положил Его: и аз возьму Его* (Ин. 20, 15). Тогда Иисус назвал ее по имени: *Марие!* Услышав знакомый голос, который так часто услаждал ее слух и сердце, Мария бросилась к Иисусу Христу и радостно воскликнула: *Раввуни* – Учитель! Господу, конечно, приятен был такой восторг любимой ученицы; но, желая успокоить ее и скорее обрадовать чрез нее других учеников, сильно скорбевших о Нем, Он дружески сказал ей: *Не прикасайся Мне* – не касайся Меня, *не убо взыдох ко Отцу Моему* – Я еще не вознесся на небо; *иди же ко братии Моей, и рцы им*, что Я вскоре *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему* (ср.: Ин. 20, 17). Магдалина тотчас пошла и возвестила ученикам Христовым все, что видела и слышала, но ученики не поверили ей. Между тем она, взяв с собою другую Марию, мать Иакова, опять, в третий раз, пошла *видети гроб*. Может быть, в этом случае руководила ею и тайная надежда, не увидит ли она еще Воскресшего? Так действительно и случилось.

Придя ко Гробу, святые жены нашли там Ангела, который, уверив их в Воскресении Христовом, велел скорее возвестить о нем ученикам Господа. Когда же они шли исполнить это поручение, вдруг встретил их Сам Иисус Христос и сказал им: *Радуйтеся!* И, желая более удостоверить их в Своем Воскресении, Господь дозволил им то, от чего прежде удержал Марию, – допустил их обнять Его нозе и поклониться Ему, яко Господу. Таким образом, Мария Магдалина за горячую любовь свою к Спасителю удостоилась двукратного явления Его и соделалась первой благовестницей Его Воскресения. Как должно было радовать ее это особенное благоволение к ней Господа! Какой новой горячностью к Иисусу преисполнилось ее любящее сердце!.. И подлинно, Мария Магдалина показала такое усердие к Воскресшему, какого не видим ни в одной другой Его ученице.

Подобно апостолам, оставив все – и дом, и друзей, и отечество, – она посвятила всю жизнь свою на благовестив Христово и огласила им не только Иудею, но многие языческие страны. Она была и в Риме; здесь нашла доступ к самому кесарю Тиверию и, поднесши ему красное яйцо,

прекрасный образ возрождения к жизни, сказала ему в приветствие: «Христос Воскресе!» Она подробно возвестила кесарю все дела и учение Господа, показала Его невинность и ясно обличила неправедных судей Его, а через то возбудила в кесаре сильный гнев на Пилата и Каиафу, которые и получили праведное воздаяние за нечестивые дела свои. Можно думать, что на сей подвиг Магдалины указывает апостол Павел в своем Послании к Римлянам, когда говорит: *целуйте Мариам, яже много трудися о нас* (Рим. 16, 6). Из Рима святая равноапостольная Мария Магдалина отправилась с благовестием в другие места и, наконец, прибыла в Ефес к Иоанну Богослову, к которому влекла ее присущая им любовь ко Спасителю. Здесь она мирно и преставилась ко Господу. Братия и сестры о Господе! Подражайте ей в христианских добродетелях. Подражайте ей вы, сестры о Господе: ибо она была подобострастная вам жена. Подражайте ей и вы, братия: ибо стыдно для мужей уступать женам в добрых подвигах. Подражайте ей все: ибо это для всех возможно и душеспасительно. Мария Магдалина совершенно посвятила себя на служение Господу: и вы будьте верными Его рабами. Мария Магдалина всюду за Ним следовала и была усерднейшей Его ученицей: и вы неуклонно следуйте стопам Его, усердно внимайте Его слову и тщательно исполняйте Его святые заповеди. Мария Магдалина помогала Господу имением и трудами рук своих: и вы тоже делайте, если не лично ему, что теперь невозможно для нас, то Его Церкви, которую Он именует Своим Телом, и меньшим Его братьям – бедным людям. Каждая лепта, употребленная в их пользу, каждая кроха, им поданная, будет иметь великую награду от Господа, ибо Сам Он говорит: *понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

Мария Магдалина сопровождала Господа на Голгофу, взирала на крестные Его страдания и как бы распиналась с Ним от скорби: и вы, братия и сестры, чаще переноситесь мыслию на Голгофу, чаще представляйте себя при подножии Креста Христова и размышляйте о том, что претерпел Сын Божий греха нашего ради, плачьте о самих себе, рыдайте о грехах ваших и страшитесь снова распинать ими Господа. Мария Магдалина приходила к Спасителю с ароматами и, не найдя Его во Гробе, всюду усердно искала Его, доколе не удостоилась узреть Его по Воскресении. И вы прибегайте к Нему с духовным фимиамом – со святыми молитвами, и вы ищите Его мысленно всюду: и в храмах Божиих, где Он благодатно присутствует в своих Таинствах, и в видимой природе, где Он открывается Своим могуществом и благостью, и в собственном своем сердце, где Он отзывается во гласе нашей совести. Стремитесь к

Нему духом на небо, где Он сидит одесную Бога. Поступая так, вы некогда сподобитесь узреть Его лицом к лицу на небесах. Мария Магдалина открыто пред всеми исповедала себя ученицею Спасителя; не стыдитесь и вы показывать себя всегда и во всем истинными учениками Господа, не страшитесь укоризн и осмеяний, коим сыны века сего подвергают хотящих распространять благочестие среди детей, друзей и домочадцев ваших. Постараемся и во всем этом подражать святой Марии Магдалине, а ты, равноапостольная, подкрепи нас в добрых подвигах дарованною тебе благодатию!

Пример живой любви к Богу

В городе Едессе, в Месопотамии, император Валент, зараженный арианской ересью, приказал запереть православные церкви, чтобы не совершались в них богослужения. Православные христиане стали собираться для служения Божественной литургии за городом в полях. Узнав об этом, Валент приказал предать смерти всех христиан, которые впредь будут собираться там. Начальник города Модест, которому дано было это повеление, из сострадания тайно известил о нем христиан православных, чтобы отклонить их от собраний и угрожающей смерти; но христиане своих собраний не отменили и в следующее воскресенье явились в еще большем числе для совместной молитвы. Начальник, проходя через город для исполнения своей обязанности, увидел одну женщину, одетую опрятно, хотя и бедно, которая торопливо выходила из своего дома, не заботясь даже запереть дверей, и вела с собою младенца. Он догадался, что эта православная христианка спешит в собрание, и, остановясь, спросил ее:

– Куда ты спешишь?

– В собрание православных! – отвечала жена.

– Но разве ты не знаешь, что всех там собравшихся предадут смерти?

– Знаю и потому спешу, чтобы не опоздать в получении мученического венца.

– Но для чего же ведешь с собою младенца?

– Для того, чтобы и он участвовал в том же блаженстве.

Любовь христианская – закон человеческого сердца

В Евангелии Господь на вопрос одного законника: *что сотворив живот вечный наследую?* (Лк. 10, 25) указал ему на заповедь о любви к Богу и ближнему. Люби Бога и ближнего, так сказал Господь, и ты войдешь в Жизнь Вечную.

Любовь есть закон нравственно-разумной жизни. Закон этот должен соединить все существа в беспредельной гармонии. Вне этого закона для тварей, которые остаются непослушными ему, возможно только блуждание, страдание и смерть.

«Христианство заповедало привязанности такие, каких природа никогда не внушала человеку, оно их благословляет, оно их вызывает».

Представим примеры, подтверждающие эту мысль.

Вот во вратах Иерусалима иудей. Человек этот терпит жестокую муку, палачи окружают и терзают его, как дикие, кровожадные звери; по лицу его струится кровь; он поднимает к небу взоры, полные ангельской кротости: он молится за тех, которые побивают его камнями. Бог заповедал ему любить, – и он любит. Это святой первомученик Стефан.

Вот фарисей, сын фарисея, Савл из Тарса. По закону естественного превосходства все предрассудки, вся гордость, все узкие понятия, вся ненависть его племени и его школы должны были сосредоточиться в нем и достигнуть своей высшей степени. Человек этот пишет тринадцатую главу Первого Послания к Коринфянам, т. е. самый высокий гимн любви, какой когда-либо слышала земля. Бог заповедал ему любить, – и он любит.

Когда христианка, воспитанная среди роскоши и изящества, заключает себя в школу или больницу и здесь выносит грубость, грязь, лишения, постоянные неприятности, то почему вы большею частью встречаете на лице ее дивно прекрасное отображение мира, которого не имеют женщины света? Бог заповедал ей любить, – и она любит.

Когда миссионер идет на добровольную ссылку в ледяные страны, под небо, которое есть не более, как широкий саван; когда он заключает себя в нездоровые хижины, где атмосфера постоянно переполнена миазмами; когда он обрекает себя на отвратительное питание; когда после многих лет геройского труда он успевает, наконец, сделать там весь народ верующим, который на своем необразованном и грубом языке поет священные гимны, которых мы не можем слышать без умиления, – откуда пришло к нему это одушевление? Бог заповедал ему любить, – и он любит.

И когда возле нас супруга или мать-христианка, вынужденная, как мы видим это очень часто, терпеть непрестанные обиды, насмешки, грубости, измену, всему этому противоставляет кротость, великодушие, которого ничто не сокрушает; когда она умеет оставаться достойной без раздражения и спокойной без слабости; когда она скрывает от всех свои тайные огорчения и свое горе; когда она учит своих детей уважать имя, которое недостойный отец бесчестит своим поведением; когда она, претерпев все эти обиды, находит в себе силы, чтобы в предсмертной болезни думать о своем муже, который возвращается к ней; когда ей остается только умереть, – думаете ли вы, что в такой бедственной жизни, более частой, чем вы подозреваете, достаточно одних побуждений природы? Нет, и вы это хорошо знаете. Здесь есть нечто иное, чем природа. Бог заповедал этой женщине любить, – и она любит, она прощает, она терпит, она забывает и любит...

Значит, правда, что мы можем учиться любить, значит, правда, что сердце может побеждать природу (т. е. инстинкты своей природы – вместо мести врагу платить добром, вместо гнева и раздражения отвечать любовью и кротостью). Любви открыто бесконечное, не то бесконечное в беспорядке, где она находит только рабство в подчинении плоти, а то высшее бесконечное, где святая любовь ширится в своей вечной полноте и где она может обнимать все существа, даже те, к которым сердце в своем естественном состоянии испытывало бы только ненависть и отвращение.

Повинуясь закону сердца, в котором перстом Божиим написана святая любовь, человек-христианин, проявляя свою любовь, желает не того, чтобы ему служили, но желает сам служить другим. Он не знает ни гордости, ни унижения, служит слабому и бессильному, жалкому и отверженному. Здесь проявляется один из законов христианской любви, состоящий в том, чтобы сильное подавало помощь слабому, низшее поддерживалось высшим. Это, в сущности, есть проявление общего закона любви. *Иже аще хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга: и иже аще хощет в вас быти старей, да будет всем раб,* сказал Господь наш Иисус Христос (Мк. 10, 43–44).

Почему? Потому что неестественно, чтобы слабое и немощное служило сильному и могущественному, высшее поддерживалось низшим. Естественнее наоборот: чтобы сильное подавало помощь слабому, низшее поддерживалось высшим.

Милости хочу, а не жертвы

Два крестьянина собирались побывать в Иерусалиме – поклониться Гробу Господню. Помехи по дому никакой у них не было: у обоих были уже взрослые дети, распоряжавшиеся всем хозяйством. Всё приготовили богомольцы и назначили день, когда отправиться им в путь. Настал, наконец, этот день, – и что же? Один из них – и именно тот, который первый задумал идти в Иерусалим, – вдруг объявляет своему товарищу, что он раздумал и остается дома. А что заставило его изменить принятое решение, этого он не объяснил. Удивился и огорчился сосед, стал уговаривать его; но упрямец настоял-таки на своем и остался. Делать нечего, пришлось отправиться одному в дальнее странствование. Благополучно добрался он до Иерусалима и стал обходить святые места, вспоминая частенько своего оставшегося дома соседа и осуждая его в душе за неверность своему слову, да еще в таком святом, великом деле. Но каково же было удивление нашего странника, когда в числе богомольцев в Иерусалиме он увидел и своего соседа, оставшегося дома. И везде, где ни приходилось ему бывать на поклонении святым местам, везде решительно видел он своего приятеля, который всегда был впереди, на глазах его. Но сколько он ни старался, никак не мог сойтись с ним: толпа постоянно оттирала его. Вот-вот еще немножко, и он доберется до него, – глядь, а уж тот опять далеко впереди... Еще более огорчился наш странник, думая, что сосед обманул его, пришел в святой город один и теперь нарочно бегает от него. Побывав везде, где нужно, он отправился, наконец, домой вместе с другими паломниками. А сосед как в воду канул: нигде уж не видел и не встречал его более наш странник. «Знать, он раньше меня отправился домой», – думал про себя возвращавшийся восвояси путник.

Вот вернулся он, наконец, домой и стал расспрашивать своих домашних, воротился ли из Иерусалима сосед, не захотевший идти вместе с ним. Те удивились и сказали ему, что сосед и не думал вовсе ходить в Иерусалим, а все время оставался дома. Не поверил он своим домашним и сам пошел к соседу, который встретил его радостно и спросил, как Бог помог ему побывать в Иерусалиме.

– А нехорошо, соседушка, так-то делать, – сказал на это с упреком гость хозяину.

– Что такое? – спросил тот в недоумении.

– Да как же, братец ты мой, не захотел идти со мною в Иерусалим, пошел один, а там все бегал и прятался от меня.

– Не понимаю я, друг любезный, что это ты такое говоришь.

– Не морочь мне голову, пожалуйста, ведь я сам, своими глазами видел тебя в Иерусалиме – и не один раз и не в одном месте.

– Бог мне свидетель, что, пока ты был в Иерусалиме, я оставался здесь и никуда решительно не отлучался. А если уж ты не веришь мне, так спроси других.

Соседи единогласно подтвердили слова его. После этого странник наш не знал, что и думать. Дело становилось загадочным. После многих и долгих расспросов сосед признался, почему не пошел на богомолье, а остался дома. В то самое время, как им отправиться в путь, умер один знакомый ему крестьянин и оставил после себя малолетних детей в горькой нужде. Жалко соседу стало бедных, бесприютных сирот, так жалко, что он не знал себе покоя. И вот решился он на следующее: как ни сильно хотелось ему побывать в Иерусалиме и поклониться святым местам, отказался от этого дела святого, чтобы припасенными на дорогу деньгами оказать помощь несчастной семье.

Открылись глаза у нашего странника, понял он, что значат слова Господни: *милости хочу, а не жертвы* (Мф. 12, 7); понял, что милостью к ближнему можно угодить Богу не меньше, а может и больше, чем усердием к странствованию на богомолье, и что за милостыню Господь принимает и одно намерение поклониться святым местам, равно как и само дело.

Женщина как Мать-Христианка

В христианстве не только мужчины, но и женщины призваны служить роду человеческому по своим силам и способностям. В Церкви Христовой и мужчины, и женщины одинаково призваны для благовествования Святого Евангелия. Примером тому служат святые жены-мироносицы, которые не только служили Господу при Его земной жизни, но и по Воскресении Его много потрудились для проповеди Евангелия среди язычников. Святая равноапостольная Мария Магдалина, например, после Вознесения Господня проповедовала веру Христову во многих странах и даже была в Риме. Сохранилось предание, что, будучи в городе Риме, святая равноапостольная Мария Магдалина предстала Тиверию кесарю и возвестила ему все о Христе Спасителе; из Рима она прибыла в город Ефес к святому Иоанну Богослову и там также проповедовала о Христе. Другая мироносица, святая Мариамна, сестра святого апостола Филиппа, сопутствовала своему брату и разделяла с ним и с апостолом Варфоломеем труды и страдания при благовествовании Святого Евангелия; в некоторых городах они втроем день и ночь неустанно проповедовали Слово Божие, наставляли неверных на путь спасения и многих привели ко Христу. После мученической кончины святого брата своего святая Мариамна пошла в Ликаонию к язычникам, проповедовала там Святое Евангелие и почила с миром. Святая Иуния, родственница святого апостола Павла, вместе со святым Андроником, принадлежавшим к лику семидесяти апостолов, также ревностно трудилась в благовествовании Святого Евангелия[4]. Святая Ирина великомученица была столь высокою благовестницею Святого Евангелия, что обратила ко Христу родителей своих, и весь царский дом, и около восьмидесяти тысяч жителей города Магеддона; в городе Каллиполе она привела ко Христу до ста тысяч человек, а во Фракии, в городе Месемврии, она обратила в веру Христову царя и весь народ.

Некоторые из женщин за свою ревность в распространении веры Христовой получили в нашей Церкви название равноапостольных; это святая Мария Магдалина, святая первомученица Фекла, святая царица Елена, святая Ольга, великая княгиня Русской земли, и другие. Вообще, должно сказать, что женщины много потрудились для распространения веры Христовой на земле.

Женщины-христианки! И вы должны подражать высокому примеру святых жен-мироносиц, сотрудниц святых апостолов, и других святых жен, трудившихся для распространения веры Христовой. Ваша проповедь

о Христе и теперь весьма необходима и может быть многоплодна. Кому же мы будем проповедовать веру Христову? – спросите вы. Детям вашим; семья ваша – вот место для вашей проповеди. И сколько может сделать добра для своих детей мать-христианка! Как легко может она вкоренить в сердца юных детей страх Божий, любовь к ближнему, послушание и многие другие христианские добродетели и правила благочестия! Благочестивая мать-христианка сумеет лучше всякого другого научить своих детей и верить, и любить, и надеяться на Бога, и трудиться, и беречь родительское достояние, – словом, жить по закону и заповедям Божиим. Ибо к кому дети ближе, как не к матери своей? Пусть же всякая мать-христианка, питающая детей своих телесно по чувству любви к ним, питает их и духовной пищей. Если вырастет сын верующим и благочестивым, то он и Бога будет бояться, и родителей своих будет любить, уважать, слушаться, и в старости их о них заботиться, и не дерзнет ослушаться отца или матери и оскорбить их.

Из времени гонений язычников на христиан известно много примеров твердости в вере, любви и послушания детей, воспитанных матерями-христианками. Одна мать так говорила сыну своему во время гонений: «Сын мой! не считай твои годы, но с самых юных лет начинай в сердце твоем носить истинного Бога. Ничто на свете не достойно столь горячей любви, как Бог; ты скоро увидишь, что для Него оставляешь и что в Нем приобретаешь!» И внушения матери не остались напрасными. «От кого узнал ты, что Бог един?» – спрашивал языческий судья одного христианского отрока. Отрок так отвечал: «Этому научила меня мать, а мою мать научил Дух Святый, и научил для того, чтобы она меня научила. Когда я качался в колыбели и сосал ее грудь, тогда еще научился веровать во Христа!»

Прочтите еще, например, жизнь римлянки святой Софии с ее тремя дочерьми: Верой, Надеждой и Любовью, – там вы увидите великий, достойный внимания и подражания пример женщины-христианки. Святая София старалась посеять и посеяла в сердцах своих юных дочерей семена истинной веры Христовой: они и доказали твердость и неизменность своей веры, претерпев ужасные муки за имя Христово... Напрасно бессердечные мучители склоняли их к измене христианской вере: они отдали жизнь за ту веру, которую благочестивая мать их, святая София, вселила в сердце их.

У святой Эмилии по смерти мужа осталось девять детей. Всех их она воспитала в глубокой вере и благочестии. Трое из них впоследствии стали епископами и великими учителями Церкви: Василий Великий

Кесарийский, Григорий Нисский и Петр Севастийский.

Благочестивая христианка Нонна, мать святителя Григория Богослова, обратила в христианство своего супруга Григория, который был впоследствии епископом каппадокийского города Назианза. Праведная Нонна молила Господа дать ей сына и обещала посвятить его на служение Ему. Господь исполнил ее усердную молитву: у нее родился сын и назван был Григорием. Благочестивая мать старалась внушить сыну еще с отроческих лет веру в Бога, любовь к Нему и правила христианского благочестия. Будучи воспитан в вере и благочестии, Григорий стал епископом Константинограда, был великим учителем и прозван Богословом.

И благочестивая Анфуса, мать святителя Иоанна Златоустого, овдовев на двадцатом году своей жизни, не захотела вступить во второй брак, а занялась воспитанием своего сына и особенно старалась, чтобы он изучил Божественное Писание. И ничто потом не могло изгладить из души ее сына этого христиански благочестивого воспитания: ни дурные примеры товарищей, ни языческие учителя.

Пример Моники, матери блаженного Августина, особенно ясно показывает, что может сделать мать-христианка для своих детей. Блаженный Августин получил от своей матери первое наставление в вере и благочестии. Но, не успев укрепиться в истинах святой веры, живя в кругу развратных товарищей, он увлекся их примером, стал вести беспорядочную жизнь и даже впал в ересь; однако, благодаря попечениям и горячим молитвам матери, снова был направлен на истинный путь и возвращен к Богу.

Вот как велико, благотворно и душеспасительно влияние матери-христианки на детей своих!.. Посему, женщины-христианки, учите и вы детей ваших главным и основным правилам веры Христовой, заповедям Божиим, молитвам, воспитывайте их в страхе Божием и, таким образом, приготовляйте из них истинных чад Церкви христианской, добрых и усердных деятелей для общества и верных слуг нашему Отечеству; в этом ваша главная обязанность, в этом ваша проповедь Святого Евангелия! Христианским воспитанием и научением детей вере и страху Божию и собственным примером доброй и благочестивой жизни вы устроите благополучие и счастье своих детей, за что получите в сей жизни милость и благословение от Бога, а в жизни будущей удостоитесь блаженства и славы. О, блаженна та мать-христианка, которая и к временной жизни родила, и к вечной жизни приготовила детей своих! Такая мать бестрепетно предстанет пред Праведным Судией и с дерзновением скажет:

«Вот я и дети, которых Ты дал мне, Господи!»

Женщины в первые века христианства

Господа нашего Иисуса Христа в его земной жизни сопровождали женщины. Он проявлял к ним Свое милостивое участие: Господь обличал фарисеев в притеснении вдов и в чувстве презрения, какое они имели к заблудшей женщине; Он даже самых падших призывает к покаянию, ободряет и утешает их. Блудница, падшая к ногам Иисуса Христа, умащавшая их ароматами и отиравшая власами своими, жена, уличенная в прелюбодеянии, и, наконец, вдовица, положившая две лепты в сокровищницу храма, находят себе защитника и покровителя в Иисусе Христе. Он входит во все законные нужды женщин, не делает разницы из-за происхождения – и самарянке, и хананеянке одинаково оказывает Свое участие и помощь, возбуждает в них восторг Своей проповедью; простой женщине, и к тому же самарянке, открывает высочайшие истины о духовной, благодатной жизни, о служении Богу духом и истиною и о Своем мессианском достоинстве. Во всей Своей жизни показывает пример любви и послушания Своей Святой Матери и Свою нежную заботливость о Ней проявляет даже среди ужасных страданий на Кресте. В благодарность за милостивое участие и женщины являют Ему свое глубокое сочувствие и преданность; женщина восторженно исповедует Его величие, женщина проповедует о Нем как о Мессии, женщина заступается за Него пред Пилатом, – женщины плачут, видя Его идущим на страдания, не оставляют Его при Кресте и изъявляют заботливость о Его погребении, навещают Гроб Его, первые удостаиваются явления Воскресшего Господа и делаются первыми благовестницами Его Воскресения.

В век апостольский мы видим то же самое. Женщины, как и мужчины, являются слушательницами, спутницами и помощницами апостолов и много содействуют им в распространении веры и устроении Церкви Христовой. Значение их трудов и попечений для апостолов и для веры Христовой видно из того, что о многих из них с благодарностью упоминается в книге «Деяния святых апостолов». Весьма многих из женщин приветствует в своих Посланиях апостол Павел, равно как упоминают о них и другие апостолы.

Одушевленные верой Христовой, женщины вскоре с честью заявили о себе и на поприще мученичества. За первым мучеником, архидиаконом Стефаном, в тот же век апостольский совершила подвиг мученичества святая Фекла.

В последующий за апостольским период распространения и утверждения христианства женщины продолжают играть видную и деятельную роль. Есть глубоко верное выражение одного церковного писателя Тертуллиана, что душа наша по природе своей христианка. Справедливость сего как нельзя более проявляется на примере женщин-христианок. Женщине недаром приписывают проницательность, способность узнавать истину посредством какого-то чутья. Так женщина отнеслась и к христианству. Она скоро убедилась сердцем в его истинности. Замечено в истории распространения христианства, что вообще женщины скорее мужчин принимали христианство, прежде своих отцов, мужей и братьев, с твердостью и самоотвержением исповедовали его и других располагали к тому же. Святая вера, служившая для многих соблазном и безумием, проникала в дома знатных римских граждан посредством благочестивых хозяек.

Женщины разных сословий и возрастов, не исключая и самого молодого, пополняют, можно сказать, ряды мучеников и «мужественнее львов», по выражению святителя Иоанна Златоуста, с геройским спокойствием переносят жесточайшие страдания. Женщины с большой опасностью для себя посещают христианских узников, и когда язычники, заметив, какое влияние оказывают христианские женщины на заключенных, воспретили им вход в темницы, они решались даже на такие меры: отрезали волосы, одевались в мужское платье, пренебрегали женскими украшениями, лишь бы иметь возможность служить исповедникам. Кто бесстрашно собирает останкимучеников и достойно погребает их? Это прежде всего женщины-христианки, как отмечено почти во всех сказаниях о мучениках христианских. Желаете ли видеть женщин на высоком поприще провозвестниц христианской веры, способствовавших ее распространению? Вот перед нами славные имена: святая равноапостольная Елена, мать императора Константина, ставшая христианкой прежде своего сына. Она содействовала обращению его, и потом всю жизнь покровительствовала христианам, и прославилась своим усердием в открытии христианских святынь, в числе которых был и святой Крест; равноапостольная княгиня Ольга, бабушка святого равноапостольного князя Владимира; святая Нина, просветительница Грузии, и другие. По отношению к отцам и учителям Церкви женщиныиграют такую же важную роль, как и при апостолах. Они оказывают им всевозможную помощь, поддерживают материальными средствами, помогают своими знаниями и, в свою очередь, окружены полным вниманием, уважением и преданностью. Многие из них известны

только своими подвигами, имен же их не сохранила история. К Но вот и славные имена, известные нам: Феосва-диаконисса, сестра святителя Григория Нисского и неутомимая его сотрудница; Олимпиада, богатая и знатная гражданка Константинополя, которая, овдовев в ранней молодости, отказалась вступить во второй брак с родственником царя Феодосия Великого, потерпела за это много неприятностей, приняла звание диакониссы, вела жизнь самую простую и строгую, посвятила труды и огромные богатства на добрые дела и была благодетельницей великих святителей – Григория Богослова, Иоанна Златоуста и многих других. Некоторые из женщин известны своим благотворным влиянием на неверных и еретиков, так же как и на православных, как, например, Мелания младшая. Другие известны своими благочестивыми путешествиями, основанием церквей и монастырей, странноприимных домов и уходом за больными, основательным знанием Священного Писания. Такова была Фабиола, знатная и богатая римлянка из фамилии Фабия, сделавшаяся благодетельницей римлян и граждан всей Италии, на похороны которой, в благодарность за благодеяния, собрался целый Рим.

Желаете ли видеть женщин-подвижниц? Вот они: Синклитикия и Феодора Александрийские, Феврония, Макрина, Мария Египетская, Анфуса, Кассия со многими другими. Скажут, что это редкие, избранные женщины, действовавшие по призванию, и пример которых не всем доступен. Но не было недостатка и в знаменитых женщинах, так же благотворно действовавших и в скромном домашнем кругу. Благодаря этим доблестным христианкам закоренелые в язычестве мужья становились истинными христианами; сыновья, с самых ранних пор, можно сказать, с молоком матери – как три вселенских святителя – усваивали себе на всю жизнь уроки христианской веры и нравственности или же после долгого блуждания и беспорядочной жизни, по слезным молитвам матери, обращались, наконец, как блаженный Августин, и плодоносно служили христианству; братья рано направлялись добрыми примерами сестер по пути добродетели; внуки соревновали подвигам своих бабушек и передавали о них в назидание грядущим поколениям.

Перед такими великими женщинами-христианками, воспитывавшими даже целые поколения – честные, добродетельные, святые, – не могли не преклоняться с удивлением и сами язычники. «Что это за женщины у христиан!» – восклицал Ливаний, один из знаменитых ученых язычников IV века, наставник святителя Иоанна Златоустого. Не мечтая о внешних подвигах, эти доблестные жены в тиши, незаметно для мира, сослужили великую службу человечеству; не доискиваясь особенных прав,

наилучшим образом воспользовались правами христианских матерей, жен, сестер, девиц и заслужили неоспоримое право на вечную благодарность человечества, не стремясь к почетным должностям, к широкой общественной деятельности, в малом, тесном кругу совершили истинно великие дела.

Всесторонне хвалебный отзыв язычника Ливания о христианских женщинах дает нам повод представить ту резкую противоположность, которая существовала между христианскими женщинами и их современницами – женщинами-язычницами, и большей частью из одного и того же высшего класса общества. Между тем как знатная римская женщина-язычница думает только о нарядах и уборах, мучится и беспокоится из-за того, чтобы окрасить волосы в модный рыжий цвет, носить золото, жемчуг и другие драгоценности даже на обуви, – украшение женщины-христианки составляет, согласно заповеди Апостола, *не внешнее плетение волос, не золотые уборы и нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого, молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1Пет. 3, 3–5).

В то самое время, как язычницы веселятся на своих праздниках в честь их богов, христианские жены и дочери сидят дома, занимаясь вязанием и шитьем, услаждая и освящая свою работу пением священных гимнов. В то время как знатную римлянку несут на носилках, знаменитая христианка Павла проезжает всю Палестину верхом на осле. В то время как язычница для своего удовольствия подвергает смерти пятьсот рабынь, христианка Мелания кормит в Палестине пять тысяч верующих христиан. В то время как знатная римлянка присутствует на гладиаторских зрелищах и раздает знаки одобрения победителям, Мелания переодевается рабой, чтобы снести в темницу пищу христианским пленникам. Между тем как в сердце пресыщенной удовольствиями язычницы царит суровый эгоизм, Павла продает все, чтобы отдать бедным, и даже занимает, чтобы самой ссудить. «Берегитесь, – пишет ей по этому случаю блаженный Иероним, – сказано: «кого есть два платья, пусть отдаст одно», а вы даете три!» «Что ж такое! – восклицает она. – Буду ли я доведена до нищенства или до займа, семейство будет платить всегда моему заимодавцу и поможет мне сыскать кусок хлеба; но если бедный, оттолкнутый мною, умрет с голода, кто ответит за его смерть, как не я?»

В то время как в язычестве пороки женщины не только не возбуждали в ней раскаяния, но были поощряемы и возводимы иногда даже в степень религиозного служения, христианка Мария Египетская, после долгой порочной жизни, почувствовала при виде Голгофы такое глубокое

раскаяние, что тотчас бросила прежний путь, углубилась в пустыню и в продолжение тридцати лет жила одна, без одежды, питаясь травами и влачась под палящим солнцем. Вот какие образцы нравственного совершенства представляют нам христианские жены!

Мужество христианских жен во времена гонений

Сила Божия совершается в немощах человеческих; а где она обитает и действует, там и слабая сила человеческая крепче обыкновенных сил человека; с ней и слабая природа жен оказывает действия, достойные доблестных и неустрашимых исповедников Христовых.

В Антиохийской Церкви жила благочестивая жена Публия, которая, по смерти супруга своего, будучи посвящена в звание диакониссы, окружила себя целомудренными девами, давшими Богу обет во святом девстве проводить всю жизнь. С ними совершала она подвиги благочестивой жизни, ежедневно восхваляла Бога Творца и Благодетеля своего в священных песнях. Гонителю христианства, богоотступнику Юлиану, не могли быть приятны такие благочестивые подвиги жен христианских и такая хвала Христу Спасителю из уст девственниц христианских: его ненависть, запрещения и угрозы тяготели над всем, что носило имя Христа.

Однажды, когда Юлиан проходил мимо обители христианских девственниц, при виде его неустрашимые подвижницы еще громче обычного запели песни хвалы и славословия Богу. Эти мужественные исповедницы Христовы избрали те песни, в которых восхвалялось величие Бога истинного и осмеивалось ничтожество идолов. Слыша это, поборник идолов оскорбился и приказал девицам молчать, когда он будет проходить мимо. Но беззаконное запрещение не страшно тому, кто знает, что неправедно повиноваться человеку более, чем Богу; и благочестивая Публия, не устрашившись запрещения Юлианова, воодушевила христианских дев еще большей ревностью, и когда царь снова проходил мимо их обители, велела им петь: *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его.* Это еще более раздражило врага Божия, и он приказал привести к себе начальницу хора. Перед ним явилась старица, достопочтенная по летам и сединам, величественная в доблестях мужественной души. Богоотступник приказал каждому из оруженосцев своих бить благочестивую старицу по лицу. Но угрозы и раны, нанесенные ожесточенным врагом, не устрашили души смиренномудрой жены-христианки: вменив понесенное бесчестие за Христа в высокую честь себе, она не переставала с хором дев своих по-прежнему славословить Господа, несмотря на запрещения и угрозы гонителя[1].

Образ девицы-христианки

Высоко призвание женщины-христианки. Предназначенная к жизни на небе, она здесь, на земле, должна выполнять великое служение в качестве жены и матери. Счастлив супруг, имеющий хорошую жену, но еще более счастливы дети, имеющие добрую, любящую мать-христианку. Но чтобы быть достойной женой и настоящей матерью, необходимо подготовить себя к этому еще в девичестве. Все поведение девицы-христианки должно носить на себе печать сознательной, разумной жизни, должно быть проникнуто твердой верой в Бога и всецелой детской преданностью Его благому Промыслу.

Живой образец истинной христианки можно найти в житии святой мученицы девицы Евлалии. Она была дочерью благочестивых родителей, живших в Испании, в селении, находящемся близ нынешнего города Барселона. Родители очень любили дочь за кротость, смирение и послушание. Научившись грамоте, святая Евлалия часто читала священные книги, а молитва, можно сказать, была ее пищей: она славила Господа во дни и в нощи. Жила Евлалия в особой комнате при доме родителей и тут предавалась молитвенным трудам, читала своим подругам священные книги, объясняла им прочитанное, за что те любили ее, как «свою душу». Под влиянием непрестанной молитвы и чтения религиозно-нравственных книг у нее в сердце рано зародилось святое намерение посвятить себя девственной жизни.

Когда святой Евлалии было четырнадцать лет, началось гонение на христиан со стороны римского императора Диоклетиана. По приказанию императора в Барселону прибыл игемон Дакиан: он разыскивал христиан, заставлял их приносить жертвы идолам, а тех, кто отказывался, подвергал страшным мучениям и казнил. Узнав об этом, святая Евлалия решила идти в город. Увидев игемона, сидевшего на городской площади, она смело подошла к нему и сказала: «Судия неправедный! вот ты сидишь на высоком престоле и не боишься Бога, Который выше всех. Затем ли ты сидишь здесь, чтобы губить невинных людей, созданных по образу и подобию Божию? Люди должны служить одному истинному Богу, ты же принуждаешь их служить сатане, а непокорных подвергаешь смертной казни!» Удивленный игемон спросил святую деву: «Кто ты и откуда?» «Я Евлалия, раба Господа Иисуса Христа, Который есть Царь царей и Господь господей; на Него уповая, я не убоялась прийти сюда и обличить тебя», – отвечала святая Евлалия. Разгневанный игемон приказал тогда обнажить

ее и жестоко бить палками по спине. При этом он издевался над святой страдалицей, поносил христианского Бога, советовал ей раскаяться и просить прощения, а юная дева говорила мучителю: «Знай, жестокий мучитель, что я не ощущаю боли от налагаемых тобою мне ран, потому что меня защищает мой Владыка Христос, Который в страшный День Суда осудит тебя на вечные муки!» Озлобленный игемон повелел тогда повесить святую Евлалию на дереве и строгать ее тело железными гребнями. Но мало этого было жестокому мучителю: он приказал зажечь свечи и опалять ими тело святой девы до тех пор, пока она не умрет. А святая отроковица, как бы не чувствуя страданий, так молилась: «Господи Иисусе Христе! услыши молитву мою, соверши милосердие Твое на мне и упокой меня с избранными Твоими в Царстве Твоем». Сказав эти слова, она скончалась. Народ, присутствовавший при этом, видел белую как снег голубицу, которая вылетела из уст святой мученицы и воспарила к небу. На третий день по кончине святой страдалицы тело ее было тайно взято с площади и с честью предано погребению.

Вот образ жизни христианской, которой должны подражать по мере своих сил современные девицы. Из жития святой Евлалии мы видели, что молитва была ее непрестанным занятием. Она славословила Господа «во дни и в нощи». Молитва дома и в храме, в начале и конце каждого дела должна быть отличительной чертой поведения и каждой христианской девицы. Она должна углубить в своем сердце твердую веру в Бога и детскую преданность Его премудрому водительству, должна всегда памятовать, что в мире ничего не совершается без воли Божией, и быть готовой на все, что бы ни послал ей Господь в жизни. При таком только настроении девица смело может вступать на жизненный путь, который, кстати сказать, бывает усеян больше шипами, чем розами, – при таком только настроении она бодро может нести на своих раменах жизненное бремя, налагаемое на нее долгом жены и матери: она не упадет духом, не опустит в отчаянии руки, какой бы тяжелый крест ни выпал на ее долю, а с глубоким смирением и покорностью донесет его до могилы.

К родителям своим христианская девица, по примеру святой Евлалии, должна питать уважение, любовь, быть покорной, послушной им во всем. К сожалению, нередко приходится видеть и слышать, что непокорные девицы не только не слушают родителей, но даже держат себя по отношению к ним заносчиво, дерзко, надменно; дозволяют грубые выходки, говорят им, что они люди отсталые, отжившие свой век, что теперь-де время не то; встречаются даже и такие, которые без согласия и благословения родителей выходят замуж. Явление печальное и достойное

горького сожаления! Нет, девицы всегда должны уважать и почитать своих родителей, кто бы они ни были. Они всегда должны ставить себя на место родителей: это оградит их от многих ошибок. Пусть они имеют в виду, что и у них могут быть дети, которые будут относиться к ним так же, как они к своим родителям. Непочтительные дети – самое великое горе для родителей. Кто почитает родителей, того и самого почтут его дети.

Христианская девица должна вести трудовую жизнь, избегать праздности, лени. Она должна быть ближайшей помощницей своей матери в ведении хозяйства. Поступая так, она рано научится порядку, хозяйству, вступит в жизнь с полным знанием своего дела: ей не придется учиться тогда, когда надо будет уже работать, трудиться, а не учиться. Мы знаем, что многие девицы, вступая в жизнь, горько раскаиваются в том, что в свое время не приучились к труду, к хозяйству. Еще находясь в доме матери, каждая девица должна уметь шить, вязать, приготовить хотя бы самое простое кушанье. Рукоделие, помощь матери в хозяйстве, милостыня, странноприимство, уход за младшими братьями и сестрами должны быть непрестанным ее упражнением.

Христианская девица должна избегать роскоши в нарядах, что составляет общую слабость почти всех девиц. Надо довольствоваться тем, чем наградил Господь, а не придавать себе искусственной красоты. Лучшее украшение девицы и женщины вообще составляет, по Апостолу, *не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1Пет. 3, 3–4). Смысл слов святого Апостола такой: главным предметом забот девицы должна быть не внешность, *а сокровенный сердца человек*, т. е. душа, сокрытая в теле, сердце человека. Под *кротким и молчаливым духом* разумеется самообладание, которое состоит в том, чтобы ни на что не обижаться, никого не обижать, не давать воли языку, не празднословить, не осуждать, вести себя скромно и смиренно. Такое самообладание есть долг всякого христианина, особенно христианки. Ничто так не унижает женщину, как отсутствие кротости и скромности, сварливость, придирчивость, болтливость, склонность к пустословию, пересудам.

Прошу вас и умоляю, девицы-христианки, ходить достойно своего звания. Подражайте в своей жизни святым девам, например святой Евлалии. Этим вы угодите Богу и спасете свои души.

Девицы – помощницы в семье

Настоящее размышление наше мы посвятим тем из вас, девы-христианки, кто живет при матерях-вдовах, имеющих, кроме вас, малолетних детей. Вы, без сомнения, сами знаете, как тяжело матерям вашим жить без опоры – мужа, отца вашего, и как трудно им без него и хозяйство вести, и детей воспитывать. Положение их поистине тяжкое! Нужно добыть и кусок хлеба, и одеть, и обуть всех, и, главное, всем детям дать хоть какое-нибудь воспитание. Но что может сделать тут одна слабая и притом часто бедная женщина? Нужда и горе нередко и последние силы у нее отнимают, и в уныние безнадежное повергают, и часто нет у нее ни избавителя, ни помощника. Кто же в таком положении прежде и более всех должен помочь матерям вашим, разделить с ними горе их, отереть их слезы? Конечно, прежде всего вы, девы, дочери возрастные! Вы должны войти в их положение и помочь им, разделить с ними их горе. Но что же делать? Чем помочь матерям и чем их слезы отереть? Это мы сейчас покажем на примере, к которому просим отнестись со вниманием.

Преподобная Макрина, сестра святителя Василия Великого, пожелав навсегда остаться девой, жила, до поступления в монастырь, в доме своих родителей и тут вся отдалась на служение своей матери. Она никогда не отлучалась от нее, была как бы стражем при ней и служила ей усердно, со смирением, не стыдясь и тех работ, которые должны были исполнять рабыни, и всегда трудилась с ними вместе. А когда умер ее отец, тогда она стала для овдовевшей матери и совсем неотступной служительницей, во всех ее печалях, скорбях утешительницей, всего дома доброю строительницей, а братьям и сестрам своим, которых всех она была старше, учительницей и наставницей и как бы второй матерью. Так, младшего брата Петра, который родился в самый день смерти отца, Макрина научила грамоте и всякому благоразумию, добронравию и целомудренному житию. Петр впоследствии стал святителем и причислен к лику угодников Божиих. Когда брат ее Василий, обучавшийся долго наукам на чужой стороне, вернувшись домой, будучи еще юным, стал гордиться своей ученостью, тогда святая сестра его кроткими и боговдохновенными словами в короткое время привела его к такому смиренномудрию, что Василий вскоре все мирское презрел и иноческий образ на себя принял. Также и другого брата, Нектария, душеполезными беседами она привела к любви Божией и чистому житию. И этот, тоже все презрев, ушел в пустыню и там служил престарелым пустынникам. При

содействии Макрины все сестры ее вышли замуж. Затем вместе с матерью она ушла в монастырь; там обе проводили время в великих подвигах воздержания, непрестанной молитвы, и, наконец, Макрина послужила матери при последней болезни ее, мать скончалась у нее на руках.

Из этого примера вы видите, девы христианские, в чем должна состоять помощь ваша матерям и чем вы можете в высокой степени облегчить их скорбную участь, слезы их отереть. По примеру святой Макрины, вы должны быть для вдов-матерей своих неотступными служительницами, в печалях и скорбях утешительницами и всего дома добрыми строительницами, более же всего вы должны разделить с ними труд воспитания их детей, т. е. сестер и братьев ваших, и всеми силами стараться вселять в сердца их все доброе, как, например, страх Божий, усердие к молитве и ко всякому делу доброму. Вот тогда поистине и самим вам, по заповеди Божией, будет благо, в долголетии будете на земле; и, конечно, не только на этой, но и на земле живых, т. е. в Вечной блаженной Жизни. Да знайте, что, по премудрому и благому Промышлению Божию, жизнь заботливых о родителях детей почти всегда проходит в благоденствии и продолжается преимущественно перед жизнью детей, не хотящих знать своих отца и мать; если же когда этого и не бывает, то заботливые о родителях дети, во всяком случае, все-таки получают в свое время совершеннейшее благословение от Отца Небесного, т. е. жизнь бессмертную и блаженную в Небесном Отечестве.

О страсти к нарядам

Между людьми укоренилось много таких обычаев, которые вначале были не только не предосудительны, но даже необходимы, но потом от прихоти человеческой сделались вредными для души и тела и вообще всего благосостояния. К числу таких обычаев относится повсюду более и более распространяющийся обычай украшать свое тело изысканными и роскошными одеждами. Конечно, нельзя человеку пренебречь благоприличием и пристойностью в одежде; кого Господь благословил достатком в жизни, тот не должен ходить в одежде разодранной и рубищной: этим он показал бы или свою беспечность и леность, или же презренную скупость и страсть любостяжания. Святой апостол Павел советует христианам, чтобы все у них было благообразно и по чину. Это относится ко всему их внешнему поведению уже является опасность излишним попечением об одежде повредить душе своей, охладеть в ревности об ее украшении и, таким образом, изменить своему существенному долгу в исполнении закона Божия. Посему-то святые отцы строго обличают роскошь и изысканность в одеяниях. Так, в житии преподобного Памво содержится изумительный урок, как должно смотреть на излишние телесные украшения. Преподобный Памво был одним из знаменитых подвижников, спасавшихся в Нитрийской пустыне, в Египте. Молитвами и уединенным богомыслием он приобрел такую опытность и мудрую прозорливость, что был бесхитростным, но верным истолкователем закона Божия. Отовсюду стекались слышать его мудрые слова, советы, и даже великие святители желали насладиться его мудрой беседой. Так, однажды Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, просил преподобного Памво прийти в Александрию для духовной беседы. Во время этого посещения, идя по городским улицам вместе с братиями, преподобный Памво увидел женщину, украшенную роскошными и изысканными одеждами. Взглянув на нее и провидев в ней под роскошными одеждами душевную нечистоту, старец горько заплакал.

Братия спросили его, о чем он плачет. «По двум причинам я плачу, – отвечал человек Божий, – я плачу о погибели души этой нарядившейся женщины, и вместе с тем я плачу о том, что я, грешный, не имею такого попечения о душе своей, какое она имеет о теле своем. Эта женщина наряжается для того, чтобы понравиться людям, а я ничем не хочу украсить души моей, чтобы угодить Богу».

Поистине достойна великого сожаления и оплакивания бесполезная и

суетная забота человека о телесном украшении своем без попечения о внутренней красоте. Что значит тело наше в сравнении с бессмертием, богоподобным существом души нашей? Тело есть временная храмина души, которая в определенное время должна разрушиться, и все украшения его останутся ненужными. Напротив, душа имеет вечное назначение, и только украшенная брачным одеянием, т. е. добрыми делами, она может получить доступ в Небесный Чертог и присутствовать при вечери Христовой в Царствии Небесном. Без добрых дел душа наша, если предстанет пред лицем Божиим, то как бы без всякой одежды, обнаженной и исполненной стыда, поэтому и изгнана будет вон из Небесного Царства. Таким образом, лучше позаботиться о вечном своем счастье и спасении, нежели о временном, скоропреходящем удовольствии, лучше стараться угождать красотою добродетели Богу, нежели думать об угождении людям внешними суетными украшениями. Положим, можно исполнить и то и другое: и тело, и душу украшать свойственным им образом. Хорошо, если бы это было так, но на самом деле большею частью бывает иначе. Обычно у нас обнова за обновой, наряд за нарядом и непрерывный ряд новых выдумок в украшениях; роскошь развивается в обществе даже среди людей бедных; а о новых успехах в доброй нравственности, об умножении в обществе любви, честности, воздержания, благотворительности мало слышно. И неудивительно, если излишнее попечение о теле не оставляет человеку времени позаботиться о душе своей. *Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше,* говорит Спаситель. Кто думает только о земном, тому трудно возвышаться духом до высшего духовного совершенства. Как часто бывает, что из-за страсти к нарядам оставляются самые нужные духовные обязанности! Одни, например, не хотят идти в храм потому, что нет обновы в платье, и в сам храм в новых одеяниях являются, как бы напоказ; другие, вместо молитвы в церкви, рассматривают, кто как одет, и но приходе домой судят о виденных нарядах, а не хотят вспомнить, какое было Евангельское или Апостольское слово, какое поучение... Нередко жалеют помочь бедному несколькими копейками, а на модные одежды бросают большие деньги, истощая свои средства, необходимые для насущной жизни. Что же сказать о тех случаях, когда украшают свое тело с целью прельщения в сети греховные, когда с этой целью выдумывают одежды, не столько прикрывающие, сколько обнажающие и возбуждающие чувственность?

Поистине нельзя не проливать слез, подобно преподобному Памво, видя такое явное нарушение чистоты нравов. Остерегайтесь вступать на скользкий и опасный путь потворства своим страстям и прихотям,

которые незаметно приводят к погибели. Так и пристрастие к нарядам, вначале, как кажется, не предосудительное, может причинить вред душевному спасению человека. Жены христианские! *Да будет украшением вашим*, скажем словами святого апостола Петра, *не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1Пет. 3, 3–4).

О согласии в семейной жизни

Как приятна Богу мирная и согласная жизнь в семье, о том свидетельствует одно обстоятельство из жизни преподобного Макария Египетского. Однажды во время молитвы этот подвижник Христов услышал глас: «Макарий! ты еще не сравнялся в совершенстве и святости с двумя женщинами, которые живут в городе, недалеко от тебя».

Услышав это, святой старец пошел отыскивать тех жен и, найдя их, спросил: «Скажите мне, сестры мои о Господе, как вы живете и служите Богу?» Благочестивые жены отвечали ему со смирением: «Мы грешны, и живем в суетах мирских». Но преподобный отец не переставал вопрошать их, говоря: «Ради Бога, откройте мне ваши добрые дела!»

По усиленной просьбе святого старца женщины, наконец, сказали ему: «Нет у нас добрых дел; одним лишь не прогневляем мы Бога: с поступления нашего в супружество за двух братьев вот уже пятнадцать лет мы живем так мирно, что не только не заводили между собой ссоры и вражды, но и одна другой слова еще неприятного не сказала».

Вот как приятно Богу мирное жительство, что даже пост и молитва пустынника не могли с ним сравняться! Поэтому и Святая Церковь устами служителей своих не раз приветствует нас во время богослужения миром и желает его водворить в сердцах наших.

Милостыня и молитва – помощь усопшим

Все мы люди грешные, умираем со грехами. Нет никого из нас, кто бы, умирая, не осознал, что он грешен пред Богом. Но все мы хотя и умрем телом, но будем живы духом пред Владыкой жизни. Слово Божие говорит: *на сие бо Христос и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладает* (ср.: Рим. 14, 9). Сам Спаситель говорит: *веруяй в Мя, аще и умрет, оживет.* Душа наша, по разлучении с телом, является на суд Божий. Этот суд частный – прежде Всеобщего Суда. Всеобщий Суд будет последний, во Второе страшное Пришествие Господа Иисуса Христа на землю, по общем воскресении нашем, когда души наши соединятся с телами. Он будет совершаться торжественно, перед лицом целого света, и решит участь нашу в Жизни Вечной; а суд частный бывает тотчас после разлучения души с телом, перед Богом, совестью нашей и перед светлыми Ангелами Божиими и злыми духами. Он определяет положение наше только до Всеобщего Воскресения и Страшного Суда. Злые духи будут обличать и обвинять нашу душу в злых делах наших, а светлые Ангелы будут защищать нас добрыми делами нашими против каждого греха, выставляемого злыми духами. Этот частный суд определит, чего душа наша достойна. Душа праведная по сему суду предназначается для вечного блаженства; она, подобно душе праведного Лазаря, приносится Ангелами в Царство Небесное для блаженства в нем. А души нераскаянных грешников отсылаются во ад, на мучение в нем (см.: Мф. 25, 46). Но до Всеобщего Воскресения души наши не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения. Души же грешников, умерших с верою и покаянием, но не успевших здесь исправить свою жизнь и принести плоды, достойные покаяния, хотя и низводятся во ад, но не в место вечного мучения, а в то место, откуда, по молитве Церкви и по силе Бескровной Жертвы Христовой, они имеют верную надежду быть перенесенными в светлые райские обители. Милосердие Божие и сила искупительных заслуг Спасителя простирается на нас до Всеобщего Суда. Правосудие и милосердие Божие, наказывая зло, не могут не наградить и добра. Одни только нераскаянные грешники прямо низвергаются во дно адово. Это – неверные, вольнодумцы, богохульники.

Умершие сами по себе ничего не могут принести Господу Богу за свои грехи. После смерти нет покаяния (см.: Пс. 6, 6). После смерти, по словам блаженного Августина, «время делания от нас уже отлетело». Помочь усопшим в этом можем одни мы, живущие на земле. Если мы

будем усердно молиться об умерших, поминать их, то, по нашей молитве, Господь может простить им грехи, избавить от ада и доставить им райское блаженство со святыми[1]. Мы просим Господа, чтобы Он помиловал умерших, простил им всякое согрешение, вольное и невольное. А что просится во имя Господа, то, по словам Спасителя, дастся нам. *Еже еще что просите (от Отца) во имя Мое, то сотворю* (Ин. 14, 13). *Вся, елика еще воспросите в молитве верующе, приимете* (Мф. 21, 22). Молитва церковная есть такая великая сила, которая проходит небеса к Престолу Вседержителя; она нисходит и до бездны ада, изводит оттуда на свободу заключенных; она возносится Богу во имя возлюбленного Единородного Сына Его, принесшего Себя в жертву за грехи всего мира. Самое важное и самое великое средство облегчить участь умерших есть принесение за упокой их Бескровной Жертвы, что совершается за обедней. Здесь Сам Господь наш Иисус Христос, в Пречистых Тайнах Тела и Крови Своей, приносится в жертву за всех. Своей Кровью Он ходатайствует пред Отцем Небесным о прощении грехов усопших. Из подаваемых нами к проскомидии просфор вынимаются частицы за усопших. Частицы эти влагаются в самую Чашу Тела и Крови Христовой и омываются этой Христовой Кровью. Вместе с тем этой же Пречистой Кровью омываются и души тех, за кого эти частицы вынимаются. «Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею» – так молится священнодействующий, погружая в Святейшей Крови Сына Божия частицы за усопших.

Как правильно поступаем мы, когда подаем к проскомидии просфоры для изъятия из них частиц за умерших! Святитель Кирилл Иерусалимский говорит: «Превеликая польза будет душам, о которых приносится моление, когда предлагается Святая и Страшная Жертва». «Кровь Иисуса Христа, Сына Божия», в которую за Литургией опускаются вынутые на проскомидии частицы за умерших, *очищает... от всякого греха* (ср.: 1Ин. 1, 7). «Молитва за усопших, это как бы спасительная вервь, которую в благоприятное время бросает человек утопающему ближнему», – говорит святитель Филарет, митрополит Московский[1]. Подлинно: невыразимая польза усопшим от поминовения. Если бы можно было нам увидеть умерших наших родных и знакомых, то, верно, они умиленно стали бы просить нас о поминовении; верно, они сказали бы нам: «Вы не можете себе представить, как отрадно нам ваше поминовение и как оно полезно нам. Помогите нам освободиться от грехов и наследовать Царство Небесное». Если бы каким-либо чудом мы увидели эти миллионы людей, рвущихся к обителям святым, разве каменное сердце и жестокая душа не поразилась бы этим зрелищем. Как утопающим бывает горько, когда они

видят своих друзей на берегу, которые не дают им веревки для спасения, так тяжело бывает и умершим, если мы не внимаем их просьбам и не молимся о них.

О том, как помогают умершим наши молитвы о них, послушаем следующую повесть. Святой Иоанн Дамаскин рассказывает, что один святой муж имел ученика, который нерадиво вел себя и так умер. Старец, опасаясь за его участь после беспечной жизни, начал о нем молиться. Господь показал ему ученика в огне до шеи. Старец еще усерднее стал о нем молиться, и Господь показал ему юношу, стоящего в огне по пояс. Наконец, когда старец еще усилил свои молитвы за ученика, то Господь показал ему юношу совершенно избавленным от огня[2]. Вот как полезны молитвы нашим умершим.

Еще случай, рассказанный святителем Григорием Двоесловом. Один пресвитер обычно мылся в теплице. Однажды видит он на том месте незнакомого человека, который снял с ног пресвитера сапоги и взял одежду. Потом подал ему полотно отереть ноги и одеяние. Такая услуга незнакомца повторилась. Пресвитер, желая поблагодарить незнакомца, взял с собой две просфоры и пошел в теплицу. Незнакомец так же служил ему. Но когда пресвитер хотел дать ему те просфоры за услуги, незнакомец горько заплакал и сказал: «Отче! для чего даешь мне это? Это святой хлеб. Я его есть не могу. Я был некогда господином этого места, но за грехи мои осужден пребывать здесь. Вместо сего сжалься надо мной, помолись о грехах моих и принеси сей хлеб Богу. И вот когда ты придешь мыться и меня не найдешь здесь, то это будет значить, что Господь услышал твою молитву». При этих словах незнакомец стал невидим. Пресвитер целую неделю молился усердно о его помиловании и, когда возвратился в теплицу, уже больше не видел незнакомца. Можно ли после этого забывать молиться об умерших сродниках и братиях наших, чтобы Господь упокоил души их в селениях праведных! Ведь умершие от нас только и ждут себе молитвенной помощи и утешения. Как горько и тяжело бывает им, когда мы забываем помянуть их!

...Другая наша обязанность по отношению к умершим – подавать за них милостыню. Умершие больше всего нуждаются в милости Божией. Спаситель говорит: *блажени милостивый: яко тии помилована будут* (Мф. 5, 7). *Милостыня от смерти избавляет и очищает всяк грех* (ср.: Тов. 12, 9). Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Почти умершего милостынями и благотворениями; ибо милостыня служит избавлению от вечных мук». «Если мы хотим облегчить мучение грешника, – говорит тот же святой, – будем подавать милостыню, и, хотя он недостоин, Господь

сжалится над ним. Не о гробах, не о погребальных церемониях надо заботиться. Поставь вокруг гроба вдовиц – вот лучшее погребальное торжество. Повели о нем всем творить мольбы и моления, и сие умилостивит Бога». Милостыня приносит великую отраду умершим. Умершие сами не могут подавать милостыни, – мы должны подавать за них милостыню бедным. Милостыня, подаваемая бедным, приемлется Самим Спасителем (см.: Мф. 25, 40). И тот, кто получит милостыню, без сомнения, помянет в молитве того, в чью память подается ему милостыня. Сам Господь заповедал нам молиться друг за друга (см.: Иак. 5, 16). Он часто являл Свою милость одним по ходатайству других. Так, исцелил слугу сотника за ходатайство господина, дочь жены хананейской – по молитве матери. Это молитвы живых за живых же, хотя отсутствующих. Так же точно сильна молитва живых и за умерших. Преподобный Афанасий говорит: «Да будет вам известно, что творимая за душу умершего милостыня и иерейские молитвы умилостивляют Бога. Если грешны души усопших, то за благотворения живых в память их они получают отпущение грехов».

У блаженного Луки умер родной брат, который жил в крайнем небрежении. Святой просил Бога показать ему участь своего брата. Во время молитвы Бог показал блаженному его брата в руках бесовских. Блаженный в то же время послал некоторых из братии осмотреть келью усопшего; посланные нашли там золото и дорогие вещи; все это блаженный велел раздать нищим. После того он стал опять молиться и увидел судилище Божие и Ангелов Божиих, спорящих с бесами за душу брата. Злые духи вопили: «Ты праведен, так суди же: душа наша, ибо она творила дела наши». Святые Ангелы Божий говорили: «Она избавлена милостыней, розданной за нее». Злые духи противились и восклицали: «Да разве он раздал милостыню? Не сей ли старец?» Блаженный Лука отвечал: «Да, я сотворил милостыню, но не за себя, а за сию душу». Тогда бесы исчезли. Вот какую великую силу имеет милостыня за усопших!

Не одним умершим благодетельно наше поминовение их; оно приносит великую пользу и нам самим. За свои молитвы об умерших мы удостоиваемся особого благословения Божия в этой жизни и награды в будущей жизни. Тела умерших хотя истлели в земле, но души их живы в ином мире; они помнят о своих близких, живущих на земле. Мало того: они пекутся и заботятся о нас. Умершие родные наши, смотря на нашу жизнь, или радуются, когда мы живем по-Божьи, благочестиво, или скорбят, когда мы живем не по-христиански. Они молятся и ходатайствуют за нас пред Богом, и молитвы их, подобно кадильному

фимиаму, возносятся к Богу (Апок. 8, 4). Преподобная Афанасия, явившись в сонном видении игуменье, между прочим сказала ей: «Если души усопших чисты и праведны, то творящие поминовение сами на себя чрез то низводят милость Божию». Не оттого ли при усердной молитве об усопших у нас бывают сладкие, облегчающие горесть чувствования? На совести у нас становится легко, на душе отрадно. Именно это есть знак благословения Божия за то добро, которое мы делаем умершим своим поминовением. Кто усердно молится об умерших, тот доставляет им утешение и себе отраду.

Будем же усердно молиться за умерших своих родителей, сродников и ближних. Будем умолять Господа о прощении их и об упокоении душ их в Царствии Небесном. Будем подавать за умерших милостыню: великое добро доставим мы умершим. По нашей молитве и через милостыню Господь может простить им грехи и вселить их в светлые обители небесные. И нас самих Господь не лишит Своего небесного благословения за любовь и усердие к умершим. Когда мы будем усердно молиться об умерших, то и за нас будут другие молиться, когда мы сами умрем: *В нюже меру мерите, возмерится вам,* говорит Господь (Мф. 7, 2).

НЕДЕЛЯ О РАССЛАБЛЕННОМ

Исцеление расслабленного при овчей купели

Была в Иерусалиме купальня, которая называлась по-еврейски Вифезда, т. е. Дом милосердия. Она была тем замечательна, что Ангел Господень по временам сходил в нее и возмущал воду: и тот больной, который входил в купальню первым после Ангела, выздоравливал тотчас, какова бы ни была его болезнь.

Однажды Иисус Христос был в Иерусалиме во время праздника Пасхи. Проходя мимо купальни, Он увидел около нее множество лежащих больных. Тут были хромые, слепые, иссохшие; всякий из них ждал минуты, когда Ангел возмутит воду, чтобы первому войти в нее. Между прочими больными был один, который тридцать восемь лет лежал в расслаблении. Спаситель увидел его, сжалился над ним и сказал ему: *Хочешь ли быть здоров? Больной отвечал Ему: Хочу, Господи, но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода: когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня.* Иисус сказал ему: *Встань, возьми постель свою и ходи* (ср.: Ин. 5, 6–8). Больной тотчас выздоровел, взял постель свою и пошел. Бывшие тут иудеи вознегодовали и сказали исцеленному, что не следует ему брать постели своей, ибо день был праздничный.

Но он отвечал им: *Кто исцелил меня, Тот мне сказал: возьми постель свою и ходи* (ср.: Ин. 5, 11).

«А кто Тот Человек?» – спросили они. Но он не знал; Иисус скрылся в народе.

Через некоторое время Иисус встретил этого человека в храме и сказал ему: *Вот, ты теперь выздоровел; смотри же, не греши больше, чтобы с тобой не случилось чего хуже* (ср.: Ин. 5, 12–14).

Вот о чем мы должны все стараться, когда Бог избавляет нас от болезни. Во время болезни мы часто просим помощи у Бога; а потом, когда выздоравливаем, не думаем о том, как бы угодить Ему; с возвращением наших сил мы забываем о молитве и возвращаемся к прежним грехам, вместо того чтобы исправиться и начать новую, более благочестивую жизнь.

Четвертая неделя после Пасхи называется Неделей о расслабленном, в память того чуда, о котором мы здесь рассказали. В эту неделю поется следующая песнь: «Душу мою, Господи, расслабленную всякими грехами и неправедными делами, воздвигни Божественною Твоею силою, как некогда Ты воздвиг расслабленного, чтобы и мне, спасенному Тобой,

воспевать: слава, Христе, державе Твоей».

Покаяние и молитва – лучшее врачевание наших болезней

Слова Спасителя исцеленному при Овчей купели расслабленному: *Вот, ты теперь здоров, смотри же, не греши, чтобы не случилось с тобою что-нибудь худшее* (ср.: Ин. 5, 14), – ясно указывают на то, какая тесная связь существует между грехом и болезнями нашими. Страсти греховные – вот первая и главная причина наших болезней.

Если бы мы жили по-христиански, воздержанно, в умеренном труде, если бы мы побеждали в себе гнев, зависть, злобу и другие пороки, умаляющие дни человеческой жизни, то достигали бы безболезненной старости. Посему, православный христианин, если постигнет тебя болезнь, прежде всего ищи себе исцеления и помощи у единого Врача душ и телес. *Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя,* говорит Сам Господь устами царя и пророка Давида (Пс. 49, 15).

И как удобно это для каждого из нас! Не выходя из дома, не сходя с постели, больной может призвать себе на помощь Господа, поведать Ему свои болезни, открыть Ему свои немощи. Не сомневайся, что ты будешь услышан; Врач Небесный всегда готов со Своей всесильной помощью, только ждет нашего призыва. *Се, стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему* (Апок. 3, 20), говорит Он. Господь всегда находится при дверех нашего сердца и ждет мгновения, когда мы вспомним о Нем, отверзем Ему наше сердце. Он, Премилосердый, невидимо и во всякое время исцеляет всех приходящих к Нему с твердой верой и искренним раскаянием в своих грехах.

С этой целью Спаситель наш Иисус Христос поставил пресвитеров, которым заповедал всегда принимать от Его имени приходящих к ним за душевным исцелением. *Болит ли кто в вас*, научает апостол Иаков, *да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним... И молитва веры спасет болящаго* (ср.: Иак. 5, 14–15).

Итак, если ты, верующий во Христа и его милосердие, страждешь в болезнях телесных, пригласи к себе священника, расскажи ему все грехи и, получив через него отпущение их, приобщись животворящих Христовых Тайн во исцеление души и тела. Сколько встречается в жизни случаев, когда после искреннего покаяния и принятия животворящего Тела и Крови Христовых выздоравливают больные, которым человеческое лекарство не могло дать исцеления в их тяжких страданиях!

Вот один из таких случаев, о котором поведал православный

священник. В городе Брацлаве заболела горячкой супруга одного почтенного чиновника. Во время страданий, когда она приходила в себя, то часто спрашивала домашних: «Приглашали ли батюшку навестить и благословить меня?» Так прошло полмесяца; в это время священник при каждом богослужении молился о болящей. Врачи отказались от всякого лечения и приговорили ее к смерти.

И вот в церковь к священнику пришел слуга, присланный мужем больной, и попросил его поспешить в дом для напутствия Святыми Таинствами Покаяния и Причащения его хозяйки.

Явившись в дом, священник сначала попросил всех выйти из комнаты, а затем, выслушав искреннее раскаяние больной в ее прегрешениях, уже в присутствии всех, приобщил ее Святыми Тайнами. Вскоре после этого больная заснула, а проснувшись, сказала всем: «Мне легче, я не умру». Действительно, она стала быстро выздоравливать, так что через месяц в сопровождении всего семейства пришла в храм и здесь, упав на колени перед иконой Спасителя, проливала горячие слезы благодарности.

Правда, Господь не всегда чудодействует в исцелении наших телесных недугов, но может ли это удерживать нас от обращения на путь жизни и света? Если болезнь по воле Божией и не получит благоприятного исхода, то все же упование христианское дает твердость духа, облегчающую телесные страдания.

Итак, возлюбленный о Христе брат, берегись греха, как самого губительного яда для нашей жизни. В постигающих тебя болезнях ищи прежде всего врачевства духовного в покаянии и Святом Причащении.

Сознай свой грех, пожалей о том, что ты своими пороками оскорбил Всеблагого Бога, дай обещание в сердце своем и перед духовником исправиться, и Господь простит твой грех. С прощением же грехов Господь может даровать тебе и выздоровление.

О причинах болезней

Святитель Филарет, митрополит Московский

Обрете его Иисус в церкви и рече ему:
се, здрав еси: ктому не согрешай, да
не горше ти что будет.
Ин. 5, 14.

Это сказано было некоему человеку во Иерусалиме, близ Овчей купели, в расслаблении тридцать восемь лет тщетно ждавшему излечения водой, которую однажды в год для одного больного делало целебной прикосновение ангельской силы, доколе, наконец, не явился Владыка времен, стихий и Ангелов и, не требуя ни времени, ни воды, ни Ангела, исцелил расслабленного словом: *востани, возьми одр твой и ходи* (Ин. 5, 8). Исцелитель не все успел закончить, потому что, убегая славы, поспешил скрыться в народе. Через несколько дней, вероятно в праздник, исцеленный пришел в храм, может быть, чтобы благодарить Бога за свое выздоровление. Тогда Исцелитель вновь нашел его и, как прежде в слове подал ему врачевство целительное, так и теперь в слове подает врачевство предохранительное: *се, здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14).

Если бы мы услышали, как искусный врач излеченному им больному говорит, например: «Не употребляй впредь такой или такой пиши», – что бы мы подумали? Конечно, мы бы подумали: видно, излеченный прежде употреблял эту пишу; она, видно, была и причиной болезни; видно, врач предвидит, что и опять она причинит болезнь, если излеченный не перестанет употреблять ее. Подобно сему, что должны мы подумать, слыша слово Господне исцеленному: *се, здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14)? Видно, исцеленный прежде согрешал; видно, согрешения были причиной его болезни; видно, провидит Божественный Врач, что возобновляемые грехи возобновят зло в еще большей силе.

Здесь можно спросить: участь ли только одного человека представляется в Евангельском повествовании о расслабленном, или с тем вместе открывается общий закон суда над грехом, частично впечатленный в природе, частично приводимый в действие Провидением, хотя и не всегда очевидно, не всегда скоро, не всегда одинаково по видам, степеням и обстоятельствам греха? Кто может измерить глубину, исследовать пути Божиих судеб? Кто решится каждого больного признать осужденным и

всякую болезнь вывеской виновности? Страдал и праведный Иов болезнью, и притом весьма тяжкой. Но нельзя не признать и того, будто на одного иерусалимского грешника только направлена была строгость суда за грехи юности, заключившая его на тридцать восемь лет в узы болезни и за возможные грехи старости угрожавшая ему еще более тяжким жребием.

След подобного суда виден в судьбе другого расслабленного, исцеляя которого Господь сказал: *отпущаются тебе греси твои* (Мк. 2, 5). Очевидно, что, подобно глубоко мудрствующему врачу, Он исцелял от болезни, действуя на причины болезни. Не об этом ли говорит и слово апостольское: *грех в мир вниде, и грехом смерть* (Рим. 5, 12) – оброцы греха смерть? Ибо что есть болезнь как не отрасль древа смерти, или ограниченный, неполный прием зелия смерти? Следовательно, вместе со смертью и болезнь пришла по дороге, проложенной грехом; а потому очень естественно, если она и ныне приходит тою же дорогою.

Терпи до конца

Во времена святителя Иоанна Златоустого много лет подвизался в глубокой пустыне преподобный Иеракс. Однажды бесы пришли к нему видимым образом и сказали: «Старец! ты проживешь еще полсотни лет; возможно ли терпеть так долго в этой безлюдной пустыне? Иди отсюда!» Старец им на это отвечал: «Очень жаль, что так мало остается жить мне на свете; а я было запасся терпением еще на двести лет». При этих словах Иеракса бесы исчезли... Это значит, что святой подвижник решился терпеть все скорби, все лишения пустынной жизни до конца. Видно, твердо помнил он слова Спасителя: *в терпении вашем стяжите души ваша* (ср.: Лк. 21, 19). *Претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22).

Вот что рассказывал пресвитер Кроний Палладию Еленопольскому об одном подвижнике, по имени Евлогий. «Этот Евлогий был человек очень образованный; приняв монашество, он, по слабости здоровья, не решился вступить в общежитие, но не считал себя способным и к уединенному подвижничеству. Раз увидел он на торжище увечного, у которого не было ни рук, ни ног; подойдя к нему, он помолился так: «Господи! во имя Твое я возьму этого несчастного и буду покоить его до самой смерти, чтобы ради него спастися и мне. Помоги мне, Господи, послужить ему!» После сего Евлогий привел осла, посадил на него бедняка и привез в свое жилище.

Пятнадцать лет Евлогий ухаживал за ним, как за отцом родным; он сам омывал его, сам натирал маслом, носил его на руках, берег и покоил, как только умел. Но, видно, нужно было еще больше испытать терпение подвижника, и вот враг всякого добра научил увечного поносить и всячески ругать своего благодетеля. Напрасно Евлогий его успокаивал, напрасно говорил ему: «Скажи мне, друг мой, чем я огорчил тебя? я исправлюсь!» Увечный не хотел и слушать его и требовал, чтобы Евлогий опять отнес его на торжище, где его взял. «Не могу выносить твоей коварной ласки, – говорил несчастный, – противна мне эта голодная жизнь, я хочу мяса!» Евлогий тотчас достал ему мяса, но увечный не успокоился: «Скучно мне жить с тобою, хочу видеть много людей». Евлогий кротко отвечал ему: «Я сейчас приведу к тебе сколько хочешь братии». «О, я несчастный! – закричал увечный, – я не могу и на тебя-то смотреть, а ты хочешь привести сюда таких же тунеядцев, как ты! Не хочу, не хочу – хочу на торжище!» Тогда Евлогий обратился к соседним

подвижникам за советом, что ему делать с увечным. Те отвечали ему: «Великий (так звали они преподобного Антония) еще жив, – поди к нему, и что он тебе скажет, то и сделай: через него Бог будет говорить тебе».

Евлогий обласкал увечного, положил его в лодку и отправился с ним к Антонию Великому. Поздно вечером они туда прибыли; великий старец принимал тогда всех приходящих. И вот он воззвал: «Евлогий, Евлогий, Евлогий!» А Евлогий думал, что старец зовет не его, а другого кого-нибудь, и потому не отвечал. «Тебе говорю, Евлогий, который пришел сюда из Александрии», – сказал ему старец. Тогда Евлогий подошел к преподобному Антонию. «Зачем ты пришел сюда?» – спросил старец. «Кто открыл тебе мое имя, – ответил Евлогий, – Тот откроет и дело мое». «Знаю, зачем ты пришел, – говорит Великий Антоний, – но все же расскажи свое дело, чтобы слышала братия». Евлогий рассказал все по порядку и просил наставления. Тогда великий старец строгим голосом говорит ему: «Евлогий! Ты хочешь бросить его, но Сотворивший его не бросит его; ты бросишь его, а Бог воздвигнет лучшего, чем ты, и поднимет его». В глубоком молчании слушал покорный Евлогий. А старец между тем обращается к увечному и громко говорит: «Ты, грешный, недостойный ни земли, ни неба! Перестанешь ли восставать на Бога и раздражать брата? Или не знаешь, что тебе служит Сам Христос? Как же ты смеешь говорить против Христа? Разве брат служит тебе не ради Христа?»

Потом старец обратился к обоим вместе: «Перестаньте, дети, ссориться, идите с миром домой; не разлучайтесь друг с другом; Бог уже посылает за вами... Сатана видит, что вы оба при конце подвига, скоро оба вы получите венцы от Христа: ты за него, а он за тебя, – вот почему он и навел на вас это искушение. Идите же с Богом; если Ангел придет за вами, и не найдет вас обоих вместе, – вы оба лишитесь венцов».

Нет нужды сказывать, что они помирились всем сердцем, вернулись в свою келью, и не прошло сорока дней, как оба, один за другим, отошли ко Господу... «Я сам был переводчиком в беседе Антония с Евлогием и увечным, – заключает свой рассказ пресвитер Кроний, – ибо Антоний не знал по-гречески, а Евлогий и увечный не понимали языка египетского».

Как поучителен этот рассказ! «Терпи до конца!» – говорит он и мне, и тебе, мой возлюбленный брат о Христе! Может быть, тебя одолела нищета безысходная, может быть, ты век свой скитаешься бесприютным сиротой по чужим углам? Терпишь и голод, и холод, и всякие болезни? И тогда не горюй, не ропщи на свою долю горькую: слышишь? Господь Сам зовет к Себе всех труждающихся и обремененных, обещая им упокоение. Он насытит всех алчущих, утешит плачущих, – верь же слову Его неложному,

бодро неси крест твой и терпи до конца. До конца – дотоле, пока Господу угодно будет держать тебя под крестом, до конца ли дней жизни твоей, или только до конца тех мрачных, скорбных дней, за которыми настанут для тебя ясные дни радости. Милостив Господь! По мере смирения Он подаст тебе терпение, по мере терпения подаст и утешение, по мере утешения возгорится любовь к Богу, по мере любви воссияет в твоем сердце радость о Дусе Святе. А тогда, понятно, и всем скорбям конец!..

Счастливый страдалец

По множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою (ср.: Пс. 93, 19), говорит царственный страдалец, пророк Давид. Он говориг вообще о болезнях сердечных, о скорбях, но истину его слов чаще всего испытывают на себе те великие терпеливцы, которые с благодарностью к Богу переносят тяжкие телесные страдания. Вспомним нашего киевского чудотворца Пимена Многоболезненного: двадцать лет лежал он на одре болезни; других исцелял от болезней, а себе не только не просил исцеления, а постоянно Бога благодарил за свою болезнь: видно, утешения небесные действительно столь увеселяли его душу, что он забывал о болезни своей и видел в ней особенную к себе милость Божию. «Матушка! – говорил один сын своей многолетней страдалице-матери, – ужели ты не скорбишь, не скучаешь, когда проводишь долгие летние дни, пока мы все работаем в поле?» «Нет, сынок, – отвечала она, – зачем скорбеть? Воля Божия!.. Да и грешно скорбеть: сколько милостей Божиих видела я на своем веку! Вот пришло время и поболеть за грехи мои; лежу я и воспоминаю свои грехи, каюсь в них пред Господом Богом и благодарю Его милосердие, что не погубил Он меня с беззакониями моими, а вот отечески наказует: разве это не милость Божия? Слава Ему Милосердому!» Так смиренно верующий страдалец находит в глубине своего Богу преданного сердца великое благодатное утешение и живет радостью при мысли, что за терпение свое он помилован будет от Бога в Будущей Жизни.

Вот что рассказывает известный Святогорец в своих прекрасных письмах об одном схимнике, о. Панкратии, который много лет страдал ранами на ногах.

«Отец Панкратии, в мире Парамон, был из крепостных. В детстве жестокая госпожа заставляла его ходить босиком в глубокую осень, когда снег и лед уже покрывали землю, отчего ноги его стали сильно болеть. Бедный отрок не вытерпел: он тайно убежал от своей барыни и во что бы то ни стало решился уйти за Дунай, и действительно ушел и несколько времени оставался в услужении у русских, тоже перебежавших за границу. Он подружился с одним малороссом, который почему-то покончил жизнь самоубийством. Чувствительный Панкратий был сильно тронут и поражен потерей сердечного друга и, видя, как суетна мирская жизнь, бросил ее и удалился на Святую Гору. Здесь, в Русике, нашел он желаемое спокойствие духа, несмотря на то что нога его уже сгнивала от ран,

которые были следствием жестокой простуды в детстве. Впрочем, как ни ужасны были страдания отца Панкратия, он радовался духом и часто даже говорил мне: «Поверь, что я согласен сгнить всем телом, только молюсь Богу, чтобы избавил меня от сердечных страданий, потому что они невыносимы». Говорил я ему: «Смотрю я на тебя иногда и жалею: ты бываешь временами сам не свой от внутренних волнений!» «Ох, – отвечал он, – если сердце заболит – бедовое дело, это – адское мучение! А мои раны, будь их вдесятеро больше, – пустошь: я не нарадуюсь моей болезни, потому что, по мере страданий, утешает меня Бог. Чем тяжелее моей ноге, чем мучительнее боль, тем мне веселее, оттого что надежда райского блаженства покоит меня, надежда царствовать на небесах всегда со мною. А на небесах ведь очень хорошо», – с улыбкой иногда восклицал Панкратий.

«Как же ты знаешь это?» – спросил я его однажды. «Прости меня, – отвечал он, – на твой вопрос мне бы не следовало отвечать тебе откровенно, но мне жаль тебя, когда ты страдаешь душой, и мне хочется доставить тебе хотя малое утешение своим рассказом. Ты видал, как я временем мучаюсь; ох, недаром я вьюсь змеей на моей койке: мне бывает больно, тяжело больно, невыносимо! Зато что со мной бывает после, это знает вот оно только, – таинственно заметил отец Панкратий, приложив руку к сердцу. – Ты помнишь, как я однажды, не вынося боли, метался на моей постельке, и даже что-то похожее на ропот вырвалось из моих уст. Наконец, боль притихла, я успокоился; вы разошлись от меня по своим кельям, и я, уложив мою ногу, сладко задремал. Не помню, долго ли я спал или дремал, только мне виделось, и Бог весть к чему... Я и теперь, как только вспомню про то видение, чувствую на сердце неизъяснимое, райское удовольствие и рад бы вечно болеть, только бы повторилось еще, хоть раз в моей жизни, это незабвенное для меня видение: так мне было хорошо тогда!» «Что же ты видел?» – спросил я отца Панкратия. «Помню, – отвечал он, – когда я задремал, подходит ко мне отрок удивительной, ангельской красоты и спрашивает: «Тебе больно, отец Панкратий?» «Теперь ничего, – отвечал я, – слава Богу». «Терпи, – говорит отрок, – ты скоро будешь свободен, потому что тебя купил Господин, и очень-очень дорого»... «Как? – говорю, – я опять куплен?» «Да, куплен, – отвечал с улыбкой отрок, – за тебя дорого заплачено, и Господин твой требует тебя к Себе. Не хочешь ли пойти со мной?» Я согласился. Мы шли по каким-то слишком опасным местам; огромные псы злобно бросались на меня, готовые растерзать; но одно слово отрока – и они вихрем неслись от нас.

Наконец, мы вышли на пространное, чистое и светлое поле, которому

не было, кажется, и конца. «Теперь тебе нечего бояться, – сказал мне отрок, – иди к Господину, Который, видишь, сидит вдали». Я посмотрел и действительно увидел трех Человек, рядом сидевших. Удивляясь красоте места, радостно шел я вперед; неизвестные мне люди в чудном одеянии встречали и обнимали меня; множество прекрасных девиц, в белом, царственном убранстве, скромно приветствовали меня и молча указывали вдаль, где сидели три Незнакомца. Когда я приблизился к сидевшим, двое из Них встали и отошли в сторону, а Третий ожидал меня. В тихой радости и в каком-то трепете я приблизился к Нему. «Нравится ли тебе здесь?» – спросил меня Незнакомец. Я взглянул на лицо Его: оно было светло; царственное величие отличало моего нового Господина от людей обыкновенных. Молча упал я в ноги к Нему, поцеловал их; на ногах были насквозь пробитые раны. После того я почтительно сложил на груди моей руки и просил позволения прижать к моим грешным устам и десницу Его. Не говоря ни слова, Он подал ее мне. На руках Его были такие же глубокие раны. Несколько раз облобызал я десницу Незнакомца и в тихой, невыразимой радости смотрел на Него.

Черты лица моего нового Господина были удивительно хороши; они дышали кротостью и состраданием, улыбка любви, привета была на устах Его; взор выражал невозмутимое спокойствие сердца Его. «Я откупил тебя у госпожи твоей, – стал говорить мне Незнакомец, – теперь ты навсегда уже Мой. Мне жаль было видеть твои страдания; твой детский вопль доходил до Меня, когда ты жаловался Мне на госпожу свою, томившую тебя голодом и холодом, и вот ты теперь свободен навсегда. За твои страдания вот что Я готовлю тебе!»

И дивный Незнакомец указал мне на отдаление: там было очень светло; красивые сады, в полном своем расцвете, рисовались там, и великолепный дом блестел под райской тенью. «Это твое, – продолжал Незнакомец, – только не совсем еще готово: потерпи. Когда наступит пора твоего покоя, Я возьму тебя к Себе; а теперь побудь здесь, посмотри на красоты места твоего, потерпи до времени: *претерпевый же до конца, той спасен будет!* (Мф. 10,22)». «Господи! – воскликнул я вне себя от радости, – я не стою такой милости!» И я бросился Ему в ноги, облобызал их, но когда поднялся, передо мной никого и ничего не было.

Я проснулся. Раздался стук в доску по нашей обители: ударяли к утрене. Я встал тихонько на молитву. Мне было очень легко, а что я чувствовал, что было у меня на сердце – это моя тайна. Тысячи лет страданий отдал бы я за повторение подобного видения. Так оно было хорошо!»

Жертва хваления мученика Христова

Благословлял Бога в скорбях своих великий ветхозаветный страдалец праведный Иов, но и он, как человек, по временам жаловался на свои несносные страдания, и он проклинал день своего рождения (см.: Иов. 3, 2) и сожалел, зачем не умер он в утробе матери (см.: Иов. 3, 11–12). *Почто дан есть сущим в горести свет,* говорил он, *и сущим в болезнех живот? Иже желают смерти* и *не получают, ищущи якоже сокровища* (Иов. 3, 20–21)... А вот страдать и в самих страданиях забывать о них, терпеть нестерпимые муки, и среди этих мук прославлять Господа, воспоминая Его неизреченные милости, явленные всему роду человеческому, быть рассекаемым на части, и при этом думать только о дивных делах Божиих, – такое непостижимое для ума человеческого мужество могли проявить только Христовы мученики, в которых столь славно являла себя сила Христова. Вот одно из многих сказаний о таком мужестве мучеников.

Святого Иакова Персиянина режут на части, ему отрезали большой перст на правой руке. Мученик возводит очи на небо и говорит: «Господи Боже, Великий в крепости, перстом Твоим изгоняющий бесов (см.: Лк. 11, 20), приими сей перст, за Тебя наущением бесовским урезанный, как ветвь виноградной лозы: ибо и у лозы обрезают ветви, чтобы она больше приносила плода». Мучитель отрезает второй перст, а Иаков молится: «Приими, Господи, и вторую ветвь от лозы, которую насадила десница Твоя!»... Ему отрезают третий перст, а он говорит: «Освободившись от трех искушений в мире, от похоти плоти, похоти очес и гордости житейской, благословляю Отца и Сына и Святаго Духа и с тремя отроками прославляю Тебя, Господи!» Отрезают четвертый перст, а он молится: «Приемлющий хваление от четырех животных (см.: Апок. 14, 3), приими страдание четвертого перста моего за святое имя Твое!» Отрезают перст пятый, и Иаков говорит: «Исполнилась радость моя, как радость пяти мудрых дев!» (см.: Мф. 25, 2).

Мучители уговаривают его пожалеть себя, но страдалец отвечает им: «Когда пастухи стригут овец, то разве оставляют у них одну сторону неостриженной? Я – овца Христова стада: обрезайте, как волну шерсть, все члены мои!» – и снова стал молитвенно беседовать с Богом. И вот ему отрезают первый перст на левой руке, а он говорит: «Благодарю Тебя, Господи, что сподобил меня шестой перст принести Тебе, простершему за меня в шестой день и час Свои пречистые руки на Кресте!» Отрезают еще перст, а он славит Бога: «Как устами седмижды днем с Давидом

прославлял я судьбы Твои, Господи, так теперь седьмые перстами, за Тебя отрезанными, прославляю Твою милость, на мне являемую!» Режут еще перст, и он вещает: «Ты Сам, Господи, принял в осьмый день обрезание по Закону, а я претерпеваю за Тебя отрезание осьмого перста: не лиши меня лицезрения пресветлого лица Твоего!» Отрезают следующий перст, а мученик молится: «Ты, о, Христе мой, в девятый час предал Дух Свой Богу Отцу на Кресте, а я в болезни урезания девятого перста благодарю Тебя, что сподобил меня лишиться членов моих за имя Твое!» Когда же отрезали десятый перст, он воскликнул: «В девятиструнной псалтири прославляю Тебя, Боже мой, сподобившего меня претерпеть отрезание всех перстов на обеих руках моих, за десятину Завета Твоего, на двух скрижалях написанного!»

Снова уговаривают его мучители, и снова он отвергает все их увещания, обещания и угрозы. Ему начинают отрезать персты на ногах, и он с тем же спокойствием прославляет Господа при отрезании каждого перста. Так, при отнятии первого он говорит: «Слава Тебе, Христе Боже; у Тебя пронзены были не руки только, но и ноги; сподоби меня стать сею десною ногою хотя в числе последних одесную Тебя!» При отнятии второго перста он молится: «Удвоилась на мне милость Твоя, Господи, ибо Ты избавляешь меня от смерти второй» (см.: Апок. 20, 14). Отрезают и бросают пред ним третий перст, а мученик с улыбкою вещает: «Иди во имя Троицы и ты, третий перст, к дружине твоей: как зерно пшеничное, в землю брошенное, и ты мног плод принесешь в день общего Воскресения!» Отрезают перст четвертый, а святый утешает себя: «Векую прискорбна еси, душе моя, и векую смущавши мя? Уповай на Бога, силою четвероконечного Креста, спасающего мя (внимайте, неразумные ревнители восьмиконечного Креста, что говорит мученик Христов!), и я прославляю Его, от четырех стихий создавшего меня!» Отрезают перст пятый, мученик говорит: «Славлю Тебя, Господи, пять язв на Кресте претерпевшего, что удостоиваешь Ты меня части верных рабов, пять талант умноживших!» Ему отрезают мизинец левой ноги, а он говорит: «Мужайся, малый перст шестый; Бог, сотворивший в шестый день тебя малого с большими, равно и воскресит тебя с этими большими!» Отрезают седьмой перст, и мученик обращается к мучителям со словами: «Разоряйте сию ветхую храмину, под которую укрывается седмиглавый змий. Создатель, в седьмой день почивший от дел Своих, уготовал мне храмину нерукотворенную, вечную на небесах!» Отрезают восьмой перст, а Иаков рассуждает: «Тот, Кто сохранил в ковчеге Ноевом восемь душ, спасет и меня, хотя и проливаете вы мою кровь, как воду». Отрезают девятый перст,

и он молится: «Укрепи меня в терпении, Боже истинный, как укрепил Ты во благодати Твоей девять чинов Ангельских во время искушения!» Отрезают последний перст на ноге, а он восклицает: «Вот, я принес в жертву Тебе, Христе Иисусе, совершенный Боже и совершенный Человече, две десятины перстов моих!»

Тогда отсекают ему всю стопу правой ноги, а он говорит: «Да станет нога моя в Царствии Небесном на правоте!» Отсекают затем стопу левой ноги, а он, взирая на небо, молится: «Услыши мя, Господи, сотвори со мною знамение во благо, избави меня от стояния ошуюю Тебе!» Отсекают правую руку, и он восклицает: «Милость Твою, Господи, вовек воспою: Ты сам исполняешь на мне слово Твое: аще десная твоя рука соблазняет тя, отсецы ю и верзи от себе!» Отсекают левую руку, а он молится: «Не мертвые восхвалят тебя, Господи, не те, которые сходят во ад, держась пути шуяго, а мы, живые, благословим Тебя отныне и до века».

Отсекают правое плечо, Он говорит: «Тот, кто возложил на плечо Свое овцу погибшую, поставит и меня одесную Себя со овцами Своими». Отсекают левое плечо, и он говорит: «Господь, Его же власть на раме Его (см.: Ис. 9, 6), не попустит меня уклониться ко власти темной на страну шуюю». Стали отрезать ему ноги до колен, тогда страдалец болезненно возопил: «Господи Боже мой, не в лыстех мужеских благоволящий, но благоволящий в боящихся Тебе (см.: Пс. 146, 10–11), помоги мне, рабу Твоему, ибо меня сокрушают болезни смертные!» Мучители на это заметили ему: «Вот, мы говорили тебе, что болезни тяжкие ждут тебя, а ты не верил нам». Страдалец отвечал им: «Я для того и возопил в болезни моей, чтобы вы знали, что я человек, плотью обложенный, и что, следовательно, только один Бог укрепляет меня! Но Он же и облечет меня в новую плоть, которой не могут коснуться никакие ваши орудия мучительские!» И непобедимый воин Христов стал прославлять Господа Серафимовой песнью: «Свят, Свят, Свят еси, Боже Вседержителю», – взывал он, лежа на земле, и призывал милость Божию, да укрепит его до конца.

Наконец, мучители отрезали честную главу его, и он предал дух свой Богу. Как свеча, догорал он пред Богом, как фимиам кадильный, восходили к Богу его славословия, и доныне ощущается это дивное благоухание молитв его, и теперь без умиления сердечного нельзя читать рассказ о его страданиях, и по прочтении невольно восклицаешь с царственным пророком: «Дивен, воистину дивен Бог во святых Своих!..»

Девица, окрещенная ангелами

Авва Феона и авва Феодор, пишет блаженный Иоанн Мосх, рассказывали нам: «При патриархе Павле в Александрии осталась сиротой после смерти родителей, очень богатых людей, одна девица. Она не была крещена[3]. Однажды выйдя в сад, оставленный ей родителями, она увидела неизвестного человека, собиравшегося удавиться. Быстро подбежав к нему, девица спросила:

– Что ты делаешь, добрый человек?

– А тебе какое дело? Уйди! Я в большом горе...

– Скажи мне всю правду. Я, может быть, помогу тебе.

– Я много должен; мои заимодавцы сильно теснят меня, и я предпочел скорее умереть, чем вести такую горькую жизнь.

– Прошу тебя... вот возьми все, что у меня есть, и отдай... только не губи себя.

Тот с благодарностью согласился на это и уплатил долги.

Между тем девица оказалась в стесненном положении. И немудрено: осталась без родителей, позаботиться о ней было некому. Придя в крайнюю бедность, она начала вести распутную жизнь.

А те, которые знали ее родителей, говорили: «Кто знает суды Божий, как и для чего попускается душе падать!»

Девица не понесла такой жизни: заболела и – неожиданно опомнилась. В сокрушении духа она просила соседей: «Ради Господа, сжальтесь над душой моей и поговорите с епископом, чтобы мне стать христианкой». Но все отвернулись от нее с презрением.

«Кто пожелает быть восприемником такой распутной женщины?» – говорили о ней.

И была она в большой скорби.

Когда она совсем пала духом при таких обстоятельствах, явился ей Ангел Господень в виде того человека, которому некогда оказала она милость.

– Что с тобой? – спросил ее Ангел.

– Я желаю сделаться христианкой, и, увы, никто не хочет сказать обо мне.

– Вправду ли ты желаешь?

– Да, и прошу и тебя об этом.

– Не падай духом! Я приведу кого-нибудь, и тебя примут в лоно Церкви.

Ангел приводит еще двух Ангелов, и они относят ее в церковь. Потом, приняв вид известных сановников при особе наместника, приглашают клириков, в обязанности которых было крестить новообращенных. Клирики спрашивают сановников:

– Ручается ли ваша любовь за нее?

– Да! – отвечают они.

Клирики совершили все, что следует по чину над готовящимися ко крещению, и окрестили ее во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Потом облекли ее в одежды новокрещеных. Ангелы перенесли ее в дом, куда она вернулась в белых одеждах. И, положив ее, стали невидимы.

Соседи, увидав ее в белых одеждах, спрашивали:

– Кто окрестил тебя?

– Кто-то пришел, – отвечала она, – отнесли меня в церковь, сказали клирикам, и они окрестили меня.

– Да кто же именно? Какие клирики?

Об этом она ничего не могла сказать. Доложили епископу; тот призвал клириков, приставленных к крещению.

– Вы ли окрестили ту женщину? – спросил он.

Те не отреклись, подтвердили и сказали, что были приглашены для того таким-то и таким-то из сановников при правителе. Епископ посылает за указанными лицами и спрашивает у них, точно ли они поручились за девицу?

– Ничего мы не знаем, – отвечали те. – Не знаем и тех, кто сделал это.

Тогда епископ понял, что это дело Божие. Пригласив новокрещеную, он спросил:

– Скажи мне, дщерь моя, что сделала ты доброго?

– Я – блудница и бедная... Что же доброго могла я сделать?

– Так-таки и не знаешь за собой ни одного доброго поступка?

– Нет... вот разве это... однажды я увидала неизвестного мне человека, собиравшегося удавиться: его сильно теснили заимодавцы. И, отдав ему все мое состояние, я избавила его от беды...

И, сказав это, она почила в Господе, получив отпущение своих вольных и невольных прегрешений.

Епископ прославил Господа: *Праведен еси, Господи, и правы суды Твои!* (ср.: Пс. 118, 137).

Бывают ли ныне явления ангелов?

В наше грешное время нередко приходится слышать такое мудрование: «Ныне нет чудес, Ангелы не приходят с неба поучать людей, как в древние времена». Правда ли это? Господь наш *Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки*...(Евр. 13, 8). Для того чтобы иметь общение с Ангелами, нужно иметь и свойства ангельские, нужно иметь чистоту сердца и детски-ангельскую простоту веры. Где есть то и другое, там возможно и видение Ангелов. Вот что рассказывал в Бозе почивший московский святитель, митрополит Иннокентий, о том времени, когда он проповедовал веру Христову на Алеутских островах.

«В апреле 1825 года, в Великий пост, отправился я в первый раз на остров Акун к алеутам. Подъезжая к острову, я увидел, что они все стояли на берегу нарядные, как в торжественный праздник, и когда я вышел на берег, они радостно бросились ко мне. Я спросил их, почему они такие нарядные? Они отвечали: «Потому что мы знали, что ты выехал и сегодня должен быть у нас. И мы на радостях вышли на берег, чтобы встретить тебя». – «Кто же вам сказал, что я буду у вас сегодня, и почему вы меня узнали, что я именно отец Иоанн?» – «Наш шаман, Иван Смиренников, сказал нам об этом и описал нам твою наружность так, как теперь видим тебя».

Это обстоятельство чрезвычайно меня удивило, но я все это оставил без внимания и стал готовить их к говению. Явился ко мне этот шаман и изъявил желание говеть, он ходил очень аккуратно, и я все-таки не обращал на него особенного внимания и, приобщив его Святых Тайн, отпустил... И что же? К моему удивлению, он после причастия отправился к своему тоену (старшине) и высказал ему неудовольствие на меня за то, что я не спросил его на исповеди, почему алеуты называют его шаманом, так как ему крайне неприятно, что его так зовут и что он вовсе не шаман.

Тоен, конечно, передал мне неудовольствие Смиренникова, и я тотчас же послал за ним для объяснения. Когда посланные отправились, то Смиренников шел им навстречу со следующими словами: «Я знаю, что меня зовет священник, отец Иоанн, и я иду к нему». Я стал подробно расспрашивать его о жизни, и на мой вопрос, грамотен ли он, Иван ответил, что хотя и неграмотен, но Евангелие и молитвы знает. Тогда я просил его объяснить, почему он знает меня, так что даже описал своим собратьям мою наружность, и откуда узнал, что я в известный день должен явиться к ним и что буду учить их молиться? Старик отвечал, что ему все

это сказали двое его товарищей. «А кто же эти двое, твои товарищи?» – спросил я его. «Белые люди, – отвечал старик, – они, кроме того, сказали мне, что ты, в недалеком будущем, отправишь свою семью берегом, а сам поедешь водою к великому человеку и будешь говорить с ним». «Где же эти твои товарищи, белые люди, и что это за люди?» – спросил я его. – «Они живут здесь недалеко, в горах, и приходят ко мне каждый день». – «Когда же явились к тебе эти белые люди в первый раз?» Он отвечал, что вскоре по крещении его иеромонахом Макарием явился ему прежде один, а потом и два духа, не видимые никем другим, в образе человеков, белых лицом, в одеяниях белых и, по описанию его, подобных стихарям, обложенным розовыми лентами, и сказали ему, что они посланы от Бога наставлять, научать и хранить его.

И в продолжение тридцати лет они, почти каждодневно, являлись ему днем или к вечеру, но не ночью. А являясь, во-первых, наставляли и научали его всему христианскому богословию и таинствам христианской веры; во-вторых, подавали ему самому и, по прошению его, другим, впрочем, весьма редко, помощь в болезнях и при крайнем недостатке пищи. Но, в рассуждении помощи другим, они всегда отвечали на прошение его тем, что они спросят у Бога, и если благоволит Он, то исполнят; в-третьих, иногда сказывали ему происходящее в других местах и, весьма редко, будущее; но всегда с тем, если то угодно Богу открыть, и уверяли, что они не своею силою все это делают, но силой Бога Всемогущего.

И хотя их учение есть учение Православной Церкви, но я, зная, что и бесы веруют и трепещут, усомнился, не хитрая ли и тончайшая это сеть искони лукавого, и спросил его, как они учат молиться, себе или Богу, и как учат жить с другими. Он отвечал, что они учат молиться духом и сердцем, и иногда молятся с ним весьма долго, и учат исполнять, словом, все чистые христианские добродетели (кои он подробно мне рассказал), а более всего советуют наблюдать верность и чистоту. Как в супружестве, так и вне супружества (и это, может быть, потому, что здешние жители более всего склонны к этому). Сверх того, учили его и другим внешним добродетелям и обрядам: как изображать крест на теле, не начинать никакого дела, не благое ловясь, не есть рано поутру, не жить вместе многим семействам, не есть вскоре убитой рыбы и зверя еще теплого; а некоторых птиц и животнорастений морских совсем не употреблять в пищу, и многому другому.

После этого спросил я его, являлись ли они ему ныне, после исповеди и причастия, и велели ли слушать меня? Он отвечал, что являлись как

после исповеди, так и после причастия и говорили, чтоб он никому не сказывал исповеданных грехов своих и чтоб после причастия вскоре не ел жирного, и чтоб слушал учения моего, но не слушал промышленных, т. е. русских, здесь живущих; и даже сегодня на пути явились ему и сказали, для чего я зову его, и чтоб он все рассказал и ничего бы не боялся, потому что ему ничего худого не будет.

Потом я спросил его: когда они являются ему и что он чувствует – радость или печаль? Он сказал, что в то только время, когда он сделает что-нибудь худое, то, увидя их, чувствует угрызение совести своей, а в другое время не чувствует никакого страха; и так как его многие почитают за шамана, то он, не желая таковым быть почитаем, неоднократно говорил им, чтоб они отошли от него и не являлись ему; они отвечали, что они не диаволы и им не велено оставлять его, и на вопрос его, почему они не являются другим, они отвечали ему, что им так велено.

Дабы удостовериться, точно ли являются ему пестуны его, я спросил его: «Могу ли я видеть и говорить с ними?» Он отвечал, что не знает, а спросит у них; и действительно, через час приходит и говорит, что они сказали на то: «И что он хочет еще знать от нас? Ужели он еще почитает нас диаволами? Хорошо, пусть видит и говорит с нами, если хочет»; и еще сказали нечто в одобрение мое; но я, дабы не сочтено было за тщеславие со стороны моей, умолчу о сем. Тогда что-то необъяснимое произошло во мне, какой-то страх напал на меня, и полное смирение. «Что, ежели в самом деле, – подумал я, – увижу их, этих Ангелов, и они подтвердят сказанное стариком? и как же я пойду к ним? Ведь я же – человек грешный, следовательно, и недостойный говорить с ними, и это было бы с моей стороны гордостью и самонадеянностью, если бы я решился идти к ним; и, наконец, свиданием моим с Ангелами я, может быть, превознесся бы своею верою или возмечтал бы много о себе...»

И я, как недостойный, решился не ходить к ним, – сделав предварительно, по этому случаю, приличное наставление как Ивану Смиренникову, так и его собратьям алеутам, чтобы они более не называли Смиренникова шаманом». Так заканчивает святитель свой рассказ.

Благодатная помощь по молитвам к Святителю Феодосию Черниговскому

Я, нижеподписавшаяся, жена священника Калужской губернии, Мещовского уезда, села Неходова, Ирина Афанасьева Смирнова, 53-х лет, страдала около 25-ти тяжкой головной болью и другими телесными недугами, и особенно болью в животе. Болезни мои всегда сопровождались истерическими припадками и кончались рвотою. От тяжких страданий я нажила себе еще новую болезнь – порок сердца, как определили врачи. От этой болезни, по заключению врачей, особенно нашего земского – Николая Ивановича Орлова – я должна была умереть, так сказать, преждевременно и неожиданно.

Много я лечилась у разных врачей, бывала и в Москве, но главной заботой у меня было – молить Господа Бога и Его Пречистую Матерь о помиловании, а святых угодников Его о заступлении и подании помощи мне, тяжко страждущей. Хотя о болезни своей я и не говорила, как следует, ни мужу, ни детям, чтобы не пугать их и не огорчать, а между тем мой неистовый иногда крик, кувырканье по постели яснее слов говорили о страданиях моих и повергали не только своих, но и чужих в грусть и тоску и невольно исторгали из глаз слезы. Наконец, и для меня взошла отрадная и незабвенная заря!

Узнав, что 9 сентября 1896 года будет открытие мощей святителя Феодосия (Углицкого) Черниговского чудотворца, я, несмотря ни на какие препятствия, напутствуемая одним только благословением своего мужа, не сказав даже родным своим, отправилась в неведомую для меня страну искать помощи себе у новоявленного чудотворца, святителя Феодосия.

Первое мое опасение – как я поеду, одинокая, больная? – угодник Божий Феодосии, которому усердно молилась я, устранил тем, что на первой же станции железной дороги послал мне добрую и благочестивую монахиню Селафиилу: с ней я, как с родной сестрой, самой близкой и сердечной, в страшной тесноте и духоте от множества набившегося по вагонам народа, благополучно добралась до Чернигова накануне открытия мощей, еще до всенощной, где угодник Божий, как я верую, указал мне хорошую и покойную квартиру, недалеко от собора.

Из-за множества народа и страшной тесноты я, по слабости своей, на четвертый день только удостоилась приблизиться к цельбоносной раке и облобызать нетленное тело святителя и чудотворца Феодосия. Как я

молилась в тот час, как я просила о спасении меня, грешной, – это знает только сердцеведец Бог и Его угодник Феодосии. На другой день я тоже была в соборе, слушала Литургию и молебен и удостоилась еще приложиться к мощам святителя, а на шестой день, со спутницею своею, на пароходе отправилась в Киев для поклонения святыням киевским.

От утомления я уснула, и – о чудо! Вижу я, как наяву, ко мне, недостойной грешнице, подошел святитель Божий Феодосии, в архиерейском облачении, и, сказав: «У тебя болит сердце», – своей святой рукой положил мне на грудь щепотку соли на самое больное место и удалился. Когда святитель Феодосии спрашивал меня о болезни сердца, я, по его просьбе, раскрыла грудь. Моя спутница, заметив это и не зная причины моего поступка, но видя, что я это делаю при всех, подошла ко мне, стала закрывать грудь и случайно разбудила. С того момента, как святитель Феодосии положил мне на грудь соль, я не чувствую никакой боли в сердце, никаких неприятных ощущений, и сердце мое стало биться по-прежнему, как и в былое время, когда я была совсем здорова.

Побывав в Киеве у всех святых мест, я с сильною головною болью, простившись с монахиней Селафиилой, отправилась обратно домой в вагоне 2-го класса. Уснув дорогой на диванчике, я вторично удостоилась видения святителя Феодосия в блестящем святительском облачении, в митре и с посохом в руке, – он, Чудотворец, подошел ко мне, положил святительскую свою руку на одну сторону моей головы, со словами: «Боль головы пройдет», – благословил меня и удалился. В ту же минуту, вижу я, как наяву, из этой части головы через нос потекла ручьем кровь, сначала испорченная, а потом чистая, и долго текла, затем стала течь вода; проснулась я и чувствую, что мне стало намного легче.

Поблагодарив Бога и Его дивного угодника Феодосия, я рассказала ехавшим со мною о своем видении и исцелении. Другая половина головы исцелилась по приезде домой: распухла щека и во рту образовался большой нарыв, который через несколько дней прорвался, и осталась большая рана, но и она, будучи помазана маслом, привезенным от мощей святителя Феодосия из Чернигова, скоро зажила. Теперь и в этой половине головы не чувствуется никакой боли и здоровье полностью вернулось ко мне.

Приписывая свое исцеление всецело чудодейственной силе святителя Феодосия, я, по совету и благословению милостивого архипастыря своего, епископа Калужского Макария, которому в бытность его в селе нашем, в июне месяце сего 1897 года, сообщено было о моем исцелении, решилась поведать всему миру, что дивен Бог во святых Своих, что угодникам

Своим Он дает по благости и правосудию Своему чудодейственную силу исцелять недуги и болезни с верою и любовью притекающих к ним и просящих у них помощи и заступления.

Слава Тебе, Боже, благодеющему нам, милующему нас и в лице угодников Своих подающему скорую помощь тем страдальцам, у которых надежда на помощь людскую, после многих испытаний, оказывается безнадежною!

Для подтверждения того, что я действительно выздоровела и об исцелении своем святителем Христовым Феодосием говорю сущую правду, по чистой христианской совести, прилагаю удостоверение земского врача, постоянно в последнее время лечившего меня – Николая Ивановича Орлова.

Жена священника Ирина Смирнова.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сим по долгу службы и присяги удостоверяю, что жена священника Мещовского уезда, села Неходова, Ирина Афанасьева Смирнова несколько лет страдала органическим пороком сердца (уШшп огашсшп соппз): сильное сердцебиение, одышка, вместо тона шум и перебои. Вследствие вышеозначенного страдания нередко появлялись у ней припадки грудной жабы: чувство страха, стеснения в груди, недостаток воздуха и немое сильное сердцебиение и одышка. От вышеописанной болезни я и другие врачи лечили больную и помогали ей, но вполне излечить это страдание, по крайней мере, в настоящее время, наука бессильна, и больная в скором времени должна была неизбежно умереть.

Когда 20 июля текущего года меня пригласили вновь и просили приехать как можно скорее, я думал, что повторилась та же самая болезнь. По осмотру больной оказалось, что она больна другою болезнью: воспалением желудка и кишок. При исследовании сердца, к великому удивлению моему, оказалось, что оно вполне нормально: тоны его чисты, шума нет, пульс правильный, перебоев нет.

Откровенно говоря, я себе не поверил и на следующий день, когда с другим врачом еще раз навестил больную, которой стало много лучше, мною и им снова произведено было подробное исследование сердца, и мы оба вполне убедились, что оно совершенно нормально.

1897 года июня 26-го дня.

Врач Мещовского земства,

Зубовского врачебного пункта,

коллежский асессор Н. И. Орлов.

НЕДЕЛЯ О САМАРЯНЫНЕ

Иисус Христос и самарянка

Иисус Христос, узнав, что возрастающее число учеников Его возбудило сильное неудовольствие к Нему фарисеев, оставил Иудею и возвратился в Галилею. Кратчайший путь туда шел через Самарию. Иисус пошел этою дорогой и на пути своем проходил через плодородную долину между горами Гаризим и Гевал, в которой находится город Сихем, или Сихарь. Обе горы возвышаются на 800 футов (или 244 метра) над долиной, которая лежит на высоте 1750 футов (или 534 метра) над уровнем моря. Многочисленные террасы и ущелья Гаризима, равно как и вся долина, красуются садами и рощами, богатыми прекрасной южной растительностью: апельсиновые, гранатовые, шелковичные, абрикосовые, смоковничные, миндальные и другие деревья доставляют обильные плоды; жаркая подошва Гевала засажена оливковыми деревьями.

На получасовом расстоянии от города к востоку долина Сихемская склоняется в другую, простирающуюся от севера к югу; по ней проходит обыкновенная дорога из Галилеи в Иерусалим, не заворачивая в Сихем. В этом месте находится гроб Иосифа. Непосредственно возле могилы, на склоне горы Гаризим, находится колодезь Иакова, имеющий 75 футов глубины. Местность эта весьма замечательна также и в историческом отношении. Здесь Авраам, оставив по повелению Божию отечество свое, поставил было поначалу палатки и создал жертвенник Господу. Здесь Иаков купил поле у сынов Еммора; здесь, на этом месте, погребены были кости Иосифа; здесь же Иисус Навин в собрании народа, бывшем перед его смертью, произнес благословение на исполнителей и проклятие на нарушителей Закона и возобновил Завет народа израильского с Богом его; здесь при Ровоаме произошло великое разделение земли на царство Израильское и Иудейское.

Иисус Христос шел по этой прелестной долине, неподалеку от города Сихема. Был шестой час дня, т. е. полдень. Уставши от путешествия, Он сел у колодезя. Полуденный жар тяготел над золотыми нивами Сихема. Вся земля как бы задремала от жгучих лучей солнца, все как бы заснуло, бодрствовала одна только любовь Спасителя. Спустя немного времени одна самарянская женщина пришла к колодезю почерпнуть воды. Она пришла сюда, как приходила уже сотни раз, ни о чем особенно не думая при этом, видит человека, сидящего подле колодезя. Узнав в нем чужеземца, и притом из враждебной ее соотечественникам израильской народности, она не приветствует его. Наполнивши свои водоносы водою,

самарянка хотела уже уйти, но Иисус остановил ее, сказав: *Дай Мне пить!* Ученики с радостью услужили бы своему Господину и Учителю, но они *отлучились в город купить пищи* (Ин. 4, 7–8). Женщина окинула взором Иисуса с головы до ног, она видела перед собой, как ей казалось, обыкновенного иудея. Поэтому, вспомнив о вражде, которая существовала между иудеями и самарянами, она сказала Ему: *Как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?* (Ин. 4, 9). В ответ Иисус свидетельствует ей, что Он, однако, больше, чем она думает. Он отвечает ей: *Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую* (Ин. 4, 10)'. Женщина не поняла Иисуса. Она думала, что Он говорил о колодезной воде, но у него не было сосуда, которым бы Он мог почерпнуть воды, а колодезь был глубок. Поэтому она отвечала: *Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у Тебя вода живая? Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его?* (Ин. 4, 11–12). Судя, однако, по тому, что она в разговоре назвала Его *господин*, можно видеть, что Иисус произвел на нее особенное впечатление. Она не сомневается в истинности Его слов, но только не может понять, что Он разумеет под водой. Иисус указывает на колодезь, у которого они стояли, и говорит ей: *Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную* (Ин. 4, 13–14). Из этих слов самарянка должна была понять, что собственно желал Говорящий с нею. Она должна была догадаться, что Он здесь разумел не какую-то земную, видимую воду. И женщина понимает, что та вода должна быть очень хороша и несравненно лучше, чем вода из колодезя Иакова, потому что навсегда утоляет жажду; только она не знает, что это за вода, которую предлагает ей Иисус. Впрочем, она просит Его: *Господин, дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать* (Ин. 4, 15).

Она просит живой воды. Это первый шаг, которого желает от нее Иисус Христос. Но чтобы могла она пить эту воду, ей нужно было прийти в осознание своих грехов и познать Того, Кто с ней говорил. Поэтому Иисус Христос продолжает говорить с ней: *Пойди, позови мужа твоего и приди сюда* (Ин. 4, 16). Слова Спасителя коснулись ее сердца. Совесть ее пробудилась. Но она еще пытается уклониться от Сердцеведца и в смущении говорит: *У меня нет мужа.* Иисус это полупризнание ее снисходительно принял за полное признание и, указывая перстом святой

любви на больное место ее совести, говорит ей: *правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала* (Ин. 4, 17–18). Этими словами Он напоминает ей не только настоящую, невоздержную ее жизнь, но и все грехи ее в продолжение пяти прежних браков, которые, конечно, не без ее вины разорваны были.

Совесть ее была уязвлена. Как бедная грешница стоит она перед чужеземцем, святой, проницательный взор Которого все видел. Она отвечает: *Господи! вижу, что Ты пророк* (Ин. 4, 19). Этим она признает истину Его слов. Ответ ее есть совершеннейшая исповедь, она чувствует себя грешницей, имеющей нужду в помиловании. Поэтому она, в стыдливом замешательстве, изменяет направление беседы и предлагает Иисусу для разрешения вопрос: *Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме*[2]. Вопрос был совершенно непринужденный. Она могла и должна была с пророком говорить о Боге и богопочтении и надеялась услышать на этот вопрос что-нибудь утешительное для души своей. Господь, чтобы показать ей, что одно внешнее богослужение и богопочтение не поможет грешной душе ее, сказал ей: *Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев* (Ин. 4, 21–22). Этим Он осуждает богослужение самарян и становится на сторону иудеев, которые одни имеют истинное откровение и от которых должно произойти спасение (Мессия), но вместе с тем и открывает взору самарянки то время, когда падет преграда, разделявшая народы. Бог призовет язычников, уничтожит преобразовательные учреждения и устроит по всей земле духовное, сердечное поклонение Богу. Эту великую истину Он повторяет здесь и в другой раз: *Настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ин. 4, 23–24). Это время уже теперь открывается с явлением Иисуса Христа во плоти. Истинные поклонники отселе служат Ему не одной только молитвой на устах, но приносят в жертву Богу всего человека в духе и истине. Это была та живая вода, о которой самарянка говорила: *Господи! дай мне этой воды* (Ин. 4, 15); теперь эта вода струилась в словах Господа. Самарянке оставалось только черпать и пить.

Она, конечно, не понимала этих слов во всей их полноте. Иисус говорил ей то, чего еще не говорил ни одному из своих учеников. Его

слово произвело на самарянку глубокое впечатление, хотя она, конечно, чувствовала, что слаба и неспособна понять эти слова во всей их глубине. Потому она сказала: *Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все* (Ин. 4, 25). Этого признания и желал от нее Иисус Христос. Он готов исполнить желание ее сердца и потому говорит ей: *Это Я, Который говорю с тобою* (Ин. 4, 26).

В это время возвратились из города ученики Его. Они удивились, что Иисус беседовал с женщиной, и к тому же самарянкой. Но любовь к Нему удержала их желание спросить Иисуса, зачем и о чем Он с ней говорит. Самарянка же оставила свой водонос и с радостным сердцем поспешила в город. Здесь она объявила всем: *Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?* (Ин. 4, 29). Как Он преобразил меня, так преобразит и вас, ступайте только, и вы убедитесь! Множество сихемлян пошли из города, чтобы увидеть Иисуса.

Между тем ученики просили Его, говоря: *Равви! ешь.* Но Он отвечал им: *У Меня есть пища, которой вы не знаете* (Ин. 4, 32). Ученики не поняли Его слов, не решаясь, однако, расспрашивать Его далее, они говорили между собою: *Разве кто принес Ему есть?* (Ин. 4, 33). Иисус, прозрев их удивление, объясняет им Свои первые слова: *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его* (Ин. 4, 34). Не о голоде и жажде, не о зное и усталости, не о полуденном отдыхе и обеде думает Он в эти священные минуты. Теперь душа Его у Бога, Который послал Его, теперь весь дух Его погружен в великое дело, которое Отец поручил Ему. Самаряне спешили к Нему через поле. Потому Он продолжает: не говорите ли вы во время сеяния: *еще четыре месяца, и наступит жатва* (Ин. 4, 35). Но здесь дело идет еще быстрее. Семя слова едва только посеяно, и поле уже созрело для жатвы.

О, какое громадное, широкое и славное поле жатвы видел Господь перед Собою, когда говорил это ученикам у колодезя Иаковлева, подле Сихема! Светившиеся радостью глаза Его видели тогда не одни только нивы самарийские, не одни горы иудейские – Он духом созерцал всю вселенную. Но чтобы пробудить охоту и надежду в учениках, которые должны будут трудиться на этой духовной ниве, Он указывает им на то, что они получат награду жнецов, – именно они должны будут, к Его и их общей радости, собирать спасенных грешников в жизнь вечную, – к Его радости как Сеятеля и их радости как жателей; потому что к этому случаю в полном смысле подходит изречение: *один сеет, а другой жнет* (Ин. 4, 37). Сам Иисус Христос совершает тяжелый труд сеяния; они же будут только жать и собирать в житницы. Как ни тяжел иногда будет и их труд,

но в сравнении с Его трудом он не более, как веселая и легкая жатва.

Между тем подошли самаряне. Они поверили свидетельству женщины и просили Иисуса остаться у них. Он пробыл у них два дня, и это время исполнено было плодов и благословения. Если они прежде уверовали в Него по слову женщины, то теперь уверовали по Его слову, потому что сами узнали и испытали, что Он есть Мессия, Спаситель мира.

о поклонении Богу в Духе и Истине

Дух есть Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися (Ин. 4, 24).

Но не для всех, конечно, понятна эта заповедь. Постараемся объяснить сколько возможно проще.

Когда ты, возлюбленный о Христе брат, стоя в храме Божием или дома перед святыми иконами, возлагаешь на себя крестное знамение, преклоняешь голову или колена или повергаешься всем телом на землю, произнося устами слова молитвы или псалма или другой какой священной песни; когда лобзаешь Святой Крест, или Святое Евангелие, или святую икону; когда возжигаешь пред святою иконою свечу или елей, или приносишь в церковь ладан для каждения во славу Божию и в честь святых угодников Его; или когда украшаешь святые иконы златом и серебром для благолепия святыни – тогда совершаешь чествование, служение и поклонение Богу внешнее, наружное.

Но когда ты возносишься благоговейной мыслью, благочестивым желанием и чувством к невидимому Богу; когда, сознавая и глубоко чувствуя свою ничтожность и свою виновность пред Ним, свою зависимость во всем от Него и Его беспредельную любовь и милосердие к тебе, предаешь свою волю и всю свою жизнь Его Всеблагой и Святой воле, при посещениях скорбных с сыновней покорностью и благодушным терпением, при благих намерениях и предприятиях с твердым упованием на Его всемощную и всегда готовую помощь; когда, памятуя, что ты всегда и везде находишься в Его присутствии, пред лицем Его, из благоговения к Нему остерегаешься от всех помыслов и дел, недостойных Его святости, и тщательно заботишься исполнять то, что Он заповедал, – тогда ты чествуешь Его внутренне, служишь и поклоняешься Ему духом.

Нет надобности говорить, что чествование Бога, служение и поклонение Ему духом выше служения и чествования наружного и поклонения телесного; служение и поклонение наружное одно, без внутреннего, есть только образ благочестия без силы его. Изнуряй тело свое постом и трудом, проводи ночи в бдении и стоянии, твори непрерывно земные поклоны перед святыми иконами, носи власяницу и вериги на теле для умерщвления плоти греховной: все это может быть душеполезным и богоугодным. Но все это останется бесплодным трудом плоти, если в то же время не будешь возноситься к Богу духом, благоговейными мыслями, благочестивыми желаниями и святыми

чувствованиями, если не будешь пленять ум в послушание веры, покорять свою волю воле Божией, приносить свое сердце Богу в жертву живую, святую.

Не должно, однако же, забывать, что мы хотя духовны по самой природе и особенно по возрождению от Святаго Духа, но не бесплотны. Духи бесплотные для выражения благоговейных чувствований не имеют нужды в видимых образах; а наш дух, облеченный плотью, не может обойтись без них. По тесной связи души с телом сильное и глубокое чувствование души, независимо от нашей воли, обнаруживается в сообразных с ним движениях тела. Когда, например, душа полна радости о Господе, чувствований хвалы и благодарения к Богу благодающему, тогда эти чувствования, как бы не вмещаясь в ней, стремятся излиться в восклицаниях, песнопениях и других знамениях радости и благодарения: от *избытка бо сердца уста глаголют* (Мф. 12, 34). Когда сердце исполнено чувством благоговения к Богу и чувством нужды в помощи Божией, тогда эти чувства невольно выражаются преклонением колен, повержением на землю, воздеянием рук или возведением очей к небу; подобным образом чувство печали о грехах изливается неудержимо в слезах и воздыханиях из сокрушенного покаянием сердца. Итак, тело наше не есть только одежда духа, но и необходимое богодарованное орудие его; через него дух наш совершает многие действия свои и через него же получает возбуждения к действию.

Потому само устройство и состав нашей природы из невидимого и видимого естества, из духа и тела, сама истина нашего бытия требует, чтобы внутреннее разумное чествование, служение и поклонение Богу духом выражалось в видимых знамениях и сопровождалось участием тела, чтобы все существо наше совершало службу Божию, как заповедует Апостол: *прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия* (1Кор. 6, 20). В этом-то согласии духовного служения с телесным состоит заповедуемое Господом поклонение Отцу духом и истиною. Дух есть Бог: *и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 24).

Отсюда можете видеть, как много погрешают против истины те, которые поставляют служение и поклонение Богу в одних наружных знаках и действиях телесных, как то: в поклонах, крестном знамении, преклонении колен, в чтении молитв без участия сердца, в возжжении свечей и прочем; а равно и те, которые ограничивают его только внутренними действиями духа, пренебрегая или отвергая как излишние все наружные знамения веры, любви и благословения к Богу; те и другие

стесняют дух в его восхождении к Богу: первые порабощают его телу, а последние отнимают у него пособие от тела как необходимого орудия для выражения и поддержания его чувствований. И те и другие хотят служить и поклоняться Богу одной только частью своего существа, а не всем существом: одни делают это от неразумной простоты, от лености, а другие от безрассудного высокоумия, *без ума дмяся от ума плоти своея* (Кол. 2, 18). Будем, православные христиане, соединять всегда телесное служение и поклонение наше Богу с духовным, сердечным, внутренним, как заповедано нам словом Божиим и примером Самого Господа Иисуса Христа, апостолов и всех святых и как научила нас матерь наша, Святая Соборная и Апостольская Церковь. Поклоняясь телом и произнося устами или слушая слова молитвы, будем всегда возноситься благочестивыми мыслями, желаниями и чувствованиями к Богу; возжигая свечу пред святою иконою, будем воспламенять сердце свое любовью к Богу; принося жертвы от достояния своего по силе для украшения храма Божия или домашней святой иконы, будем вместе с тем заботиться об украшении души своей делами богоугодными; ибо душа христианина должна быть благолепным храмом Духа Святаго.

Жажда спасения

Какой поучительный пример представляет самарянка! Шла она почерпнуть воды обыкновенной, но у источника простой воды обрела источник спасения. Душа ее, как видно, не совсем была поглощена заботами житейскими, почему Господь с двух-трех слов перевел ее мысли от земного к небесному и научил ее искать воду, от которой пиющий не *вжаждется паки. А иже пиет от воды, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный* (ср.: Ин. 4, 13–14). Услышав это, жена желательно воззвала: *Господи, дажд ми сию воду!* (Ин. 4, 15).

Вникнем в этот урок евангельский. «Жаждай да грядет ко мне и да пиет», – приглашает Господь. Но не со всякой жаждой можно приходить ко Господу, а только с такой, какой прилично просить у Него удовлетворения. Что же приличнее просить у Спасителя, кроме спасения? Итак, возжаждав спасения, приступим ко Господу в чаянии утолить эту жажду, в простоте употребляя способы, какие угодно было Ему начертать для сего. Но жажда спасения в ком уместна? В том, кто чувствует себя со всех сторон стесненным, окруженным опасностями, обремененным бедами и лишениями. Можно сказать всякому: «Дойди до сознания, что ты в таком положении, – и потечешь ко Господу искать спасения». О! коль скоро так, то недостатка понуждений идти ко Господу не должно быть: и дивиться надобно, отчего не все устремлены уже к Нему, чтобы почерпать воду с веселием из сего источника спасения. Посмотрим, что вокруг нас и в нас? Вокруг нас ходят неверие, сомнение, равнодушие ко всему святому, которые, заходя внутрь нас, могут колебать нашу душу недоумениями и покрывать ум туманом противоположных помышлений, вносящих раздор в область мирной и ублажающей веры. Ум ищет света ведения и блажен, когда вступает в него. И напротив, ему свойственно томиться, когда скрывается сей свет, как и телесное око томится, надолго будучи лишаемо света ведения, и жаждущий его не может не взывать: «Господи, пошли свет Твой и истину Твою, чтоб она наставила меня». Не в таком ли ныне многие из нас положении? Если так, то идите ко Господу и не отступайте от Него: ибо Он есть Свет, и ходящий вослед Его во тьме не пребудет.

Присмотритесь поближе к тому, что внутри нас, и вы увидите там душу, связанную во всех своих движениях, подобно узнику, связанному по рукам и по ногам. Вы хотите начать какой-либо подвиг, несколько тяжелый, но саможаление не допускает до того и отнимает всю к тому силу. Вы хотите благотворить, но своекорыстие сокращает руку вашу. Вы

хотите простить, но гордость оскорбленная возбуждает к отмщению. Вы хотите радоваться счастью другого, но зависть погашает эту радость. Так на всякое доброе движение как цепи какие наложены, мешающие душе действовать свободно. А душе свойственна свобода. Поэтому, находя себя так связанною, она не может не взывать с Апостолом: *кто мя избавит* (Рим. 7, 24), или с Пророком: *изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему* (Пс. 141, 8). Так, чувствуя себя связанными и желая свободы, приступим ко Господу, Который говорит: *аще убо Сын вы свободит, воистинну свободны будете* (Ин. 8, 36).

Что в сердце у нас? По его природе – желание покоя, мира, утешений, счастья; а на деле одна скорбь сменяется другою: то досада от неисполнения желаний, то скорбь от потери достигнутого, тут страх за себя или других, там томление от неумеренной или обманутой надежды; вчера неудача поразила, как стрелой, ныне забота, как червь, точит, завтра неблагоприятное стечение обстоятельств грозит разбить, как параличом. Долго ли же так быть нам? Или не к кому обратиться нам? Придем же в себя и поспешим благонадежно обратиться ко Господу, Который зовет всех: *приидите ко Мне оси труждающиися и обремененный, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28).

Жаждущий света, к Нему иди! Он есть Свет, вне Его – тьма. Он просветит ум твой ведением, не внешне только, через откровение, но и внутренне, через помазание от Святого, которое учит всему, как испытал тайнозритель, и сообщает такое осязательное удостоверение в истине, что от нее отказаться так же нельзя, как отказаться от своего бытия.

Жаждущий свободы, ко Господу иди! Он разрешит узы страстей, коими связана душа, вольет силу на добро, против которой не может устоять никакая страсть, через труд доброделания так сроднит добро с душою, что она не будет чувствовать не только внешних, но даже и внутренних уз – от закона, который праведнику не лежит. *Где Дух Господень, там* только *свобода* (ср.: 2Кор. 3, 17). Он поставляет на пространне ноги действующих (см.: Пс. 30, 9), и они действуют во всей широте добрых преднамерений, под благословляющей и действующей десницею Божиею.

Жаждущий покоя, мира и блаженства, ко Господу иди! Он есть живот, мир и покой, и единственно Он. Он изгонит из сердца все тревоги, возродив в нем другие, неземные заботы и искания; Он угасит жгучесть земных скорбей, погасит всякий порыв к земным утешениям. Себя даст Он вкусить – Себя, Благого и ублажающего, и тем в забвение приведет вкус ко всему другому. Ибо Он есть полнота всякого утешения. Он указывает

сердцу за гробом нескончаемое блаженство, дает предвкусить его ныне и усвоить себе надеждой в будущем, чтобы восполнить чувство блаженства в Нем, не невозмутимостью только Его, но и непрерывностью. Так, ко Господу идите, зовущему вас и обещающему утолить всякую жажду. Он один напоит нас водою, от которой пьющий не возжаждет во веки.

Притча о спасении

Что нужно делать, чтобы спастись? «Твори благо, бегай злаго, спасен будеши», – сказал святитель Митрофан Воронежский. Иначе: «люби добродетель, бегай порока». Пространнее: узнайте и сердцем содержите все, чему учит Святая Церковь, и, приемля благодатные силы через Таинства и возгревая их через все другие священнодействия Церкви, идите неуклонно путем заповедей Божиих, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей – учителей Церкви, уклоняясь от всего противного сему; и несомненно спасетесь – достигнете Царства Небесного; это всякому известно. Следующее сказание еще более пояснит дело.

Один глубокий старец, живший в уединенной пустыне, впал в уныние, и тьма помышлений начала сокрушать душу его, внушая ему недоумения, правильно ли идет он, и есть ли надежда, что труды его увенчаются, наконец, успехом? Старец сидел с поникшей головой; сердце ныло, но очи не давали слез; сухая скорбь томила его. Между тем как он так убивался горем, предстал ему Ангел и сказал: «Что смущаешься и зачем помышления входят в сердце твое? Не ты первый и не ты последний идешь путем сим. Многие уже прошли им, многие идут и многие пройдут в светлые обители райские. Ступай за мной, я покажу тебе разные пути, какими ходят сыны человеческие, равно как и то, куда приводят сии пути. Смотри и вразумляйся». Повинуясь мановению Ангела, старец встал и пошел; но едва сделал несколько шагов, как стал вне себя и погрузился в созерцание дивного видения, которое открылось умным очам его. Он видел по левую от себя сторону густой мрак, как стену непроницаемую, внутри которого слышал шум, тревогу и смятение. Всматриваясь внимательно во мрак, увидел он широкую реку, по которой волны ходили взад и вперед, вправо и влево, и кто-то всякий раз, как мелькала пред очами его волна, как бы на ухо внятно произносил старцу: это – волна неверия, беспечности, холодности; это – не милосердия, разврата, взяточничества; это – неги, забавы, зависти, раздора; а это – пьянства, нечистоты, лености, неверности супругов и прочего. И всякая волна извлекала из глубины несметное множество людей, и снова погружала в глубь реки. В ужасе старец воскликнул: «Господи! ужели все они погибнут и нет им надежды спасения?» Ангел сказал ему: «Смотри далее и узришь милость и правду Божих».

Старец взглянул еще на реку и увидел ее по всей широте и по всей

долготе своей покрытой малыми ладьями, в которых сидели светлые юноши со всякого рода орудиями, во спасение утопающих. Они всех призывали к себе и одним подавали руки, другим спускали жерди и доски или бросали верви, а иногда погружали вглубь багры и крюки – не ухватится ли и там кто? И что же? Редкий-редкий откликался на призывный голос их, и еще менее было таких, которые пользовались как следует подаваемыми им орудиями спасения. Наибольшая же часть с презрением отвергала их и с каким-то диким услаждением погружалась в этой реке, в ее чад, смрад и гарь. Старец простер взор свой вдоль реки и в конце ее увидел бездну, в которую низвергалась она. Юноши в большом количестве стремительно плавали на ладьях туда и сюда, у самого края бездны, заботливо подавая помощь всякому; но, несмотря на то, каждую минуту, на каждом месте реки целые тысячи людей, вместе с потоком, низвергались в бездну, – оттуда были слышны одни стоны отчаяния и скрежет зубов. Старец закрыл лицо свое и зарыдал. И был к нему голос с неба: «Горько, но кто виноват? Скажи, что бы мог Я сделать для спасения их, чего еще не сделал? Они с ожесточением отвергают всякую подаваемую им помощь. Они отвергнут и Меня, если Я низойду на помощь к ним в самые безотрадные места их страданий».

Немного успокоившись, старец обратил очи свои на правую сторону, к светлому востоку, и утешен был отрадным видением. Те, кто, внимая зову светлых юношей, подавали им руку или хватались за какое-либо спасительное орудие, были извлекаемы ими на правый берег. Здесь принимали их другие лица, вводили в небольшие стройные здания, рассеянные в большом количестве по всему протяжению берега, где обмывали их чистой водой, облекали в чистые одежды, опоясывали, обували, давали посох и, подкрепив пищей, отсылали в путь далее к востоку, заповедав им не озираться вспять, идти без остановки, внимательно смотреть под ноги и не пропускать ни одного подобного здания без того, чтобы не зайти в него и не подкрепить себя в нем пищею и советом тех, чьему попечению вверены эти здания, равно как и всех заходящих в них. Старец посмотрел вдоль берега и увидел, что на всем протяжении его готовятся в путь эти избавленные. На лицах всех отпечатлевались радость и воодушевление. Видно было, что все они чувствовали особенную легкость и силу и с некоторой неудержимостью устремлялись в путь, первые стадии которого усеяны были приятными цветами.

Старец обратил потом взор свой далее к востоку, и вот что ему открылось. Приятный луг заканчивался недалеко от берега; далее

начинались горы, лежавшие хребтами в разных направлениях, – то голые и утесистые, то покрытые кустарниками и лесами. Они подымались все выше и выше и пересекались пропастями. Повсюду видны были путники-труженики. Иной карабкался на крутизну, другой сидел в утомлении или стоял в раздумий, тот боролся со зверем или змеею; один шел прямо к востоку, другой по косвенному направлению, а иной поперечно пересекал пути другим; только все трудились в поте лица, в борьбе и напряжении сил – и душевных, и телесных. Редкий путник все время видел дорогу; часто она совсем пропадала или раздроблялась на распутия; в ином месте скрывали ее туман и мрак; а иногда пересекала пропасть или крутой утес; там затаились звери из дубравы или ядовитые гады из ущелий. Но вот что дивно! Повсюду по горам рассеяны были красивые здания, подобные тем, в которые принимаемы были в первый раз спасенные из реки. Коль скоро путник заходил в них, как ему было заповедано вначале, то, как бы он ни был изможден до того времени, выходил оттуда бодрым и полным сил. Тогда звери и гады не могли выносить взора его и бежали от него, никакие препоны надолго не останавливали его, и он легко и скоро отыскивал скрывавшийся путь по тем указаниям, какие получал в тех зданиях. Всякий раз, как преодолевал кто препятствие или одолевал врага – становился крепче, выше и статнее. Чем кто выше восходил, тем более хорошел и светлел. К вершине горы местность опять становилась гладкой, цветистой, но вступившие на нее скоро входили в светлые облака или туман, из которого более уже не показывались. Старец взглянул выше этого облака и из-за него или из-за горы увидел чудный, неописуемой красоты свет, из которого доносились к нему сладостные звуки: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф! Старец в умилении пал ниц, и над ним звучно пронеслось слово Господне: *тако тецыте, да постигнете* (1Кор. 9, 24).

Поднявшись на ноги, старец увидел, что с разных мест горы немалое число путников снова стремительно бежали к реке; кто молча, кто с криком и хульными и бранными словами. К каждому из них, и сверху, и снизу, обращаемо было воззвание: «Остановись! остановись!» Но, гонимые какими-то малорослыми муринами, они не внимали предостережению и опять погружались в смердящую реку. Тогда старец воззвал: «Господи, что сие?» и услышал в ответ: «Плод самочиния и непокорности богоучрежденному порядку!» Тем видение кончилось. Ангел спросил у старца, утешен ли он, и тот поклонился ему до земли.

Видение старца, взятое из древнего «Отечника», понятно само собой. Река есть мир; погруженные в ней – люди, живущие по духу мира, в страстях, пороках и грехах; светлые юноши в ладьях суть Ангелы и вообще

призывающая к спасению благодать; бездна, в которую низвергалась река с людьми, есть пагуба; красивое на правом берегу здание – Церковь, где, чрез Таинство Покаяния или Крещения, обратившиеся грешники омываются от грехов, облекаются в одежду оправдания, препоясываются силою свыше и поставляются на путь к спасению; восход на гору с затруднениями – труды в очищение сердца от страстей; звери и гады – враги спасения; гладкая к вершине местность – умиротворение сердца; светлое облако, скрывающее путников, – покойная смерть; свет из-за горы – рай блаженный; здания, рассеянные по горе, – храмы Божий. Кто заходит в сии здания на пути, т. е. принимает Таинства и участвует в священнодействиях и молитвословиях Церкви, пользуется советом и руководством пастырей, тот легко преодолевает все препятствия и скоро приходит к совершенству; а кто самочинно отвергает их, не подчиняясь указаниям и советам пастырей, тот скоро падает, и дух мира снова увлекает его.

Краткие правила, как душу спасать

1) Покайся и обратись ко Господу, познай свои грехи и оплачь их в сокрушении сердца.

2) Пребывай в Боге умом и сердцем, а телом трудись во исполнение своих обязательных дел.

3) Блюди сердце свое от худых помыслов и чувств – гордости, гнева, осуждения, пристрастия и прочего.

4) Всю жизнь свою принеси в жертву Богу и живи уже не для себя, а для Бога, творя одно угодное Ему.

5) Смиренно предай себя в волю Божию и в терпении стой твердо в порядках спасительной жизни.

6) Подпорою для сего пусть будет у тебя всегдашняя забота о стяжании живой веры, надежды и любви.

7) Орудия такой жизни – молитва, пост, бдение, уединение, труд, частое говение, чтение Слова Божия и прочее.

8) Огради себя страхом Божиим: помни последнее – смерть, суд, ад, Царство Небесное.

9) Более всего внимай себе: храни ум трезвым и сердце несмущенным.

10) Стяжи духовный огонь благодати Божией, чтобы он попалил терние страстей и грехов твоих и насадил в сердце твоем семена добродетелей.

Так устройся, и благодатию Божией спасешься!

О пути ко спасению

Чем и как можно нам спастись?

а) Кто хочет спастись, тот должен принадлежать к Единой Святой Православной Церкви, быть ее верным сыном, во всем покоряться установлениям ее, как то: поститься, ходить в храм Божий, почитать духовных пастырей и т. д. Если кто не повинуется Церкви, кто по духу противления или гордости отделится от Церкви, если кто раскольник, то, сколько бы он ни клал поклонов, ни постился, ни молился, ему не спастись. Господь сравнил неповинующегося Церкви с идолопоклонником: *аще же* кто *Церковь преслушает,* сказал Он, *буди... якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17). Раскольник и еретик чужды смирения, как чужд смирения диавол: а потому они чужды спасения, как чужд его диавол. Некогда преподобному Макарию явился диавол и говорит: «Макарий! ты много постишься, а я вовсе не ем; ты мало спишь, а я вовсе не сплю; одним только побеждаешь меня – твоим смирением». Кто не смирится, тот не ученик Христов, тот не подчинился Иисусу Христу. «Истинное смирение – от послушания, – сказал преподобный Иоанн Лествичник, – как и Господь явил Свое смирение тем, что Он *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (ср.: Флп. 2, 8)». Без послушания Церкви нет смирения: без смирения нет спасения: *смирихся и спасе мя,* сказал Пророк (Пс. 114, 5).

б) Кто хочет спастись, тот должен хотя понемногу, но часто молиться Богу. В будни молись Богу дома, если дела житейские и служба не позволяют отправиться в храм Божий; утром – восстав от сна; на ночь – отходя ко сну; молись также перед обедом и перед ужином. В праздничные и воскресные дни должно принимать участие в общественных церковных молитвах. Великое счастье для грешного человека, что ему дано посещать церковь Божию: он может умолить Бога, чтобы Бог простил ему грехи и даровал спасение. Давид был славный и богатый царь, а вместе с тем и пророк, но одного просил у Господа: *едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святый Его* (Пс. 26, 4). Святые отцы называют молитву матерью всех добродетелей, потому что ею можно испросить у Милосердого Господа все прочие добродетели, все блага временные и вечные, как засвидетельствовал Сам Господь: *просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7).

в) Кто хочет спастись, тот должен по силе своей творить милостыню душевную и телесную и вообще любить ближних, как самого себя. Душевная милостыня состоит в прощении ближним их согрешении, т. е. оскорблений и обид, нанесенных нам ближними, а также в заботе нашей о спасении душ ближних, например, о научении их истине и добру. Милостыня телесная состоит в посильном вспоможении ближнему хлебом, одеждою, деньгами и странноприимством. Господь сказал: *блажени милостивии: яко тии помилована будут* (Мф. 5, 7), т. е. спасутся. Напротив того, *суд без милости* ожидает немилостивых (Иак. 2, 13), т. е. немилостивым не спастись.

г) Кто хочет спастись, тот должен приносить Богу, Которого он должен любить превыше всего, тщательное раскаяние в своих согрешениях как при ежедневных молитвах своих, так, в особенности, перед отцом духовным при Таинстве исповеди. Возвещает боговдохновенный Пророк: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви: и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Вникните в порядок слов, изреченных Святым Духом: что сперва человек познает грехи свои, что достигается благочестивым рассмотрением самого себя; потом он отвергает те оправдания, которыми лукавая совесть обыкновенно старается извинить грех свой; наконец, кающийся человек делается обвинителем самого себя и высказывает Господу, при свидетеле-духовнике, все согрешения свои, отнюдь не щадя своего самолюбия. Тогда он получает от Бога прощение беззаконий своих. Апостол сказал: *аще исповедаем грехи наша, Он верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от веяния неправды* (ср.: 1Ин. 1, 9). По очищении себя исповедью перед отцом духовным, положив крепкое намерение впредь не грешить и во всяком случае сильно бороться с искушениями ко греху, должно со страхом Божиим, верою и любовью приобщиться Всесвятого Тела Христова и Всесвятой Крови Христовой, что вполне необходимо для спасения. Господь сказал: *аминь, аминь глаголю вам: аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе*, т. е. не имеете спасения. *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, имат живот вечный*, т. е. имеет спасение (Ин. 6, 53–54). Должно исповедоваться и приобщаться по крайней мере во все четыре поста, четырежды в год. Если же, к сожалению и несчастию, житейские заботы и до сего не допустят, то непременно должно приобщиться однажды в год.

д) Кто хочет спастись, тот должен великодушно переносить все скорби, которые будут ему попущены во время сего краткого земного

странствования. Случится ли неурожай, или и созревший уже хлеб истребит саранча, побьет град; случится ли падеж скота, пожар, болезнь своя и членов семейства, смерть кого-либо из ближних родственников, придется ли потерпеть гонение и обиды от сильного человека – все это должно переносить великодушно, без ропота. Особенно же без хуления. Господь заповедал нам в терпении нашем стяжавать души наши (см.: Лк. 21, 19); *претерпевый же до конца,* сказал Он, *той спасется* (Мф. 24, 13). Посылаемые Богом скорби – верный признак для человека, что тот избран Богом, возлюблен Богу. *Аз,* засвидетельствовал Господь, *ихже аще люблю, обличаю и наказую* (Апок. 3, 19). По этой причине Апостол так утешает скорбящего и страждущего: *сыне мой, не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей, от Него обличаем. егоже бо любит Господь, наказу ет: биет же всякого сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог* (Евр. 12, 5–7). Таково достоинство скорбей земных, когда они переносятся с благодушием! Они – дар Божий (см.: Флп. 1, 29)! Они признак усыновления христианина Богу! Чтобы научиться терпеливому и благодушному перенесению скорбей, должно встречать каждую приходящую скорбь словами благоразумного разбойника: *достойное по делам моим приемлю, помяни мя, Господи, во Царствии Твоем* (ср.: Л к. 23, 42). Также полезно вспоминать и повторять слова многоболезненного Иова: *благая от руки Господни прияхом, злых ли не стерпим* (Иов. 2, 10)? *Яко Господеви изволися, тако и быст: буди имя Господне благословенно во веки* (Иов. 1, 21).

е) Желающему спастись необходимо заниматься чтением божественных книг. *Блажен муж,* сказал святой пророк Давид, *иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалища губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и нощь* (Пс. 1, 1–2). Ум наш, как омраченный грехом, никак не может ограничиться в отношении ко спасению своими собственными помышлениями, немощными, колеблющимися, обманчивыми. Ему необходимо – посредством внимательного чтения или тщательного слышания Слова Божия – заимствовать из него помышления Божественные и вразумляться ими. Святые отцы называли чтение и слышание Слова Божия царем всех добродетелей. Слово Божие открывает нам все греховные страсти, живущие и действующие в поврежденном естестве нашем, открывает все ухищрения их, разоблачает злобу, когда она, для обольщения нашего, прикрывается личиной добродетели и научает нас борьбе с живущим в нас грехом.

Спасайтесь, братия, спасайтесь! Земная жизнь каждого из нас очень коротка – не заметишь, как пройдет. Не заметишь, как подкрадется к каждому из нас смерть.

Кто доселе жил благочестиво, тот да продолжает таковое жительство. Кто доселе позволял себе проводить жизнь греховную, тот да принесет покаяние и отселе да начнет проводить жизнь добродетельную, всемерно бегая грехов, без чего невозможно спасение. *Живу Аз, глаголет Господь, яко не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (ср.: Иез. 33, И).

Соблюди заповеди и тем спасешь свою душу

Святой Ерм, муж апостольский, которого весьма хвалит апостол Павел (см.: Рим. 16, 14), известен своей книгой под названием «Пастырь», которая в первые века читалась даже в церквах наряду с апостольскими Посланиями. К изложению душеспасительных заповедей, которые содержатся в книге, он приступает так:

«Молился я, – говорит он, – у себя дома и сел потом на ложе свое. Вот вижу, входит муж, видом своим внушавший уважение, в одежде пастушеской. На нем накинут был белый плащ, котомка висела за плечами его, и палка была в руках у него. Он приветствовал меня, приветствовал и я его. Затем он сел подле меня и сказал: «Я послан к тебе, чтоб пребыть с тобою все остальное время жизни твоей». Когда он сказал это, мне подумалось, что он искушает меня, и я спросил его: «Кто же ты? – ибо того, кому я вверен, я хорошо знаю». «Так ты меня не узнаешь?» – спросил он. «Нет», – отвечал я. «Я и есть тот пастырь, которому ты вверен», – сказал он. С этим словом он изменился в лице, и я узнал в нем моего Ангела-хранителя. Мне стало стыдно, страх и скорбь начали тревожить меня; но он успокоил меня, говоря: «Не бойся, я послан указать тебе все, чем ты можешь спасти душу свою. Выслушай внимательно и запиши все для памяти, чтоб, перечитывая то время от времени, ты освежал мысли свои тем и укреплял шаткую волю твою. Если от чистого сердца будешь сохранять все открываемое тебе, то получишь от Господа все блага, какие обетовал Он верным Своим. Если же, выслушав мои наставления, ты не только не исправишься, а, напротив, станешь прилагать грехи ко грехам, то беду за бедою пошлет на тебя Господь, пока не сокрушит или сердца твоего, или костей твоих».

Сказав это, пастырь мой, Ангел покаяния, предложил мне двенадцать заповедей в следующем порядке:

1) Веруй во Единого Бога, в Троице покланяемого, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым, Который из ничего воззвал к бытию все твари и даровал им столько совершенств, сколько каждая из них вместить может.

2) Живи в простоте и непорочности, не вреди ближнему даже словом, напротив, помогай всем в нуждах их, не разбирая, кто просит и кому даешь.

3) Слово гнило да не исходит из уст твоих; люби истину и убегай лжи.

4) Как зеницу ока храни супружескую верность, ибо это непреложный

закон Творца – быть чистым и непорочным пред лицем Его или в девстве, или в честно хранимом супружестве. Женился, не ищи разрешения или другой жены; положил быть в девстве, не ищи жены. Также, когда умрет муж или жена, пережившая половина не грешит, когда вступает во второй брак; но большей сподобляется части от Бога, когда решается хранить вдовство в чистоте и непорочности.

При этих словах, говорит Ерм, я спросил его: «Что же делать тому, кто согрешит?» «Каяться», – отвечал мне Ангел-пастырь. Говорю ему: «Я слышал, что, кроме крещения, нет другого покаяния, что, погружаясь в воды пакибытия, мы получаем отпущение всех грехов и никак не должны уже после того грешить». Ангел отвечал мне: «Крещение не называется покаянием. Покаяние Бог установил для тех, кои, будучи чрез крещение призваны в число верующих, падают потом в грехи, по козням диавола. Бог Милостивый приемлет покаяние таковых; но надо знать, что частое падение в грех, исправляемое даже частым покаянием, делает подозрительным самое покаяние; и можно, наконец, упасть так, что после того падения не будет возможностей встать снова и начать жить для Бога. Сего да страшится всякий, легкомысленно смотрящий на грехи».

Сказав это, пастырь продолжил указание спасительных для нас заповедей Божиих:

5) Идя путем заповедей, не можешь миновать препятствий и трудов. Мужайся, и да крепится сердце твое: терпи в делании добрых дел и перенесении всех на пути сем неприятностей.

6) Помни, при каждом человеке есть два ангела – добрый и злой. Один влечет его к добрым делам, а другой к грехам и порокам. Внимай же себе и к первому склоняйся, а второе отвергай, по внутренним помыслам сердца догадываясь, какой из них дает тебе в ту пору уроки и хочет властвовать над тобою.

7) Единого Бога – Творца и Промыслителя твоего бойся и Спасителя твоего и пустой страшливостью темных сил не унижай своей детской Ему преданности и своего крепкого на Него упования.

8) Попекись явить себя ревностным исполнителем всех без исключения заповедей Божиих и тщательным творцом всех дел, какие Ангел внушит сердцу твоему или укажет сочетание обстоятельств жизни твоей, – и будешь сын в дому Божием, а не раб.

9) Молись, преутруждай себя в молитве, непрестанно молись, чтоб всякий раз, как нужно, свыше сходила на тебя сила – творить добро, и помощь – уклоняться от зла. Молитва делает земнородного небожителем и одевает его небесною чистотою и святостью.

10) Бегай ложных пророков – гадателей и волхвов (спиритов, т. е. вызывателей духов, кои тогда в большом являлись количестве. Из числа их был и Симон-волхв со своими учениками), через коих враг губит рабов Божиих. Слабые в вере обращаются к этим обманщикам, а они, отвечая им по желанию сердца их, наполняют головы их мечтательными надеждами. Тут же, к капле истины примешивая море лжи, они обольщают их и снова увлекают к язычеству. Кто искренно верует и предал себя Богу, тот не пойдет к ним. Таковый неба ищет; а гадают обычно об одном земном.

11) Учительницею, единственною учительницею да будет тебе Церковь Бога Жива – столп и утверждение истины. В ней свет непреложного истинного ведения. Вне ее – мрак и тьма. Там князь мира поставил учительскую кафедру свою и ослепляет умы внимающих ему и не хотящих слушать голоса Церкви ради того, что они светские.

Вот тебе проба: что разногласит с учением Церкви, то есть голос отца лжи. Внимай и блюди себя чистым от сего падения. Вот и еще признак: слово истины водворяет глубокий мир, покой и сладость в верующем сердце; слово же лживых вздымает мечты и сомнения и, как соленая вода, разжигает жажду знания, запиная ум, как пленника, в неопределенной, мрачной пустыне.

12) Без ближайших руководителей нельзя прожить свято на земле. Ты найдешь их в Церкви, где Дух Святый поставляет их пасти стадо Христово; умоли Господа даровать тебе благопотребного. В час нужный, и без спроса твоего, он изречет тебе утешительное слово. Дух Божий научит его, что подобает сказать тебе, и ты услышишь от него, чего хочет от тебя Бог. Берегись, однако же, и здесь духов лестчих. Смирение и тихость украшают истинного руководителя. Где же помпа, т. е. внешний блеск в слове и жизни, там лесть. Внимай сему и спасешься.

Вот все двенадцать заповедей, которые дал мне Ангел-пастырь, заключает Ерм. Выслушав их, я сказал ему: «Прекрасные правила, но есть ли человек, который мог бы исполнить их как следует?» На это Ангел отвечал мне: «Прими их сердцем в простоте, без размышления, и не встретишь в исполнении их никакого затруднения. Но коль скоро станешь разлагать в уме своем, можно ли и как выполнить то и другое, и нельзя ли как-нибудь высвободиться из-под сего ига, подкрадется враг, вложит расслабление в сердце твое и сделает тебя неспособным ни к какому добру. Но что много говорить!.. Знай, что, если не исполнишь чего, нет тебе спасения, – нет спасения ни тебе, ни детям твоим, ни семейству твоему». Сказав сие, Ангел изменился в лице своем и сделался столь страшным, что я не знаю, есть ли кто, кто бы в состоянии был снести взор

его в ту минуту; я испугался. Ангел, видя мое смущение, начал говорить кротко ко мне, с лицом, способным разлить отраду в сердце: «Как это думаешь и говоришь ты? Забыл разве ты Всемогущество Божие! Возможно ли, чтоб Тот, Кто все покорил под ноги твои, не дал тебе сил исполнять заповеди Его? Знай же, что, кто имеет всегда Бога в сердце своем, тот легко исполнит все заповеди сии. Кто же имеет Его только на конце языка своего, тот падет под тяжестью их, считая невыполнимыми». Я заметил на это: «Кто не просит у Бога сил, чтоб исполнять святые заповеди Его? Но враг силен: он искушает рабов Божиих и держит их в своей власти». «Нет, – отвечал на это мне Ангел, – враг не имеет никакой власти над рабами Божиими. Тех, кои веруют в Бога от всего сердца своего, он может искушать, но не властвовать над ними. Противостань ему с мужеством, и он убежит от тебя». Тем кончились наставления ангельские, изложенные во второй книге святого Ерма под названием «Пастырь».

Будем молить Господа, да дарует Он благодатную помощь исполнить эти спасительные наставления, преподанные чрез святого мужа апостольского.

Спасается тот, кто в единении с Православной Церковью

К преподобному Агафону однажды пришли некоторые иноки и, желая испытать, не рассердится ли он, спрашивают его: «Ты Агафон? Мы слышали о тебе, что ты блудник и гордец». Он отвечал: «Да, это правда». Они опять спрашивают его: «Ты, Агафон, пустослов и клеветник?» Он отвечал: «Я». И еще говорят: «Ты, Агафон, еретик?» Он отвечал: «Нет, я не еретик». Затем спросили его: «Скажи нам, почему ты на первые вопросы соглашался, а последнего не вынес?» Он отвечал им: «Первые пороки я признаю за собой: ибо это признание полезно душе моей, а быть еретиком значит быть в отлучении от Бога; но быть отлученным от Бога я не хочу». Так рассуждал великий угодник Божий. А кто отлучает себя от Церкви, тот отлучает себя и от Бога, ибо Господь наш Иисус Христос есть Глава Своей Церкви. Блаженный Августин говорит: «Спасается только тот, кто имеет главою Христа, а имеет главою Христа лишь тот, кто находится в Его Теле, которое есть Церковь». Пока ты в единении с Церковью, ты – живой член Тела Христова, хотя, по грехам своим, не можешь называть себя здоровым членом, а если оставил Церковь Православную, то ты перестал уже быть ее живым членом, ты уже отсеченный от нее, а стало быть, и мертвый член; и как бы ни были велики добродетели твои, никакой они не принесут тебе пользы.

Кара Божия за хулу на Церковь

Это случилось близ деревни Мишнево, Калужского уезда. Крестьянин Деев в жаркий июльский день пошел в поле, где паслась на привязи его лошадь. Отвязав от кола веревку, он свернул ее кольцом и, чтобы удобнее было править поводьями, надел ее на себя, сел на лошадь и поехал к деревне. На одной полосе неожиданно поднялась из-за снопов жница, закутанная зипуном, лошадь испугалась, шарахнулась в сторону, и Деев, как сноп, слетел на землю, путаясь в веревке. Увидя это, многие погнались за лошадью, крича что есть мочи: «Лови, лови!» Лошадь, как бешеная, носилась по полю, оставляя за собою кровавый след, а когда остановилась, то все содрогнулись от ужаса: Деев превратился в окровавленную грязную массу, кольца веревки врезались в тело до самых костей. Он еще дышал, но не двигал ни одним членом; через несколько минут он умер, в расцвете сил, ему было только тридцать лет.

Вот что рассказала по этому случаю близкая родственница Деева, его тетя, престарелая девица. Деев был сначала православным, но затем отпал в раскол и сделался великим хулителем Святой Церкви. Особенно ему хотелось совратить в раскол упомянутую свою тетю и ее сестру; всячески старался он добиться этого, но безуспешно. За три дня до случившегося он, вернувшись с заработков, вновь предложил своей тете перейти в раскол, но, услышав ее отказ, сказал: «Помни же ты, окаянная еретица! Когда ты издохнешь, то хоронить тебя не буду, а, как собаку, привяжу к хвосту моего серого коня, выволоку вон из деревни, хлестну кнутом из всей силы, – пусть серый размычет твои старые кости по чистому полю. Непременно так сделаю!» И вот что случилось спустя два-три дня после этого: Деев сам привязал себя к этой самой серой лошади и погиб ужасной смертью...

В 1891 году в селе Салтыковка, Актарского уезда был открыт единоверческий приход и построен храм. Через три года приход состоял уже из 350 душ, и все они были обращены из раскола. Со своей стороны раскольнические лжеучители употребляли все усилия к тому, чтобы отклонить малосведущих в Писании от присоединения к Святой Церкви. Они осыпали Церковь неисчислимыми и нетерпимыми для слуха каждого православного христианина хулой и ругательствами. Но и кара небесная не коснит иногда на таких хулителей. Из жителей Салтыковки одна немолодая крестьянка австрийского согласия была страшной хулительницей вновь устроенного храма. Всемилостивый Господь терпел до времени ее страшные нападки на Святую Церковь, ожидая вразумления

и ее обращения. Но она не переставала говорить свои безумные слова на жилище Божие. И вот с нею стали случаться припадки, во время которых она страшно тряслась всем телом, кричала, произнося непонятные слова, и вообще приходила в совершенное бешенство. Сначала такие припадки были редки, но потом все чаще и чаще. Дошло до того, что она перестала приходить в себя.

Так, насколько долготерпелив Господь, настолько же Он и праведен, по словам Пророка: *праведен Господь во словесех Своих* (ср.: Пс. 114, 13), словеса же Его таковы: *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7)'.

В приходской летописи села Пришиба, Царевского уезда, упоминается происшествие из жизни местных молокан. Один из них, В. И. К-нов, принявший на себя звание наставника, в 1872 году отправился с целью пропаганды по низовьям реки Волги. Весной того же года, при переправе в Дубовку, К-нов, находясь в лодке с православными спутниками, стал издеваться над ними, когда они из-за сильного волнения реки крестились, молились Богу и призывали на помощь святителя Николая Чудотворца. Но Бог поругаем не бывает! К-нов нечаянно вывалился из лодки и тотчас же скрылся в водной стихии, так что тело его нигде не было найдено. Такова погибель нечестивых, насмехающихся над Православной Церковью!

Храм Божий – страх Божий

Когда услышишь звон церковного колокола, призывающий всех на молитву, и совесть подскажет тебе: *в дом Господень пойдем* (Пс. 121, 1), отложи тогда, если можешь, всякое дело в сторону и спеши в церковь Божию. Знай, что это Ангел-хранитель твой зовет тебя под кров дома Божия; это он, Небожитель, напоминает тебе о небе земном, чтобы там освятить твою душу благодатью Христовою, чтобы усладить твое сердце небесным утешением. И кто знает, может быть, он зовет туда еще для того, чтобы отвести тебя от искушения, которого не избежать тебе, если останешься дома, или укрыть тебя под сенью храма Божия от какой-нибудь беды...

Вот что поведал о себе один христианин, внимательный к путям Промысла Божия: «Не всегда я имел возможность бывать в церкви у вечернего богослужения; но раз – это было в воскресный день, – когда заблаговестили к вечерне, как будто тайный голос какой тихо подсказал мне: «Отчего бы и тебе не пойти к вечерне? сегодня ведь праздник Господень! Бог даст, успеешь сделать, что нужно, и после службы Божией». Я послушался и пошел. На душе было так спокойно, отрадно и легко, что я не заметил, как окончилась вечерня.

Дома у меня никого не было; прихожу и замечаю, что не все в прежнем порядке. Ясно, что без меня тут был непрошеный гость. Денежный ящик был пуст; не оказалось еще двух-трех ценных вещей. «Бог его суди, – подумал я, – деньги – дело наживное, хорошо, что святыни не коснулся», – а у меня были ценные украшения на святых иконах. Суд Божий, действительно, нашел похитителя. Не прошло и полгода, как он попался в убийстве, а на суде сознался и в похищении у меня денег, а главное – сознался в том, что он хорошо знал мои привычки, знал, что в праздники я отпускаю прислугу к вечерне и остаюсь один, почему он и запасся тяжелым железным орудием, и, понятное дело, если бы я не ушел на этот раз в церковь, то едва ли теперь мог беседовать с вами. Верую и исповедую, – прибавил рассказчик, – что тайное внушение идти в церковь было голосом моего Ангела-хранителя, и храм Божий укрыл меня под своей сенью от внезапной смерти, как верный страж Божий».

А вот другой подобный рассказ, сохраненный в писаниях святоотеческих в назидание наше. Один несчастный отец, видя, что он, жена и сын должны умереть с голода, сказал сыну: «Любезное дитя! Остается одно средство спасти нашу жизнь – продать тебя в рабы какому-

нибудь вельможе. Согласен ли ты на это?»

Покорный сын отвечал: «Делай, что хочешь, батюшка; на все я готов». Скорбящий отец сам отвел сына к богатому вельможе и, расставаясь с ним, на прощание сказал ему: «Вот тебе, сын мой, отеческое мое завещание: когда будешь проходить мимо церкви и увидишь, что там идет служба Божия, останься там, пока она не окончится».

Сын принял к сердцу завет родительский и стал неуклонно исполнять его.

Спустя год жена вельможи за что-то так его возненавидела, что решила во что бы то ни стало погубить. Этому особенно содействовал один молодой раб, любимец госпожи. И вот она говорит мужу: «Я узнала достоверно, что новокупленный раб злоумышляет на жизнь твою; пусть же лучше он сам умрет прежде, чем тебя убьет». Легкомысленный вельможа поверил клевете и в тот же день, встретившись с судьей, сказал ему: «Завтра я пришлю к тебе одного раба с платком; прикажи отсечь ему голову и, завернув в платок, отдай ее тому, кто придет за ним». А по имени он не назвал ни того, ни другого. На другой день вельможа посылает невинного юношу с платком к судье, и тот идет, вовсе не думая, что его ожидает там смерть. Путь его лежал мимо церкви, где в то время совершалась служба Божия; он вспомнил родительский завет и остановился у дверей церковных до окончания службы.

Между тем нетерпеливая госпожа поспешила послать к судье своего любимца и приказала ему спросить: «Какой ответ будет на то, с чем послан новокупленный раб?» Проходя мимо церкви, тот на минуту остановился из любопытства. Добрый юноша оглянулся и, увидев товарища, спросил его: «Куда ты идешь?» «К судье, – ответил тот, – господа требуют ответа на то, за чем послали тебя». «Ах, – сказал юноша, – а я еще не был у него; мне очень хочется дослушать службу Божию; сделай милость, брат, отнеси этот платок к судье вместо меня, а я достою службу и схожу вместо тебя за ответом».

Желая услужить своей госпоже и ничего не подозревая, раб взял платок и пошел к судье, – и судья тотчас же приказал отсечь ему голову. Служба закончилась, и юноша, по уговору, явился к судье за ответом. Там ему дали что-то тяжелое, завернутое в платок, и он, не любопытствуя, передал посылку своим господам.

Можете себе представить, как изумились они, когда увидели живым того, кого послали на смерть! А развернув платок, они с ужасом увидели голову любимого раба... Когда дело разъяснилось, и муж и жена невольно сознались, что Сам Бог покрыл невинного и наказал виновного, и

прославили суды Божий.

Слыша о том, братия и сестры, не уходите из церкви прежде, чем окончится служба Божия, чтобы и вас Господь покрыл от всяческих бед.

Храм Божий – страж Божий и блаженны приютившиеся в доме Божием: Сам Бог – их защита и верный покров!..

Богоявленская вода

Молодая женщина, в детстве вместе со своей бабушкой ушедшая в раскол, вышла замуж за православного. О своем возвращении в лоно Православной Церкви она рассказывала следующее: «Наступил канун Крещения Господня, или Сочельник. В этот день мой муж неизменно бывал в храме, получал там святую Богоявленскую воду и с великой радостью возвращался домой, неся с умилением, как он выражался, «великий дар неба». В день того памятного Сочельника я страшно загрустила. У меня появилось непреодолимое желание увидеть мужа. Часа в два дня показалась наша серая лошадь. В санках сидел мой муж, в руках у него был голубой кувшинчик. Я, не отдавая себе отчета, поспешила в переднюю встретить мужа, который, входя с необыкновенным благодатным воодушевлением и радостью, запел «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи» и открыл крышку кувшина. В тот момент над кувшином появились три огненных языка, исшедших из воды. Песнь в устах певца замолкла. Он рыдал, как дитя, от радости и умиления. Видя такое великое чудо благодати, почивающей во святой Богоявленской воде, я познала душой и сердцем, что Святая истина пребывает только в Единой Святой Апостольской Церкви, от которой я уклонилась по действию дьявола. В тот же момент в глубине души я решила вернуться в лоно Православной Церкви и сказала о том своему мужу. Радости его не было конца. Вечером мы с мужем поехали в приходской храм, где я и была присоединена к Святой Православной Церкви. Состояние моей души было столь радостно, что подобная радость, думаю, возможна только на небе. В храме началось чтение Великого повечерия, каждое слово слышимых мной святых псалмов как бы острым резцом глубоко врезалось в мою грешную душу. И особенно запечатлелись во мне тогда слова: *грех юности моея и неведения моего не помяни* (Пс. 24, 7). Тут только я поняла всю тяжесть своего отступничества от Святой Православной Церкви; и с упованием на милосердие Божие я прошу у Него прощения и помилования за свой великий и тяжкий грех».

НЕДЕЛЯ О СЛЕПОМ

Исцеление слепорожденного

Однажды, когда Иисус находился в Иерусалиме, творил чудеса и проповедовал учение Свое, враги Его пришли в такую ярость, что хотели побить Его каменьями. Но Он ушел от них и, проходя, увидел человека, слепого от рождения.

Ученики Его спросили у Него: *Учитель, кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?*

Иисус отвечал: Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божий.

Господь сжалился над несчастным слепым; плюнув на землю, Он сделал брение, помазал этим брением слепому глаза и сказал ему: *Пойди, умойся в купальне Силоам.* Это был источник в подножии горы Сион. Слепой пошел, умылся и прозрел. Это чудо привело всех в изумление. *Неужели,* говорили одни, это тот самый, *который сидел и просил милостыни?*

Иные говорили: это он; другие: *похож на него. Он же говорил: это я.*

Стали расспрашивать у слепорожденного, как он прозрел. Он отвечал: «Человек, которого зовут Иисусом, сделал брение, помазал мне глаза и велел умыться в купальне Силоамской; я умылся, и вот я вижу». Повели его к фарисеям, а надо сказать, что это чудо было совершено в день субботний. На расспросы фарисеев прозревший юноша опять отвечал рассказом о чудесном исцелении своем. Тогда между фарисеями произошел спор об Иисусе. Некоторые говорили: *Этот Человек не от Бога, потому что не хранит субботы;* другие же возражали: *может ли человек грешный творить такие чудеса?* Спросили исцеленного: «А ты что думаешь о Нем?» «Я думаю, что Он *пророк",* – ответил тот.

Но фарисеи все-таки не убедились и столь явным свидетельством силы Божией. Они усомнились, действительно ли тот человек был слеп, и, призвав родителей его, спросили их: *Это ли сын ваш, о котором вы говорите, что он родился слепым? Как же он теперь видит?*

Родители слепорожденного знали, что фарисеи возненавидели Иисуса и уже решили между собой отлучить от синагоги всякого, кто признает Его за Христа. В малодушии своем они побоялись навлечь на себя гнев фарисеев, если воздадут должную честь Тому, Кто исцелил их сына, и потому только отвечали: *«Знаем, что это сын наш и что он родился слепым.* Как же он прозрел и кто исцелил его, этого мы не знаем; он сам взрослый; пусть сам расскажет».

Тогда фарисеи сказали слепорожденному: «Благодари Бога; мы знаем, что Тот, Кто исцелил тебя, человек грешный».

"Грешник *ли Он, не знаю,* а *знаю* только то*, что я был слеп, а теперь вижу»,* – отвечал прозревший.

Опять фарисеи стали расспрашивать, как он прозрел. *«Я уже рассказывал вам,* зачем опять спрашиваете? *Разве и вы хотите сделаться Его учениками?».*

Фарисеи рассердились. *«Ты ученик Его,* – сказали они, – *а мы Моисеевы ученики. Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог, а об этом Человеке не знаем, откуда Он».* «Удивительно, *что вы не знаете, откуда Он,* – отвечал юноша, – *а Он отверз мне очи.* Слыхано ли, чтобы кто-нибудь отверз очи слепорожденному? Мы все знаем, что грешников Бог не слушает, но слушает тех, кто чтит Бога и творит волю Его. Если бы этот Человек не был от Бога, то не мог бы сделать такого чуда».

Фарисеи еще более рассердились и выгнали вон прозревшего слепца. Господь Иисус Христос узнал об этом и, встретив его, спросил: *«Веруешь ли ты в Сына Божия?» «Кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?»,* – спросил прозревший.

"Ты *видел Его, и Он говорит с тобою»,* – сказал Господь. *«Верую, Господи!»* – воскликнул тогда юноша и поклонился Иисусу до земли (ср.: Ин. 9, 2–38).

Можно себе вообразить, как обрадовался исцеленный, когда узнал, что исцеливший его есть Сам Сын Божий, сошедший на землю для спасения людей! Как уверовал в Него! Как горячо полюбил Его! Вероятно, он и не скорбел о том, что фарисеи изгнали его из синагоги и презирали его. Они его отвергли, но ведь он нашел и возлюбил Спасителя, а это счастье выше всех благ земных.

Мы видим часто, что люди добрые и благочестивые терпят в мире оскорбления и притеснения; но если они твердо веруют в Господа, если возлюбили Его всею душою, если хранят заповеди Его и исповедуют Его святое имя, то они терпеливо перенесут бедствия, ибо знают, что имеют высшее благо и что ничто в мире не может отлучить их от любви Христовой. Родители слепорожденного, боясь фарисеев, не решились воздать Господу славу и честь за исцеление сына. Они боялись, что их отлучат от синагоги. Да сохранит нас Господь от подобного малодушия! Лучше потерять все, лучше потерпеть всевозможные оскорбления и неприятности, чем в чем-либо уклониться от Господа; Он высшее, вечное благо. Ни из страха, ни из угождения кому бы то ни было не должны мы решиться сделать или сказать что-либо неугодное Богу.

Святая Церковь, вспоминая в шестую Неделю после Светлого Воскресения исцеление слепорожденного, так взывает от лица всех к Целителю душ и телес: «Душевными очами слепотствуя, прихожу к Тебе, Христе, как слепой от рождения, и с покаянием взываю к Тебе: Ты еси Свет пресветлый всех находящихся в греховной тьме».

Непостижимы судьбы Твои, Господи!

О, как велики дела Твои, Господи! Дивно глубоки помышления Твои: человек несмысленный не знает, и невежда не разумеет того (Не. 91, 6–7). Поистине Ты Бог сокровенный, умом творения непостижимый!

Святой Антоний Великий, размышляя о сокровенных и неведомых тайнах Божиих и удивляясь им, однажды воззвал смиренно к Богу: «О, Господи Боже мой! Тебе бывает иногда благоугодно даровать долголетнюю жизнь людям по видимому бесполезным и погруженным в бездну беззаконий, а иногда преждевременно лишаешь Ты жизни сей людей весьма полезных для блага общего; одни, мало погрешившие, казнятся Тобою тяжко; другие, напротив, живут себе без всяких скорбен, счастливо и через это получают дерзость совершать преступления». При таком размышлении Антоний слышит голос: «Будь внимателен к себе самому: то, о чем ты размышляешь, есть Суд Божий, и ты его не исследуй и не испытуй».

Святой Афанасий, архиепископ Александрийский, описывает в деяниях Антония Великого такое происшествие. Два монаха шли посетить святого Антония. Проходя по безводной и жаркой пустыне, они совсем изнемогли от жажды, так что один из них умер, а другой находился уже при смерти. Святой Антоний, находясь в своем монастыре за много верст от них, призывает поспешно двух своих монахов и говорит им: «Как можно скорее бегите туда-то в пустыню, захватите с собой сосуд воды; один из двух братии, которые шли к нам, уже умер от жажды. А другой еще дышит, но тяжко страдает и очень ослабел; если замедлите, то и другого не застанете в живых: так открыл мне Бог, когда я стоял на молитве». Иноки немедленно пустились в путь; они нашли странников: умершего похоронили, а другого освежили водой, подкрепили пищею и привели к святому Антонию. При этом святитель Афанасий замечает, что, может быть, кто-нибудь спросит: а почему святой Антоний не послал своих монахов раньше для спасения странников, пока еще не умер один из них? Такой вопрос поистине неприличен для христианина, потому что это не было делом святого Антония, но это был Суд Божий. Сам Бог изрек Свой праведный приговор: одному – умереть, а другому – жить. Бог же открыл Свою волю и преподобному Антонию о спасении странника.

В 1117 году по всей Италии произошло землетрясение. В городе Медиолана в одном доме находилось несколько жителей; вдруг со двора послышался голос, звавший выйти из дома одного из них. Тот, кого звали,

недоумевал: кто и зачем зовет его? – и потому не спешил выходить. Тогда какой-то незнакомец подошел к двери и стал просить, чтобы тот поскорее вышел; и едва званый, выйдя из дома, немного отошел, дом разрушился и все бывшие в нем погибли. Спрашивается: почему же только один из бывших в доме был спасен, а все прочие погибли? Суды Господни – великая бездна! Кто не видит ясно в этом происшествии совершившихся древних чудес? Так вывел Ангел Господень и Лота с его детьми из Содома, а всех прочих жителей оставил на жертву огню. Таким же чудесным образом сохранены невредимыми и многие люди, находившиеся вместе с теми, кто погиб при общем бедствии. Что сказать обо всем этом, кроме справедливого изречения: суды Твои, Господи, бездна великая и неизмеримая! Кто дерзнет сказать Богу: зачем Ты, Господи, так делаешь? *Не суть бо советы Мои, как советы ваши,* глаголет Господь, *ни пути Мои, как пути ваши. Как далеко небо от земли, так далек путь Мой от путей ваших и помышления Мои от помышлений (или решений) ваших* (ср.: Ис. 55, 8–9).

Святой Григорий сказал, что исследовать сокровенные причины судеб Божиих значит противопоставлять нашу греховную гордость Его определениям. Наше дело – при всяком необыкновенном событии повторять слова апостола Павла: *о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!* (Рим. 11, 33). В земной нашей жизни мы многого никогда не постигнем разумом. Довольно для нас знать и несомненно веровать, что Бог справедлив, и в последний День Судный не найдется никого из подсудимых, который бы сказал что-либо иное Господу, кроме слов: *праведен еси, Господи, и прави суди Твои!* (Пс. 118, 137). Однажды царь Давид, видя счастливых нечестивцев мира, которые и других увлекали к нечестию своим худым примером, желал уразуметь пути Божий о них; долго он размышлял о сем и, наконец, смиренно сознался: трудно для меня уразуметь это, пока не войду во святилище Божие (см.: Пс. 72, 16–17). Должно до будущей, лучшей жизни и нам отложить полное уразумение непостижимых в нынешней жизни судеб Премудрости Божией. Да и зачем тебе, беспокойный и чрезмерно любопытный ум человеческий, разыскивать все это? Касаясь огня Божественных судеб, ты растаешь; ты только будешь кружиться около сего огня, подобно тому как ночные бабочки и комары кружатся ночью около свечи, пока сожгутся. Премудрый сын Сирахов говорит: *дивны дела Господни,* величественны они. *И сокровенны тайны Его пред человеками* (ср.: Сир. 11,4). Предвечный, Всепремудрейший Бог все расположил мерой, числом и

весом: силе и воле Его кто противиться может? Зачем же мы, ничтожные, кичимся своей гордостью и дерзновенно силимся взвесить тяжесть огня, изменить скорость движения ветра или возвратить прошедший день? Довольно для нас веровать, что причиной всех причин есть воля Божия. Бог попустил, Бог восхотел, Бог сотворил все. Чего же еще доискиваться?..

Должны мы силнии немощи немощных носити

Много несчастных на свете. Часто встречаются нам хромые, слепые, глухие и разного рода больные. Все они одним видом своим вызывают в нас сожаление и сострадание к их скорбному положению. Но, кажется, нет большего несчастья, чем слепота, особенно когда это несчастье постигает человека с самого рождения. Прислушайтесь, как плачевно изображает свое положение упоминаемый в богослужении нынешнего дня слепорожденный. «Не дрмышляюся вопрошати, когда нощь, когда день; не терпита ми нозе каменного претыкания, не видех бо солнца сияюща, ниже во образе мене Создавшаго». «Все житие слепый нощь помышляя»[3]. Мы, обладающие зрением и пользующиеся им, не можем по достоинству оценить этого драгоценного для нас дара Божия и постигнуть всю горечь лишения его. Но стоит только представить себя с закрытыми глазами хотя бы на один день, и мы поймем, как тяжко не видеть света Божия, солнца ясного, красоты мира и его благоустройства, которое ум наш возводит ко Всемогущему Творцу, как болезненны эти постоянные претыкания и не для ног только одних, но и для всех частей тела, каково это «все житие свое помышлять за одну непрерывную нощь». И растет слепой, и вырастает себе не в радость, родным в тягость. Достигает он зрелых лет, – горя не убавляется, а прибавляется. Ему не до семьи: он себя самого не прокормит. О, как горек хлеб из чужих рук! Горек он еще и потому, что сознает в себе человек и силы, и здоровье, и способности, сам желал бы быть на помощь и облегчение другим, но без зрения ничего иного не может предпринять, как ходить, да и то при помощи другого, и просить подаяния.

Увидел Господь наш Иисус Христос человека «слепа от рождества», как слышали мы ныне из Евангелия, и исцелил его; тот прозрел и стал видеть. Творить чудеса, конечно, не в нашей власти, и дать зрение слепому мы не можем; но мы можем и должны облегчать участь несчастных, наша «непременная обязанность помогать немощным, быть милостивыми ко всем с долготерпением»[1]. *Должны есмы мы сильный немощи немощных носити, и не себе угождати* (Рим. 15, 1). И должно правду сказать – сострадательный ко всем несчастным православный русский народ к слепцам относится с особым сочувствием и не скупится на подаяния. Не оскудевали и не оскудевают на Руси подаяния в пользу слепых.

Порадейте же, православные христиане, о горькой участи слепцов.

Подавая милостыню, мы иногда опасаемся, как бы она не послужила вместо пользы во вред получившему, потому что некоторые во зло употребляют ее. Здесь нет места подобным опасениям. Будьте уверены, каждая ваша лепта пойдет на пользу. Не говорите, что вы сами бедны. Побольше даст тот, кто побогаче тебя, а ты будь милостив в бедности своей, – от бедноты твоей помоги усладить горькую участь слепых. Отдельно взятая лепта мала и незначительна, но когда жертвователей много, то незначительные лепты, соединяясь вместе, помогут слепцу.

Откликнемся и мы посильным приношением. И Господу, ныне даровавшему зрение слепорожденному, приятна будет наша жертва. *Лучше творить милостыню, нежели собирать золото, ибо милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех* (Тов. 12, 8–9). *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7), но *суд бо без милости не сотворшему милости (Пак.* 2, 13).

Голос спасающей благодати

Вот что поведала о себе одна монахиня, по имени Евсевия, жившая в Брянском монастыре: «Я родилась от православных родителей и была воспитана в православной вере. К сожалению, они, конечно, по мирским расчетам, выдали меня замуж за раскольника. Свекор мой, грубый, закоренелый раскольник, настоятельно требовал, чтобы я перешла в раскол, и я, грешная, не устояла – согласилась на это. В деревне Колчевой меня перекрещивали, и, когда стали погружать меня в кадку с водою, я затряслась от страха. «Из-за чего, – думала я, – оставляю православную веру и Святую Церковь? Из-за одних упреков и угроз престарелого свекра? Какое малодушие!..» Как бы то ни было, только меня погрузили в воду, и что же увидела я? Боже мой! И теперь я часто вспоминаю это видение. Мне показалось, будто белый голубь отлетел от меня... «Что это? – подумала я. – Уж не благодать ли Духа Святаго, дарованного мне в православном крещении, отлетает от меня? Да, видно, благодать Святаго Духа...» И мне грустно стало. Но мир, суета, заботы мирские опутали меня отовсюду: я свыклась с расколом и видение то забыла. Грешник часто забывает Бога, но Бог никогда не забудет грешника. Не забыл Он и меня, отступившую от веры православной.

В 1830 году появилась у нас холера, и в нашем семействе первой поразила меня. Страшные боли мучили меня, но помощи, кроме Бога, неоткуда было ожидать. В то время у нас все боялись холеры как страшной и заразной болезни, и тогда я могла сказать с пророком Давидом: *ближний мои отдалече мене сташа* (Пс. 37, 13). Я лежала одинокая, пытаясь побороть тяжкую болезнь. Между тем наступила ночь; все тихо, только в уединенной комнате, где я лежу, раздаются мои стоны. Вдруг среди этой тишины мне слышится, будто кто-то говорит: «Евфросиния! Присоединись к Святой Православной Церкви». Голос этот повторился три раза, и я готова была послушаться таинственного голоса. Боли мои утихли, и я спокойно заснула. Настало утро, и я была совершенно здорова: на мне не видно было даже и следов жестокой болезни. Среди своих рассказала я, что слышалось мне ночью; тут был и свекор мой. Выслушав слова мои, он весь изменился в лице, взглянул на меня сверкающими от сильного гнева глазами и дрожащим от злости голосом сказал: «Видишь, как диавол-то хитер, как ненавидит он добро! Он опять манит тебя на заблуждение, чтобы потом мучиться тебе в вечном огне». Что же я? Удивляюсь своему легкомыслию: я поверила, как истине, коварным словам свекра... Но вот

опять посещение Господне, опять благодатный зов Его ко мне, грешнице!..

Вечером того же дня холера опять поразила меня, и я страдала так жестоко, что с часу на час ожидала себе смерти, и в то время, как я в мучительных страданиях отчаивалась в самой жизни, ночью опять повторился тот же голос: «Евфросиния! Присоединись к Святой Православной Церкви». Тут уже дала я решительный обет Богу присоединиться к Церкви Православной, если только Господу угодно будет возвратить мне здоровье, и в этой решимости забылась. Вдруг вижу, будто святая икона Божией Матери с Предвечным Младенцем на воздухе склоняется надо мною, и склоняется так, что покрывает лицо мое. Это повторилось несколько раз. Я спокойно после этого заснула и утром почувствовала себя опять здоровой... Меня навестила племянница моя, и, когда я рассказала ей свое видение, она тотчас отвела меня в церковь.

Лишь я вступила туда, как тотчас увидела ту самую икону, которую видела ночью. Сердце мое сильно билось от радости, и я с умилением отстояла всю Литургию. Потом объявила священнику все свое приключение и вместе с тем выразила желание присоединиться к Святой Православной Церкви. Добрый пастырь принял живое участие в моем положении и велел мне готовиться к присоединению, которое он хотел совершить на другой день. И вот я с радостью вышла из церкви, но на пути домой меня опять начали смущать мрачные мысли: как-то будет поступать со мной муж мой, а особенно свекор?.. Ах, как много в человеке силы для зла и как в нем мало ее для доброго дела!..

Но, благодарение Богу, когда я высказала все своему мужу, он сказал мне: «Что же, хорошо, я и сам бы готов с тобой присоединиться к Церкви Православной, да видишь, как старик-то наш на это смотрит. Боюсь оскорбить его; что делать? Буди воля Божия! А ты будь покойна, исполни свой обет и не бойся ничего; я твой защитник...» На другой день Господь сподобил меня присоединиться к Православной Церкви, и я возвратилась с такою радостью, какой прежде никогда не испытывала. Мою сердечную радость делил со мной и муж мой. А свекор?.. Господь посетил его в это время холерой, он страшно мучился, только стонал, ничего не мог высказать, и часов через шесть скончался. Жаль было старика, каков бы ни был он, все же близкий родной, мужа моего отец, и между тем умер в упорном заблуждении... Но за одним горем – новое горе: холера разразилась и над мужем моим. Три дня он, бедный, тяжко страдал, но, слава Богу, в эти три дня испытания он успел раскаяться, присоединившись к Православной Церкви, и умер, напутствуемый Святыми Тайнами... Так стала я горькой вдовой. Для меня только и

осталось на земле две радости: сын лет тринадцати да дочь помоложе его. Сына отдала я в Брянск для приучения к торговле, но там он через два года умер. Каждый знает, чего стоит потеря сына для матери, и притом матери-вдовы! Обливаясь горькими слезами, отправилась я из деревни в Брянск, чтобы выплакать горе свое над могилой, в которой сокрыт был дорогой для меня прах.

Но где же выплакать все горе! К утешению своему, я узнала, что тут, в Брянске, устраивается женский монастырь, и вот решилась я вместе с дочерью остаться здесь, чтобы искать утешения в Боге, и Господь исполнил мое желание. Так Он, Милосердый, зовет нас к Себе неведомыми путями».

Исцеление слепой

В конце XIX столетия в станице Урюпино, области Войска Донского, жил портной Александр Моисеевич Яковлев. У него родилась дочь Мария, у которой в шестимесячном возрасте на обоих глазах образовались большие бельма, так что глаза сделались совсем белыми. Яковлев обратился за помощью к доктору Тенчинскому, а потом к доктору Захарьевскому и другим, в том числе и к военному врачу, но медицина оказалась бессильной – больная на четвертом году совершенно ослепла, и веки глаз закрылись. Девочка была настолько измучена болезнью, что и в шестилетнем возрасте не могла ходить. Как-то ее отец приоткрыл ей веки и вместо глаз увидел только одну ткань, облитую кровью. Потеряв всякую надежду на излечение дочери, Александр и его жена, взяв больную, отправились в церковь на старом кладбище станицы Урюпино, где находится явленная Урюпинская икона Божией Матери. Здесь они попросили священника *отслужить* молебен пред этой иконой. После молебна, вернувшись домой, они посадили девочку, по обыкновению, на ее постель на сундуке, а сами стали готовить чай. В это время их дочь неожиданно раскрыла глаза и обнаружила, что видит отца, самовар и все, что на столе, и попросила родителей сказать что-нибудь, так как она их никогда не видела, а знала лишь по одному голосу.

Впоследствии семья Яковлевых переехала в город Борисоглебск, где жила на Большой улице в доме Феофанова, недалеко от земства. Их дочь Мария, которой к тому времени исполнилось уже одиннадцать лет, по-прежнему хорошо видела и училась в Борисоглебском женском училище.

Без скорбей не войти в Царство Небесное

«Бог есть потребность скорбящего сердца», – говорилось в старой философии. Эта истина основана на психологическом и душевном опыте. Известно, что в счастье человек легко забывает Бога, в несчастье же, наоборот, вспоминает Бога и забывший Его. Самый стон скорбящей души, самый вопль боли, ею испускаемый, самое чувство беспомощности, естественно рождающееся в минуты невзгод внешних и неисходной тоски внутренней, – все это невольно обращает очи страждущего к небу, с верою ли, без веры ли. Само безверие тогда естественно стремится переродиться в веру, сама безнадежность невольно окрыляется хоть слабою надеждою, увлекаясь естественным и невольным желанием вырваться из тоски и отчаяния, избавиться от душевной и телесной боли, устранить угрозу смерти, отвратить от себя, как наиболее противный и возмутительный, безысходный мрак смерти вечной. Бывает, что люди накликают на себя смерть, даже причиняют ее себе; но это преступное движение чувства и воли, а иногда и самоубийственной руки, всегда, по крайней мере, в самой большей части случаев, бывает порывом отчаяния и малодушия.

Смотреть же всегда, или слишком часто, в лицо смерти и смертной или посмертной муки слишком противоестественно, – тогда человеку непременно захочется жить для света и радостей, просто даже для ощущения жизни. Захочется опереться на высшую силу, способную отвратить смерть и смертную муку, как и всякое страдание. Захочется прибегнуть к Богу, Владыке жизни и смерти, Богу, подателю всех благ и Спасителю от всех зол. Частые скорби и страдания, постоянные опасности, а особенно опасности смертные, держат душу в постоянном напряжении, в постоянном обращении и стремлении к Богу Спасителю; сохраняя и поддерживая душу в этом направлении, соблюдают ее, по возможности, от всякой скверны плоти и духа и действительно приближают к Богу, приближают не одним только обращением и стремлением к Богу, но и очищением и усовершенствованием, соблюдением заповедей Божиих и богоугождением. Так и достигает человек Царствия Божия многими скорбями.

Потому-то, *егоже любит Господь, наказует: биет же всякого сына, егоже приемлет* (ср.: Ев. 12, 6). Потому-то, когда человек забывается, Бог посылает на него скорби, ввергает его в пещь искушения, в которой человек и искушается, яко злато в горниле. Когда забывается и народ благоверный, Бог ввергает его в войны, или заразы, или голод и другие

всенародные бедствия. Но вспомните, как в годину всенародного искушения дух народа возвышается, вера крепнет, теплота народного благочестия возрастает, народные молитвы множатся, становятся неотступнее, доблестные подвиги терпения и самоотвержения, веры и верности, человеколюбия и милосердия учащаются, становясь даже заурядными и обычными, и общество, в другую пору даже легкомысленное и во многих отношениях несовершенное, в годину народного бедствия больше и больше уподобляется Царствию Божию на земле. Посмотрите, подумайте, как воины на войне, как моряки на море, которым так часто и упорно смерть глядит в глаза, как они, тайно ли, явно ли, но почти всегда и почти все в душе бывают невольно и естественно обращены к Богу, и как иные потрясения, в бурях ли морских, в бурях ли сражений, отражаются сильными и более или менее благотворными потрясениями в сердцах, нередко на всю жизнь до гроба, провожая и за гробовую доску.

НЕДЕЛЯ СВЯТЫХ ОТЕЦ

Первосвященническая молитва Иисуса Христа

Совершая с учениками последнюю Пасху, Господь Иисус Христос так молился в конце Пасхальной вечери: *Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя* (Ин. 17, 1–13). Это Евангелие, в котором так ясно изложено собственными словами Иисуса Христа учение о единосущии Его, как Сына Божия, с Богом Отцом и, таким образом, о Его Божестве, положено читать в Неделю святых отцев Первого Вселенского Собора, утвердивших соборно восстановление истинного учения о единосущии Сына Божия с Богом Отцом против еретика Ария.

О Вселенских Соборах

В Неделю седьмую по Пасхе Православная Церковь ежегодно вспоминает и прославляет святых и богоносных отец, бывших на Первом Вселенском Соборе, иже в Никее. Вселенским Собором называется собрание пастырей и учителей Церкви Христовой, по возможности со всей вселенной, для утверждения истинного учения и благочиния между христианами. Великая сила и важность соборных совещаний и решений основывается на словах Самого Иисуса Христа, Который сказал: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их* (Мф. 18, 20). Что же касается всей Вселенской Церкви, то Основатель ее и Глава придал ей значение непогрешимости в вопросах о вере. *Скажи Церкви, а если и Церкви не послушает, то пусть будет для тебя наравне с язычником и мытарем* (ср.: Мф. 18, 17). Церкви же (обществу верующих) Спаситель дал великое обетование быть с нею *во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Начало Церковных Соборов положили еще святые апостолы; для общего решения вопроса о принятии в Церковь язычников они сами однажды собрались в Иерусалиме с разных концов вселенной. С того времени Святая Церковь всегда в соборных молитвах испрашивала себе силы противостоять нарушителям истинного учения. Коль скоро ей нужно было узнать непреложную волю Божию о чем-либо, она созывала представителей поместных Церквей, и единогласное решение Соборов принимала за голос Самого Бога. *Изволися Духу Святому и нам* (ср.: Деян. 15, 28) – так выразились апостолы, так затем выражались и отцы всех Соборов о своих постановлениях. Соборы созывались по причине появления среди христиан лжеучителей (еретиков), которые своим иногда хитроумным и всегда превратным учением о вере извращали истинно христианское учение о нашем спасении, смущали нетвердых в вере и чрез то вносили раздор и несогласие в общество христиан. Всех Вселенских Соборов было семь; первый из них называется Никейским, ибо происходил в городе Никее. Он созван был для опровержения ложного учения об Иисусе Христе нечестивого еретика Ария. Арий был сначала пресвитером в Александрийской Церкви; будучи человеком ученым, он сильно гордился своим умом и скоро впал в пагубное лжеумствование. Церковь христианская искони исповедовала, что Спаситель наш Иисус Христос есть второе лицо Пресвятой Троицы, Единородный Сын Бога Отца, а Арий лжеумствовал, что Иисус Христос не Бог, но только одаренный от Бога высшею благодатью человек. Такого неправомыслия,

конечно, нельзя было терпеть, и Ария отлучили от Церкви, но он продолжал распространять свою ересь и увлекать в свои сети малосведущих. Скоро в обществе христианском явилось небывалое смущение; нужно было положить конец этому злу. Тогда, по распоряжению императора Константина Великого, созван был в Никее в 325 году по Рождестве Христовом Вселенский Собор, на который явились более трехсот отцов Церкви.

Явился на Собор и еретик Арий. Сколько ни старались православные вразумить заблудшего, он остался при своем. Ария осудили и, как ослушника Церкви, лишили общения с нею, а в образец и руководство верующих в исповедании веры составлен был Символ веры, в котором кратко изложено все, во что и как должны веровать христиане. Этот Символ исповедует и доселе вся Православная Церковь Христова.

Таким образом, на Соборе Арий был низложен. Презираемый всеми, он не знал, на что решиться, и употребил хитрость. Зная снисходительность императора Константина, он стал просить его, чтобы тот повелел снова принять его в Церковь. Сердобольный император согласился исполнить его просьбу, тем более что Арий на вопрос императора: «Так ли ты веруешь, как утвердили отцы в Никейском соборе?», – притворно ответил: «Так верую». Говоря это, еретик ударял себя в грудь, на которой под одеждою висела хартия, заключающая его суемудрое учение. Не подозревая такого обмана, император велел святителю Александру, епископу Александрийскому, принять Ария в общение с Церковью. Хорошо зная упорство своего бывшего пресвитера, святитель Александр не верил Арию, но и не желал ослушаться царя. Недоумевая, как ему поступить, епископ обратился тогда с усердною молитвою к Господу Богу, чтобы Он, Правосудный, не попустил злейшему врагу вторгнуться в Церковь, но вовремя открыл всем нечестие еретика.

Господь услышал молитву святителя и всем явно показал, что Арий недостоин общения с Церковью. Настал день, в который нужно было принять еретика в Церковь. Окруженный своими единомышленниками, Арий с торжеством намеревался вступить в церковь и с лобзанием Иудиным приступить ко святому причастию. Но на пути в храм он вдруг почувствовал страшную внутреннюю болезнь, от которой все чрево его распалось и выпали внутренности, так что он тут же прекратил свою жизнь.

Так грозно наказывает Господь еретиков и всех неверующих в здешней жизни; но еще более тяжкие наказания ожидают таковых в жизни будущей. Там, без сомнения, они потерпят столько мучений, сколько

посеяли зла здесь, на земле, своими лжемудрствованиями, сколько погубили простодушных сердец своим хитроумием. Как поучительно для всех нас, православных христиан, это грозное проявление суда Божия над еретиками и неверующими! Оно научает нас твердо держаться учения Православной Церкви, свято соблюдать веру Христову, ненарушимо сохранять установленные Вселенским единомыслием уставы и правила христианского благочестия. Вера православная открыта нам в Слове Божием; истины ее определены и утверждены Вселенскими Соборами, определения которых, как голос Божий, остаются неизменными на все времена, обязательными для всякого христианина. Никто не имеет права изменять что-либо по своему произволу в исповедании православно-христианской веры. Вера Христова должна быть едина, как Един Христос. Посему всякий должен веровать так, как научили нас святые апостолы, и богоносные пастыри, и учители Церкви. Апостол Павел, предохраняя галатийских христиан от увлечения ветром учения самозваных учителей, писал: *Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. ...Говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема* (Гал. 1, 8–9). Вот как должно свято соблюдаться учение Православной Церкви, которой вверены все словеса Божий, в которую, как в сокровищницу, апостолы положили все, что необходимо для спасения. Дорожи, христианин, драгоценным наследием Православия, незыблемо утвержденного на семи Вселенских Соборах; памятуй, что вне Церкви Православной нельзя обрести спасения. Блюди себя от общения с разными суемудрыми учителями, желающими изменить благовествование Христово и отторгнуть верных сынов Церкви от повиновения ее учению и уставам. Заграждай свой слух от их гибельных речей, все они, как враги веры Христовой, невидимым судом Божиим уже лишены общения с Церковью. Все они суть сухие ветви, отсеченные от дерева, заблудшие овцы, отделившиеся от стада Христова, потерявшие своего пастыря и упавшие в непроходимую пропасть.

Примеры любви к истинному Богопознанию

1. Когда авва Силуан жил в горе Синайской, ученик его Захария однажды, уходя на работу, говорит старцу: «Авва, сходи за водою и полей сад». Старец вышел из кельи, закрыл лицо свое кукулем и смотрел только себе под ноги. В это время шел к нему брат и, увидев его издали, наблюдал, что он делает. Потом подошел к нему и спросил: «Авва! скажи мне, для чего ты, идя поливать сад, закрыл лицо свое кукулем?» «Для того, сын мой, – отвечал старец, – чтобы глаза мои не видели деревьев и ум мой не развлекался ими в своей деятельности». Ум же подвижника занят был богомыслием[2].

2. В царствование Максимиана в городе Илиополе жил знатный и богатый гражданин Диоскор, по вере язычник. У него была единственная дочь Варвара, которую он берег как зеницу ока. Прекрасная лицом, а еще более сердцем, она, приходя в возраст, превосходила красотою всех своих сверстниц. Чтобы никто из простых людей не мог видеть красоты Варвары, он построил высокий столп с богато убранным на нем жилищем и затворил там свою дочь. Сокрытая от взоров человеческих, удаленная от всяких внешних развлечений, отроковица углубилась в созерцание прекрасного мира Божия. Однажды, рассматривая светила небесные и восхищаясь красотой земной, она спросила приставленных к ней рабынь: «Кто сотворил все это так премудро, так прекрасно?» «Все это, – отвечали язычницы, – сотворено и устроено теми самыми богами, которым поклоняется родитель твой и которые стоят в его палатах».

Но мудрая отроковица не удовлетворилась таким ответом и подумала: «Боги, почитаемые отцом моим, сами созданы руками человеческими и бездушны, сделаны из золота, или серебра, или из дерева: как же они, будучи сами не в состоянии ни ходить ногами, ни действовать руками, могли быть творцами столь премудрых вещей?» Долго она размышляла таким образом, и, наконец, благодать Божия коснулась сердца ее, искавшего Бога Творца, и возвестила сердцу и уму ее, что един есть Бог, сотворивший небо и землю со всею их красотою. Такая мысль о Боге, постоянно занимавшая душу отроковицы, пробудила в ней непреодолимое желание ближе и яснее познать Единого Истинного Бога, Творца всего. Но так как при Варваре не было никого, кто мог бы научить ее и наставить на путь спасения, то наставником и учителем ее явился Сам Господь Бог, всегда близкий к ищущим Его и изливающий в сердца благодать, умудряющую младенцев и указующую путь ко спасению.

Отец Варвары на долгое время отлучился из дома и дал приказание, чтобы в его отсутствие не стесняли свободы дочери, а ей позволил выходить куда пожелает и делать что захочет. Воспользовавшись данной отцом свободой, Варвара познакомилась с христианскими девицами. Услышав от них об имени Господа Иисуса Христа, она возрадовалась духом, узнав в Нем Того, Кого давно жаждала знать душа ее. В это время, по особому промышлению Божиему, прибыл сюда христианский священник. Варвара тотчас позвала его к себе и, научившись от него всем необходимым для спасения истинам веры, приняла крещение.

Так святая Варвара познала Единого Бога – в трех Лицах покланяемого и славимого Отца и Сына и Святаго Духа, и веру свою запечатлела венцом мученичества. Она не устрашилась мучений, а, в уповании на помощь Божию, среди самых тяжких страданий велегласно взывала: «Троицу чту – Едино Божество».

Для каждого из нас открыт прекрасный мир Божий: познавай же, христианин, Творца и паче всего старайся благоугождать Господу. С малых лет учись богопознанию и не ослабевай до старости преуспевать в нем.

Совершенствуемся ли мы в познании Святой веры?

Каждый христианин должен возрастать в познании веры. Святой апостол Павел, научив уверовавших во Христа существеннейшим и необходимейшим истинам веры (см.: 1Кор. 2, 2), не переставал заботиться о том, чтобы христиане совершенствовались в познании преподанного им учения. В заботах о сем он не перестает молить Бога о новообращенных им христианах, чтобы они возрастали в познании Бога (см.: Кол. 1, 10), дабы Он исполнил их *познанием воли Его во всякой премудрости и разумении духовном* (Кол. I, 9), дабы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец Славы, *дал вам Духа премудрости и откровения в познание Его* (ср.: Еф. 1, 17). Молясь ко Господу, апостол Павел не перестает убеждать верующих: *возрастайте в познании Бога и Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа* (Кол. 1, 10; ср.: 2Пет. 3, 18).

Но неужели, спросит кто, и к христианам может относиться это наставление? Неужели они нуждаются в напоминаниях и наставлениях относительно совершенствования в познании Бога и Христа Спасителя, что естественно нужно было для христиан первого века?

Действительно, казалось бы, люди в течение многих христианских веков должны твердо и достаточно усвоить истины православной христианской веры и жизни. Не то же мы видим на самом деле.

Не говорим уже о простецах – люди со средним и даже высшим образованием меньше знают о вере, чем о всякой другой науке. И такое невежество в вере особенно является поразительным и прямо ужасающим, если взять во внимание уровень просвещения и знаний в области прикладных наук, в области механики, физики и других. Между тем если в чем, то именно в деле веры неведение не может служить оправданием.

Наш век совсем осуетился; у большинства потерян вкус ко всему духовному... Недугует душа, болеет воля. Жизнь сбилась с пути, указанного Богом, и возвращению на прямую дорогу ставятся преграды. Люди как бы нарочно избегают того Светоча, Который мог бы осветить мрачный путь жизни. Вера ослабела везде, нерадение к вере поразительное. Дети во многих семействах до поступления своего в школу крайне редко слышат что-либо о Боге, о вере, о Церкви. Все реже встречаются благочестивые матери, которые сами готовят своих детей к поступлению в училища, обучая их начаткам веры, беседуя с ними о Боге Милосердом, о Христе Спасителе, об Ангеле-хранителе и т. д. Ныне дети поступают в училища часто совершенно невежественными в религиозном

отношении. Немало знают они мирских песен, различных стихов и так мало молитв; знают так много греховного и так мало божественного!

И не понятны ли разве печальные следствия от такого религиозного оскудения?

«Чего не знаешь, того и не ценишь» – говорят обычно. Кто не обладает достаточными знаниями в предметах веры, в учении Святой Православной Церкви, тот не будет высоко ценить свою веру, свою Церковь, такой легко становится равнодушен к ней и, наконец, без сожаления может оставить ее. Особенно это опасно среди смешанного населения православных с иноверцами и инородцами, при совместной жизни с ними. Услышит невежда возражение против своего исповедания, против той или другой истины православного учения, против постановлений и обрядов своей Церкви, – он даже и при желании защищаться остается беззащитным, как безоружный и не знающий оснований, какие имеет каждая истина православного учения и все постановления Святой Церкви. Не умея защищаться, так как защита требует возможно ясного, точного и обстоятельного знания учения богооткровенного и, чувствуя себя пораженным часто совершенно нелепым возражением, он в раздумье начнет сомневаться в той или другой истине святой веры и, наконец, впадает в совершенное неверие. Разве не от незнания своей веры происходит у нас то равнодушие к нашей вере и Церкви, когда говорят: «во всякой вере спастись можно; Бог у всех один и тот же; различия в христианских исповеданиях – не важное дело». И разве не от незнания истины учения своей веры одни сами начинают сочинять себе «свою веру», другие так легко пристают к этой измышленной вере? Не отсюда ли увлечение модными пророками? Разве не от неведения учения Православной Церкви так много ныне колебаний в вере, сомнений, уклонений в сектантство, в ересь, в раскол?

Вред от незнания веры так велик, что не поддается изображению в малой картине!.. Разве не от незнания или превратного понимания правил и законов веры множество грехов, которых даже и не считают за грех? Пророк Осия жалуется: *нет богопознания на земле* и затем объясняет: *клятва и обман, и убийство, и воровство, и прелюбодейство крайне распространились* на земле (Ос. 4, 2). Не так ли и ныне? Все больше и больше видится нарушений закона Божия; страсти самые постыдные не встречают удержу в своем удовлетворении. Откуда же все это? *Нет богопознания на земле* – в этих словах ответ на вопрос. *Помраченные в разуме, отчужденные от жизни Божией, по причине* своего *невежества,* люди *доходят до бесчувствия, предаются распутству так, что делают*

всякую нечистоту с ненасытностью, говорит апостол Павел (ср.: Еф 4, 18–19).

Есть ли средства к возвышению религиозного познания? Дабы народ имел необходимые знания в религии, в учении своей веры, пастыри обязаны строго внимать себе и своему стаду. Как *добрые служители Иисуса Христа*, сами *питаясь словесы веры и добрым учением* (ср.: 1Тим. 4, 6), будем внимать чтению, учению и, яко трубу, возвысим голос своей проповеди. Народ хочет знать свою веру: голод и жажда на земле слышания слова Божия. Устне (же) иерейские *должны хранить ведение, и закона ищут от уст* ваших (Мал. *2,1)*. Употребим же все тщание к тому, чтобы всякий из нашей паствы умел дать ответ вопрошающему о его уповании.

Отцы и матери, всячески позаботьтесь о том, чтобы дети с младенчества знали главное из науки о спасении. Особенно, матери, не давайте никому своего драгоценного права быть первыми наставницами для своих детей, обучая их начаткам своей веры: влияние матери драгоценно и ничем не заменимо; история науки о воспитании юношества громко и ясно подтверждает эту великую истину.

Все же, принявшие *драгоценную веру по правде Бога нашего и Спасителя Иисуса Христа (*2Пет. 1,1), получившие *великие и драгоценные обетования* (2Пет. 1, 4) в благодати Таинств Святой Церкви, пусть возрастают в познании Бога и Его воли, в изучении закона Христова, учения и заповедей Святой Церкви. Учение Христово просветит наш ум светом истинного познания; оно исполнит сердца наши радостию и веселием; мы ясно узрим волю Божию и подвигнемся охотно исполнять Его заповеди. Возрастайте, чтобы вся наша земля исполнилась ведения Господня и чтобы оно, аки вода, покрыло всю землю нашу и открыло бы *свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа* (2Пет. 1, И).

Любящим Бога все содействует ко благу

Счастливы мы, христиане, что исповедуем истинную, православную веру! *Благодатию бо есте спасени чрез веру: и сие не от вас, Божий дар* (Еф. 2, 8), говорит апостол Павел. Да, поистине дар Божий наша вера, дар, принесенный с неба Спасителем нашим Иисусом Христом! До пришествия Иисуса Христа люди не знали истинного Бога и ходили во тьме заблуждении. Большинство людей после потопа до того забыли Бога, что стали почитать многих богов и вместо одного истинного Бога стали поклоняться различным творениям Божиим; например, они поклонялись светилам небесным: солнцу, луне и звездам; боготворили людей, почитали за богов домашних животных, всяких зверей, даже гадов, молились, наконец, всяким изображениям предметов – идолам. Вероучение язычников было до того богомерзко, что они приносили в жертву своим богам людей. Вот в какой слепоте духовной и невежестве находились тогда люди. Вера в истинного Бога сохранялась только в избранном народе Божием – еврейском. Но и то немногие, очень немногие из сего народа были истинные почитатели Всемогущего Бога: это были патриархи, пророки и другие некоторые, угодившие Богу своей верой и жизнью; остальные евреи то держались истинной веры в Бога, то уклонялись постоянно в идолопоклонство, то все благочестие и богоугождение исключительно поставляли в соблюдении одних обрядов и обычаев, в одной внешней святости. Вообще, нужно сказать, люди до Рождества Христова, забыв Бога, предавались беспутным страстям и чувственным греховным наслаждениям.

Но вот от Вифлеема воссияло Солнце Правды, Христос Бог наш, и лучи этого Солнца проникли во все концы мира: учение Евангельское пронесено по земле апостолами Христовыми, бедными, неучеными, незнатными рыбарями. И что же увидели мы и ныне видим? Куда благотворный свет Христов проник, там все в людях изменяется. Грубые заблуждения рассеиваются, жестокие нравы смягчаются, утверждаются чистые и возвышенные понятия о Боге, о человечестве, водворяется законность, благоустрояется благоденствие в домах и обществах человеческих. Таковы, в общем, плоды христианской веры, возвещенной Иисусом Христом.

Да можно ли описать благотворность христианской веры и исчислить все благодеяния, какие доставляет она человеку? Возьмите во внимание частную жизнь человека. Случится ли, например, потеря дома, имущества,

постигнет ли болезнь или другое какое несчастье, святая вера говорит, что Бог этим наказует нас за наши грехи, побуждает нас к покаянию и исправлению жизни. Лишились мы дорогих, близких сердцу – тяжкая, невыносимая скорбь! Чем облегчить ее? Обратимся к Богу, в Которого веруем, прольем молитвенные слезы с верою и упованием, что Владыка жизни и смерти наградит их лучшей жизнью и нас сподобит некогда опять видеть их живыми и бессмертными.

Наконец, святая вера творит чудеса. Чего не могут делать истинно верующие, укрепляемые силой Божией? Все верующие могут быть чудотворцами, ибо вера есть как бы рука, которой приемлет человек силу Божию и производит такие дела, которые естественным человеческим силам недоступны. *Веруяй о Мя,* сказал Спаситель, *дела, яже Аз творю, и той сотворит* (Ин. 14, 12); *вся возможна верующему* (Мк. 9, 23). И действительно, история христианской Церкви исполнена многочисленными и поразительными примерами чудодейственной силы веры. Один из этих примеров содержится в житии святого Сильвестра, папы Римского.

Святой Сильвестр был епископом в Риме в то время, когда уже началось благословенное царствование Константина Великого, даровавшего мир Церкви Христовой и оградившего ее от нападений иудеев и язычников. Но вековая борьба христианства с его врагами, победоносно оконченная со стороны внешнего благосостояния Церкви, еще далеко не прекратилась внутри христианских обществ. Эти враги, прежде действовавшие огнем и мечом, теперь старались употребить более тонкое, острое и глубоко проникающее орудие – словесное, думая хитрыми умствованиями и суетным красноречием поколебать умы верующих христиан. С этой целью самые ученые из иудеев и язычников вступали в публичные прения с пастырями и учителями христианскими.

Так, подобное прение устроено было евреями в Риме при святом епископе Сильвестре, в присутствии царя Константина и матери его Елены, причем торжественным образом и явлена была благодатная сила имени Христова. Знаменитый среди евреев и считавшийся мудрейшим между ними раввин Замврий долго препирался со святым Сильвестром в Ветхозаветном Писании, но, явно побеждаемый непререкаемыми свидетельствами того же Писания о Христе, заявил желание на деле показать силу и превосходство своей иудейской веры. Он говорил, что ему открыто имя Божие, могущественное и страшное, которого никакое естество человеческое стерпеть не может, и, если услышит, падет мертвым; потому, предлагал Замврий, приведите какое угодно животное,

даже самое свирепое, и, как только я произнесу во уши его имя Божие, оно тотчас умрет. Привели самого неукротимого вола, и Замврий действительно умертвил его мгновенно, произнеся тихо над ним какие-то слова.

Иудеи торжествовали, но святитель Сильвестр сказал им: «В священных книгах находятся слова Самого Господа: Аз *убию и жити сотворю: поражу и Аз исцелю* (Втор. 32, 39). Если Замврий действительно умертвил именем Божиим, пусть тем же именем и оживит его: ибо Бог по существу Своему Всеблагий и самое зло обращает в добро». Вот здесь-то и обнаружилась вся противоположность и суетность еврейской веры пред верою христианской. Замврий не мог явить благодатной силы имени Божия, потому что действовал не от сего имени, а от лукавого получал некоторую силу для своего волхвования. Святитель Сильвестр, напротив, был причастен благодатной силе Божией и не усомнился явить это перед всеми. Произнеся вслух молитву ко Господу Иисусу, святой епископ оживил вола и торжественным образом засвидетельствовал пред всеми благотворность христианской веры.

Познаем из этого примера, что мы, христиане, живем ныне во дни благоволения Божия, что, *несте бо под законом, но под благодатию* (Рим. 6, 14), и потому не под игом рабского страха должны ощущать себя в своих отношениях к Богу, но должны жить, как чада Божий возлюбленные, в полной уверенности, что *любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28) и что недостойно христианина питать в душе своей какой бы то ни было суеверный страх перед сотворенными существами, имея столь могущественную охрану в великом и достопоклоняемом имени Иисусовом. Какая бы ни случилась с нами нечаянная беда, какое бы злое обстояние ни тяготило нас, *всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется* (Рим. 10, 13). Одного только мы должны более всего страшиться: чтобы своим неверием, своей неправедною жизнью не лишиться нам благодатной помощи от Господа. Итак, *да отступит от неправды всяк, именуяй имя Господне* (2Тим. 2, 19), «и да святится имя Божие» в нашей жизни – тогда не отступит от нас необоримая сила имени Господа Иисуса, с верою произносимого нами в молитвах наших.

Святая Православная Церковь – единая истинная

Блаженный Ефрем, патриарх Антиохийский, услышав об одном столпнике в окрестностях города Иераполя, что он принадлежит к числу последователей Севера и акефалов, отправился, чтобы вразумить его. Прибыв к столпнику, начал убеждать и молить его, чтобы он прибег к апостольскому престолу и вступил в общение со Святой Кафолической и Апостольской Церковью.

– Я не вступлю в общение с Собором без особенного основания, – отвечал столпник.

– Какого же доказательства желаешь ты от меня для убеждения в том, что, по благодати Иисуса Христа, Господа Бога нашего, Святая Церковь свободна от всякой нечистой примеси еретического учения? – спросил дивный Ефрем.

– Господин патриарх, – сказал столпник, – разведем огонь и войдем вместе в пламя. Кто выйдет невредимым, тот и будет православным, и мы должны будем последовать ему.

– Следовало бы тебе, чадо, послушаться меня, как отца, – возразил патриарх, – и ничего более не требовать, а ты потребовал от меня того, что выше моих слабых сил. Впрочем, я уповаю на милосердие Сына Божия и ради спасения души твоей исполню и это.

И немедленно чудный Ефрем обращается к предстоявшим со словами: «Благословен Господь! принесите дров». Дрова принесены. Патриарх зажигает их пред столпом и говорит столпнику: «Сойди со столпа, и, согласно твоему решению, войдем оба в пламя». Столпник был поражен твердым упованием патриарха на Бога и не соглашался сойти.

– Не ты ли сам пожелал этого? – спросил патриарх. – Отчего же теперь не хочешь исполнить?

Сказав это, патриарх снял с себя омофор и, близко подойдя к пламени, вознес молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, благоволивший ради нас воистину воплотиться от Госпожи нашей Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, Сам укажи нам истину!» И, окончив молитву, бросил свой омофор в средину пламени. Пламя пылало около трех часов. Дрова все сгорели, а омофор оказался целым и невредимым, без всякого даже знака от пламени. При виде этого столпник, уверившись в истине, умилился, проклял Севера и ересь его и присоединился к Святой Церкви. Приобщившись из рук блаженного Ефрема, он прославил Бога.

Чудо по молитве Святителя Василия Великого

Византийский император Валент, по вере еретикарианин, закрыл православные церкви в своем государстве, отдал их во власть ариан и приказал изгнать всех православных епископов. Те сказали царю: «Прежде чем привести в исполнение свое повеление относительно нас, позволь Василию Великому войти в собеседование о вере с арианами. Если они победят Василия, то мы беспрекословно покоримся тебе».

Валент согласился и пригласил Василия Великого в Никею. Василий сказал Валенту, что его с арианами рассудит Сам Бог. Он велел запереть двери одной из церквей и призвал ариан: «Хотите убедиться, чья вера правая? Если по вашей молитве эти двери отверзутся сами собой, будем знать, что правда на вашей стороне. Если же отверзутся по нашей молитве, то тогда все должны будут признать, что православно веруем мы, а не вы». Ариане согласились, с утра до вечера молились они об отверзении дверей, но «не бысть, как сказано, ни гласа, ни послушания».

Настала очередь православных. Святой Василий с клиром и православным народом подошел к церкви, преклонил колена и стал молиться. «И внезапу бысть гром велик, и отверзошася двери церковныя». Все ужаснулись и прославили Бога. Валент повелел возвратить церкви православным, наградил Василия великими дарами и отпустил с миром.

НЕДЕЛЯ СВЯТОЙ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ

Иисус Христос в последний день праздника Кущей

Праздник Кущей, воспоминавший успокоение народа в земле обетования от трудов странствования, был праздником Закона, так как тогда наиболее занимались чтением его, и у пророка Захарии он символически означал время собрания в Иерусалиме всех народов на поклонение Богу истинному. В последний день сего праздника, по обычаю, совершалось символическое возлияние воды из источника Силоамского (на эту воду есть указание в той же главе Захарии и у Иезекииля), протекавшего под горою храма, при пении из пророка Исайи: *жаждущий, приидите на воду* (ср.: Ис. 55, 1).

Вероятно, по применению к сему значению праздника и действий, и Господь, явившись в этот день в собрание народа, произнес: кто *жаждет, иди ко Мне и пей* (ср.: Ин. 7, 37). И сравнивая Самого Себя с храмом, из-под которого течет вода, прилагает это сравнение и к верующим в Него. Как Он источает воду живую, так и верующие во имя Его, получив Духа, не только будут иметь этуводу в себе, в своем сердце, но и изливать другим, распространяя всюду свет Богопознания. Голос Божественный умолк. Начались опять суждения и споры об Иисусе. Одни видели в Нем пророка, другие Самого Мессию, в то же время некоторые говорили, что Мессию, как сына Давидова, надобно ждать не из Галилеи, а из Иудеи, именно из Вифлеема; говорили также, что из Галилеи даже и пророков не бывало. Находились даже и такие, которые изъявляли желание схватить Его; но и служители храма, на которых сие возложено было от синедриона, возвратились, по окончании праздника, без успеха, объявив, что они не могли взять Его, потому что ни один человек никогда не говорил так, как Сей Человек.

Наконец, в самом синедрионе при рассуждении о происшедшем возникло разделение, которое еще более должно было вооружить против Иисуса врагов Его. С негодованием выслушав донесение посланных, они отвечали им: *Неужели и вы прельстились? Да уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев? В Него верует один народ. Но этот народ невежда в законе – проклят он* (ср.: Ин. 7, 47). В это время Никодим осмелился было заметить членам синедриона, что несправедливо они поступают, заключая так свое суждение о Человеке, Которого дела хорошо не знают и не выслушали. «Да чего и разыскивать? Из Галилеи никакого пророка не бывало», – отвечали ему прочие, забыв в помрачении ума своего, что оттуда были Илия, Иона и, может быть, даже Наум. И ему

заметили с насмешкою: «Не из Галилеи ли сам ты, что так вступаешься за Галилеянина?» Таким образом, не входя в дальнейшее исследование дела, положили отлучать от синагоги каждого, кто признал Иисуса Мессией.

Сошествие Святаго Духа

Иисус Христос избрал учеников Своих из бедных и неученых людей; некоторые были рыбаками и жили своим промыслом. Господь повелел им проповедовать Слово Его по всему миру. Они должны были обращать иудеев и язычников, говорить с учеными и мудрыми, с сильными и знатными людьми. Порученное им дело было трудно. Его нельзя было совершить без помощи Божией. И эта помощь была им обещана Иисусом Христом, Который повелел им не отлучаться из Иерусалима, пока не облекутся силою свыше. Он обещал им дар чудотворения, знание языков, обещал им Свое постоянное присутствие с верующими.

Дана Мне всякая власть на небе и на земле, сказал Он им. *Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 18–20).

После этих слов Господь вознесся на небо. Ученики же возвратились в Иерусалим, где и пребывали в горнице на горе Сион в постоянной молитве, с радостью и упованием ожидая обещанного им Утешителя, Духа Святаго. С ними была Матерь Иисуса, некоторые жены, уверовавшие в Господа, и другие верующие.

Наступал день Пятидесятницы. Этот праздник совершался торжественно в Иерусалиме в пятидесятый день после Пасхи. Им воспоминалось дарование Закона Моисею на горе Синай. Дома и синагоги украшались древесными ветвями; множество народа приходило в Иерусалим из всех стран мира.

В Евангелии повествуется, что апостолы молились единодушно в горнице на горе Сион, как вдруг, в третьем часу дня, что соответствует девятому часу утра по нашему времени, сделался великий шум с неба как бы от сильного ветра, и Дух Святый, в виде огненных языков, низшел на каждого из молящихся; все они исполнились Божественною силою и мудростью; все вдруг получили великий дар свыше – знание языков, что должно было облегчить им благовествование всем народам.

Услышав шум, множество людей окружили дом, в котором находились апостолы, – здесь было много иноземцев и много иудеев, живших по чужим землям и приехавших в Иерусалим на праздник. Апостолы вышли к ним и стали говорить с каждым на его родном языке, проповедуя о великих делах Божиих. Все изумлялись этому. Тогда Петр стал объяснять пророчества, в которых предсказано было о пришествии

Иисуса Христа, и объявил, что все эти пророчества теперь исполнились, что Христос родился, был распят и потом воскрес, что Он ныне излил на апостолов Своих Духа Святаго. Слышавшие это умилились сердцем и говорили: *Что же нам делать? Петр отвечал им: Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа, чтобы получить прощение грехов; и получите дар Святаго Духа.* Обещание это дано вам и всем, кого призовет Господь. *Спасайтесь от сего развращенного рода* (ср.: Деян. 2, 37–40). В этот день около трех тысяч человек обратились ко Христу и приняли крещение. Они стали жить вместе с апостолами и имели все общее; постоянно пребывали в молитве и преломлении хлеба, т. е. совершали установленное Господом Таинство Евхаристии.

Святая Церковь совершает торжественно память о Сошествии Святаго Духа. Этот праздник называется днем Пятидесятницы, а также днем Святой Троицы. Церкви и дома украшаются древесными ветвями и цветами в память того, что под сенью зеленых кущей праздновали и евреи дарование им Закона. В прославление же новой благодати, излиянной на апостолов, Церковь воспевает:

«Благословен еси, Христе Боже наш, Иже премудры ловцы явлей, низпослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную, Человеколюбце, слава Тебе».

По-русски: Благословен Христос Бог наш, Который явил премудрых ловцов, ниспослав им Святаго Духа, и чрез них уловил вселенную. Человеколюбец, слава Тебе!

«Уловил вселенную» значит: привлек весь мир к истинной вере. Слово «уловил» употребляется тут потому, что апостолам, которые были рыбаками, ловцами рыбы, Господь сказал: «Я сделаю вас ловцами человеков».

Литургия в этот праздник отличается тем, что за ней следует немедленно Великая вечерня с тремя коленопреклоненными молитвами. Следующий за днем Пятидесятницы день называется днем Сошествия Святаго Духа и есть продолжение того же праздника.

Об обычае в праздник Святой Троицы украшать храмы и дома

Воспоминая в этот день событие Сошествия Святаго Духа на апостолов, мы имеем обычай украшать храмы Божий и свои дома травами и цветами. Мы стоим в храме Божием с зелеными ветвями деревьев и благоухающими цветами, и везде, на улицах, площадях и в домах мы видим те же украшения цветами и ветвями.

Откуда ведется этот обычай? Как он был установлен в нашей Церкви и почему соблюдается доныне? Просто так ничего не делается в нашей Православной Церкви. Если вдуматься и вникнуть глубже в смысл и значение этого благочестивого обычая, то увидим, что недаром установлен он в глубокой древности. Правда, обычай этот не дается нам ни в Священном Писании, ни в церковном уставе. Однако есть немало благочестивых обычаев Православной Церкви, которые не установлены ни Священным Писанием, ни церковными уставами и законоположениями, а, по преданию, передаются из века в век. К числу таких обычаев принадлежит и этот – в праздник Пятидесятницы благоукрашать храмы и жилища наши зелеными ветвями, травами и цветами. Свое начало этот обычай ведет от апостольских времен и освящен примером святых мужей первых времен христианства. О нем свидетельствует блаженный Августин еще в V веке. Вот как древен этот обычай.

Рассмотрим же истоки этого благочестивого обычая и каков его смысл и значение. Прежде всего, обычай благоукрашать в праздник Пятидесятницьххрамы и жилища наши взят из примера Церкви патриархальной. Так, Авраам у дуба Мамврийского, увидев трех странников, приглашает их к себе для отдыха и предлагает им радушное угощение. По разумению богомудрых отцов, в лице трех странников явился Аврааму Сам Господь в трех лицах. Отсюда издревле повелось – лица Пресвятой Троицы изображать на иконах в виде трех странников, угощаемых Авраамом под сенью одного из деревьев Мамврийской дубравы. И украшать дома и храмы в праздник Пятидесятницы лиственными ветвями и цветами принято в воспоминание явления Аврааму Пресвятой Троицы у дуба Мамврийского. Храмы и жилища христиан православных, таким образом, служат как бы образом той кущи Авраамовой, у которой под сенью дуба Мамврийского отдыхали три Божественных путника. Поэтому, взирая на растения и травы, окружающие нас в этот праздник в храме и в домах, переносимся мыслью

к явлению Триипостасного Бога Аврааму. Возблагодарите благоговейно Господа Бога, являющегося нам в доступных нашему чувству образах и столь явно приближающегося к нам, грешным, с таким благоснисхождением, – за то, что подобный нам человек беседует с Богом лицом к лицу! Но вместе с тем старайтесь и сами утвердить в себе то расположение духа, какое имел Авраам при встрече и принятии Господа. Именно: старайтесь подражать в жизни его непоколебимой вере в Бога, его глубокому смирению, любви к ближнему и прочему. Этим вы уподобитесь Аврааму, принявшему к себе Господа, привлечете на себя, подобно Аврааму, Божие благословение и любовь.

Обычай украшать в праздник Пятидесятницы храмы и дома свежими травами и цветами мы видим и на другом примере Ветхозаветной Церкви. Иудеи в праздник Пятидесятницы украшали синагоги и дома свои в воспоминание того, что когда Богом был дан Закон на горе Синай, все в природе зеленело. Кроме того, во время странствования по пустыне евреи жили в шатрах, сделанных из ветвей[1]. Десять заповедей Синайского законодательства и для нас, христиан, обязательны и необходимы. Поэтому благочестивый обычай Ветхозаветной Церкви украшать жилища и синагоги растениями легко может быть удержан и в нашей христианской Церкви, тем более что Сионская горница, в которой Дух Святый сошел на апостолов в день Пятидесятницы, по обычаю ветхозаветному, также была украшена ветвями деревьев и цветами. Не случайно апостолы и первые христиане сохранили этот обычай в христианской Церкви. Дошел он и до нас в том же самом виде, каким он был при апостолах.

Обычай украшать травами и цветами наши жилища в праздник Пятидесятницы мы находим еще в одном примере из Церкви Ветхозаветной. В праздник Пятидесятницы было предписано законом, в знак благодарности к Богу, приносить Ему первые плоды жатвы, которая в Палестине к этому времени уже заканчивалась[2]. Подобно сему и в христианской Церкви сохранен обычай приносить в храм в начале весны первые молодые побеги деревьев и цветы. Этот прекрасный обычай свидетельствует о нашем желании принести Господу Богу жертву хвалы и благодарения за весеннее обновление природы. В церковном уставе нет предписания об установлении особого празднования по случаю весеннего обновления природы видимой. Но вот праздник Пятидесятницы сближается, можно сказать, с тем временем года, когда растительная жизнь в природе является в новой силе и свежести. А посему мысль о воспоминаемом в настоящий праздник Сошествии Святаго Духа на апостолов весьма ясно указывает нам на другую мысль – на действие того

же Духа Божия в видимой природе. Как в начале, при творении видимого мира, *Дух Божий ношашеся верху воды* (Быт. 1,1), Который вливал Свою животворную силу в неустроенное вещество творения, так и в сотворенной уже природе все прозябающее и живущее прозябает и живет силою Того же Всесвятаго Духа: *поспеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30), говорит Псалмопевец.

Поэтому обычай украшать в день Пятидесятницы храмы и жилища нежными зелеными ветвями и цветами красноречивее слов выражает чувства нашего славословия и благодарения Духу Божию, обновляющему лицо земли. Так, взирая на ветви деревьев и цветы, всегда будем представлять, что этими цветами и ветвями мы приносим жертву благодарения, достойную Бога, обновляющего весеннюю природу после долгого зимнего сна.

Наконец, обычай благоукрашать дома ветвями и цветами в праздник Пятидесятницы имеет для нас и нравственный смысл и значение. Эти цветы и ветви указывают нам на нас самих, на наше духовное, нравственное состояние, которое мы должны иметь в жизни. Взгляните: вот цветы зеленеют, цветут и прекрасно благоухают. Такова должна быть и жизнь каждого христианина. Христианин должен благоукрашаться и цвести делами добрыми и благочестивыми. Как цветы своим благоуханием и красотою манят к себе и влекут взоры всех и каждого, так благочестие, вера и любовь привлекают к себе сердца всех. Благочестивая жизнь наша должна сиять и цвести делами добродетели, чтобы быть образцом и примером для других и послужить для славы Божией. *Тако да просветится свет ваш пред человеки*, сказал Спаситель, *яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). Так, братья, держа в руках благоухающие цветы в настоящий праздник, постараемся явить в жизни своей ту или другую добродетель, если до этого такой не имели. Смотрите: вот, в ваших цветах есть незабудочка. Любуясь этим цветком, не забывайте Господа Бога и Матерь Божию, Которая вас любит, хранит и молит о вас Бога. Вот у вас есть лилия; смотря на этот цветок, помните заповедь Божию о том, чтобы не заботиться об излишнем украшении и нарядах, а хранить сердце свое чистым и непорочным от всякой суетности и нечистоты. Вот у вас васильки. Этим цветком да указывается, чтобы не царствовал в нас грех, но чтобы дух наш царствовал над плотью и страстями. Так разумейте и о других цветах и старайтесь находить в них те или иные уроки веры и нравственности. Каждая зеленеющая ветка с благоухающими листьями да научает нас обильным и животворным плодам добродетели. А ветка сухая

и безжизненная – да указывает на печальный образ человека-грешника, не имеющего живых плодов добродетели, и мертвого для жизни духовной. Смотрите далее и наблюдайте. Как деревья зимой, без влияния солнечного, от действия холода как бы умирают, стоят голы и безлиственны, такое состояние бывает и в душе человека-грешника. Она умирает духовно без животворного веяния Духа Божия. Тогда, хотя душа наша по видимости живет, мыслит, чувствует и действует, но действия эти без содействия Духа Божия бывают как бы мертвенны, безжизненны: не производят благих плодов добродетели. Напротив, человек, в котором сияет животворная сила Духа Божия, являет прекрасные плоды добродетели, одни других краше и привлекательнее. По уверению Апостола, плоды эти суть: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). Поэтому будем стараться привлекать на себя благодать Духа Божия. Чем же и как? Жизнью благочестивой и непорочной, верой, молитвами, смирением и другими добрыми качествами. Так, из рассмотрения принесенных на празднество ветвей и цветов научаемся каждый нравственному преуспеянию в вере и благочестии.

Братья христиане, мы видели, откуда и как пришел к нам благочестивый обычай в праздник Пятидесятницы украшать храмы и дома наши цветами и ветвями; поэтому станем соблюдать его. Но вместе с тем постараемся извлечь для себя уроки веры и нравственности. Тогда обычай послужит всем на пользу душевную, к усовершенствованию себя в нравственности для жизни будущей.

Кто жаждет, иди ко Мне и пей

В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет* (Ин. 7, 37), – вот слова читаемого ныне Евангелия. Этот последний день еврейского осмидневного праздника Пятидесятницы изображал собой нынешний день Сошествия Святаго Духа на апостолов и на всех христиан. В этот день первосвященник торжественно, в сопровождении священников и народа, выходил из храма Иерусалимского на источник Силоамский и, почерпнув здесь воды золотой чашей, приносил ее в храм и выливал на жертвенник. Вода эта изображала излияние Святаго Духа на людей в пришествие на землю Мессии Христа. Когда первосвященник совершал таковой обряд возлияния воды, Иисус Христос, истинный, ожидаемый на земле Мессия, стал в храме на высоком и видном месте и громко говорил евреям: *аще кто жаждет, да грядет ко Мне и да пиет* (ср.: Ин. 7, 37), т. е. если кто из вас, евреев, искренно желает, жаждет пришествия на землю Мессии Христа, чтобы получить от Него обильную благодать Святаго Духа, то вот Я пред вами, ожидаемый вами Мессия; иди ко Мне каждый и почерпай от Меня, как от обильного источника, столько благодати, сколько кому угодно; расшири жаждущие уста свои и пей, сколько хочешь. Эти самые слова и к нам ныне обращает Господь: *если кто жаждет, иди ко Мне, почерпай из Меня благодать и пей* (ср.: Ин. 7, 37).

Кому же именно из нас любвеобильный Господь предназначает эти знаменательные слова? Кто посреди нас эти жаждущие, которых Он призывает к Себе?

Это, во-первых, те несчастные и горькие, кто, страдая от крайней бедности, бесприютности, обиды ближних, от семейных раздоров или от болезни, от разлуки с близкими сердцу или другого какого несчастья, желает, жаждет себе облегчения и утешения. Поднимите же свои поникшие головы, вы, страдальцы жизни! Приклоните ваш унылый слух к призванию Господа – Он зовет вас к Себе; приблизьтесь к Нему, припадите пред Ним со слезной вашей молитвой, поведайте Ему ваше горе, вашу печаль и, отложив всякий ропот на судьбу свою, возложите на Него все ваше упование; и истинно, вы испиете благодать, изливающуюся прямо из Его любвеобильного сердца: истинно, Он Сам утешит вашу душу, успокоит и усладит ваше растерзанное и жаждущее утешения сердце. Будьте уверены в этом неложными Его словами: *приидите ко Мне оси труждающиися и обремененный, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28).

Во-вторых, жаждущие, коих Спаситель ныне призывает к Себе, суть те из нас, кои, будучи обременены разными грехами и пороками, желают искренно покаяться, очистить свою душу и успокоить свою совесть.

Что же вы медлите, души грешные, ищущие покаяния! Слышите сладкий голос Милосердого Спасителя: аще кто жаждет прощения грехов, да приидет ко Мне и пиет благодать отпущения (см.: Ин. 7, 37). Он давно зовет вас к Себе, давно ждет вашего истинного покаяния: воспряньте, и ободритесь, и ныне же приступите к Нему с сердцем сокрушенным и смиренным, ныне же исповедайте Ему все грехи свои пред служителем Его – священником: и вы, несомненно, испиете от Него благодать милости и всепрощения; несомненно, Он очистит вашу душу и успокоит мятущуюся вашу совесть. Ибо человеколюбивый Спаситель наш всех грешников с любовью приемлет и всех кающихся прощает, каковы бы ни были грехи, как Сам Он уверяет: *не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 13).

В-третьих, жаждущие суть те христиане, кои, не видя в себе ничего истинно доброго – ни любви к Богу и ближним, ни должного усердия и теплоты в молитве, ни кротости и смирения, ни твердой решимости удаляться от греха и жить по заповедям Божиим, – остаются недовольными собой и потому желают и жаждут жить истинно по-христиански, возжечь в своем сердце любовь к Богу и ближним, полюбить молитву, удалиться от всякого греха и утвердиться в добродетели. Христиане, томящиеся сей спасительной жаждой благочестия и добродетели, вонмите! Не вас ли особенно и зовет ныне к Себе Спаситель, чтобы утолить вашу духовную жажду? Расширьте жаждущие уста души вашей и спешите к живоносному Источнику, Сладчайшему Иисусу, и через причащение Тела Его и Крови пейте из Него обильные воды благодати Святаго Духа, Который укрепит на всякое добро ваши слабые силы, воспламенит ваше сердце любовью к Богу и ближним, возжжет в вас дух неослабной молитвы и даст вам крепость к преодолению всякого греха.

Итак, все жаждущие утешения в горести жизни, очищения своих грехов, благочестия и добродетели, – все приидите к Спасителю своему, ныне призывающему вас к Себе, и приимите от Него, в слезной вашей молитве, благодать утешения в скорбях ваших, в искреннем вашем покаянии – благодать очищения грехов ваших и в Святом Причащении – благодать освящения, укрепления и любви к добродетели. *Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет* (Ин. 7, 37).

Любовь к правде Божией

Закон Божий повелевает нам сохранять правду во всех наших словах и действиях, не лгать и не обманывать ни при каких случаях. Правда, водворяемая в обществе человеческом, упрочивает его благосостояние. Она порождает взаимное доверие, питает любовь и, возбуждая силы к единодушному действию, приводит к желаемому успеху все наши начинания. Если бы мы все старались жить по правде, избегать лжи и обмана, наша жизнь текла бы спокойнее, безопаснее, в мире и тишине. Ни от чего не происходит столько зла между людьми, как от неправды. Обманы, лукавства, хищения подрывают благосостояние общее. Все при этом страдают – и честные труженики, и сами неправедные стяжатели. Те, которые прибегают к неправде, чтобы доставить себе выгоды, обычно впадают вместо того в большую напасть. Уличаясь в неправде, они теряют честь, доверие, иногда и само общественное положение свое, с которым связаны бывают и средства к существованию. Таким образом, путь неправды, лжи, коварства и обмана есть прямой путь к обнищанию человека. Если некоторым и удается неправдой увеличить свое благосостояние, то это всегда бывает ненадолго. Легко нажитое, легко и проживается: зле приобретенное, зле и погибает. Слезы обиженных неправедным стяжателем доходят до Правосудного Бога и низводят гнев Божий на людскую неправду. Может ли быть прочно благосостояние человека, когда над ним тяготеет гнев Божий, когда он лишен благословения Божия?..

К сожалению, многие не уразумевают очевидных явлений гнева Божия на неправду и, несмотря на гибельные ее последствия, много между людьми бывает служителей неправды. Солгать, обмануть и вообще скрыть истину, особенно когда это приносит выгоду, не считают и грехом, а если и считают, то грехом малым, простительным. От такого легкомысленного суждения о поступках происходит то, что дурное расположение укрепляется в душе, переходит в сильную страсть, с которой человек уже потом не в состоянии бывает справиться.

Особенно гибельно бывает, если человек с детства видит вокруг себя примеры лжи, обмана и лукавства, и сам привыкает к тому же с раннего возраста, и некому бывает поправить эти дурные навыки. Трудно исправить искривленное дерево, когда оно уже окрепло в этом положении. Так привычка поступать не по правде, лгать и обманывать, укоренившись в душе человека, становится как бы второй его природой. Посему, если

хотим сохранять себя от двоедушия и лукавства, если желаем твердо стоять на пути правды, должны исправлять в самом начале малейшую наклонность к отступлению от истины. Бог наш есть высочайшая Истина, все, что отступает от истины, не богоугодно. Никаких оправдывающих обстоятельств к допущению лжи пред лицем Божиим не может быть. Одна безусловная правда получает оправдание перед Богом. Как свято должно соблюдать правду и не допускать лжи ни в каких, по видимости, извинительных случаях, показывает следующий пример из жития святителя Анфима, епископа Никомидийского.

Святитель жил в царствование Диоклетиана, жестокого гонителя христиан. В это время гонители старались прежде всего отыскивать и предавать казни настоятелей церкви, чтобы лишить, таким образом, христиан наставников. Святитель Анфим, по особенному внушению Божию, на время удалился из города и скрывался в одном окрестном селении. Оттуда он посылал увещания и письма к преданным на суд и заключенным в темницах христианам, ободряя их к предстоящему подвигу мученичества. Это сделалось известным царю, и он послал воинов отыскать святителя Анфима.

Долго воины искали его и, утомленные, остановились в том селении, где жил святитель, встретили его самого и спросили: «Где скрывается Анфим, учитель христианский?» Уразумев, что настал час мученического подвига, святитель Анфим сказал воинам: «Войдите ко мне в дом и отдохните; я вам скажу, где скрывается тот, кого вы ищете». Приняв в дом воинов, святитель устроил им трапезу, угостил их с любовью и радушием. После угощения, встав перед воинами, святитель Анфим сказал, что он сам есть епископ Анфим, за которым они посланы: «Возьмите меня и ведите к пославшим вас». Воины были поражены великодушием, кротостью и доброжелательным видом старца, с такой искренностью приютившего и угостившего их. Они стали просить святителя Анфима скрыться, обещая донести властям, что нигде его не нашли. «Нет, – отвечал святитель, – великий грех перед Богом нарушить правду; преступно обманывать всякого человека, а тем более царя своего, и допустить ложь при исполнении долга. Исполните честно свой долг, вы невиновны в исполнении незаконного поручения, данного вам». С таким словом он отправился в город. И чем же он занимался, идя на смерть? Всю дорогу он беседовал с воинами о вере христианской и так утвердил их, что тут же, на пути, в реке крестил их, соделав их, таким образом, чадами благодати, возлюбленными Богу. Представ перед мучителем, святитель Анфим неустрашимо исповедал веру во Христа и после ужасных истязаний усечен

был мечом.

Итак, христиане, блюдите правду как зеницу ока, не изменяйте ей ни в каких обстоятельствах. Кто из своекорыстия или по каким-нибудь личным расчетам начнет кривить душой, тот мало-помалу незаметно дойдет до такого погибельного состояния, когда человек в ослеплении ума и ожесточении сердца уже безбоязненно попирает правду, делаясь преступником пред судом человеческим и уготовляя себе гнев Божий, *открывающийся на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою* (ср.: Рим. 1, 18).

Свет Христов

Я свет миру (Ин. 8, 12), говорит о Себе Спаситель мира. Было время, когда этот Свет видимо светил на земле, животворящим словом освещал умы, проникал в самые жестокие сердца, врачевал больных и воскрешал мертвых; было время, когда этот Свет сиял на Фаворе как солнце, а на Голгофе скрылся от очей мира, превратив день в глубокую ночь. «Ужасеся земля и солнце, Спасе, скрыся Тебе Невечернему Свету, Христе, зашедшу во гробе плотски», – поется в церковной песни[1]. С тех пор этот Невечерний Свет больше невидим для очей телесных; но тем не менее он сияет и животворно действует в роде человеческом. Где Иисус Христос Сын Божий, там и свет Божественный. Где же на земле бывает Господь наш Иисус Христос? Там, где двое или трое из нас собираются и молятся во имя Его. Он Сам говорит: *идеже бо еста два или трие собрана во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). А это где бывает? В церкви Божией. Да, в церкви за службой бывает с нами Иисус Христос; следовательно, здесь преимущественно светит свет Божественный, следовательно, здесь преимущественно может воссиять нам свет Его, здесь преимущественно мы можем насладиться Его славою неизреченною, и сияет здесь свет Божественный, и наслаждаемся мы здесь этим светом. Оттого-то и бывает так хорошо нам и отрадно в храме Божием. Поэтому, христианин, всегда, но особенно когда тебе тяжело почему-либо: горести, беды ли грозят, сомнения, недоумения тревожат ли, нужда, бедность ли тяготит, уныние, скука ли нападает, – спеши скорее в храм Божий; здесь ты отдохнешь душой, успокоишься, здесь хорошо тебе будет, только помни, от Кого здесь хорошо, от Кого здесь светит радостный, успокоительный свет: не забывай Иисуса Христа; без мысли о Сладчайшем Иисусе и в храме ничего тебя не порадует, и ничем ты не успокоишься.

Далее, как солнце не само только светит, но сообщает свой свет другим, меньшим светилам, например луне, звездам, так точно Господь наш Иисус Христос – Невечерний Свет, не только Сам светит, но и сообщает Свой свет и людям, и прежде всего пастырям Церкви. *Вы есте свет мира* (Мф. 5, 14), сказал Иисус Христос апостолам и их преемникам – пастырям Церкви. Пастыри Церкви, получившие от Бога благодать, просвещают нас Святым крещением, сообщают нам евангельские истины и руководят нас к вечному спасению на всех путях нашей жизни. Наш долг – во всем слушаться и полагаться на своих духовных пастырей.

Наконец, и на всех нас может отображаться свет Христов. Живите

между собой в любви и согласии, и вы будете жить в свете Божественном. *Кто любит брата своего,* говорит возлюбленный ученик Христов, *тот пребывает во свете (I* Ин. 2, 10). На тех людей, которые живут между собой в согласии и любви, нисходит благословение Божие. И со стороны сердце радуется, когда смотришь на людей, живущих между собой согласно; какою же радостью они наслаждаются сами?! К несчастью, редки такие семейства и немного таких людей. Многие из нас хотя и носят имя христиан и именуются сынами Света, однако недостойны такого высокого звания. Это все те, которые ненавидят ближних своих. *Кто ненавидит брата своего,* говорит апостол Иоанн Богослов, *тот находится во тьме, и во тьме ходит* (1Ин. 2, 11). А между тем грех ненависти к ближнему есть почти обычный и весьма часто повторяющийся между нами. А сколько различных видов этого греха? Зависть, хула, клевета, убийство и многие другие не происходят ли от одного главного корня – ненависти? Да, эти грехи больше всего господствуют в роде человеческом. Любовь к ближнему тесно связана с любовью к Богу. Тот, кто, по Апостолу, не любит брата своего, не может любить и Бога (см.: 1Ин. 4, 20). Ясно, что все те, кто ненавидит своих ближних, остаются во тьме. Страшная истина! Что же делать нам, чтобы принадлежать к сынам Света? Какое средство изберем для этого? Болезни душевные так же, как и телесные, большей частью излечиваются прямо противоположными им средствами. Поэтому и настоящую болезнь – ненависть – можно и должно исцелить таким же образом. Если ненависть к ближнему служит причиной того, что мы остаемся во тьме, то, значит, любовь – добродетель, совершенно противоположная ненависти, может поставить нас в свете. Любовь есть начало и душа всех добродетелей, потому тот, кто имеет ее, сделает все нужное для пребывания в свете, исполнит весь закон, потому что *любовь,* как говорит апостол Павел, *есть исполнение закона* (Рим. 13, 10). А кто исполняет закон Христов, тот есть благодатный сын Божий и, следовательно, сын благодатного Света. Христе Царю, Свете Святый, обращали из мрачна неведения верою воспевающие Тя! Просвети нас светом лица Твоего, и Твой мир подаждь нам, из мрака греховного взывающих Тебе.

Спасение грешника благодатию Божией

Три года пребываю я священником в селе, пишет один пастырь, и вот год, как я познакомился с одним господином, о котором и хочу вести речь. В 186... году, летом, приехал к нам в село один молодой человек лет двадцати пяти и поселился в чистеньком домике, стоявшем на горе и окруженном темным непроходимым лесом. Этот дом принадлежал сначала одному помещику, потом поступил во владение крестьян и теперь был продан вновь приехавшему господину. Барин, как называли его крестьяне, сначала никуда не выходил, потом недели через две я увидел его в церкви. Внешность его была из тех, какие с первого же раза бросаются в глаза и возбуждают любопытство во всяком, кто только успел взглянуть на него. Несмотря на молодые годы, лицо его было помято, морщины кое-где легли целыми складками и невольно говорили, что не без потрясений и бурь прошло его юношество. Он стал часто посещать нашу церковь, и не только в праздник, но даже и в будни можно было видеть его молящимся где-нибудь в углу, при слабом мерцании лампадки. Он всегда приходил рано, уходил поздно и каждый раз с каким-то особенным благоговением целовал крест и брал у меня антидор. Появление такого господина, приехавшего не знаю откуда, не знаю зачем и, как говорили, рассчитывавшего остаться жить у нас навсегда, его нелюдимость и особенно набожность – все это заинтересовало меня, и я решился познакомиться с ним каким бы то ни было образом; но познакомиться с ним оказалось довольно трудно.

Прошло лето, вот уж и зима на исходе... Животворные лучи февральского солнца начали уже тревожить ледяную кору земли. Наступила Святая Четыредесятница; уныло и редко гудел церковный колокол, призывая на покаяние грешные души, жаждущие очищения, и как-то особенно хорошо отзывались эти удары в душе истинного христианина. Вот уже наступил и пяток первой недели, и я, значительно устав за исповедью прихожан, возвращаюсь домой и узнаю, что мне прислана записка от барина: «Прошу вас, незнакомый, но уважаемый батюшка, пожаловать ко мне в квартиру сегодня вечером». Меня очень заинтересовала эта коротенькая записка, и я поспешил отправиться к незнакомому господину.

На мой легкий стук дверь уединенного домика растворилась, и я увидел на пороге улыбающегося барина.

– Пожалуйте вот сюда, батюшка, в эту комнату, а я сейчас приду к

вам, – сказал он мне.

Комната, в которую я вошел, была маленькая. Стены, обитые фиолетовыми обоями, приняли от времени темный вид; шторы, опущенные на окна и не пропускавшие света в комнату, делали эту маленькую каморку совсем мрачной. Впереди стояло резное распятие, а пред ним лежал разложенный молитвенник. На столе у дивана лежало Евангелие в русском переводе, несколько духовных журналов, огромный искусственный череп и кое-какие бумажки. Я походил несколько времени по комнате и уселся в кресло в ожидании хозяина.

– Здравствуйте, батюшка, – сказал, наконец, он, входя в комнату и подходя ко мне под благословение.

– Здравствуйте, – отвечал я, благословляя его.

– Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас в такую пору, теперь уже одиннадцатый час, и вы, быть может, уже хотели ложиться спать...

– Помилуйте... к чему такие извинения, – отозвался я. – Мне, как человеку, будет очень интересно познакомиться с вами, потому что здесь нет никого, с кем бы можно поговорить о чем-нибудь серьезном; потом, как пастырь, я должен по своей обязанности прийти к вам, потому что, быть может, вам нужен я как пастырь, как врач духовный.

– Именно так: вы мне нужны как врач... Мне нужно ваше поучение, ваше теплое, сочувственное, наставническое слово.

– Очень, очень рад, что могу послужить вам! Прошу говорить все, что есть у вас на душе; мое дело разделять все нужды моих пасомых, врачевать их раны и приводить к Отцу Небесному...

– Благодарю, благодарю вас, батюшка... так позвольте попросить у вас внимания и терпения и выслушать рассказ о моей короткой, но дурной жизни. Когда вы узнаете ее, то вам легче будет предписывать то или другое средство для моего врачевания.

– Я слушаю.

«Отец мой, – начал он, – был мелкопоместный помещик; в Я... губернии, Д... уезда принадлежала ему одна деревенька. В этой-то деревне мой батюшка имел большой дом, в котором он постоянно жил и в котором я получил первоначальное воспитание. Мой батюшка постоянно был дома и вместе с матушкой старался вложить в меня начала всякого добра и христианского благочестия. Оба они любили рассказывать мне разные священные истории, и часто бывало, слушая эти рассказы в продолжение долгого зимнего вечера, я так и засыпал, где сидел. И, Боже мой, какие сладкие сны тогда грезились мне! Все, что я ни слышал в этот вечер, отражалось у меня во сне, и в моем истинно невинном воображении, как

бы в тумане, проносились дорогие священные образы из рассказов родителей. Вот как теперь вижу – Спаситель в терновом венце, обагренный кровью, висит на Кресте. Его глаза полны любви, и Он просит Отца отпустить мучителям: «не ведят бо, что творят!» И Божия Матерь – как теперь вижу – стоит при Кресте, с бледным лицом, полная беспредельной любви к Страдающему Сыну, – и сколько муки и страдания в ее очах! Все эти сны наполняли мою душу неизъяснимым блаженством, я переживал много такого, что недоступно иногда другому человеку, и на моем лице показывалась какая-то неземная улыбка, как говорила моя добрая мать. И сколько радости было у них, когда они любовались мной у моей кроватки. «С Ангелами беседует», – говорили они. Тихо, плавно текла моя жизнь, и я был примерный ребенок. Я молился, и моя детская молитва была искренна, усердна и тепла, хорошо жилось тогда, и нельзя без радостного замирания сердца вспоминать теперь об этой детской жизни. Но не всегда же должна была продолжаться эта блаженная жизнь: мне исполнилось десять лет, и я поступил в одно из средних учебных светских заведений.

Тяжело мне было привыкать к новой жизни; в заведении, в которое я поступил, я уже не слышал более того теплого, истинно духовного наставления, какое мне давалось дома на каждом шагу. Сначала я был верующим и часто молился. Молился я... но эта молитва была часто причиной насмешек моих глупых и дурных товарищей. Все воспитанники этого заведения, без надзора богобоязненных родителей, были страшными кощунниками, и их язвительные насмешки сыпались градом на мою голову за мою набожность. Время шло, поддержки у меня не было, и моя охота к молитве постепенно начала ослабевать и, наконец, совсем пропала, сначала потому, что я боялся товарищей, потом уж это обратилось в привычку; я пристал к моим товарищам, и молитва более уже никогда мне не приходила на ум. Беседы и разговоры наши были самые богопротивные: насмешки над Священным Писанием, над богослужением, над усердием и верой некоторых священников и народа, – вот что было постоянным предметом наших разговоров. Сначала меня коробило все это, потом время и общество притупили во мне и последнее проявление доброго – остаток домашнего воспитания. Но все-таки, как я ни испортился в этой среде, во мне было сознание того, что я грешу этим пред Богом, но я продолжал действовать заодно с товарищами... Иногда – это бывало очень нередко – я чувствовал потребность молиться и даже начинал молиться, но это была уже не прежняя молитва, это была скорее механическая работа, не согретая сердцем, и я чувствовал, что чего-то

недостает во мне... Время шло, я перешел в последний класс, и тут-то окончательно совершилось мое падение, и прежние насмешки над обрядами и верой людей перешли в полное осмеяние всей божественной религии.

Время летело, и я стал отъявленным неверующим безумцем. Бытие Бога, бытие души, будущая загробная жизнь – все это я считал порождением фантазии и зло смеялся над всем. Крест – это орудие нашего спасения – я сбросил с себя и с каким-то презрением посмотрел на него. Когда стоял в церкви, по требованию начальства, как издевался я, как смеялся над божественной службой! Когда наступали постные дни, я нарочно старался есть что-либо скоромное, чтобы показать полное презрение к церковным уставам. Святые иконы, жития святых были главными предметами моих насмешек. Одним словом, в это время я был каким-то извергом, а не человеком. Но вот наступило время окончания моей учебы, и тут-то со всей силой ринулся я в бездну погибели и много чистых и невинных душ увлек за собой...

Да, за эти падшие души мне придется дать страшный отчет Господу! Я их соблазнил, а в Писании сказано: *горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит!* (Мф. 18, 7).

Разум наш слишком слаб, чтоб остановить нас в грехе, когда в нас нет голоса совести или, вернее сказать, когда этот голос совести заглушен порочной жизнью; так и я, заглушив все святое в моем сердце, хотя и старался руководствоваться во всем рассудком, но он не помогал мне – и я окончательно погибал. Окруженный безбожными товарищами и потерявшими стыд и совесть женщинами, я проводил целые ночи за бутылками вина, и чего не бывало в этих шумных бесовских оргиях!.. Время шло, и я еще больше развратился и окончательно погряз в бездне порока. Казалось, чего больше: человек окончательно погиб и никакая сторонняя рука не могла меня вытащить из этого омута; но, знать, нет греха, побеждающего милосердие Божие, знать, Господь не хочет *смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (ср.: Иез. 33, 11); если мне не мог помочь человек, то помог Всесильный Господь, Которого я отвергал; особенное действие Промысла Его обратило меня на путь истинный и воззвало к нравственному возрождению.

В один год умерли от холеры мои добрые родители, их-то теплая молитва пред Престолом Всевышнего, должно быть, повела к исправлению заблудшего сына. Получив известия о их смерти, я отправился в село к их могиле. Странно: как я ни опошлел, как ни смеялся над всеми святыми чувствами человека, все-таки эта привязанность к родителям осталась, и

холодный развратный ум уступил голосу сердца – желанию побывать на могиле – и не осмеял его. Это я приписываю особенному действию Промысла Божия, потому что эта поездка на родину была началом или поводом к моему исправлению.

Приехав в родное село, я спросил церковного сторожа, где могила таких-то, и, не думая перекреститься на церковь, отправился к указанному месту... Вот уже могила от меня шагах в десяти, вот уже я вижу свежую насыпь, но... вдруг у меня в глазах потемнело, голова закружилась, и я упал без памяти на землю. Не знаю, что со мной было, только я в сознание пришел уже в квартире, нанятой моим служителем у одного крестьянина. Из рассказов его я узнал, что все окружавшие меня думали, что со мною удар, потому что я был без памяти, с багровым лицом и пеной у рта. На другой день я встал совершенно здоровым и, как ни ломал голову, не мог объяснить себе, отчего со мной случился такой припадок.

Потом я опять в те же самые часы отправился на могилу, но каково было мое удивление, когда и в этот раз со мной случилось то же, что и вчера! Думая, что меня постигла падучая болезнь, периодически возвращающаяся в известные часы дня, я на третий день остался дома, но припадка не было. Когда же на следующий день я пошел на кладбище, то лишь только стал приближаться к могиле, как прежний припадок вновь повторился.

Встав утром на другой день, я увидел своего слугу каким-то испуганным и боящимся меня. После я узнал, что он тут же решил, что в этих припадках есть что-то недоброе и что я должен быть слишком грешен, если Господь не допускает меня до могилы родителей. Насколько счастливее меня он был тогда: у него была вера в Промысл, вера в Бога, а я был жалкий человек и не хотел признавать во всем этом действие Перста Божиего. Впрочем, меня напугали эти странные припадки, и я послал за доктором. Доктор обещал прибыть на другой день, и в ожидании его я уснул.

Утром я проснулся рано, и – Боже мой! – страшно вспомнить: я не мог пошевелиться, язык не повиновался, я лежал весь расслабленный, тело мое было все в огне, губы высохли, я чувствовал страшную жажду и окончательно упал духом. Явился доктор, осмотрел меня и дал лекарство. Началось лечение... Сначала доктор прописывал мне лечение без затруднения, но потом уже подолгу простаивал над моей постелью, кусая губы, и вот однажды, после шестинедельного лечения, написал мне на бумаге: «Имея дело с мужчиной, я открыто всегда говорю о его болезни, как бы она ни была опасна: ваша болезнь необъяснима, несмотря на мои

усилия понять ее, поэтому, не предвидя успеха от своих трудов, я оставляю вас ожидать, когда она сама собой разрешится».

Каков был мой ужас, когда меня оставляла человеческая помощь, на которую я только и надеялся! У других есть надежда на высшую помощь, но ее отверг мой развратный ум. Время шло, болезнь моя все усиливалась, на теле появились пупырышки, которые перешли в гнойные раны, от них шел смрад; а я не знал, что и делать. Целые ночи я не спал и не находил себе покоя. И какие страшные картины рисовались тогда в моем воображении! Вот, как теперь помню, однажды мне представилось: мрачное, сырое, душное подземелье... кругом тьма, смрад не дает вздохнуть... отовсюду несутся стоны, крики и какое-то дикое рыдание... Страшно стало мне, по коже пробежал мороз, я вздрогнул и раскрыл глаза... Свеча горела тускло... в комнате было темно, я насилу забылся.

И как только стал засыпать, вдруг почувствовал в своей руке чью-то руку. Я вздрогнул, раскрыл глаза, и – Боже мой! – что я увидел? Предо мной стояла моя мама. Я не мог представить себе, как и каким образом она очутилась предо мною. «Да ведь она умерла, – подумал я, – как же она может существовать?» А между тем сердце билось при виде дорогой мамы. Она была вся в белом, и только в одном месте было черное пятно; лицо ее было сумрачно, и она была вся в каком-то полумраке. «Я – твоя мать, – начала она, – твои беззакония и твоя распутная жизнь, полная неверия и безбожия, дошли до Господа, и Он хотел истребить тебя, стереть с лица земли. Ты не только погубил себя, но *;* запятнал и нас, и вот это черное пятно на моей одежде – твои тяжкие грехи. Господь, говорю, хотел поразить тебя, но отец твой и я молились пред Престолом Всевышнего о тебе, и Он решил обратить тебя к Себе не милостью, потому что ты этого не мог бы понять, а строгостью. Он знал, что для тебя дорога здесь одна лишь наша могила, и потому не допустил тебя к ней, поражая сверхъестественной болезнью, дабы ты признал над собой высшую силу, отвергаемую тобой, но ты не обратился! Теперь Господь послал к тебе меня – это последнее средство для твоего исправления. Ты не признавал Бога, будущей жизни, бессмертия души, вот же тебе доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю с тобой. Уверуй в отрицаемого тобой Бога. Помни свою мать, которая, жизни не жалея, старалась сделать из тебя истинного христианина». При этих словах лицо ее еще больше омрачилось, глухие могильные рыдания раздались в комнате и потрясли мою душу. «Еще раз заклинаю тебя, – продолжала мать, – обратись к Богу. Ты не веришь и, может быть, думаешь объяснить мое явление расстройством твоего воображения, но знай, что твои

объяснения ложны и я своим духовным существом предстою пред тобой. И, в доказательство этого, вот тебе крест, отвергнутый тобой, прими его, иначе погибнешь. Уверуй, – и твоя болезнь исцелится чудесным образом. Погибель и вечный ад тебе, если ты отвергнешь Бога!»

Так сказала мать – и скрылась. Я опомнился и увидел в руке своей маленький крестик, во всей комнате разлился невыразимый аромат.

Сверхъестественное явление матери, ее просьбы и проклятия потрясли до самой глубины мою душу; никогда, кажется, не бывало со мной такого переворота, совесть укоряла меня, прежние убеждения рушились, – и я в минуту весь переродился. Сладостное, непонятное чувство явилось у меня в груди, я хотел благодарить Бога за Его милость, за благодатное обращение меня... Но вот услышал, что кто-то идет ко мне... я прислушался, и в комнату мою вошел слуга, держа чайную чашку с водой. «Искушай-ка, батюшка, может, и полегче будет; это святая водица с Животворящего Креста», – проговорил мой слуга, подавая чашку. Я с радостью принял его предложение и, приподнятый им, выпил воды.

Господи! не могу вспомнить без слез той чудесной минуты: я вмиг почувствовал себя здоровым, члены стали повиноваться, язык стал свободно говорить, на месте струпов остались только одни пятна, и этим подтвердились слова матери.

Я встал, и первым моим делом было помолиться перед образом, который принес слуга, у меня же своего не было, потому что я считал это суеверием! После этого я пошел в церковь и там молился... И сколько было искренности в этой непритворной молитве, когда душа могла свободно высказаться перед Господом после долговременного рабства в оковах греха и служения сатане! Тут же я отправился на дорогую могилку... целовал я ее, плакал, и эти слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаянием блудного сына.

День моего исцеления, и духовного, и телесного, было 15-е число месяца июля, и я всегда праздную его как день своего избавления. Пробыв еще несколько дней там, я решился переехать сюда, потому что в судебные следователи поступил один товарищ моей буйной жизни, а видеться с ним мне не хочется. В свет же я не поеду, потому что он мне опротивел. Я хочу здесь потрудиться, загладить свою прежнюю жизнь. Завтра будут у вас причастники, и вы, быть может, позволите мне после исповеди приобщиться Святых Страшных и Животворяших Христовых Тайн, потому что я лет десять не был удостоен этого, вы же мне посоветуете, что мне делать для искупления прежней моей жизни».

Долго, долго я говорил с этим человеком и много дал ему советов и,

наконец, пошел домой. «Слава Тебе, Боже Милосердый, показавшему свет этому человеку!» – думал я дорогой, сердечно радуясь обращению грешной души на путь истины.

Небесный огонь сошел в потир во время литургии

Однажды, когда преподобный Сергий совершал Божественную литургию, его ученик Симон видел, как небесный огонь сошел на Святые Тайны в минуту их освящения и как этот огонь двигался по Святому престолу. Озаряя весь алтарь, он как бы вился около Святой Трапезы, окружая священнодействующего преподобного Сергия. А когда тот захотел причаститься Святых Тайн, Божественный огонь свился «как бы некая чудная пелена» и вошел внутрь Святого Потира. Таким образом, угодник Божий причастился этого огня «неопально, как древле купина, неопально горевшая...»

Ужаснулся Симон от такого видения и в трепете безмолвствовал, но не укрылось от преподобного Сергия, что ученик его сподобился видения. Причастившись Святых Тайн Христовых, он отошел от Святого престола и спросил Симона: «Чего так устрашился дух твой, чадо мое?» «Я видел благодать Святаго Духа, действующего с тобой, отче», – отвечал тот. «Смотри же, никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не призовет меня из этой жизни», – заповедал ему преподобный Сергий.

НЕДЕЛЯ ВСЕХ СВЯТЫХ

Как нам спастись?

Многие иной раз говорят: «Как нам спастись? Мы люди мирские, грешные, весь век суетимся да грешим: заботы нас одолели». Печально, братья, слышать такую речь от православного христианина. Могли говорить такие речи язычники, жившие до пришествия в мир Иисуса Христа, которые не знали Его учения, в веру православную крещены не были, Святых Тайн не приобщались. Но нам, возлюбленным детям Христовым, так думать и говорить не следует, ибо нам путь к спасению указан. О нем, например, говорится в Евангелии, которое сегодня вы слышали во время Литургии. Прочтем его еще раз и поразмыслим о прочитанном. *Всяк убо иже исповест Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех: а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 32–33).

Слышите, Господь требует от ищущего спасения, чтобы он был Его исповедником перед людьми. А что это значит? Чтобы понять это, послушайте, как говорит о том же святой апостол Павел: *Если устами твоими будешь исповедыват Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься* (Рим. 10, 9). Так вот что, прежде всего, значит быть исповедником Христовым: значит, не только веровать в Него в душе, но и устами своими открыто заявлять, что веруешь в Него, не таить от других веры своей, не стыдиться ее, а смело и явно являть себя христианином. Мы прямо и безбоязненно говорим, что отечество земное наше – Русь православная... Так же прямо и безбоязненно исповедуй, что ты веруешь и в другое Отечество – Небесное и ходишь под покровом Господа, Иже на небесех. Но этого еще мало для того, чтобы быть истинным исповедником Иисуса Христа. Он Сам в другом месте сказал: *Не всякий говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7, 21). Значит, мало для Господа исповедания устного – Он ждет от нас и исповедания на деле, чтобы все наши поступки были согласны с Его волею, чтобы мы так же открыто и смело на деле являли себя везде и всегда христианами. Судите сами: вот если бы у кого-либо из вас был такой сын, который на словах бы ублажал своего отца, а делами оскорблял, не сказал бы ему отец его: «Сын мой! мало мне речей твоих ласковых, докажи самим делом, что ты любишь меня!» Так и мы говорим: «Мы

народ православный, мы не евреи и не татары»; а надобно на деле показать, что мы народ православный, просвещенный светом Христова Евангелия. Живой для нас пример в этом случае – святые исповедники Христовы. Они жили давно, в те века, когда еще Церковь Христова была гонима от императоров-язычников. Эти императоры-язычники везде отыскивали христиан и приводили их на свои судилища. «Кто ты, – спрашивали они у христианина, – как тебя звать?» «Я – христианин», – мужественно отвечал святой поборник веры Христовой и бесстрашно шел на самые жестокие пытки и смерть за свою веру православную. Вот что значит быть исповедником Христовым.

Исповедую того *и Я пред Отцем Моим Небесным.* Вот какую награду обещает Господь Своим исповедникам. Он Сам пред Отцем Своим Небесным будет свидетельствовать о любви к Нему исповедников. За любовь Он обещает любовь, за наше исповедание земное – Свое исповедание небесное. Если в земной жизни вы иногда говорите: «Обо мне ты можешь у любого спросить, всякий скажет, что я человек честный»; если иной слуга с гордостью показывает письменное одобрение, выданное ему от хозяина, то не тем ли более следует нам искать и желать свидетельства о нас небесного, свидетельства Иисуса Христа о наших добродетелях перед Отцем Его, Иже на небесех? И если мы верим обещаниям людским, то можем ли сомневаться в обещании Господа? *Где Я,* говорил Он, *там и слуга мой будет* (см.: Ин. 14, 3): *иду приготовить вам обители* (ср.: Ин. 14, 2). Вот почему никогда не следует падать духом, если за добро нам воздают злом, за правду неправдой, за любовь злобой. Помни только всегда, что у нас на небе есть неложный Свидетель нашего добра, Который все видит, все слышит, что Он приготовил любящим Его блаженные обители. На Него уповали святые мученики, проливавшие свою кровь во имя Его, и Он им чудно помогал во время их страданий. Вспомните страдания святого великомученика Пантелеймона. Его бросили на съедение диким зверям, но они припали к ногам его; бросили его в море – он ходил по нему, как по суше. Святому мученику Вонифатию мучители влили в горло расплавленное олово, но святой остался невредим; его же бросили в котел с кипящей смолой, но и из него он вышел здравым. Так еще на земле Господь прославляет Своих исповедников: какая же радость ожидает их в Царстве Небесном?

Но как можно исповедовать Господа словом и делом, так можно словом и делом отвергаться Его. Если кто живет не по заповедям, у кого не сходит с уст бранное слово, кто без меры упивается вином, вносит раздор в семью, гонит от окон своих нищего, притесняет сирых, то все эти люди

отвергают Христа, и Он отвергнет их пред Отцем Своим Небесным. Но подумайте: что может быть прискорбнее этого? Если горько бывает человеку, хотя и преступнику, когда его отвергают от себя все люди и изгоняют закованного в Сибирь и даже далее, то не в тысячу ли раз более горько будет нам, когда от нас отречется Господь Иисус Христос? Что мы будем чувствовать, когда услышим Его грозный голос: *идите от Мене, проклятии, во огнь вечный* (Мф. 25,41)? И будем мы стоять пред Судией Господом, мучимые совестью, имея пред очами нашими все зло, нами содеянное, все до мелочей. Вот случился пожар от поджога, тогда обнаружится, кто поджигатель; вот пропажа в церкви, тогда обнаружится вор; вот за деньги, на горе невинному, человек принял ложную присягу, тогда и это обнаружится; и обнаружится всякое зло пред всем миром на стыд наш. И закроются тогда для нас двери райские, а муки адовы примут нас к себе. Постараемся же исправить жизнь, пока приговор не произнесен и врата вечные не закрылись за нами.

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня (Мф. 10, 37).

Вот еще какую заповедь дает Господь. Для нас Он должен быть дороже самого дорогого сердцу нашему: детей, жен, родителей. Люби Его более, нежели ты любишь свою семью, думай о Нем более, нежели о своей семье, покоряйся Его законам более, нежели ты покоряешься чувству родительской и родственной любви. Послушайте, как исполняли эту заповедь люди святые.

Вам, вероятно, известно, что в Киевской Лавре почивают мощи преподобного Феодосия, игумена. Когда этот святой был еще отроком, он и тогда уже возлюбил Бога более всего в мире. Мать горячо любила его, шила ему красивые одежды, старалась кормить лучшими кушаньями. Но он, к огорчению матери, раздавал одежды нищим, постился и носил вериги. Напрасно она уговаривала его водиться и играть со сверстниками – он знал только дорогу в церковь. Несколько раз он, к ужасу матери, пропадал из дому, уходя со странниками в монастыри. Но мать отыскивала его и возвращала. Наконец, он постригся в Киево-Печерском монастыре. Мать и здесь его нашла и долго умоляла воротиться домой, но святой отказался даже повидаться с ней, возлюбя Христа более ее.

Вы подумаете: да ведь это святой мог так победить себя, где нам так стоять? Но ведь и святые были такие же люди, как и мы: они имели то же немощное тело, более нашего терпели искушения сатаны и даже иногда впадали в прегрешения, как и мы, грешные, впадаем. Например,

преподобный Еразм, тоже угодник Божий из Киева, был прежде купцом, потом поступил в монастырь и отдал все свои сокровища на украшение монастырского храма. Но диавол стал внушать ему, что без пользы он истратил свои богатства, лучше бы было раздать их нищим. Еразм впал в тоску и даже сильно захворал. Но Господь смиловался над ним: во сне ему явились преподобные Антоний и Феодосии и Пресвятая Богородица и уверили его, что не даром им употреблены богатства, но на пользу душевную. Так, видите, что и святые падали, как и мы, но только они плакали о грехах своих и не пребывали в равнодушии, как мы; и Бог, видя их скорбь и покаяние, являл на них силу Свою. Поэтому не следует так говорить: «То были люди святые, где нам до них». Это уныние, которое внушает нам диавол. Нет, и мы, при помощи Божией, многое можем совершить.

Не давай сердцу своему охладевать, борись с искушениями диавола, призывай Господа на помощь, чаще очищай себя от грехов исповедью и питай свою душу Телом и Кровию Христовой, – и тогда ты будешь подражателем святых.

Преподобный Феодосии любовь ко Христу поставил выше любви к матери. И в нашей жизни часто бывают случаи, когда мы должны руководствоваться его примером. Укажу вам прежде всего на случай обыденный, о котором вроде бы и думать нечего. Вот твои дети, играя на улице, поссорились с детьми твоего соседа. Не случалось ли тебе, отцу, или тебе, матери, не разобрав дела, прямо напуститься на соседских детей, сгоряча обругать их, а пожалуй, и их родителей: вот, мол, каких растят сорванцов и т. д. Что из этого может выйти? Ссора между вами, родителями. Но если ты хочешь поступить по-христиански, то спокойно примири детей, разбери их ссору и, если твои дети виноваты, научи их, вели попросить у обиженных прощения, взыщи с них. Это не будет ни для тебя, ни для них унижением, а будет только справедливостью, исполнением закона Божия, и ты, по заповеди Христа, любовь к Нему предпочтешь любви к детям. Вы, может быть, подумаете, что это мелочь, не стоящая внимания; но подумайте и о том, что всегда и во всем потакать детям значит развращать их; во-вторых, при подобных случаях часто возникают ссоры между родителями; в-третьих, из таких мелочей и образуется вся наша жизнь.

Вы, я думаю, видели, как нанизывают на нитки бисер: маленькие бисеринки одна за другой нанизываются на нитку, и получается большое ожерелье. Так в бесчисленных мелких случаях проходит день за днем наша жизнь, и блажен тот, кто во всех мелочах следит за своей душой.

Но также нередки случаи и более крупные, когда любовь к Богу следует ставить выше родственной любви. Твой отец, брат или другой близкий родственник впал, по человеческой слабости, в преступление и просит тебя быть свидетелем, что он невинен, или если он продает неопытному человеку какую-либо вещь и просит тебя похвалить ее; да мало ли подобных случаев в жизни! Не будьте же пособниками греха и обмана. Помните, что Сын Божий возлюбил нас до того, что Себя не пощадил для нашего спасения, но зато Он требует и от нас любви всецелой – всей душой и всем помышлением.

И кто не берет креста своего, и следует за Мною, тот не достоин Меня (Мф. 10, 38).

Быть исповедником Христовым – значит словом и делом везде являть себя исполнителем Его закона, значит любить Его более всего в мире, но это часто бывает тяжело и прискорбно. Эти-то скорби, всегда нераздельные с добродетельной жизнью, Господь и сравнивает с крестом, который несет на себе человек. Во время жизни Иисуса Христа злодеев распинали на крестах. Со злодеями был распят и Сам Христос. Крест был тогда позорным орудием, и нести его было и позорно, и тяжело, так как кресты делались очень тяжелыми. Для последователя Иисуса Христа надобно победить любовь к самому себе, иногда – любовь к семейству, родителям, детям; для христианина не редкость – нажить неприязнь соседей, целого общества; или опустить явную выгоду, даже иногда целое богатство, которое так бы легко было приобрести неправым путем; насмешки, укоризны, преследования – все надобно вынести, сдержать на своих плечах этот скорбный крест, чтобы остаться исповедником Христовым.

Но каков Учитель, таковы должны быть и ученики. Иисус Христос, не повинный ни в одном грехе, претерпел ради нас оплевание, биение, заушение, распятие на Кресте. И мы, Его последователи, должны также мужественно терпеть скорби временные за имя Его. *Многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Но хватит ли сил вынести эти скорби? – спросите вы. Братья, всякое искушение Господь посылает по мере сил наших, ибо *Он долготерпелив и многомилостив* (ср.: Пс. 144, 8). Он не желает, чтобы посланная Им скорбь сокрушила силы человека, как молот сокрушает стекло, но чтобы человек, перенося скорби, креп в любви к Богу, как крепнет железо, когда его куют. И, побеждая искушения, мужественно перенося скорби, мы будем все более и более находить их легкими и оправдаем на себе слова Господа: *иго Мое благо и бремя Мое лето* (Мф. 11, 30). Вспомните историю праведного Иова.

Первоначально Господь поразил его отнятием одной части имущества: разбойники угнали его волов и ослов. Иов мужественно перенес это лишение. Потом последовали другие лишения: погибли овцы, верблюды; Иов и это перенес. Потом погибли дети его, Иов и теперь не возроптал на Бога. Наконец, жестокая болезнь поразила его тело, и тут же подруга его жизни, его жена, пала духом, оставив его одиноким в этой борьбе с горем. Иов и теперь остался непоколебим в своей любви к Богу. То же бывает и в нашей жизни; глядишь, пойдет беда на человека: то пожар, то неурожай, то воры обидят. Но не падай духом: это рука Божия. Бог, следовательно, видит, что ты все это можешь вынести: иначе праведный Господь так и не испытывал бы тебя, а послал искушение по силам твоим.

Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?

Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых (Мф. 19, 27–28).

До сих пор мы все говорили о том, что Господь требует от нас; теперь Он указывает ту награду, которую мы получим, если будем Его исповедниками. Об этой награде Его спросил апостол Петр, потому Господь говорит прежде о награде им, апостолам. Он обещает им великую славу и честь: когда Он придет судить мир, тогда и они вместе с Ним будут судиями вселенной. Великая награда, но и великие труды понесли святые апостолы! Когда Господь их призывал, он не обещал им никакой радости земной: ни богатства, ни чести людской, ни покоя, но труды, скорби, гонения, мучения и смерть. *В мире скорбны будете* (Ин. 16, 33), говорил Он им, *если Меня гнали, будут гнать и вас* (Ин. 15, 20). *Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Ин. 16, 2). Но апостолы не устрашились мира, всё оставили, ибо возлюбили Христа более своих жен и детей, пошли за Ним и мужественно потерпели во имя Его все скорби и гонения. Как им, так и нам будет великая награда на небесах, если мы пойдем по их стопам. Послушайте, что говорит Господь далее.

И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную (Мф. 19, 29).

Вероятно, вы подумаете, что, судя по этим словам Господа, спастись можно только в монастыре, отрекшись от всего: семейства, имущества, даже знакомства и т. п. Но так думать не следует. Путь в Царство Небесное

один, но всякий идет по нему по-своему. Можно исполнить эти слова Господа, живя в миру, в семье, владея имуществом. Всякий из нас берется только за ту работу, которую он в состоянии исполнить. Так и в жизни духовной: принимай на себя только те труды и обеты, которые тебе по силам, так и Господь учит: не все вмещают слово сие, *могий вместити, да вместит* (Мф. 19, 12), т. е. кто сознает себя настолько крепким духом, чтобы вынести все труды жизни безбрачной, тот прими на себя этот обет, с не могущего же это не взыщется. Живи в мире, в семье, приобретай имущество, но только не подражай тем людям, которые за всем этим забывают Бога. Есть такие люди, которые не знают ни постов, ни праздников; есть такие, которые, когда ударяют в колокол к Литургии, идут и едут на работу. Но ты ставь закон Божий выше всего: не заботься об излишнем приобретении, Господь и птиц питает; люби Бога, как ранее говорили, более жены и детей; посещай чаще храм Божий, читай чаще Святое Евангелие, не жалей милостыни нищим, очищая душу покаянием, питай ее Телом и Кровию Христовой, и ты исполнишь слова Господа тем, что предпочтешь любовь к Нему любви к миру. Везде можно спастись и везде погибнуть. Давид спасся на престоле царском, Иуда был апостол и – погиб. Великомученик Георгий Победоносец, мученик Иоанн Воин были воины, святые Владимир, Борис и Глеб были князья, праведный Филарет Милостивый был землепашец – все они были миряне и спаслись. Святой преподобный Макарий Египетский был великий пустынник и угодник Божий, но однажды ему Господь сказал, что две женщины, живущие в миру, выше его по добродетели. Макарий пошел к ним, чтобы научиться от них. Найдя их, он спросил, какие они совершают добрые дела, что так угодили Богу? Они отвечали ему, что они, две снохи, желали бы идти в монастырь, но мужья не пускают их, и они решили до смерти своей служить им, и что они никогда не ссорятся и не пустословят. Так, и живя в миру, можно быть великим подвижником.

Многие же будут первые последними, и последние первыми (Мф. 19, 30).

Во сто крат получим мы на небе за терпение на земле, и эта награда дана будет всем без различия исполнителям закона Христова. На земле есть богатые и бедные, знатные и простолюдины, ученые и не ученые. Но за гробом есть только праведные и грешные. Там богач, которому все льстили на земле, идет в ад; презираемый же на земле нищий радуется в Царстве Небесном. Поистине ничего мы туда не принесем, кроме совершенного нами добра и зла.

Вот путь, который ведет в Царство Небесное. Будь везде и всегда

христианином не по имени только, но и на деле – и ты спасешься. Истинный же христианин любит Бога более всего в мире и радостно несет крест Христов; звание не спасает, спасает одна только жизнь добродетельная, которая на небе вознаградится сторицею всем праведным без различия. Дай же Бог, чтобы и для нас не затворились двери Его славного Царствия.

Любовь родителей к своим детям через любовь к Богу

Иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37). Родительская любовь к детям, часто без желания со стороны отца и матери и незаметно для них самих, теряет христианские свойства. Пользуясь правами законной любви к детям, она в то же время становится враждою на Бога и святой закон Его, а родителей-христиан с такими чувствами к детям делает недостойными и лукавыми рабами Господа нашего Иисуса Христа. Любить сына и по природной привязанности к нему не обращать внимания на то, кто растет и крепнет под покровом отеческой любви – человек честный или развратный, верный слуга отечеству или буйный крамольник и враг всякого порядка, истинный христианин или человек без веры и добрых убеждений, поборник Евангелия и правды или изменник веры и предатель истины, – ужели это любовь, достойная отца-христианина; любовь, которую внушает ему долг христианского отца и прямой закон Евангелия? Нет, это значит любить в своем сыне только плоть и кровь, а не любить его души и жизни разумной; это любовь животная, а не человеческая, тем более не христианская, которая действует по духу любви Христовой и по Евангельскому закону; эта любовь противна любви к Господу и требованиям святого закона Его; эта любовь – вражда на Бога. Среди проявлений такой отеческой любви, для ее обличения и вразумления, отрадно встретиться в истории древних христиан с примерами истинной любви к детям их родителей, которые с самоотвержением жертвовали всякой любовью к детям ради любви к Господу и святой вере Его, как скоро первая становилась преступной пред обязанностями последней.

Вот один из таких примеров. Вероотступничество римского императора Юлиана имело многих последователей из христиан, не твердых в вере и малодушных. Одним из таких последователей вероотступника был юноша, сын знатного гражданина города Берии, высокопоставленного государственного сановника, благочестивого и преданного вере христианина. Когда сын открыл ему свое неверие и свое падение, благочестивый отец ради Иисуса Христа не пощадил ни чести, ни имени своего сына, ни своей любви к нему: он лишил его всех прав на наследство и публично отрекся от него.

Предприимчивый юноша отправился к богоотступнику-повелителю искать у него покровительства, защиты пред отцом, награды и чести за свое отречение от христианства в угоду царю, врагу и гонителю имени

Христова. Юлиан, мечтавший весь мир обратить к древнему, терпящему тогда поражение языческому идолослужению, весьма доволен был всякими примерами вероотступничества и не жалел наград и милостей для умножения числа подобных себе нечестивцев; он обласкал юношу, успокоил его и обещал своим посредничеством возвратить ему расположение отца и права на наследство.

Прибыв в Берию, Юлиан пригласил к своему столу в числе многих знаменитых граждан города и благочестивого отца с вероотступником-сыном. За столом Юлиан обратился к отцу отверженного сына с такими словами: «Мне кажется, несправедливо было бы проявлять насилие к людям с иным настроением мыслей и, против воли человека, склонять его к своим мыслям. Итак, не принуждай сына следовать своему учению, когда он не хочет этого. Ведь я не принуждаю же тебя следовать моему, хотя и очень легко мог бы принудить к этому!» «Ты, царь, говоришь об этом беззаконнике, который истине предпочел ложь?» – отвечал благочестивый отец в негодовании на богоотступника-сына.

В ответе христолюбивого отца было столько непобедимой ревности в защиту святой веры Христовой и вместе столько неустрашимого негодования на богоотступничество сына, находящегося под покровительством такого же царя, что сей изменник вере и совести не нашел в себе обычной дерзости, чтобы защищать ложь против истины. Чувствуя себя бессильным против святой ревности защитника христианства, Юлиан принял вид притворной кротости и, обращая дело в шутку, сказал юноше: «Я сам позабочусь о тебе, когда не мог склонить на это твоего отца».

Действительно, отец юного богоотступника не изменил своего праведного гнева на беззаконного сына; на него не действовали ни ласки, ни угрозы нечестивого царя; для него не было ничего страшнее приговора Господа Иисуса: *иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин.*

Во всяком звании можно угодить Богу

Многие, и особенно из простых людей, жалуются на то, что при их занятиях нельзя угодить Богу. Несправедлива подобная жалоба! Господь Бог, по Своей беспредельной милости, всех зовет ко спасению, лишь бы было только стремление к тому с нашей стороны. И много примеров подобного рода содержится в житиях святых.

Вероятно, многим известны святые бессребреники мученики Флор и Лавр, которые жили в IV веке. Они были простыми каменщиками, но это звание не помешало им вести жизнь благочестивую и приносить пользу людям. И Господь наградил братьев-тружеников даром чудотворения. В соседней с ними области вздумали выстроить величественный языческий храм, и начальник области послал туда для работы святых Флора и Лавра, потому что они оба были всем известны как лучшие мастера своего дела. И вот, когда они занимались обтесыванием камней, к ним подошел сын главного языческого жреца – неожиданно ему в глаз попал отлетевший осколок камня. Ушиб был так силен, что угрожал мальчику лишением глаза. На гневный крик и укоризны родителя этого мальчика святые спокойно отвечали, что они исцелят глаз невинного ребенка, если отец согласится отпустить его с ними на некоторое время. С согласия родителя святые взяли мальчика в свою убогую хижину, всю ночь молились о нем Господу и наставляли его в вере Христовой, а к утру ознаменовали его крестным знамением. После этого глаз ребенка тотчас открылся и стал видеть по-прежнему. Чудо это так подействовало на жреца, что он со всем своим домом уверовал в Единого истинного Бога и присоединился к Православной Церкви. За свои чудеса и добродетельную жизнь святые бессребреники Флор и Лавр сподобились мученичества – их бросили в безводный колодец и засыпали землей. Спустя много лет тела святых мучеников обрели нетленными и перенесли в Константинополь. Господь даровал их мощам целительную силу.

А вот еще один чудный человек – преподобный Марк Печерский! Самое поразительное в нем – простота его подвига. Он не вел высокой созерцательной жизни. Занятие его было очень обыкновенное: он копал землю. Живя в пещере, Марк своими руками выкопал много пещер и на своих плечах носил землю, день и ночь трудясь для Господа. Он выкопал много могил для погребения братии и не брал за то мзды, разве если кто сам подавал что-нибудь, да и это раздавал бедным. Так трудясь, Марк достиг высокого духовного совершенства, какого достигают немногие. Это

самый убедительный пример того, как при всяком труде телесном душа может усовершаться духовно, если дух работает Господу, прогоняет от души все нечистое, наполняет ее мыслями и воздыханиями святыми, строго храня ее смирением и кротостью.

Один святой для вернейшего получения Царства Небесного пошел в каменщики. Вот что знаем мы о нем из жития преподобного Ефрема, правителя города Антиохии. Ему поручено было восстановить город после землетрясения. Приглашено было много народа – работа шла дружно, но из всех поденщиков обращал на себя внимание один: одежда у него была самая изношенная, лицо исхудалое, работал он усерднее всех.

Однажды преподобному Ефрему было видение, будто над этим поденщиком во время его сна поднимается огненный столб. Удивленный этим видением, блаженный Ефрем обратился к чудному работнику с вопросом, кто он, из какого города и как имя ему. Тот отвечал: «Я бедный житель Антиохии и живу поденной работой». Не веря словам его, святой Ефрем побуждал его открыть себя. «Верь мне, – говорил правитель, – не отпущу тебя, пока не откроешь мне всей правды». Мнимый работник, не имея возможности долее скрывать себя, сказал: «Я был епископ, но ради Господа оставил епископство и прибыл сюда, в незнакомую страну, где работаю и от труда своего добываю себе насущное пропитание».

Эти примеры ясно говорят, что никакое звание – будь только оно честное – не мешает угождать Богу. Поэтому напрасна отговорка, что при тяжелых трудах нельзя угодить Богу. Напротив, при таких трудах легче спастись, чем погибнуть. Труд – великое и благое дело; труд – счастье, а безделье – несчастье для человека. «Нет ничего, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – поистине ничего нет в делах человеческих, чего не губила бы праздность, ибо и вода, если стоит, повреждается, если же течет, то сохраняет свое свойство; и железо, если остается без употребления, покрывается ржавчиной, а когда из него что-либо выковывается, приносит пользу и блестит, как серебро». Недаром ведь говорится: «Бог труды любит». Спрашивается, почему Бог любит труды? А потому, конечно, что труд ведет к добру и счастью, а праздность – мать всех пороков – губит человека и делает его несчастным. Апостол Павел говорит, что, *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2Фес. 3, 10). Но, трудясь, проси у Него успеха в твоем предприятии, а при окончании его опять благодари Творца и Благодетеля Бога, потому что от Него исходит всякий дар совершенный и всякое даяние благое. Освободился ты от занятия – наступил, например, воскресный или праздничный день – иди в храм Божий: здесь ты получишь и освящение, и просвещение своей души. И, придя домой, не

предавайся разгулу, пьянству, не производи ссоры, а тем более драки. А для того чтобы тебе не было скучно, почитай какую-либо душеполезную книгу. Проведя так время, ты на следующий день встанешь с обновленными силами и легко примешься за свой прежний труд. Разве при таком образе жизни нельзя угодить Богу? Конечно, можно: живые доказательства тому – праведные наши святые.

Поэтому никакое звание, как бы оно ни было незначительно, не воспрепятствует нам угождать Богу, если в душе нашей будет к тому желание. Следуйте заповеди Апостола Христова: *каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал (*I Кор. 7, 17).

К святости призваны все христиане

Если бы гражданину или поселянину сказали: делай то и то, будь приближенным царя, который дает тебе право на это преимущество и призывает тебя к нему, – с какой охотой, с каким жаром принялся бы он за требуемые от него дела, хотя бы подвиг был не легок и труд не краток. Но вот провозвестник воли Царя Небесного нам, и в самой малой степени недостойным гражданства в сем Царстве, говорит: *святи будите* – будьте святы нравственно, и потом будете блаженны; живите благочестиво и добродетельно, и будете приближенными Царя Небесного, Который позволяет вам не только приближаться к Нему, но и пребывать в Нем, и Сам хочет не только приближаться к вам, но и жить в вас. Что же? Как приемлется это призвание? Все ли, по крайней мере, многие ли следуют ему с готовностью, с горячим усердием, неослабной ревностью, полной самоотдачей? Не чаще ли мы думаем и говорим: «Где нам быть святыми? Мы люди грешные; довольно, если как-нибудь спасемся покаянием».

«Где нам быть святыми?» Но подумали ли мы, чем же мы будем и что будет с нами, если не станем подвизаться, чтобы сделаться святыми? Есть высшие степени святости, на которых сияют особенно избранные и облагодатствованные души: но святость вообще не есть только частное между христианами отличие, которое похвально иметь некоторым и без которого легко могут обойтись другие. По учению апостольскому, каждый, кто призван Богом святым к Царствию Божию, иначе сказать, каждый христианин в самом призвании этом и в мысли о призвавшем его Боге должен находить для себя закон, обязанность и побуждение, чтобы ему непременно быть или сделаться святым. *По звавшему вы святому, и сами святи во всем житии будите, зоне писано есть: святи будите, яко Аз свят есмь* (1Пет. 1, 15–16). Если же вы живете без старания и без надежды быть святыми, то живете не *по звавшему* вас *святому*, не соответствуете достоинству званных Богом и сынов Завета Божия, – вы христиане по имени только. К чему ведет такая жизнь, можно усмотреть из другого апостольского изречения: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никто же узрит Господа* (Евр. 12, 14). Яснее: имейте мир со всеми, имейте святость: а без мира и без святости никто не увидит Господа, т. е. не достигнет вечного блаженства.

Итак, если мы небрежно и беспечно думаем, что нам не быть святыми, то мы сами себе пишем приговор не узреть Господа, быть чуждыми вечного блаженства.

«Мы люди грешные», – говорят. Кажется, эта истина неоспорима. Ибо, напротив того, *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас* (1Ин. 1, 8). Но если мы называем себя грешниками без сокрушения сердца, без отвращения от греха, с беспечностью, лукаво подразумевая, что в том же должны признаться и все прочие, и, следовательно, нам и не стыдно признаваться, и не опасно после признания оставаться такими же, какими были до признания, – такое признание греховности, конечно, не поведет к святости. И в этом случае, даже говоря истину, что мы грешны, мы себя прельщаем, так как нет истины в нашем сердце и в нашей жизни, хотя и устами мы признаем свою греховность. *Верно слово и всякого приятия достойно, яко Христос Иисус прииде в мир грешники спасти* (1Тим. 1, 15). Но мы обманываемся, если думаем, что спасемся, оставаясь такими грешниками. Спасает Христос грешников тем, что дает им средство сделаться святыми.

«Как-нибудь спасемся покаянием», – говорят. Да, покаяние принадлежит к числу средств спасения, которые преподает Христос грешникам, когда проповедует: *покайтеся и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15). Но если мы думаем как-нибудь покаяться, как-нибудь спастись, то слишком легко судим о деле высокой важности. Угодит ли раб господину, если будет делать его дело как-нибудь, а не как можно лучше? Конечно, не угодит. Тем более не угодит человек Богу, если только как-нибудь будет делать *дело Божие*, каково есть дело нашего спасения. Притом совершенный учитель покаяния, Иоанн Креститель, говорит, что истинное покаяние требует чего-то еще вслед за собою. *Сотворите*, говорит, *плод достоин покаяния* (Мф. 3, 8). Покаяние очищает землю сердца от терния, возделывает, умягчает; вера всевает в нее семя небесное; возрастание этого нового растения есть соблюдение заповедей и делание добра; цвет его – духовное внутреннее просвещение, а зрелый, совершенный плод – святость. Надобно, чтобы пшеница достигла зрелости, дабы она внесена была в житницу. Надобно, чтобы человек достиг святости, дабы он введен был в Царство Небесное.

Поистине, если бы человеческими только, естественными силами надлежало нам достигать святости, то справедливо было бы отозваться, что это выше нашей возможности. Но когда для сего имеем Божию благодать предваряющую, просвещающую, укрепляющую, содействующую, охраняющую, – никто не должен терять надежды достигнуть того, к чему *Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа... избрал нас в Нем прежде сложения мира.* А Он избрал нас, *чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви* (Еф. 1, 3–4).

Примеры заступничества святых

Кто из вас, православные христиане, сомневается в том, что святые Божий могут испросить у Бога нам, грешным, тот или другой дар?! Вот определение Восточной Церкви: «Мы призываем святых в посредничество между Богом и нами, чтобы они молили Его за нас. Мы призываем их не как богов каких, но как другое Его, которые служат Ему, славословят Его и поклоняются Ему. Мы требуем помощи их не потому, чтобы они могли помогать нам собственной силой, но поелику ходатайством своим они испрашивают нам от Бога благодать... Хотя святые сами по себе не познают и не разумеют молитв наших, но познают и слышат по откровению Божию... Итак, справедливо мы почитаем их и испрашиваем чрез них помощь у Бога... Мы не воздаем им божеской чести, но молим их, как братьев и другое наших, чтобы испрашивали нам, братиям своим, помощь у Бога и ходатайствовали за нас пред Богом»[1]. И не напрасны бывают иногда наши моления святым Божиим. Вот тому примеры.

В житии святого апостола Варфоломея упоминается о том, что преподобный Иосиф Песнописец особо чтил память апостола Варфоломея: он приобрел часть его мощей, построил в своей обители церковь во имя сего апостола и мощи положил в новосозданном храме. Он нередко сподоблялся видеть во сне апостола. Преподобному Иосифу хотелось украсить празднество апостолу особенными песнями, но он не знал, угодно ли это будет святому Варфоломею; и вот он стал усердно молиться Богу и апостолу, дабы подано было ему известие о том. Прошло сорок дней усердной и слезной молитвы преподобного, и в навечерие праздника святого Варфоломея преподобный Иосиф увидел его в алтаре, одеянного в белые ризы; Апостол отдернул алтарную завесу и подозвал преподобного Иосифа. Когда тот подошел, святой Варфоломей взял с престола Евангелие, положил его на грудь Иосифа и сказал: «Да благословит тебя десница Всесильного Бога, и да истекут на язык твой воды Небесной Премудрости, да будет сердце твое седалищем Святаго Духа, пения же твоя да усладят вселенную!» Сказав это, Апостол стал невидим; преподобный же Иосиф, исполненный неизреченной радости, начал составлять церковные песни и каноны. Он не только составил каноны в честь святого апостола Варфоломея, но и в честь Богородицы, святителя Николая и других святых, за что и получил звание «Песнописца».

А вот пример из жизни преподобного Феодора Сикеота. Однажды этому святому пришлось впасть в тяжкую болезнь, так что он отчаялся в

жизни: он видел уже святых Ангелов, пришедших за его душою; поэтому он плакал и рыдал, считая себя неприготовленным к смерти. Над головой же преподобного висела икона святых бессребреников Космы и Дамиана. Те явились ему во сне и, осязав его пульс, долго разговаривали между собой, как бы не ручаясь за благоприятный исход болезни преподобного. Потом бессребреники спросили у больного: «О чем ты, брат, плачешь и скорбишь?» «А о том, – отвечал преподобный, – что я не покаялся Богу и не устроил вполне стадо свое». Тогда святые врачи спросили его: «Хочешь ли, мы умолим за тебя Бога, да продолжит Он тебе время жизни?» Больной отвечал: «Если вы это сотворите, то многих благ будете виновники и приобрящете мзду за мое покаяние». Святые бессребреники, обратившись к Ангелам, попросили их подождать немного, пока они сходят к Царю и Богу и умолят Его о Феодоре. Ангелы обещали подождать, а святые Косма и Дамиан пошли ко Всесильному Царю Христу Богу и умолили Его о приложении лет жизни преподобному Феодору, и скоро возвратились, имея посреди себя юношу, подобного Ангелам, но гораздо светлейшего их. Этот юноша сказал Ангелам: «Оставьте Феодора в живых: о нем умолен общий всех Владыка и Царь Славы». И тотчас святые Ангелы с пресветлым тем юношей отошли на небо, а святые бессребреники Косма и Дамиан сказали Феодору: «Встань, брат, и внимай себе и стаду своему, ибо Благий и Милостивый Владыка наш принял наши молитвы о тебе». Преподобный встал с одра, а святые бессребреники стали невидимы.

Наконец, кто из нас не знает и не чтит святителя Николая Чудотворца, нашего усердного молитвенника и превеликого в бедах заступника? Сколько раз он являлся к просящим у него помощи то в сонном видении, то наяву. Вот, например, был такой случай. Один греческий воевода, по имени Петр, попал однажды в плен к сарацинам и заключен был в темницу. Здесь он роптал не столько на горькую участь свою, сколько на самого себя. «Был со мной, – говорил он, – подобный случай, и я просил святителя Николая избавить меня от врагов, обещая принять в Риме иночество. Он исполнил мою просьбу: избавил меня от плена, а я, неблагодарный, забыл свое обещание, и вот за это страдаю здесь. Но, угодниче Христов! Спаси меня, и я непременно исполню свое обещание!» Святитель Николай явился ему во сне и сказал: «Я услышал твою молитву, но Бог еще отлагает твое избавление. Впрочем, ты не унывай и не переставай молиться: *толцыте*, сказано, *и отверзется вам*».

Спустя несколько времени угодник Божий опять является ему и говорит: «Я молил о тебе Бога, но не знаю, как Он благоволит. Впрочем, я укажу тебе достойнейшего молитвенника, это – Симеон Богоприимец.

Проси его беспрестанно: он силен пред Богом и вместе с Пресвятою Богородицею и святым Иоанном Крестителем стоит ближе всех к Престолу Божию».

Наконец, святитель Николай является ему уже наяву, и не один, а с праведным Симеоном, и оба говорят: «Мужайся, Петр, и призывай Господа в скорби». Потом взяли с него клятву, что он исполнит обещание; затем праведный Симеон прикоснулся посохом к оковам его, и они распались, вывел его из темницы, и Петр получил полную свободу. В то же время святитель Николай явился римскому первосвященнику, держа за руку Петра, рассказал историю его, велел постричь его в монашество и сделался невидимым. Когда Петр пришел к римскому первосвященнику, то последний тотчас узнал его и рассказал, что слышал о нем от самого святителя. Приняв иноческое звание, Петр в великих подвигах провел всю остальную жизнь на Афоне.

А вот что повествуется о преподобном Вассиане. В город Равенну, где жил угодник Божий, пришло от царя повеление казнить одного чиновника, по имени Вифимний, невинно оклеветанного; его тотчас взяли, заключили в оковы и привели на место казни. Не сознавая за собой никакой вины, Вифимний вспомнил угодника Божия Вассиана и, преклонив главу под секиру палача, молился: «Угодниче Божий! Благодатию, данной тебе от Бога, будь мне ныне помощником». И что же? Едва только палач поднял секиру, она вырвалась из рук и упала на землю. Утвердив в руках смертоносное орудие, исполнитель казни опять хотел ударить, но секира вторично выпала из его рук, и в третий раз случилось то же. Градоначальник, подозревая в этом намеренную измену своему долгу со стороны палача, призвал другого для совершения казни, но и у этого секира тоже троекратно вырывалась из рук. Народ, бывший свидетелем столь необычайного происшествия, признал в этом невидимое Божественное покровительство осужденному и потребовал его освобождения. Когда донесено было царю о случившемся, он приказал произвести строгое расследование виновности Вифимния, оказалось, что он стал жертвой клеветы. Царь велел его освободить и возвратить ему все его чины и достоинства. Вифимний всенародно прославил угодника Божиего Вассиана, молитвами которого был избавлен от напрасной смерти.

Итак, внимая с живой, сердечной верой всем этим сказаниям церковным о небесном предстательстве за нас угодников Божиих, всегда готовых помочь нам и утешить нас в скорбных обстояниях жизни нашей, возблагодарим Всемилостивого Бога, дающего нам, земнородным, чрез эти

посредничества святых возвышаться в дерзновении и силе нашей молитвы. «Господи! аще не быхом святые Твоя имели молитвенники и благостыню Твою милующую нас, како смели быхом, Спасе, пети Тя, Его же славословят непрестанно Ангели!» От множества грехов немощствует тело, немощствует и душа наша. Как тяжкие преступники, мы не смели бы поднять очей своих к Престолу Судии Бога, если бы нас не ободряла вера в ходатайство за нас святых, которые, будучи приближены к Богу как друзья Его и таинники благодати Его, имеют великую силу пред Царем Небесным. В то же время они могут вполне сострадать немощам нашим, будучи людьми подобострастными нам и испытавшими всю тяготу жизни в борьбе со грехом.

Не будем же охладевать в наших молитвах пред угодниками Божиими, особенно пред теми, имена коих мы носим и коим посвящены храмы в местах жительства нашего. *Много бо может молитва праведнаго поспешествуема* (Иак. 5, 16).

НЕДЕЛЯ 2-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Призвание Господом первых учеников

Увидев двух юношей-братьев – Симона, называемого Петром, и Андрея, закидывавших в море сети, Спаситель, как бы мимоходом, сказал им: *Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков* (Мф. 4, 19). Братья не стали расспрашивать своего Божественного Повелителя – кто Он, какой силой приказывает им, и куда поведет их за Собой, но тотчас оставили свои сети и последовали за Спасителем. Идя с ними далее, Иисус Христос увидел еще двух братьев – Иакова и Иоанна, сидевших вместе с отцом своим Зеведеем в лодке и занимавшихся починкой сетей. Презирающий сердца и утробы человеческие, Сын Божий призвал и этих юношей; и они тотчас же с полной готовностью откликнулись на призывающий их голос: оставили отца, лодку и сети и пошли за Иисусом.

Вот Евангельская история призвания к апостольскому служению первых учеников Спасителя. Как она проста и незамысловата, но на самом деле как поучительна для нас, христиан! «Посмотри, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – какова была вера и послушание призванных. Все эти четыре человека были люди небогатые, добывали себе пропитание рыбною ловлею и заняты были своим делом в то время, как мимо них проходил Спаситель. Однако все они, как только услышали призвание Спасителя, не замедлили, не отложили до другого времени, не сказали: вот мы сходим домой и посоветуемся с родственниками, но, оставив все, последовали за Ним в ту же минуту».

Не всякий ли из нас, исповедующих Бога и Христа, призван со дня своего крещения к последованию за Христом? Не всякий ли должен стремиться к небесной славе, по примеру Христовых апостолов, вслед за святыми угодниками Божиими, ублажаемыми Святой Церковью? Правда, мы не слышим из уст Самого Спасителя призывающего нас голоса, как это было с апостолами Петром и Андреем. Но этого удостоились люди, которым предназначено было уловить вселенную, собрать из народа стадо Христово. Для нас же вполне достаточно и того призыва, который мы слышим в переданных нам апостолами речах и словах Спасителя. Кто слушает в храме Божием чтение Евангелия, тот должен слушать его так, как будто говорит Сам Иисус Христос. Нужно помнить, что в церкви невидимо всегда присутствует между нами Сам Господь по непреложному Его обещанию: *где собраны будут двое или трое во имя Мое, там. Я посреди их* (ср.: Мф. 18, 20). Здесь, в церкви Божией, Божественный голос Христа раздается во всем: и в совершаемых пред нашими глазами

священнодействиях, и в чтении Божественных Писаний, и пении умилительных церковных песней, и в созерцании святых икон. Все это говорит нашему сердцу, чтобы мы оставили пристрастие к суете мирской, прилепились ко Христу и неотступно следовали за Ним, исполняя Его святую волю. Как же мы относимся к обращаемому к нам призыву Христа Спасителя? Следуем ли за Ним, нашим Искупителем, так поспешно и бесповоротно, как апостолы Петр, Андрей, Иаков и Иоанн? Большинство из нас, современных христиан, правда, с умилением и покорностью принимают божественный призыв ко спасению, но отлагают исполнение спасительных советов с часу на час, с года на год, на неопределенное время. Мирские удовольствия, житейские нужды и греховные привычки до того привязывают к себе наши сердца, что из-за них мы нередко как бы совсем забываем закон Христов, «и не еже бо хощем доброе творим, но еже не хощем злое, сие содеваем». Как часто из-за какого-либо мелочного и ничтожного дела многие решаются и службу Божию опустить, а иногда и ближнего обидеть. Размыслив обо всем этом, постараемся позаботиться об исправлении своей жизни, оставим свою обычную леность и нерадение в деле спасения, потщимся проложить себе путь к почестям горнего звания о Христе Иисусе. Господь хощет *всем человеком спастися и в разум истины прийти* (1Тим. 2, 4). Он стоит при дверях сердца каждого из нас и стучит, и если кто отверзет двери, входит к тому и вечеряет с ним (см.: Апок. 3, 20). Что другое, как не призыв Божий к покаянию, означают внезапно постигающие нас несчастья в этой жизни, страшные явления природы, случающиеся с нами по временам, нежданные милости или угрызения нашей совести? Посему, если кто услышит такой призыв или внутри себя, или откуда-либо со стороны, если кому придет мысль начать «жить по-Божьи», тот пусть немедленно приводит эту мысль в исполнение. Пусть не отлагает святой своей решимости ни под каким предлогом, ни на один день и час, но, *оставлъше* вся *абие*, следует за Христом. Не говори: вот поживу еще год для мира, вот устрою свои дела, а там и примусь за угождение Богу. Нет, как поступили Симон и Андрей, услышав призыв Спасителя, так должны поступать и мы. Они даже и сетей своих не прибрали, но просто бросили их, так и мы должны немедля расстаться со всем, что стоит помехой на пути ко спасению, отречься от мирских уз и удовольствий.

О послушании слову Христову

Чудный пример истинного послушания слову Божию показали нам апостолы Христовы. Однажды идет Иисус Христос по берегу моря Галилейского, и вот видит Он двух братьев, Симона и Андрея, закидывающих сети. «Идите за Мною, – говорит Он им, – и Я вас сделаю ловцами человеков». И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним. Идут далее, и видит Иисус Христос еще двух братьев, Иакова и Иоанна, они сидят в лодке с отцом своим и починяют сети. И их позвал. И они тотчас же, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним.

О, если бы и мы, христиане, были так же готовы к слушанию слова Божия и исполнению Евангельского закона! Но, к сожалению, как много мы приводим отговорок для того, чтобы не следовать за Христом, не исполнять Его Святого закона. Вот, например, наступает воскресный день или какой-нибудь праздник; раздается удар колокола, побуждающий нас оставить житейские дела и приглашающий идти в храм Божий на молитву. Что же? Слушаемся ли мы зова нашей Православной Церкви? К сожалению, не всегда и не все. «Заботы житейские одолевают нас, – говорят некоторые, – поэтому и некогда сходить в храм Божий». Какая неразумная заботливость о насущных потребностях! Разве мы не знаем, что успех в наших делах зависит от Бога?! Вот послушайте, что рассказывается в «Прологе». Жили два соседа, и оба – портные; у одного было много детей, да отец и мать – старики, а он без нужды кормил все семейство, причем каждый день и в церковь ходил. Сосед его был искуснее по работе и работал неустанно, даже в воскресные дни, а в церковь вовсе не ходил; однако и одного себя не мог прокормить. И вот позавидовал этот последний первому и раз говорит ему с досадой: «И откуда у тебя все берется? Я работаю больше тебя, а живу, как нищий...» Тот отвечал ему: «Я хожу каждый день в церковь и каждый раз нахожу на дороге по золотому, вот понемногу и разбогател. Хочешь, я буду заходить за тобой, и что найдем, будем делить пополам?» Сосед охотно согласился и стал ходить с ним в церковь. И Бог благословил его за это, и он скоро разбогател. Тогда говорит ему добрый сосед: «Видишь ли, братец, как полезно ходить в церковь Божию? Но поверь мне: никакого золота я не находил на дороге, а ходил в храм Божий просто потому, что ведь Сам Бог обещал: *Ищите прежде Царства Небесного, а все прочее вам приложится* (ср.: Мф. 6, 33). Сам видишь – я не солгал: и тебе Бог приложил за твое усердие к храму Божию».

«Дома помолюсь», – говорят некоторые. А знают ли такие, что одно «Господи помилуй», произнесенное в церкви с обществом верующих, стоит целой сотни земных поклонов домашней молитвы? Церковь постановила в праздники быть в храме Божием, и надобно ее слушаться, а не мудрствовать по-своему: «Дома помолюсь». Вот слушайте рассказ одного благочестивого воина о некоем купце. Он был человек добрый, рад, бывало, бедному последнюю копейку отдать. Но не любил ходить в церковь, хотя и был очень набожный человек. «Все равно, – так рассуждал он, – дома ли помолиться, или в церкви: Бог-то один. Во время службы что-нибудь сделаю, а вечером перед сном помолюсь получше». И идет, бывало, во время службы летом в поле посмотреть посевы и хлеба, а зимою кое-что по дому делает. Раз, в Петров день, пошел он в поле, а уж отзвонили ко всенощной. Вечер был прекрасный, как вдруг из-за леса надвинулась черная туча, полил дождь, грянул страшный гром и молния сверкнула в двух шагах от купца... На этот раз Бог помиловал его: он остался невредим. В другой раз во время обедни, в праздник Воздвижения Креста Господня, он зашел в лесную сторожку и едва успел затворить за собою дверь, как за ним в сенях рухнул потолок... И тут Господь сохранил его; но он не вразумился и по-прежнему не ходил в церковь, хотя приятель часто его уговаривал. Наконец, Господь наставил его на истинный путь. Наступил праздник Святой Троицы. Купец был в городе, где получил из банка свои трудовые денежки, чтобы переложить их в другой банк. Заблаговестили ко всенощной, а купец решил поехать домой. Знакомые его уговаривали: «Куда ты поедешь? Завтра праздник большой, сходил бы в церковь, помолился – спешить некуда». Но он не послушался. «Дома, – говорит, – помолюсь, а по холодку-то и ехать лучше». И поехал. Едет и поет божественное; между тем небо покрылось облаками, пошел дождь, стало темнеть.

Въехал он в лес, и вдруг кто-то ухватил его лошадь и закричал: «Стой!» От испуга он не мог и пошевельнуться. На него набросились несколько человек, стащили с телеги, а что дальше было – он ничего не помнит. Очнулся и видит, что уже светло – лошади нет, сам раздет, в нескольких местах течет кровь, а он не может и пальцем шевельнуть и чувствует, что его начинает трясти лихорадка. Вот тут-то купец и обратился к Богу с горячей покаянной молитвой: «Господи! Грешник я, не посещал Святого Твоего жилища; прости мне, Милосердый Отец, не дай умереть как псу!.. Буду, непременно буду ходить в церковь!» После этой молитвы он опять впал в беспамятство и очнулся уже в доме своего приятеля, который нашел его случайно. Полгода прохворал купец, но ни

разу не возроптал на Господа Бога; все молился и говорил: «Я этого не стою: слава Тебе, Господи!» А выздоровел – стал усердно в церковь ходить: пойдет еще до благовеста, а выйдет последним; стоит – молится, а у самого слезы так и льются. Прошел год, настал опять день Святой Троицы. Пошел купец ко всенощной и слезно, усердно молился, чтобы Господь пристроил его куда-нибудь: не все же на чужом хлебе жить. Приходит от всенощной, подают ему письмо. И от кого бы, думаете, это письмо было? От того, кто ограбил его год тому назад и оставил без куска хлеба. И пишет этот недобрый человек, что его совесть замучила, что он не может больше держать у себя его деньги и желает их возвратить сполна хозяину... Прочитал купец письмо, заплакал, упал на колени перед образом Спасителя и стал молиться... Деньги были ему возвращены, и он поправил свои дела. Нужно ли говорить, что после такой милости Божией купец стал еще усерднее к церкви Божией, к службе церковной.

Итак, христиане, слушайтесь же голоса своей Матери-Церкви: ходите в храм Божий!

Пастыри Церкви часто увещевают христиан оставить греховную жизнь и начать новую, согласно с Евангельским законом. Что же, слушаемся ли мы голоса их? К сожалению, или мало, или совсем не слушаемся. Но послушайте, как благотворно действует возвещаемое пастырями слово Божие на душу грешника. Слышали, может быть, про нашего русского святого, преподобного Никиту Столпника? Кто он раньше был? Он родился и воспитывался в городе Переяславле-Залесском, Владимирской губернии. Когда пришел он в совершенный возраст, то стал другом мытарей, с ними вместе хлопотал около судей и наносил много огорчений и обид людям невинным. Собирая неправедную мзду, этим кормил себя и жену. Так провел он много лет. Раз вошел он в церковь и услышал слова пророка Исайи: *измыйтеся, и чисти будите, отъимите лукавства от душ ваших* (Ис. 1, 16). Слова эти поразили его: целую ночь провел он без сна; неправды, как камень, лежали на сердце его. Наутро вышел он к приятелям своим и, чтобы развлечь себя, пригласил их к себе на вечер. Накупив нужное для угощения, он приказал жене готовить. Но та, когда стала варить, увидела сперва кровь поверх воды, потом то голову, то другую часть человеческого тела. В ужасе сказала она о том мужу. Тот пришел и увидел то же самое. «Горе мне, много согрешившему!» – воскликнул Никита и, не говоря более ни слова, вышел из дома и предался тяжким подвигам на столпе. *Слово Божие есть семя,* сказал Спаситель (ср.: Лк. 8, 11), а от семени, как в природе видимой, так и в природе души нашей, не тотчас является плод. Но рано или поздно глагол Божий, по

слову Святого Писания, *не останется тощ и бесплоден* (см.: Ин. 12, 24).

«Подождем еще следовать Евангельскому учению хоть годок, хоть денек, поживем еще для себя, а там уже и для Бога», – так говорят некоторые. Какое малодушие! Как будто бы через год или два легче будет расставаться со своими греховными привычками! Не наоборот ли, не гораздо ли труднее! Вот что рассказывает преподобный отец наш Дорофей. Один великий старец прохаживался с учениками своими на месте, где были различные кипарисы, большие и малые. Старец сказал одному из своих учеников: «Вырви этот кипарис». Кипарис же тот был мал, и брат тотчас одной рукой вырвал его. Потом старец показал ему на другой, больше первого, и сказал: «Вырви и этот». Брат раскачал его обеими руками и выдернул. И снова показал ему старец на еще больший кипарис, но брат, хотя много трудился и потел, однако не мог его вырвать. Тогда старец велел другому брату встать и помочь ему, и только оба вместе едва могли вырвать его. И сказал старец братьям: «Вот так и страсти или греховные влечения: пока они малы, то, если пожелаем, легко можем исторгнуть их из сердца; если же вознерадим о них, то они укрепляются, и чем больше, тем большего требуют от нас труда; а когда очень укрепятся в нас, тогда даже и с трудом мы не можем одни исторгнуть их из себя, ежели не получим помощи от некоторых святых, помогающих нам по Боге». Итак, христиане, не останавливайтесь ни перед чем, не оправдывайтесь и не откладывайте доброго начинания на неопределенное время. А лишь только услышите голос церкви или пастыря ее, зовущий вас на какое-либо доброе дело, тотчас же бросайте все и принимайтесь за дело вашего спасения, как это сделали апостолы Симон и Андрей, услышав призыв Спасителя.

Всякому доброму делу покровительствует сам Бог и его святые

«Без Бога ни до порога» – гласит старая пословица. Действительно, что мы, немощные, можем сделать без помощи Творца, Вседержителя и Промыслителя Бога?! Он – наш Творец, давший нам дыхание и жизнь; Он – наш Промыслитель, заботящийся обо всем, что нужно нам в жизни, и особенно о том, что ведет нас ко спасению. *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущий,* читаем в Слове Божием (Пс. 126, 1). Однажды апостолы Христовы ловили рыбу всю ночь, но улова не было. Пришел к ним Божественный Учитель и велел закинуть сеть... И в какой-нибудь час, или даже того меньше, улов оказался столь велик, что апостолы с трудом вытащили сеть, и от множества рыбы даже стала тонуть лодка. От чего зависел такой удачный улов? От благословения Божия. «Мы трудились всю ночь и ничего не поймали», – говорили апостолы Спасителю. Трудятся все, трудятся с усердием, но все слышатся жалобы на то, что труд их напрасен. Отчего это? А оттого, что труд их предпринят без благословения Божия.

Господь Бог любит всякое доброе начинание и, если обращаются к Нему с молитвой, покровительствует этому намерению. Обратимся к примеру из жизни святителя Петра, митрополита Московского.

Святитель был родом из Волыни. С семи лет его отдали в книжное научение; но, как ни старался юный ученик, успеха не было. Это сильно печалило его и родителей. Отрок стал усердно молиться Богу, прося дар премудрости. И вот однажды во сне Петр видит мужа в святительских одеждах, который, став близ него, сказал: «Чадо, открой уста твои!» Отрок исполнил приказание. Явившийся коснулся языка его и, благословив, как бы влил некоторую сладость в уста его. С тех пор юный Петр стал преуспевать в учении больше своих сверстников. Поступив на двадцатом году в иноки и пройдя все послушания, он стал митрополитом Московским. Им был основан Успенский собор, где и поныне нетленно почивают его мощи, от которых происходит множество исцелений.

Не ясно ли теперь вам, что Бог покровительствует доброму намерению?

Святые Божий, будучи подражателями человеколюбия Божия, также оказывают свое покровительство всем ищущим доброго познания и обращающимся к ним за помощью. Известно, что к святым бессребреникам и чудотворцам Космe и Дамиану прибегают многие

родители и дети пред началом учения и экзаменов. И не тщетна бывает молитва их и надежда на помощь святых бессребреников. По этому поводу в одном духовном журнале рассказывалось следующее.

В 1905 году в Перми был посвящен во диакона бывший мировой судья Н. Бабин. По окончании Литургии новопосвященный рассказал о том, что побудило его совершить переход из светского звания в духовное: «Родился я больным и часто лежал чуть не при смерти; но, благодаря молитвам моего отца-священника и частому причащению Святых Тайн, исцелился. Слабость после болезни была, однако, так велика, что учить меня начали лишь на десятом году; и, несмотря на старание и прилежание, учился я плохо. Мучаясь сознанием своей неспособности, я жаловался отцу, и он велел мне молиться святым бессребреникам Косме и Дамиану, туне (даром) приявшим и туне дающим исцеления. Выслушав наставления отца и узнав, что в близлежащем селе есть церковь в честь угодников Божиих Космы и Дамиана, по собственному желанию и усердию совершил я туда, за семнадцать верст, около пяти путешествий пешком, и с теплой детской молитвой ставил свечи, служил молебны, и усердно просил святых угодников о ниспослании мне способности к учению. И вот – о, чудо! – вскоре, поступив в духовное училище, я, к удивлению своему, родителей и знакомых, стал быстро учиться, догнал своих товарищей по учению, и во второй класс уже перешел вторым учеником, а в третий... даже первым. Блистательно окончил я курс в семинарии и отлично прошел университет...»

Так, христиане, не напрасна бывает наша молитва Богу и святым Его перед началом каждого доброго дела! Поэтому всегда обращайтесь предварительно с молитвой к Богу, и Он благословит благое начинание.

Вздумал, например, ты отдать своего сына или дочь в школу, прежде всего помолись Богу, чтобы Он дал им премудрость и силу к продолжению учения на пользу Церкви и Отечества. Намереваешься построить дом, опять обратись к Богу, помощнику во всех наших делах. Хочешь открыть какое-либо торговое дело, также обращайся к Богу, Который любит честных и добрых торговцев, и Он поможет тебе в добром предприятии. Решился ты женить своего сына или выдать замуж свою дочь, опять молись Богу: Он покровитель всякого честного супружества. Вообще, во всяком благом деле или намерении Бог покровительствует нам. Недаром поэтому наша многопопечительная Мать – Святая Церковь предусмотрела все эти случаи. Слушайтесь же голоса Святой Церкви и знайте, что доброму намерению покровительствует Сам Бог и Его святые!

Всякий честный труд угоден Богу

Многие из христиан, которым Бог определил тяжелый, по понятиям человеческим, труд, ропщут на свое занятие, бывают часто недовольны своим положением и сплошь да рядом завидуют лицам знатным и богатым. Но... помните слова Апостола: *каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал (I* Кор. 7, 17). Всякий полезный труд, хотя бы и не почетный, честен и угоден Богу. Сам Спаситель наш Иисус Христос, живя в доме Иосифа-плотника, несомненно, занимался этим ремеслом, потому что он *был в полном повиновении у родителей* (ср.: Лк. 2, 51). Апостолы питались также от трудов рук своих; так, апостол Павел сам делал палатки, а другие апостолы, например Петр и Иоанн, ловили рыбу. Пресвятая Богородица занималась рукоделием. И святые угодники Божий много трудились: одни возделывали землю, другие плели корзины, третьи рубили дрова...

Возьмем, к примеру, святителя Александра, епископа Команского. Александр происходил от знатных родителей и получил блестящее образование; он знал не только христианскую мудрость, но и языческую и слыл за философа. Он мог бы занимать видную должность и пользоваться большим почетом в обществе, но его святая душа искала вышних почестей: он избрал высший христианский подвиг – самовольную нищету. По глубокому христианскому смирению он решился на жизнь самую простую, по понятиям людей чуть ли не позорную, – он стал угольщиком; выжигал угли в лесу и носил их в город на продажу, чем и кормился. По своему занятию он являлся черным, грязным, в заплатанной одежде. Мало-помалу забыли об Александре как философе и знали его только как угольщика. Теперь по временам и малые дети над ним издевались, но Александр не обращал на это внимания. В таком положении думал он и окончить жизнь свою, но Промысл Божий судил о нем иначе. В Команах, в Малой Азии, умер епископ. Для избрания нового иерарха собрались пресвитеры и окрестные епископы; приглашен был сюда и епископ Неокесарийский Григорий Чудотворец, славившийся своим духовным опытом. Когда присутствующие стали указывать то на одного, то на другого как на достойного преемника почившему, имея в виду то знатность рода, то богатство, то дар красноречия, то почтенные лета избираемого, святитель Григорий Чудотворец, в свою очередь, заметил, что при выборе епископа нужно обращать внимание, главным образом, на внутренние качества, на доброту сердца и на указание Божие, и доказывал

свою мысль известным событием из ветхозаветной истории: избранием царем младшего сына Иессея – Давида, бывшего пастухом овец у своего отца. Мысль святителя не всем понравилась. Многие стали роптать и с насмешкой высказывались: «Уж если при выборе епископа не обращать внимания на внешность, то не избрать ли епископом угольщика Александра?» Александр в это время стоял тут же в толпе. «А кто же такой этот Александр?» – спросил Григорий Неокесарийский, подумав при этом: не указание ли это Божие на достойного избранника.

Александр был позван в таком виде, как его и застали, – черный, грязный, в изорванной и заплатанной одежде. Собравшиеся, глядя на него, едва удерживались от смеха. Угольщик между тем не обращал на это никакого внимания и держал себя перед собранием вполне благопристойно. Заметив в нем великие добродетели, прозорливый святитель Григорий отвел его в сторону и под клятвой стал расспрашивать о его прежней жизни. Александр не мог не открыться перед почитаемым святителем. Григорий Чудотворец убедился в справедливости своего предположения относительно этого человека и в указании на него свыше. Александр оказался много сведущим и в христианском законе, а главное, по высоте своей жизни оказался редким христианином. Предложив ему омыться, переодеться и явиться на Собор, святитель Григорий опять пошел к собранию. Через некоторое время явился туда и Александр – его теперь едва узнали те, кто прежде над ним смеялся. Стали предлагать ему некоторые вопросы, и он отвечал так разумно, что нельзя было не удивляться его ответам, тогда общим согласием Александр и был избран епископом Команским.

Александр скоро прошел низшие иерархические должности и, наконец, был хиротонисан во епископа. По обычаю, новопоставленный епископ должен был сказать народу поучительное слово. Когда стал говорить поучение епископ Александр, то слушатели все пришли в умиление от простоты и задушевности поучения.

Но нашелся один молодой философ из жителей Коман, который посмеялся над простотой поучения святителя-философа, и Господь вразумил его видением: он увидел стаю белых, очень красивых голубей, блистающих каким-то особенным светом, и услышал голос: «Вот слова Александра-епископа, над которыми ты смеялся». После этого видения юный философ образумился и, придя к епископу Александру, раскаялся в своем прегрешении.

С честью, славой и великой пользой святительствовал Александр на Команской кафедре, пока за открытое и твердое исповедание веры не был

схвачен на мученичество врагами христианства и после жестоких пыток предан огню. Так окончил свою жизнь епископ Александр, ранее трудившийся угольщиком!

Этот пример ясно показывает каждому из нас, что никакой труд не унизителен; поэтому, если кому из вас, христиане, суждено нести нелегкий труд, не ропщите на Бога и на свое положение. Всякое звание хорошо, если сам будешь хорош, и, наоборот, – всякое звание будет дурно, если сам будешь дурен, т. е.если будешь и лентяем, и пьяницей, и вором, одним словом, – негодным человеком.

А вы, кому Господь судил занимать высшие должности, не унижайте своего собрата за то, что он живет в бедности и простоте. Разве знаете вы душу того, перед кем кичитесь? Может быть, душа его во много раз совершеннее вашей! А по чему, собственно, и нужно ценить человека, если не по его душевным качествам? Золото, как известно, скрыто в земле, и драгоценные камни – в твердой землистой коре. Не скрываются ли иногда подобным образом и драгоценные качества души под видом бедности и простоты – под нищенскими рубищами?

Избрание во епископа совершается по воле Божией

«Я остался сиротой, – рассказывал святитель Иона, архиепископ Новгородский, в миру Иоанн, – трехлетним после смерти матери и семилетним после смерти отца. Бог положил на сердце вдовице Наталии, матери Якова Дмитриевича Медоварцева, чтобы взяла она меня в свой дом, кормила и одевала и отдала дьяку учиться грамоте. В училище, куда я поступил, было множество учащихся; я от бедности был тихий. Однажды дети играли после вечерни; и вот вижу, идет по улице блаженный муж. Дети, кинувшись на него, стали бросать в него камешки, сыпать в глаза сор, а я стоял, не трогаясь с места. Блаженный, оставив детей, подбежал ко мне, взял меня за волосы, поднял выше себя и, вовсе не зная меня, назвал по имени. «Ванюша! – сказал он, – учись грамоте, быть тебе в Новгороде архиепископом». Потом обнял меня и убежал». Это был блаженный Михаил Клопский.

В зрелых летах Иоанн удалился в пустынь, за пятьдесят верст от Новгорода: пустынь была тогда бедная. Здесь Иоанн принял постриг с именем Ионы. За подвижническую жизнь и чистоту братия, по смерти основателя пустыни Харитона, избрали Иону во игумена. В 1458 году ревностный игумен Иона стал архиепископ Новгорода, а в феврале 1459 года в Москве он уже был посвящен в первосвятители.

Из этого рассказа, без сомнения, видно, что избрание во епископа, предсказанное за много лет прозорливым Христа ради юродивым, совершилось не по воле человеческой, но по воле Божией.

Не оскорбляйте священника!

Вот весьма поучительный рассказ одного священника. «Отец мой, – говорил этот пастырь, – долго священствовал при Андреевской церкви, в которой служу и я с 1824 года; он передал мне следующее очевидное доказательство той истины, что оскорблять священника опасно. В его приходе был некий Максим, из малороссийских казаков, человек строптивого характера, и особенно когда выпивал, что случалось с ним, к несчастью, нередко. Отец мой, по обязанности пастыря, при всех удобных случаях увещевал его, призывал исправиться и бросить пить. Однажды, видя этого Максима, опять бесчинствующего в пьяном виде, он сделал ему замечание: «Как ты, Максим, нехорошо делаешь, как грешишь!» Но Максим, вместо того чтобы послушаться наставлений, наговорил отцу немало грубостей и бранных слов, а на замечание моего отца: «Да я же твой духовник», – отрезал: «Да щоб я тебе не бачив, як и умирать буду». Тем дело это тогда и кончилось.

Прошло с того времени несколько лет, и случилось, что этот Максим заболел. Домашние его позвали моего отца напутствовать больного Святыми Дарами. Отец пришел, но лишь только он вошел в избу, как больной, бывший в сознании и разговаривавший, вдруг в присутствии духовника онемел, впал в беспамятство и в исступлении смотрел, ничего не видя. Сколько ни заговаривал с ним мой отец и домашние его, он оставался в онемении.

Делать было нечего; отец вышел из избы и хотел уже идти домой, как вдруг домашние говорят, что больной пришел в себя, и просят вернуться. Но как только он вошел в избу, больной снова впал в беспамятство и сделался неспособным принять напутствование. На другой день родные больного снова просят отца исповедать и приобщить его, так как он уже в чувстве. Отец мой, полагая, что больной, возможно, не может получить напутствования от него только, сам не пошел, а пригласил другого священника; но что же? Происходит то же самое: до прихода священника больной говорил и был в сознании, а как только тот вошел в избу – пришел в бесчувственность и онемел. Когда священник вышел из избы, больной опять пришел в чувство; священника снова просят вернуться, но только он входит в избу, – больной опять теряет сознание. Так этот бедняга и умер без напутствования Святыми Тайнами. Да простит и помилует его Господь Бог!»

НЕДЕЛЯ 3-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Ищите сокровищ небесных, я не земных

Рече Господь: *светильник телу есть око. Аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет: аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет* (Мф. 6, 22–23). Перед этим Спаситель дал Своим служителям урок – искать себе сокровищ не земных, а небесных, и по сему случаю заметил: *идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). А потом вот прибавляет: *светильник телу есть око* и т. д. Как то замечание относится ко внутренней жизни сердца нашего, так, очевидно, и эти последние слова нужно понимать в применении ко внутреннему состоянию души. Око души, светильник ее, есть разум или разумное сознание человека: и как чувственный глаз имеет великое значение для тела нашего, потому что через него дается телу свет; так и разум наш служит внутренним орудием просвещения души. У кого испорчен глаз, тот видит предметы неправильно; у кого глаза совсем закрыты, тот не видит вовсе ни себя, ни других и, даже ходя среди ясного дня, весь остается во тьме. Так, если у кого и разум омрачен, то, обращаясь среди светлых указаний истины, он имеет ошибочные представления о вещах или вовсе не видит истины; и ум его, и вся душа остаются во тьме. *Аще убо свет, иже в тебе, тьма есть,* продолжает Спаситель, *то тьма колъми* (Мф. 6, 23). Если, говорит, свет, находящийся в тебе, сделается тьмою, то что сказать о самой тьме – о всей т. е. душе, которая освещается уже при посредстве разума?

Это служит для нас побуждением заботиться о просвещении ума своего; но и в то время, когда мы трудимся над развитием разумного сознания своего и утешаемся успехами ума, нам нужно каждый раз, и еще больше, иметь в виду замечание Спасителя. Что, если самый свет образования, которым мы гордимся, на приобретение которого употребляем столько времени и сил, окажется под конец тьмою?.. А следуя евангельскому показанию, должны мы заключать, что подобное явление возможно. Нам дарован чистый и незамутняемый источник умственного просвещения – в слове Божественного Откровения: в его-то указаниях, при возбуждении от Духа Истины, ум наш должен черпать себе начало истинного здравомыслия и, пользуясь усердно ими, изощрять и укреплять свой взор; сюда же нужно направлять нам и естественные средства умственного образования, которые во всяком случае имеют свою важность в глазах человека богомыслящего. Но чтобы нам успешно, при его посредстве, можно было усвоить себе внушения истины Божией,

нужно, чтобы сам он с чистотою и обильно озарился светом ее. А взор его может сделать лукавым, т. е. худым, когда вместо истины действительной, которая ему дается, будет нам передавать неверные и самодельные представления о ней, как бывает у больного глаза; может и вовсе сделаться невидящим, когда упорно станет закрываться от живых ее впечатлений.

Но чтобы ум наш мог избегать всех этих недостатков и приобретать себе живую восприимчивость к внушениям небесной истины, для этого нужно прежде очищать его от страстных помыслов, потому что страсти и пороки – первое омрачение ума. Нужно, чтобы светлый взгляд его у нас выразился прежде всего в чистых и возвышенных стремлениях сердца, которое всегда находится в тесной связи с нашими убеждениями: иначе здесь-то угрожает уму нашему опасность – завести себя во тьму неисходную. «Если разумное сознание, которое есть свет души, – говорит блаженный Иероним, – затемнено в тебе душевными пороками, то как мрачна должна быть в тебе самая тьма?»

Нужно, чтоб это разумное сознание обнаружило себя в здравом, по возможности, и основательном различении добра и святых наклонностей от греха и греховных пожеланий; нравственно-практическое здравомыслие – вот необходимое условие для целости и чистоты ума, во всей его разумной деятельности. Говоря об этом здесь, мы хотим указать на то, что и в Евангелии называется то же самое. Когда Спаситель учит нас обращать сердца свои к небесным благам, а вслед за этим непосредственно внушает нам заботиться о чистоте взглядов своих, то не напрасно, без сомнения, то и другое поставляет Он в ряду одно с другим. А еще прежде, в ином месте, Он и прямо чистоте сердечной усвояет видение Бога, которое и составляет венец умственного совершенства: *блажени чистый сердцем,* говорит Он, *яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Следовательно, когда сердце человека отделилось от земных нечистых пожеланий, это значит, что и умственное око его чисто. Но этого мало: далее Спаситель снова обращается к учению о беспристрастии к земным стяжаниям, о котором начата была речь у Него прежде. *Никтоже может двема господинома работати: либо единого возлюбит, а другаго возненавидит: или единого держится, о друзем же нерадити начнет. Не можете Богу работати и мамоне* (ср.: Мф. 6, 24). Слово «мамона» означает богатство; так назывался у сириан бог богатства. Человек не может работать Богу и мамоне одновременно, потому что служение тому и служение другому не примиряются одно с другим: одно для неба, а другое для земли; одно обращается на пользу души, а другое лишь к выгодам тела и во вред душе. Здесь-то, в благоразумном выборе между ними, в предпочтении Бога и небесных благ богатству, предстоит

христианину возможность обнаружить свое здравомыслие и показать, что светильник ума его не помрачился.

Человеческая привязанность к богатству может находить для себя благовидное основание в потребностях телесной жизни нашей, для обеспечения которых самим же нам приходится выискивать и средства. Поэтому Спаситель обращает Свое слово к этому предмету и здесь же в самом основании подрывает нашу неразумную привязанность к имущественным приобретениям. *Сего ради глаголю вам: не пецытеся душею вашею, что ясте, или что пиете: ни телом вашим, во что облечетеся. Не душа ли болъши есть пищи, и тело одежди;*

Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Не вы ли паче лучши их есте;

Кто же от вас пекийся может приложити возрасту своему лакот един? (Мф. 6, 25–27). Так Он в самых даже крайних нуждах ограничивает нашу любовь к приобретениям; после этого для нее уже более не остается благовидного предлога. Что же? Ужели дело клонится к тому, чтобы оставили мы всякие заботы о земной собственности, даже те, к которым взывает вопиющая потребность?

Да, мы знаем славных подвижников благочестия, которые буквально осуществляли в своей жизни заповедь Христову, отказываясь от всякой собственности, не думая сегодня о том, что будут есть завтра, где приклонят голову свою, питаясь чем Бог послал, и укрываясь где придется; и Бог видимым образом являл им следы Промысла Своего – чудесным образом многим посылал в пустыне пищу через Ангелов.

Но спрашивается: можно ли так совсем бросить попечение о земном, когда через это расстроился бы правильный порядок общежития, были бы уничтожены общеполезные труды промышленности, которые сближают нас? Правда, указанный пример святых подвижников не есть пример всеобщий: то были чрезвычайные проявления веры. Только утверждая это, мы, кажется, должны назвать здесь не ту главную причину, о которой сейчас упомянули, а другую. Мы не знаем еще, что сталось бы с земной нашей жизнью, если бы вдруг все пришли в такой возраст веры, что отказались бы решительно от всех житейских попечений ради Христа и Евангелия: ведь нам же не следует упускать того из виду, что наступит некогда такое состояние, когда все достойные участники спасения будут жить *яко Ангелы Божий на небеси* (Мф. 22, 30). А лучше спросим вот о чем: все ли мы теперь способны к таковой вере в Промысл Божий, какая обнаруживалась иногда у тех святых избранников? Тут скрывается причина поважнее первой: вследствие ее и та получает законную свою

силу; обе же они, в соединении одна с другой, побуждают нас искать в словах Христовых более снисходительного применения их к жизни, которое могло бы быть для всех доступно, а вместе и для всех уже составлять прямую обязанность. И действительно, они имеют применение ко всем нам. Заметим, что Спаситель не освобождает нас от честного труда на пользу внешней жизни и не благословляет нас отдаваться лени и бездействию, в праздном ожидании пособий Промысла.

Нет, что сказано Адаму – *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3, 19), – то остается неизменным законом и для нас, пока мы живем здесь. И святые отшельники, бросая все мирское, тем не менее трудились в своем удалении от людей и даже другим нередко помогали трудом рук своих. Но Христос говорит нам: *не пецытеся*, т. е. не дозволяйте себе лишних беспокойств, не суетитесь. «Трудиться мы должны, – говорит один учитель Церкви, – но беспокоиться не должны». Что мы имеем право так объяснять слова Евангельские, это можем вывести и из последующих слов: *кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?* (Мф. 6, 27). Очевидно, здесь устраняются от нас те именно заботы, которые несовместимы с нашей ограниченностью и должны быть предоставлены уже самому Промыслу, которому единственно принадлежит окончательное распределение средств жизни между нами и устройство ее, окончательное преодоление всех трудностей ее, обеспечение всех случайностей ее.

При всей обязательности честного труда в жизни много у нас останется такого, чего мы сами наперед не можем с верностью определить или устроить собственными силами и что находится в руках Верховного Владыки всех, так же как в Его руках ежеминутно состоит и самое существование души нашей и тела. А это последнее обстоятельство служит для нас и постоянным обеспечением для надежды на Промысл Божий; на это нам указывает и Христос: *не душа ли болъши есть пищи, и тело одежды?* (ср.: Мф. 6, 25). То есть если Бог нам даровал душу и тело, в которых обнаружено такое богатство жизни, тем более не затруднится Он помогать нам во второстепенных, внешних средствах жизни.

Пусть только явится в нас эта крепкая уверенность в Промысле Божием и обратится в постоянный навык души; тогда мы сами каждый раз узнаем без труда, где нужно будет нам употребить собственные усилия, где должно отдаться непосредственно на волю Божию. Главное – мы не вправе отрицать, что следы ее промыслительных действий в судьбе нашей несомненны: то же самое мы замечаем и в окружающей нас видимой природе. Это последнее нам и Спаситель поставляет на вид, когда

указывает на *птиц небесных,* а потом на *полевые лилии,* о которых Бог заботится так, как мы сами о себе никогда не в силах позаботиться.

Общее же заключение Евангельского чтения такое: *ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33). То есть нужно держаться такого правила, чтобы не внешнее благоденствие жизни, а Царство Божие с его святыней и правдой составляло нашу прямую и неотлучную задачу в жизни, тогда Сам Бог, которому всегда приятно помогать нам в этом деле, не лишит нас ни малейшего из даров земных, если только они окажутся пригодными для главной цели нашей.

Против роскоши в одежде и убранстве

Что такое одежда? В порядке естественном – средство для защиты человеческого тела от разрушительного действия стихий; в порядке нравственности – защита стыдливости; в порядке гражданском – искусственное прикрытие членов тела, приспособленное к осуществлению того или другого звания общественного, и вместе отличительный признак званий и степеней, в них поставленных. Из этих понятий тотчас можно усмотреть, что попечениями об одежде должны управлять необходимость, скромность, постоянство.

Бог некоторым образом освятил то, что есть в одежде простейшего и вместе необходимейшего. *И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны, и облече их* (Быт. 3, 21). Но через это самое осуждается безрассудная заботливость об украшении тела. Если вещество, по наставлению Самого Бога употребленное для составления одеяния, была кожа, то для чего некоторые или несчастными, или презренными представляют себе тех, которые носят простой лен и грубую шерстяную ткань? Отчего нам неприятно, если не для нас прядет шелковичный червь; не для нас земля рождает злато и море – перлы? К чему столь детские прихоти? Чего вам лучше и благолепнее той одежды, которую для нас готовит Сам Бог! Ибо можно сказать, что Он и для каждого из нас, как для Адама и его жены, творит потребные ризы. В какой стране мира Он предопределяет нам произойти на свет, в той же и производит все, что по особенностям этой страны потребно для нашего тела; и для снискания того, что нам необходимо, Его премудрый Промысл почти всегда влагает в руки наши довольно средств.

Для чего же мы еще нередко желаем, чтобы одежда наша превышала не только требование необходимости, но и приличие нашего состояния? Для чего мы иногда недовольны нашими украшениями потому только, что они не похищены у отдаленнейших братии наших? Посмотрите – так Премудрость Божия постыжает не только суетные попечения об излишнем, но и о потребном излишние: *посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут* (Мф. 6, 28); а вы, маловеры, мучаете себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашем одеянии; как будто Провидение меньше занимается вами, нежели былием, ныне цветущим, а завтра увядающим; и будто оно забыло произвести близ вас все потребное для вас!

Если вы, смотря на полевые цветы, не обретаете в себе мудрости пчел,

дабы собрать с них тонкий духовный мед; если зрелище природы не приносит вам наставления, которое бы обратилось в вас в силу и жизнь, – изберите себе другое, высшее зрелище; возвысьте ваш дух и воззрите не на образ и тень истины, а на самое лицо ее, на красоту не созданную, на цвет совершенства – воззрите, члены Тела Христова, на Главу свою – и всмотритесь пристально, пристанут ли Ему любимые ваши украшения. Какая несообразность! Глава – в яслях, на соломе, а члены хотят почивать на своих седалищах и утопать в одрах своих! Глава – в уничижении, в нищете, а члены только и помышляют о богатстве и великолепии! Глава орошается кровавым потом, а члены умащаются и обливаются благовониями! Со Главы падают слезы, а члены жемчуг осеняет! Глава – в тернии, а члены – в розах! Глава багреет от истекшей крови и смертною объемлется бледностью, а члены лукавым искусством у себя недостаток естественной живости дополняют и, думая сами себе дать красоту, в которой природа им отказала, превращают живой образ человеческий в изображение художественное! Глава – то в наготе, то в одежде поругания, а члены любят покоиться под серебряным виссоном, под златым руном или, вместо наготы Распятого, с презрением стыда и скромности вымышляют себе одежду, которая бы не столько покрывала, сколько обнажала!

Но неужели все должны отвергнуть всякое благолепие и облечься в рубища? Нет, *мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша* (Иер. 4, 22)! Никто этого не требует. Божественный Учитель наш обличает только попечения об одежде, и особенно излишние, суетные, пристрастные. Об одежде что печетеся? Впрочем, известно, что и Сам Он (без сомнения, дабы не лишить утешения и награды людей, служивших Его телесным потребностям) носил драгоценный нешвенный хитон, который пожалели раздрать разделявшие ризы Его. Есть род и степень благолепия и даже великолепия в одежде, который назначает не пристрастие, но благоприличие, не суетность, – но состояние, не тщеславие, – но долг и обязанность. Но попечения без конца, пышность без меры, расточение без цели, ежедневные перемены уборов потому только, что есть люди, которые имеют безрассудность заниматься изобретениями сего рода, и что слишком много таких, которые стараются подражать таким изобретениям, – невероятная безрассудность! Безрассудность тем более нелепая, что, без сомнения, многие виновные в ней признают ее и, однако же, не перестают вновь делаться виновными в ней! И пусть бы оставалась она безрассудностью: бедственно то, что ею порождаются и питаются беззакония. Посмотрим, например, как иногда на

торжище без внимания проходят мимо нищего, просящего мелкой монеты на хлеб насущный, и тысячи отдают за ненужное украшение. Кто дерзнет сказать, что тут не нарушена любовь к ближнему? Кто же не видит из этого и многих других примеров, как легко извиняемая миром суетность может сделать человека повинным пред обеими скрижалями закона Божия?

Вразумление юноши, сомневавшегося в промысле Божием

Есть ли Божественный Промысл в частных делах человеческих? Так в различных случаях жизни нередко спрашивал себя один юноша, по характеру живой и пламенный, но вместе раздражительный и нетерпеливый, которого пытливость быстрого, но еще незрелого ума вовлекла в некоторые сомнения касательно Промысла Божия; кичливость ума без меры и опытности, раздражительность воображения без терпения и смирения, под влиянием легкомыслия, свойственного юности, едва не привели юношу к тому жалкому убеждению, что совершающееся с нами в жизни – случайно. В таком жалком положении тревожного сомнения юноша с богатыми силами ума и сердца уподоблялся, по собственному его признанию, кораблю с богатым грузом, который без парусов и кормчего носится по волнам бурного моря; для спасения юноши нужны были и умиренность беспокойного ума его, и опытность руководителя.

И Промысл Божий, в котором сомневался юноша, не оставил без вразумления колеблющегося его ума. События его жизни, с глубоким сокрушением поведанные нам им самим, послужили для него вразумительным уроком о Промысле Божием и для изменения образа его жизни.

Однажды этот юноша, отправившись за город, запоздал там и остался ночевать в лесу вместе с пастухом овец. Ночью напали на стадо волки и растерзали овец. Когда пастух объявил о том хозяевам стада, те не поверили и обвинили юношу, будто бы он привел ночью воров, которые и расхитили овец. Юноша отправлен был к судье. Вслед за ним приведен был к судье и другой, якобы уличенный в прелюбодеянии. Судья, отложив исследование дела, обоих обвиняемых отослал в тюрьму, где они нашли еще одного невиновного земледельца, обличаемого в убийстве. Все трое вины за собой не знали.

Убежденный в их невиновности, как в своей собственной, юноша в таких обстоятельствах еще более взволновался мыслями касательно участия Промысла Божия в частных делах человеческих; но это волнение было уже не столько холодным сомнением ума, отвергающего истину, сколько беспокойным желанием сердца, ее ищущего.

Проведя семь дней в темнице, под влиянием мысли о Промысле Божием юноша видит во сне человека, который говорит ему: «Будь благочестив, и уразумеешь Промысл; перебери в мыслях, о чем ты думал и

что делал, и по себе дознаешь, что эти люди страждут не несправедливо». Пробудившись, юноша стал размышлять о видении и, отыскивая свою вину, вдруг вспомнил, что когда-то прежде, быв в том же селении на поле ночью, со злым намерением он выгнал из загона корову одного бедного селянина, и ее растерзал там набежавший зверь. Как только юноша поведал о своем сне и о своей вине товарищам по камере, они, возбужденные его примером, начали тоже обвинять себя и признались: земледелец – что видел тонущего в реке человека и не спас его, хотя мог это сделать. Значит, он и правда был виновен в смерти человека. Обвиняемый в прелюбодеянии – что присоединился когда-то к людям, оклеветавшим одну вдову, – братья обвинили ее в прелюбодеянии, чтобы лишить отцовского наследства.

Эти горькие рассказы заключенных довершили убеждение юноши в существовании Промысла Божия: в личных обстоятельствах товарищей по тюрьме юноша не мог не увидеть явного действия Божественного Промысла, видимо воздающего за тайные неправды людей; он раскаялся в пагубном своем сомнении и еще в темнице дал обет омыть грех покаянием.

Накануне освобождения своего он вновь увидел во сне мужа, который теперь сказал ему: «Возвратись в место свое и покайся в неправде, убедившись, что есть Око, над всем назирающее». Юноша был верен своему обету и наставлению явившегося: оставив мир, он среди отшельников не переставал каяться в грехах юности своей и поведал братии о дивных путях Промысла Божия, тайно и явно действующего во всех обстоятельствах жизни человеческой.

Юноша этот был преподобный Ефрем Сирин.

Таинственный голос

Один портной работал в комнате, где в колыбели спал его ребенок. Вдруг без всякого видимого повода им овладел какой-то непонятный страх, сердце сжалось, какое-то смутное чувство говорило ему, что жизни спящего в колыбели ребенка угрожает опасность. Мало того, он совершенно отчетливо услышал внутренний голос, кратко и определенно говоривший ему: «Встань скорей, возьми ребенка из колыбели!»

Портной не послушался этого неизвестного голоса. Он старался даже успокоить себя разными соображениями. Ребенок спал по-прежнему крепко в своей постельке; ничто его не беспокоило в комнате; и на улице все было тихо. Откуда же может грозить опасность его жизни? Должно быть, это просто воображение создало такое душевное беспокойство; нужно его прогнать, решил портной и, взяв опять иглу для работы, постарался даже затянуть песню. Действительно, ему удалось успокоиться, но на несколько мгновений; вдруг по-прежнему объял его страх, но на этот раз гораздо сильнее прежнего, и вновь он услышал внутренний голос, почти угрожающий: «Встань скорей, возьми ребенка из колыбели!»

Отец опять прекращает работу, и песня сама собой как бы замирает на его устах. Внимательно озирается он кругом, осматривает всю комнату, начиная от своего рабочего стола до самого последнего, отдаленного уголка ее. Так как он решительно нигде не нашел какого-либо повода опасаться за ребенка, а последний по-прежнему крепко спал в своей постельке, то ему показалось неразумным из-за какой-то воображаемой опасности беспокоить ребенка и вынимать его из теплой постельки. Не слушая таким образом голоса, он опять занял свое место за столом и принялся было за работу; но уже исчезла его прежняя веселость: он не напевал более песни.

Тщетно употреблял он все усилия к тому, чтобы преодолеть какими-либо соображениями свой страх. Через несколько мгновений страх снова возвратился, и гораздо сильнее прежнего; в сердце же его с силой громового удара опять раздался голос: «Встань скорей, возьми ребенка из колыбели!» Теперь, наконец, он сделал то, чего требовал предостерегающий голос. Мгновение – он был уже у колыбели ребенка, поспешно взял его и отнес на свое место, где сам перед этим сидел.

Едва только он успел занять свое место, как в углу комнаты, где стояла колыбель, раздался сильный грохот. Потолок мгновенно рухнул,

повалился на колыбель и покрыл ее мусором и отвалившимися кусками штукатурки. Ребенок проснулся от сильного шума и заплакал: но он был цел и невредимо покоился на руках отца, который, будучи глубоко тронут случившимся, прижимал его к своему сердцу. Какой радостью объята была бедная мать, когда, услышав громкий шум, смертельно бледная, вбежала в комнату. Она боялась, что муж и ребенок погибли, а они оба остались целы и невредимы! Преисполненное глубокой набожностью ее сердце, равно как и ее мужа, излилось искреннейшей молитвой ко Господу, когда муж рассказал ей, как чудесно был спасен дорогой их ребенок.

Чудесное спасение от пожара

Вот какой случай произошел в 1868 году в городе Малоярославце. Летом здесь начался пожар при жаркой погоде и сильном ветре. Ветер разносил пламя по всем улицам, а жара помогала огню. Жители спешили к своим знакомым, чтобы помочь спасти их имущество, но, возвратившись к своим домам, находили их уже в пламени. В этот памятный для малоярославских жителей пожар сгорело до восьмидесяти домов, причем две улицы выгорели совершенно.

На одной из них жила благочестивая старушка по фамилии Малютина. Когда забили в набат, она взяла с божницы икону Спасителя и обошла с ней вокруг своего дома, окропляя его при этом Святой Крещенской водой, всегда у нее за божницей хранящейся. И что же? Вся улица выгорела по обеим сторонам; сгорело много и на других соседних улицах, а дома старушки со всеми пристройками огонь не тронул.

Все способствовало тому, чтобы он сгорел. Как же он уцелел?

Ответ возможен только при свете богооткровенной веры и Божественного Провидения.

Надо заметить, что упомянутая старушка всю свою жизнь отличалась глубоким благочестием. Бог продлил и дни ее: она умерла только в 1886 году на девяносто четвертом году своей жизни, отлично помня события 1812 года.

Не заботься о дне грядущем

Много у нас заботы о завтрашнем дне и мало упования на Промысл Всевышнего и Его попечения о нас. Каждый из нас мечтает сам устроить свою жизнь, старается все предвидеть, предусмотреть и защитить себя от разных превратностей судьбы. В этих заботах о насущных потребностях земной жизни человек проводит драгоценное время без пользы для души, очерствляется сердцем и впадает в эгоизм.

Основатель одного древнего монастыря (близ Константинополя), в котором была церковь в честь святого мученика Евстратия и его сподвижников, желая предохранить монахов своей обители от этой склонности и заставить их больше думать о благах небесных, нежели о земных, установил, чтобы монастырь не делал никаких для себя запасов и приготовлений, но довольствовался приношениями усердствующих богомольцев. Зная устав этой обители, действительно, многие из верных снабжали живущих в ней различными продуктами, и даже сам патриарх и особы царствующего дома посылали им всякий праздник или золото, или другие какие-нибудь приношения, так что они не терпели большого недостатка.

Но случилось однажды, что накануне праздника святых мучеников началась сильная буря с дождем и ветром, помешавшая горожанам собраться в обители. Монахи одни отслужили вечерню и стали скорбеть и роптать на Бога и на святых покровителей своего монастыря за то, что ради такого большого праздника им никто не доставил даже куска хлеба для ужина, и для завтрашнего дня также ничего не предвиделось. Господу угодно было воспользоваться этим случаем для вразумления малодушных людей и для прославления святых своих угодников. В сумерки монастырский привратник вошел к настоятелю монастыря и доложил, что пришел посол от государя с вином и различными съестными припасами, привезенными на двух верблюдах. Этот посол не только доставил роптавшим монахам ужин, но им осталось еще и для следующего дня. Не успели монахи окончить трапезу, как явился другой посланец, который принес много рыбы и десять золотых монет.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь!

Так молимся мы Отцу нашему Небесному! Мы этими словами просим Господа, чтобы Он даровал нам хлеб. Что же? Разве не сами мы должны снискивать себе пропитание? Да, сами. Бог еще вначале, после сотворения человека, сказал: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3, 19). Стало быть, человек сам должен трудиться и приобретать себе хлеб. Но может ли он это сделать только сам, без Бога? Человек только насаждает, а взращивает Бог. Без Бога все наши труды будут бесплодны. Поэтому мы и молим Отца нашего Небесного, чтобы Он дал нам хлеба. На сколько же времени мы просим себе от Бога хлеба? Днесь, сегодня, т. е. на этот день. Для чего же так? А для того, чтобы мы о временном много не заботились, а всего ожидали от своего Небесного Отца, Который знает все наши нужды и всегда печется о нас. *Весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех* (Мф. 6, 32), сказал Спаситель. Он, Милосердый и Многопопечительный, знает наши нужды и нередко подает прежде прошения нашего.

И много есть примеров того, как Господь чудесно посылает пищу Своим верным рабам. Обратимся к ветхозаветной истории. Израильтяне во все время странствования по пустыне ели готовый хлеб, манну, которая ежедневно, кроме субботы, сходила с неба. Святой пророк Илия однажды скрывался от преследований нечестивого царя израильского в пустыне; пищи там совсем не было, и найти ее было негде, потому что был голод. И вот вороны приносят ему каждый день хлеб и мясо, притом в известные часы, утром и вечером. Каким же образом птицы могли знать о голоде пророка и как понимали они человеческие часы приема пищи, которых сами не соблюдают? Одно возможно объяснение: Сам Господь повелел птицам кормить праведника. Ему же, в другой раз, Ангел Божий предложил опресночный хлеб и кувшин воды для подкрепления его во время сорокадневного пустынного пути. Святому пророку Даниилу, брошенному в ров на съедение львам, принес еду пророк Аввакум, внезапно восхищенный и перенесенный рукой Ангела из Иудеи в Вавилон.

А сколько примеров чудесного пропитания Богом праведных людей содержится в «Прологе» и Четьях-Минеях!

В одной местности замечено было, что вороны каждый день прилетают на деревья, ломают ветви с плодами и уносят их куда-то. Вскоре выяснилось, что в одной расселине пустынных гор находилось несколько спасавшихся женщин, – им-то, посредством птиц небесных, и

посылал Тот Попечитель и Питатель, Который *дает пищу всякой плоти* (Пс. 135, 25), и птенцом врановым, призывающим Его.

А вот еще трогательный пример того, как Господь хранит беспомощных людей, и особенно сирот. Вот что известно о рождении и воспитании святого мученика Кодрата. Во время бывших во II веке гонений на христиан одна благочестивая женщина, по имени Руфина, скрываясь от гонителей, ушла из Коринфа и скиталась по непроходимым местам. Не смерти боялась Руфина, нет, но она хотела спасти младенца, в ее утробе зачатого. Наконец, пришло время, и она родила сына, но через несколько дней скончалась. Всего естественнее подумать, что беспомощный сирота умрет от голода или съеден будет зверями. Но «отверзаяй руку Свою и исполняли всякое животное благоволения»[4] не презрел пеленами повитого Кодрата и заменил ему отца и мать. Бог заповедал облакам, и они на вопль младенца, спускаясь с высоты и приклоняясь долу, источали на уста его сладкую росу и питали его млеком и медом, доколе он не подрос и сам мог собирать для себя пустынные плоды[1].

Преподобный Феодосии поучал братию презирать все плотское и не заботиться о насущных потребностях. Как учил он, так и поступал. Например, при монастыре он устроил всякие службы, но ни за что не соглашался устроить амбары для запасов хлеба. Мало того, обходя кельи монахов, если находил у кого приготовленную пищу или одежду сверх устава, то отбирал и бросал в печь; при этом всегда надеялся на Отца Небесного, напоминая слова Спасителя: *не заботьтесь и не говорите: что будем есть или что пить* (ср.: Мф. 6, 31)... И Господь не посрамил надежды Своего верного раба. Так, однажды извелись съестные припасы в обители; келарь Феодор (так называется в монастырях старший над служителями в пекарне) говорит святому Феодосию: «Что мы будем делать?» Феодосии уговаривал положиться на Бога и не думать о завтрашнем дне, но заботливый келарь все твердил свое: «Что нам завтра делать?» Вдруг подъезжают к монастырю три подводы от одного боярина с хлебом, рыбой, сыром, пшеном и медом. «Видишь, брат Феодор, – сказал преподобный, – Господь не оставляет нас, если мы всем сердцем уповаем на Него. Иди же скорее, готовь братии обед, это посещение Божие».

Видите, христиане, как чудесно питает Господь верных рабов своих. Не говорите, что это редкие случаи Божественного Промышления. Разве Всесильный, Который одним солнцем освещает и согревает весь мир, не силен ли подавать нам всем готовый хлеб? Разве сокровища благости Его оскудеют от множества требующих? Нет. Оскудение на нашей стороне, а

не у Бога. Нам не достаются насущные потребности без труда потому, что мы сами уж чересчур заботимся о них. В самом деле, у нас только и дум и забот: чем жить? Чем семью кормить? На что детей воспитывать?.. И, несмотря на все эти заботы, на все попечения, большинство из нас жалуются на недостатки, на трудность жизни, как будто Господь и в самом деле забыл их... Но не Господь забывает нас, а мы забываем Его. Молимся ли мы? Просим ли мы Господа: *хлеб наш насущный даждь нам днесь?* Не надеемся ли мы на свои силы, на свой ум больше, чем на Господа Бога?

Но сколько бы мы ни суетились, сколько бы ни заботились, надо помнить одно, что без Бога – ни до порога, что без Божия благословения не будет никакого успеха ни в чем. А благословение Божие подается только тому, кто исполняет заповеди Божий и заботится прежде всего о Царстве Божием, по слову Спасителя: *ищите же прежде Царствия Божия, и сия вся* (телесные потребности) *приложатся вам* (ср.: Мф. 6, 33).

Притча о двух господах

Два человека стояли на площади города и ждали, не наймет ли их кто-нибудь в услужение. Они были родными братьями, но весьма отличались друг от друга: старший был рассудителен и опытен; младший был ветрен, легкомыслен и особенно склонен к забавам и удовольствиям. Оба они были бедны и потому должны были искать себе занятие и пропитание. В том же городе два господина искали себе слуг: у одного было обширное хозяйство, и, давая людям работу у себя, он хотел через то доставить себе и удовольствие, и выгоду; другой же хотя не занимался хозяйством, но был тщеславен и всегда завидовал первому, а потому собирал у себя в доме как можно более слуг, чтобы блистать пышностью и великолепием. Посланные от господ пришли на площадь и стали звать обоих братьев, каждый к своему господину. Один говорил: «Идите служить к нам: наш господин богат и щедр; много у него работы, но велика и награда – надобно только быть прилежным и верным, и он сделает вас навек счастливыми». Другой говорил: «Нет, идите лучше к нам: у нашего господина совсем нет никакой работы, а нужны ему люди для легких услуг в доме; у нас вы будете проводить время в удовольствиях; о содержании же и плате говорить нечего: увидите сами, как щедро он награждает служащих ему». Братья долго думали и не решались, куда им идти. Старший предпочитал первого господина, а младший пленился описанием веселой и приятной жизни у второго и решился непременно идти к нему. Таким образом, братья, хотя с некоторым прискорбием, решились разлучиться. Впрочем, чтобы знать, кто удачнее сделал выбор, положили в каждую неделю один раз видеться и рассказывать друг другу о своем житье.

По истечении недели братья, как условились, встретились. «Как живешь, брат? – спросил младший. – Каков твой господин? Как тебя принял? Ты что-то невесел, уныл: видно, тебе не очень посчастливилось?» – «Не знаю, что тебе сказать на это: я и доволен, и нет. Господин наш, как видно, человек богатый и весьма добр. Принял меня и важно, и ласково, обещал щедро награждать, если буду исправен и верен, и не отлагая надолго, тот же час назначил мне дело и велел идти на работу. «Время дорого, – говорил он, – не надобно терять ни минуты. Содержит нас хорошо; о каждом печется, как о родном; сам наблюдает, все ли довольны и здоровы. Хорошо бы нам жить у него, да слишком много дела. Я немного

пожил, а уже намучился от трудов. А как ты живешь?» – «О, я не живу, а блаженствую. Наш господин самый любезный человек на свете. Какой у него богатый дом! Везде золото и серебро, либо мрамор. А как он меня принял! Это, кажется, не господин, а друг и товарищ. Все мое дело состоит в том, чтобы или провожать господина в театр, на охоту, в гости, или у себя принимать гостей, доставлять им удовольствия, забавлять их, и только. Прошла целая неделя, а я и не видал ее. А какое содержание! Не только пища та же, какую сам употребляет, но и вино позволяет нам употреблять, сколько хотим. О, я бы советовал и тебе к нам же перейти». – «Посмотрю, что будет далее, – сказал старший брат, – если не будет мне легче, то я, кажется, решусь на это. Через неделю скажу тебе, что придумаю». Неделя прошла, и братья снова увиделись. «Что, решился ли ты оставить своего строгого господина?» – спросил младший брат. «Нет, – ответил старший. – Теперь и не думаю никогда отходить от своего господина: я вижу, что живу в добром месте. Господин наш самый добрый и благородный человек: какие богатые подарки он нам делает!» – «Но ведь ты говорил, что у него трудно: разве теперь вам меньше дела?» – «Нет, не меньше: но я ныне привык к трудам. Теперь мне ничего не стоит встать с восходом солнца и заниматься во весь день. Даже не могу понять, как я прежде мог жить без занятия и труда, как и ты теперь живешь. Я думаю, что ты должен скучать». – «О, не заботься обо мне. Я и не вижу, как время летит. У нас удовольствия столь разнообразны и так их много, что скуке не может быть места». – «Но ты отчего томен и бледен: уж здоров ли ты?» – спросил старший. «О, ничего, – отвечал младший, – это, конечно, оттого, что я ночью мало спал, потому что до самой зари веселился с гостями. Да и теперь мне время идти домой и готовиться к приходу гостей. Прощай».

Еще прошла неделя, и братья опять увиделись. – «Здоров ли ты, брат любезный? Ты бледен и худ, тебя едва узнать можно!» – «Ах, я едва могу ходить. Кажется, ничего трудного не делал, проводил время в одних играх и забавах, но и они меня так истомили и измучили, что начинаю опасаться, как бы не случилось со мной чего худого». – «Я предугадывал, что это случится, но только не смел говорить тебе, потому что тогда ты бы меня не послушал. Но послушай теперь, брат любезный, послушайся совета искреннего: перемени образ жизни; оставь своего господина. Ты немного послужил у него, но уже так изнурился; а что будет после? Что будет, если он прогонит тебя, когда ты не в состоянии будешь служить ему? чем будешь тогда жить? Подумай об этом!» – «Я уж и сам думаю об этом и готовлюсь уйти от своего господина. Только пока нельзя этого сделать; надобно кончить некоторые дела. На следующей неделе надеюсь

быть свободен».

Через неделю старший брат пришел на место свидания, но младшего там не было. Долго ждал он его и, не дождавшись, наконец, решился идти к нему. «Не болен ли он, надобно посетить его», – подумал брат. Подходя к дому, еще издали видит он великолепный съезд, слышит громкую музыку и, подумав, что брат его, конечно, занят приемом гостей, хотел идти назад. Но в какое он пришел изумление, когда недалеко от себя услышал стон, а потом увидел своего брата, лежащего на голой земле! «Что с тобою, брат? Как ты очутился здесь и в таком жалком положении?» – «Ах, – отвечал тот, – сколь я был безумен, что служил господину, который не имеет ни чувства, ни совести, а только обольщает бедных людей приманкой приятной службы, а после вот как за нее награждает! Услышав о моей болезни, хозяин тотчас сказал мне, что более не имеет во мне нужды и что, следовательно, я должен искать себе другое место. Я представлял ему свое усердие к служению, но он сделал знак слугам, и они насильно вывели меня за ворота и оставили здесь умирать от болезни и горести». «Несчастный брат! – сказал старший, – твое легкомыслие погубило тебя. Но если выздоровеешь, надеешься ли ты преодолеть свою склонность к забавам и неге и трудиться, сколько сил станет? В таком случае я бы сказал о тебе моему господину, и он по своему милосердию к бедным, верно, не отринет тебя, несмотря на то что ты служил у врага его, и приложит о тебе попечение, как отец. Только обещай впредь служить ему одному, сколько позволят твои силы. У нас тебе будет хорошо». У бедного появились слезы на глазах. «Веди меня к нему», – сказал он и тотчас же побрел, хотя и с трудом, опираясь на плечо своего брата, к новому господину.

Милосердый господин милостиво его принял, обласкал, успокоил, скоро исцелил от болезни, приохотил к трудам и сделал его счастливым человеком.

Братья в этой притче – это все мы. Господин, сперва принявший к себе столь ласково, а потом изгнавший от себя столь презрительно меньшего брата, – это мир, который обманывает людей ложным видом своего богатства, завлекает приманкой непрестанных забав и удовольствий и потом оставляет на явную гибель. Другой господин, строгий, но справедливый и благий, коему служил старший брат, – это Бог, Который, дав нам краткое время жизни, требует, чтобы мы все, без малейшего опущения, проводили его в трудах. Служение Богу сначала кажется тяжким и трудным, но потом легким и приятным и оканчивается приобретением от Него богатейшего наследия – Царства Небесного.

Блажен, кто в служении Богу проводил все время своей жизни! Счастлив и тот, кто хотя и служил миру, но увидел его обман и пришел к Богу с искренним раскаянием и готовностью впредь служить Ему одному! Но горе тому, кто всю жизнь свою служил миру и умирает слугой мира!

Спасительная лепта

Один юноша отличался искусством ковать из золота разную утварь. Богатый вельможа как-то призвал его к себе, дал ему много золота и повелел сделать из него крест для церкви. Возвратившись от вельможи домой, юноша задумался и сказал самому себе: «Великую награду получит вельможа от Господа за столь большое пожертвование золота, но почему же вместе с ним не сделаться участником награды от Господа и мне? Возьму и положу в крест хоть немного своего золота и буду надеяться, что и мою жертву примет Господь, так же как принял две лепты евангельской вдовицы». И с этими словами вложил на устройство креста и своих десять златниц. Когда крест был готов, юноша принес его вельможе. Тот положил крест на весы и, увидев, что он весит более, чем выданное им золото, заподозрил юношу в краже и сказал: «Зачем ты украл мое золото, заменив его в кресте каким-то другим металлом?» – «Сердцеведец Бог видит, что я ничего из твоего золота не взял себе; но я возревновал о той награде, которая будет тебе, и пожелал быть участником в ней, и потому и со своей стороны вложил в крест десять златниц, веруя, что Бог примет их так же, как принял две лепты евангельской вдовицы». Слыша это, вельможа изумился и сказал юноше: «Итак, если ты подлинно из любви к Богу отдал Ему добро твое, желая иметь от Него вместе со мной часть в награде, то знай, что с сего дня я усыновляю тебя и делаю наследником всего моего имения». И слова свои вельможа не замедлил привести в исполнение... Прожив вместе в любви и мире, они оба получили спасение.

НЕДЕЛЯ 4-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Об исцелении слуги сотника

Однажды Иисус вошел в Капернаум. В этом городе жил один сотник (начальник ста солдат), у которого любимый слуга сильно занемог. Сотник много слышал о чудесах Иисуса. Он просил помощи у Спасителя, но не смел позвать Его к себе, считая себя недостойным принять Его в дом свой. Сотник этот был язычником, но любил иудеев и помогал им. Старейшины иудейские просили Спасителя: «Посети его, он достоин такой милости: любит народ наш и построил нам синагогу». (Синагогами назывались дома, куда собирались для слушания Священного Писания. Почти в каждом городе были синагоги, а храм во всей Иудее был только один – в Иерусалиме.) Спаситель пошел к сотнику. Дорогой Он встретил его друзей, которые передали Ему просьбу сотника: «Не трудись, Господи, ибо я недостоин, чтобы Ты вошел в дом мой. И себя самого не почел я достойным прийти к Тебе; но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой. Я сам человек подвластный; однако, когда я даю приказание моим подчиненным, меня слушаются; Тебе же все подчинено». Иисус, услышав слова эти, обратился к иудеям, которые Его окружали, и сказал им: *и в Израиле не нашел Я такой веры* (Мф. 8, 10). Посланные возвратились домой и нашли, что больной уже выздоровел.

Как добр и любезен римский начальник к своему слуге! Не худо и нам, христианам, поучиться у этого сотника доброму отношению к служащим. Смотрите, какое расположение, какую заботливость он проявляет к своему слуге. Вот заболел этот слуга; недуг приковал его к постели, исчезла уже всякая надежда на выздоровление, смерть уже готова сделать его своей жертвой. Видит все это сотник и с болью сердца сознает, что ни сам он и никто другой не может помочь его слуге. Но вот он слышит, что в город пришел великий чудотворец, и в душе его зажглась искра веры и надежды. Сотник забыл все: и богатство, и свое высокое положение, и мнение о себе единоверцев (язычников), – с одной заботой о больном слуге молит он Спасителя об его исцелении.

Да, иной отец с такой любовью не отнесся бы к сыну, как сотник к слуге своему. О, если бы и у нас, христиан, было такое отеческое, любвеобильное отношение к служащим! Но, к несчастью, не так бывает у нас на самом деле. Холодно, безучастно относится большая часть хозяев к своим служащим. Они смотрят на служащих, как на рабочую силу. Пока те здоровы и усердно работают, до тех пор они и хороши. А сделался почему-

либо служащий неспособен к своему делу, по старости или по внезапной болезни, – мы спешим поскорее удалить его от себя. Немногие из нас постараются потерпеть его, пригласить врача; а посетить в больнице – это редкое явление. А между тем как это дорого для больного служащего! Мало хозяева делают добра служащим и в других случаях.

Но что всего прискорбнее – многие намеренно отвлекают их от храма, заставляя работать в праздничные и воскресные дни. Какой тяжкий грех принимают на свою душу все такие хозяева! Как отвечать им на Страшном Суде! Еще хуже и безжалостнее поступают те хозяева, которые лишают наемника мзды, т. е. не отдают должной платы человеку трудящемуся. Человек, трудясь на твоей работе, быть может, льет не пот, а кровь, а ты лишаешь его платы, которую он заслужил столь тяжкими трудами своими, – не безжалостно ли ты поступаешь с этим тружеником?! Не явное ли это немилосердие к ближнему?

И вы, кому Господь судил быть служащими, можете поучиться у слуги капернаумского сотника. Мы видели, как сотник ухаживает за своим больным слугой, ищет всевозможные средства облегчить болезнь его! Несомненно, причина того – честное и верное служение этого слуги. И вы, служащие, если хотите пользоваться любовью своих хозяев, работайте без лени и лукавства; кто бы ни был ваш хозяин, служите ему по совести. Берегите добро хозяйское, ничего из него не утаивайте, помните, что зле приобретенное зле и погибнет. Но, работая своим хозяевам, не забывайте работать и Господу, и вы можете угодить Ему и достигнуть Царствия Божия. Не говорите: где уж нам угодить Богу в нашем звании! Приведу вам пример того, что и в таком звании можно угодить Богу и достигнуть небесной славы. Речь пойдет о святой мученице Иулии.

Родилась святая Иулия в Африке, в Карфагене, около VI века по Рождестве Христовом. В то время напали на этот город персы, разбили его и многих жителей взяли в плен. В их числе была и отроковица Иулия, дочь одного почтенного христианина, и продана в рабство купцу-язычнику. Пленница и у иноверного господина была верной слугой: всегда трудолюбивой, честной, скромной, а главное – набожной. За усердную и честную службу хозяин и вся его семья очень любили и уважали Иулию. Господь благословил дом хозяина: дела купца шли как нельзя лучше. Однажды, отправляясь с товарами в Галлию, он взял с собой и Иулию как нужную, верную, умную и распорядительную помощницу. Плыли они морем и, наконец, пристали к одному острову в Средиземном море, где и остановились на некоторое время. Увидев еще с корабля, что на берегу справлялся шумный языческий праздник, хозяин поспешил туда и со

своими спутниками принял в нем участие. Купил теленка, принес его в жертву и стал пировать со всеми.

Во время пиршества кто-то заметил, что на корабле осталась одна девица, которая о чем-то плакала. Это была Иулия: она скорбела о слепоте и нечестии язычников. Сейчас же сообщили об этом старейшине острова. Тот, узнав, что Иулия христианка и что она трудолюбива, честна и вместе с тем тверда в своей вере, предложил купцу: «Не хочешь ли, я куплю ее у тебя и тогда непременно заставлю отречься от Бога». «Заставить ее отречься от веры ты никогда не сможешь, – сказал купец, – она скорее готова умереть, чем отречься от Христа. Что же касается того, что ты хотел бы купить ее у меня, то скажу одно: и всего твоего состояния мало, чтобы купить такую честную, трудолюбивую и верную рабу». Подзадоренный таким решительным ответом, старейшина задумал во что бы то ни стало заставить Иулию отречься от своей веры. Когда все на пиршестве опьянели и хозяин Иулии уснул крепким сном, старейшина потребовал к себе Иулию на допрос и стал принуждать ее к участию в языческом торжестве. Иулия решительно отказалась. Тогда он стал бить ее; затем, после разных мучений и истязаний, распял ее на кресте. Святая дева с удивительным терпением переносила все страдания. Когда хозяин Иулии проснулся и узнал, что она висит на кресте, с величайшей скорбью поспешил он к ней, но было уже поздно: мученица при нем испустила дух. Чистая, святая душа ее, как белая голубица, на виду у всех взлетела на небо. Сильно грустил хозяин о ее смерти; но еще больше оплакивали мученицу бывшие тут ее единоверцы. Вот вам, христиане, образец того, как можно и людям служить, и Богу угождать.

Тайна безропотного служения

Святой Иоанн Лествичник рассказывает, что, придя в один общежительный монастырь, он много слышал о добродетельной жизни тамошнего повара. «Видя, что он в своем служении имеет непрестанное умиление и слезы, я просил его открыть мне, каким образом он сподобился такой благодати? По моей неотступной просьбе он отвечал: «Я никогда не помышлял, что служу людям, но Богу; я счел себя недостойным никакого безмолвия и, глядя на этот огонь, непрестанно вспоминаю о вечном пламени».

Воистину велик Бог христианский

Капернаумский сотник, о котором вы слышали в Евангелии, учит нас той истине, что вера имеет великую силу. Тому же учат и многие святые. Представим один из примеров христианской веры.

Родившись от благочестивых родителей, святитель Василии Великий еще с детства усвоил себе искреннюю веру и твердые правила христианского благочестия. В то время как другие сверстники его тратили свои силы и время на мирские удовольствия и языческие развлечения, Василий обращал все усилия свои к изучению слова Божия и приобретению добродетелей и христианской мудрости. Сделавшись епископом Кесарийским, святитель Василий боролся с тогдашними еретиками – арианами, искажавшими святую Православную веру.

В защите истины против врагов Православной веры и Церкви христианской он проявил такую ревность и твердость, что, по словам святителя Григория Богослова, был для православных «твердою стеною и оплотом», а для еретиков – «млатом, сокрушающим камень». За такую ревность к Православной вере Господь наградил святителя Василия особыми благодатными дарами Святаго Духа, проявленными святителем еще при жизни. В Кесарии проживал в то время знаменитый врач из иудеев – Иосиф. Провидя духом обращение его ко Христу, Василий Великий приглашал его иногда к себе и убеждал оставить иудейскую веру. Но в ответ слышал всегда одно и то же: «Хочу умереть в той вере, в которой родился».

Когда святитель Василий впал в болезнь, от которой должен был умереть, в числе друзей пришел навестить его и тот врач. Видя великую слабость архиепископа, он посоветовал приготовить все нужное к погребению, заверяя, что святитель Василий не доживет до утра. Узнав об этом, Святитель спросил: «А если я доживу до утра, ты что тогда сделаешь?» «Я готов сам умереть», – ответил еврей. «Так, – сказал святитель, – умрешь для греха и будешь жить для Бога». «Понимаю, о чем говоришь, – отвечал еврей, – и клянусь, что если ты доживешь до утра, я исполню твою волю». Тогда святитель Василий стал усердно молиться Господу, чтобы ради спасения души врача жизнь его продлилась до утра. Молитва его была услышана. Когда настало утро, святитель Василий послал за евреем, но тот не хотел верить слуге и сам поспешил к святителю. Увидев его живым, он воскликнул: «Воистину велик Бог христианский, и нет иного Бога, кроме Него; я готов исполнить свое слово.

Итак, повели, святой отче, преподать Святое крещение мне и всему дому моему». «Я сам преподам Святое крещение», – сказал тогда архипастырь. «Тебе нельзя вставать: ты очень слаб», – возразил врач. «Господь укрепит меня», – и святитель Василий Великий встал и вместе с ним пошел в церковь. Окрестив врача и всю его семью, по совершении Литургии причастив их Святыми Тайнами, великий святитель возвратился в свой дом и к вечеру того дня с миром отошел ко Господу. Это случилось 1 января 379 года.

Вот какие чудеса совершает правая, искренняя и твердая вера в Бога и Его Единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа. Святая вера соделывает человека твердым на всех путях его жизни, укрепляет и оживляет его там, где бессильно всякое человеческое средство. Будем же чаще возгревать в своем сердце животворный пламень веры Христовой, будем всей душой принимать все то, чему учит нас Святая Церковь и слово Божие.

О нищете духовной, или о христианском смирении

Евангелие нынешней Недели учит нас на примере капернаумского сотника добродетели смирения.

Древняя Церковь почитала смирение венцом всех христианских добродетелей, основным началом христианского совершенства, лучшим украшением последователей Христа (Тертуллиан, святитель Киприан, святитель Иоанн Златоуст). В истории древней христианской Церкви мы встречаем много подвижников, известных своим истинно христианским смирением, и особенно среди монашества. Вот несколько церковно-исторических примеров дивно прекрасного христианского смирения.

I. Один из замечательных учителей Церкви, известный своим образованием Климент Александрийский не хотел иметь никакой другой должности, кроме учителя в огласительной школе.

И. Святой Ефрем Сирин всегда отказывался от степени пресвитера и епископа и оставался простым, скромным диаконом.

Предсмертное завещание святого Ефрема Сирина свидетельствует о великом его смирении. В нем он выразил то, что наполняло душу его целую жизнь: выразил дух свой сокрушенный. Он писал: «Кто положит меня под алтарем, да не узрит тот алтаря Бога моего; неприлично смердящему трупу лежать на месте святом. Кто погребет меня в храме, да не узрит храма Света; недостойному бесполезна слава пустая... Возьмите меня на плечи и бегите бегом со мной и бросьте, как человека отверженного... О, если бы кто показал вам дела мои! Вы стали бы плевать на меня. Истинно, если бы мог быть замечен запах грехов моих, вы убежали бы от смрада Ефремова... Не покрывайте меня ароматами – от этой почести никакой мне нет пользы; благовония возжигайте в святилище, а мне споспешествуйте молитвами; ароматы посвятите Богу, меня погребите с псалмами... Не кладите меня в ваши гроба – ваши украшения ни к чему мне не послужат. Я обещал Богу быть погребенным между странниками; странник я, как и они; так положите меня, братия, у них. Воззри, Господи, умоляю Тебя, умилосердись надо мною. Молю Тебя, Сына Милостивого, не воздай мне по грехам моим»[1].

III. Блаженный Иероним хотя и имел степень пресвитера, но на самом деле оставался простым монахом, считая себя недостойным служить у Престола Божия.

IV. Император Феодосии Великий, по требованию Амвросия Медиоланского, совершает публично покаяние при вратах храма.

Константин Великий, смиряя в себе чувство владыки всего мира, на Первом Вселенском Соборе не садился на трон, а стоял из уважения пред собравшимися отцами Церкви.

V. Преподобный Святоша (уменьшительное от имени Святослав), князь Черниговский, в иночестве Николай (Никола), был сын Давида и внук Святослава. И помыслил он, как обманчиво все в суетной этой жизни и что все земное протекает, проходит мимо, а будущие блага непреходящи и вечны, и бесконечно Царство Небесное, приготовленное Богом любящим Его. И оставив княжение, и честь, и славу, и власть, и все то ни во что вменив, он пришел в Печерский монастырь и сделался иноком. Это было в лето 1106 года февраля 17-го дня. Все бывшие при нем черноризцы признают его добродетельное житие и послушание. Три года пробыл он на поварне, работая на братию; своими руками колол дрова для приготовления пищи, часто даже носил их с берега на своих плечах, и с трудом братья его, князья Изяслав и Всеволод, удерживали его от такого дела. Однако этот истинный послушник просил и молил, чтобы ему еще хотя с год поработать в поварне на братию; после же этого приставили его к монастырским вратам, так как во всем он был искусен и совершенен. И пробыл он тут три года, не отходя никуда, кроме церкви. Оттуда велено ему было перейти служить на трапезе. Наконец, волею игумена и всей братии принужден он был иметь свою келью, которую сам и построил. И доныне эту келью зовут Святошиной, также и огород, который он ископал своими руками. Говорят также об этом блаженном Святоше, что никто никогда не видал его праздным; всегда в руках у него было рукоделие, чем он и зарабатывал себе на одежду. На устах его постоянно была молитва Иисусова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!» Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи, хотя он и много имел, но все то отдавал на нужды странным и нищим и на церковное строение. Книг его и доныне много в монастыре Печерском.

Еще во время княжения имел этот блаженный князь Святоша врача весьма искусного, именем Петр, родом сириянина. Этот Петр пришел с ним в монастырь, но, видя его вольную нищету на поварне и у ворот, расстался с ним и стал жить в Киеве, врачуя многих. Он часто приходил к блаженному и, видя его во многом злострадании и безмерном ношении, увещевал его, говоря: «Князь! следовало бы тебе поберечь свое здоровье и не губить так плоть свою безмерным трудом и воздержанием: ты когда-нибудь изнеможешь так, что не в силах будешь нести лежащее на тебе бремя, которое тебе угодно было принять на себя, Господа ради. Бог хочет не поста или труда непосильного, а только сердца чистого и

сокрушенного, да ты и не привык к такой нужде, какую переносишь теперь, работая, как подневольный раб; и благочестивым братьям твоим, Изяславу и Всеволоду, в великую укоризну твоя нищета; как от такой славы и чести дойти до последнего убожества, до того, чтобы изнурять свое тело подобной пищей! Дивлюсь я твоему желудку: как терпит он! Бывало, отягощался сладкой пищей, а теперь суровое зелье и сухой хлеб принимает. Берегись, когда-нибудь недуг соберется отовсюду, и ты, не имея крепости, скоро и жизни лишишься, нельзя уже мне будет помочь тебе. И оставишь ты плач неутешный братьям своим. Вот также и бояре твои, служившие тебе, думали когда-нибудь сделаться чрез тебя великими и славными; ныне же лишены твоей любви и пеняют на тебя; поставили себе дома большие, да и сидят в них в великом унынии.

Ты сам не имеешь, куда голову приклонить, и им кажется, что ты даже отказался от ума своего. Какой князь делает так? Блаженный ли отец твой Давид, или дед твой Святослав? Или кто из бояр поступал так, или хотя желание имел идти по этому пути, кроме Варлаама, бывшего здесь игуменом? Если не послушаешься меня, то прежде времени смерть примешь».

И так часто говорил он ему, сидя с ним в поварне или у ворот, быв научен братьями князя. Блаженный же отвечал ему: «Брат Петр! много думал я и рассудил не пощадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мне борьба: пусть под гнетом многого труда смирится она. Сила Божия, сказано, брат Петр, *совершается в немощи* (2Кор. 12, 9). *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18). Я благодарю Господа, что Он освободил меня от рабства миру и сделал слугой рабам Своим, этим блаженным черноризцам. Братья же мои пусть за собой смотрят: каждый должен свое бремя нести. Все: жену, и детей, и дом, и власть, и братьев, и друзей, и рабов, и села – оставил я ради Христа, чтобы чрез то сделаться наследником Жизни Вечной. Я обнищал ради Бога, чтобы Его приобресть. Да и ты, когда врачуешь, не велишь ли воздерживаться в пище! А для меня умереть за Христа – приобретение, а сидеть на сорной куче, подобно Иову, – царствование. Если же князья не делали так прежде меня, то пусть я явлюсь им вождем: может быть, кто-нибудь из них поревнует мне и пойдет по следу моему. До прочего же тебе и научившим тебя дела нет».

Князь Святоша жил после того еще тридцать лет, не исходя из монастыря до самого преставления в Вечную Жизнь. Когда же он умер, едва не весь город был на погребении его.

VI. Преподобный Феодосии Печерский, знаменитый игумен Киево-

Печерского монастыря, однажды возвращался ночью от великого князя Изяслава. Слуга князя, не знавший подвижника, грубо сказал ему: «Монах, ты всегда празден, а я постоянно в трудах; ступай на лошадь, а меня пусти в колесницу». Преподобный Феодосии, не сказав ни слова, обменялся местом с возницей и вез его целую ночь. Утром слуга испугался, когда увидел, что встречные бояре кланялись Феодосию, слезая даже с своих коней, но преподобный привез его в монастырь и велел хорошо угостить.

VII. Преподобный Кирилл Белозерский, избранный в игумена братией Симонова монастыря, убоялся оказываемых ему почестей, сложил свой сан и поселился в малой келье как простой инок.

Смирение святого Кирилла Белозерского было таково, что однажды он сказал некоторому иноку, сначала уважавшему его, а потом возненавидевшему и поносившему его пред всеми: «Все ошибаются во мне, считая меня праведным; только ты один говоришь правду и знаешь все мое недостоинство». Когда один князь собирался ехать к преподобному Кириллу в монастырь для свидания, то он, узнав об этом, писал ему, чтобы отклонить от поездки: «Извещаю тебя наперед, что нельзя видеть меня; оставлю монастырь и уйду, куда Бог наставит. Вы думаете, что я тут добрый, святой человек? Нет, истинно я всех грешнее и несчастнее и исполнен смрада. Если поедешь ты ко мне, все люди станут говорить: для Кирилла поехал».

О христианском смирении

I. Один простолюдин отправился с больным сыном к преподобному Сисою, жившему в Египте. Дорогою больной умер. Отец не смутился этим, взял мертвеца и принес к преподобному. Зная смирение последнего, поселянин не стал просить открыто у него помощи, а, войдя с мертвым сыном на руках, сделал поклон преподобному и при этом положил сына к ногам старца, сам же вышел из кельи. Не зная, что перед ним лежит мертвец, и думая, что поклонившийся не хочет встать, преподобный сказал умершему: «Встань и иди!» Мертвый ожил, встал и вышел навстречу к удивленному отцу. Тогда отец вновь вошел к Сисою и рассказал ему, что случилось с его сыном и как он его мертвого принес к нему. Сильно опечалился подвижник, услышав это, и запретил простолюдину и ученикам своим рассказывать обо всем случившемся до своей смерти.

II. В пустынный скит, где жил преподобный Виссарион, пришел бесноватый. Братия вознесли о нем молитву в церкви, но демон не выходил из несчастного. Тогда иноки стали рассуждать: «Что делать? Никто не выгонит этого беса, кроме Виссариона, но как просить его об этом? Если начнем просить, он не пойдет в церковь. Разве вот что сделаем: приведем завтра бесноватого раньше всех в церковь и посадим на месте преподобного. И когда авва взойдет, скажем ему: «Разбуди брата, отче!» Так и сделали. И вот когда Виссарион, войдя в церковь, стал на молитву, иноки сказали ему: «Разбуди брата, отче!» И преподобный сказал бесноватому: «Встань и иди отсюда», – и бес тотчас же оставил человека.

III. Однажды к некоторому старцу в Фиваиде пришли посетители; с ними был бесноватый, которого привели, чтобы старец исцелил его. Долго упрашивали они старца, и, наконец, он сказал демону: «Выйди из создания Божия!» Демон отвечал: «Выйду, но прежде дай ответ на мой вопрос: кто – козлища и кто – агнцы?» Старец отвечал: «Козлища – такие, как я, а кто овцы, о том знает Бог». Демон, услыша это, воскликнул громким голосом: «Выхожу по причине твоего смирения!» И вышел немедленно.

Богу все возможно

Соловецкий послушник исполнял послушание на скитском дворе. Однажды на него напала дикая корова и сильно повредила его. Поднятый в бесчувственном состоянии, с разбитой головой, ранами на лице и повреждениями на теле, он был отправлен для врачевания в монастырь. По прибытии в монастырь послушник сразу же пошел к старцу Науму, и лишь только вошел в коридор, где находилась его келья, как старец сам вышел к нему навстречу. «Что, брат, веруешь ли, что Богувсе возможно, что Он может исцелить и твои недуги?» – спросил его старец. На утвердительный ответ опять спросил: «Твердо ли и всем ли сердцем веруешь?» После вторичного подтверждения старец Наум налил в деревянный ковш воды и, перекрестив, подал, говоря: «Пей во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Послушник выпил. «Пей и еще». От третьего ковша послушник отказался, тогда старец вылил его на голову послушника, сказав: «Во имя Святой Троицы, будь здоров». Вода с головы полилась на шею и по всему телу, и больной почувствовал себя совершенно здоровым.

НЕДЕЛЯ 5-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Исцеление двух бесноватых

Однажды с учениками Своими Иисус Христос прибыл в страну Гадаринскую[1]. Когда они вышли из лодки, им навстречу выбежали двое бесноватых[2]. Они были весьма свирепы, так что никто не смел проходить тем путем, где их можно было встретить. Нечистый дух угонял их в горы, в пустыню и пещеры. Одного из бесноватых часто сковывали оковами и цепями, но он разбивал оковы и разрывал цепи. В гробах он был всегда, и днем и ночью, кричал и бился о камни. Теперь же он стал до того диким, что всякий боялся приблизиться к нему и никто не в силах был укротить его.

Когда бесноватые увидели Иисуса, то прибежали и поклонились Ему. Иисус повелел нечистым духам выйти из них. Тогда они закричали: *Что Тебе до нас, Иисус, Сын Бога Всевышняго?* (Мк. 5, 7). Нечистые духи склоняются пред Его величием, они знают, что Он может *связать их узами адского мрака и блюдет их на суд наказания* (ср.: 2Пет. 2, 4), отсюда их страх и их просьба. Иисус спрашивает у злого духа, который говорил от имени прочих: *как тебе имя?* Нечистый дух дерзко отвечает: *Легион имя мне, потому что нас много* (Мк. 5, 9). Затем бесы начинают просить Господа, чтобы Он не изгонял их из этой страны, а позволил войти в стадо свиней, которые тут паслись на горах. Иисус позволил им. Они тогда вошли в свиней, и все стадо (две тысячи голов) бросилось в море. Пастухи известили о случившемся жителей города и близлежащих деревень. Когда же пришли жители, то увидели, что бесноватый сидит у ног Иисуса Христа, одетый уже и в здравом уме, и устрашились. Очевидцы рассказали им, как произошло исцеление бесноватых. Но их мало интересовало спасение страдавших людей. Они боялись, чтобы не пришлось им через Иисуса потерпеть еще более убытка в своих имуществах. Потому они стали просить Его удалиться из их страны. Иисус пошел к лодке, чтобы переправиться на другой берег; но исцелившийся стал просить Иисуса позволить сопровождать Его. Ему было так хорошо с Господом, что он уже не хотел оставить Его; *но Иисус не дозволил ему, а сказал: иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя* (Мк. 5, 19). Господь желал сделать его свидетелем Своих дел между народа, который пренебрег Им и отдалил Его от себя. *И пошел этот человек и начал проповедовать в Цесятиградии, что сотворил с ним, Иисус, и все удивлялись* (ср.: Мк. 5, 20).

О бытии злых духов

Когда Господь Иисус Христос вступил в страну Гергесинскую, на Его пути встретились двое несчастных, одержимых бесами. Бесноватые, быть может, пытались устрашить Иисуса Христа так же, как они устрашали всех проходивших тем путем, но, встретившись с Сыном Божиим, сами устрашились. *И се, возописта глаголюще: что нам и Тебе, Иисусе Сыне Божий; пришел еси семо прежде времене мучити нас* (Мф. 8, 29).

В этих словах истинно верующий христианин ясно видит доказательство бытия злых духов, как потому, что оно заключается в Евангелии, которое составляет непреложное свидетельство истины, так и потому, что бесноватые сами по себе не могли говорить так, частью по незнанию Иисуса Христа, о Котором, конечно, и не слышали они, а, главным образом, обратиться к Нему с такими словами. Естественно ли людям, в первый раз видевшим Иисуса Христа и не имевшим о Нем понятия, говорить, что Он *пришел прежде времени мучить* их? В устах людей, каковы бы они ни были, подобные слова не имеют смысла. Итак, в несчастных бесноватых говорили, очевидно, злые духи, власть которых над людьми пришел разрушить Спаситель. Впрочем, в Слове Божием и Ветхого и Нового Завета столько есть прямых и ясных указаний на существование злых духов, что было бы крайне странно христианам сомневаться в этом. Однако некоторые христиане говорят, что под бесноватыми, о которых упоминает Евангелие, надобно разуметь людей, одержимых особенной нервной болезнью, физической, названия которой евреи не умели придумать, а отнюдь не злыми духами. Но если это была болезнь естественная, то почему же она не названа так, тогда как о других болезнях в Евангелии прямо говорится? И неужели Спаситель – воплощенная Истина, Сын Божий – мог говорить, приспособляясь только к понятиям иудеев? Неужели Он, обличающий суеверия фарисейские, мог умолчать о таком важном суеверии? Напротив, в Слове Божием сказано, что Иисус Христос *исцелял всех обладаемых диаволом* (ср.: Деян. 10, 38), что Сын Божий для того и пришел, *чтобы разрушить дела диавола* (1Ин. 3, 8), который через грехопадение прародителей получил власть над грешниками. Власть эту уничтожил Иисус Христос Своим искуплением и дарованием искупленным средств побеждать козни древнего духовного врага человеков в истинно христианской вере с ее Таинствами и правилами благочестия.

Но христианин своим неверием и грехами открывает к себе вновь

доступ злым духам, которые действуют теперь хитрее, как слабейшие против времен дохристианских, но тем не менее вредоносно, гибельно для спасения верующих. Злые духи стараются приноровиться к страстям и наклонностям нашим; пользуясь ими, они закрывают от нас свои козни как бы каким покрывалом. Но христиане, внимательные к себе, старающиеся стяжать праведность, ведущие борьбу с дурными наклонностями, ясно замечают ухищрения злых духов, видят их козни и искушения и не без усилий, но побеждают их верою в Господа, молитвой, постом и бодрствованием над собой.

Говорят еще: под злыми духами надобно разуметь олицетворения наших грехов и страстей. Но ведь это, во-первых, совершенно противно Слову Божию, а во-вторых, ясно противоречит опыту. Мы не одобряем зла, осуждаем грех и в себе, и в других; самые закоренелые злодеи весьма часто вдруг изменяют свою жизнь и с отвращением смотрят на свои прежние дела. Что же это значит? То, что зло и грех произошли первоначально не от человеков, как и утверждает Священное Писание, что зло в нашу природу вошло извне, именно через искушение от диавола. Конечно, грех усиливается наклонностями нашей поврежденной природы, созданной доброй, – иначе мы не любили бы зло. После сего странно было бы разуметь наши страсти под именем злых духов.

Однажды бес, придя ночью в келью преподобного Макария Александрийского, сказал ему: «Встань, авва Макарий, и пойдем в церковь к богослужению». Макарий же, будучи исполнен благодати Божией, уразумел искушение диавола и отвечал ему: «О, лжец и ненавистник добра! Какое может быть с твоей стороны участие в богослужении и что может быть у тебя общего с собором святых?» Диавол сказал: «Разве ты не знаешь, Макарий, что без нас не бывает ни одной службы церковной и ни одного монашеского собрания; иди же и увидишь дела наши». Старец отвечал: «Да запретит тебе Господь, бес нечистый». И, обратившись к молитве, просил Господа, дабы явил ему, правда ли то, что, хвалясь, говорил диавол.

Когда наступило время полуночного богослужения, он пошел в церковь, прося Бога, дабы открыл и показал ему, правда ли сказанное диаволом. И вот видит по всей церкви как бы неких малых отроков в образе эфиопов, быстро обходящих церковь и летающих. В монастыре том был обычай: один брат читал псалмы, а прочие сидели и слушали, – и вот рядом с каждым из братии сидели те эфиопы и посмеивались над ними. Кому пальцами своими дотрагивались до глаз, тот сейчас начинал дремать, а кому клали палец на уста, тот тотчас пробуждался; пред иными

ходили в женском подобии, а пред другими делали иное. И что представляли пред кем, тот о том и размышлял в себе.

Но от некоторых, как только начинали делать что-либо подобное, тотчас некой силой были прогоняемы и удаляемы и более не могли ни стоять пред ними, ни даже пройти мимо. А у некоторых немощных братьев, не внимающих молитве, насмехаясь, сидели на шее и на плечах. Преподобный Макарий, увидев это, вздохнул из глубины сердца и сказал: «Воззри, Господи, и не премолчи, воскресни, Боже, дабы разошлись враги твои и убежали от лица Твоего, ибо душа наша полна поругания». По окончании службы преподобный Макарий, призывая поодиночке каждого брата, спрашивал, о чем тот думал во время богослужения, и каждый открывал свои помышления. Оказалось, что каждый думал о том, что, насмехаясь, представлял пред ним бес.

Нарушение обета по искушению от диавола

Чтобы понять, как сильны и обольстительны бывают искушения врага нашего спасения, выслушаем следующий рассказ. «Один юный инок, подвизающийся в монастыре, желал жить в отшельничестве и выпросил у настоятеля благословение уйти в отдаленное место пустыни для безысходного жительства. Бог благословил намерение инока и явил ему особое знамение, указавшее ему самое место такого жительства: когда на пути будущий отшельник, изнемогая, заснул вместе с сопровождающими его монахами, прилетел орел и, ударяя крыльями, разбудил их; затем орел отлетел от них и сел на землю. Сопровождавшие монахи сказали молодому иноку: «Вот Ангел твой, вставай и последуй за ним». Он встал, простился с братиями, последовал за орлом и прошел до того места, на котором сидел орел. Тогда орел вновь поднялся, пролетел дальше и опять сел, и инок следовал за ним; и снова орел поднялся и отлетел недалеко, и брат шел за ним. Это продолжалось в течение трех часов.

Наконец, орел свернул направо в сторону и уже больше не показывался. Инок пришел туда и увидел три пальмовых дерева, источник воды и малую пещеру. Он сказал сам себе: «Вот место, которое приготовил мне Господь». И начал молодой инок безмолвствовать здесь, употребляя в пищу финики, а в питие воду из источника; прожил он тут шесть лет отшельником, никого не видя. Но вот приходит к нему диавол в образе мирского молодого человека и начинает рассматривать его с головы до ног. Инок спросил его: «Что ты смотришь на меня?» Тот ответил: «Разве ты не узнаешь меня? Я сосед отца твоего», – и назвал имя и отца, и матери, и сестры отшельника. Потом сказал: «Мать и сестра твоя умерли уже более трех лет тому назад, а отец умер только недавно, сделав тебя своим наследником; пред смертью отец просил всех отыскать тебя, чтобы ты пришел домой, принял имущество и раздал его нищим за душу свою и отца; многие отправились отыскивать тебя, но не нашли, а я, придя сюда по своим делам, узнал тебя. Не медли, пойди и исполни волю отца твоего». Отшельник отвечал: «Мне не следует возвращаться в мир». Но диавол разными обольстительными внушениями склонил отшельника оставить келью, проводил до города, где жил отец, и только тут оставил его.

Инок пришел в родительский дом с уверенностью, что отца уже нет в живых; и вот сам отец выходит ему навстречу, жив и здоров. Сначала отец не смог узнать своего сына, а сын постыдился и не смог объяснить истинную причину, почему он оставил келью; и сказал, что вернулся из-за

своей любви и привязанности к отцу... Так и остался он в мире, окончательно изменив своим иноческим обетам.

Главный враг наш – диавол

Известный подвижник преподобный Антоний Великий однажды увидел сети, раскинутые по всей земле. Пораженный множеством этих сетей, он воскликнул: «О, Господи! Кто же в состоянии избежать их?» – И был к нему глас Божий: «Смирение!» Но что это за сети, всюду расставленные для нас? Сети – это искушения и соблазны, которые почти на каждом шагу преследуют нас и с которыми, как нашими врагами, нужно бороться каждому христианину.

Первый и самый главный враг наш – диавол; он первый и по времени, и по силе, и по злобе супостат. Его и Спаситель называет *отцом лжи, человекоубийцею искони* (ср.: Ин. 8, 44), с начала века. Он положил начало греха, прельстив наших прародителей в раю и сделав их преступниками заповеди Божией. С тех пор он, как лев, ходит, ища, кого из людей вовлечь в свои пагубные сети (см.: 1Пет. 5, 8). Да что говорить о людях! Сам безгрешный Господь Иисус Христос подвергся искушениям от диавола.

Для чего? Конечно, для нас, грешных, для того, чтобы Он, *будучи Сам искушен, мог и нам, искушаемым, помочь* (ср.: Евр. 2, 18). А как часто мы, грешные, подвергаемся искушениям от диавола! Правда, диавол теперь редко действует на людей видимым образом, но зато постоянно он искушает нас тайным, незаметным образом. В открытой борьбе с ним сражаются совершенные христиане, великие подвижники, всецело посвятившие себя Христу. А как трудна эта борьба с диаволом, можно понять из житий угодников Божиих.

Преподобный Сергий, Радонежский Чудотворец в начале своего пустынного подвига претерпел от бесов очень много скорбей и искушении. Они нередко принимали образы страшных зверей и отвратительных гадов, чтобы устрашить преподобного, но он мужественно молитвой и крестным знамением отгонял все их искушения. Раз преподобный ночью пел утреню в своей церкви. Вдруг пред его взором расступилась стена, и через нее вошел целый бесовский полк в одежде литовцев, которые в то время причиняли России много зла. С шумом и дикими воплями бросились бесы, как бы намереваясь разорить церковь и угрожая преподобному смертью. «Беги скорее отсюда, – кричали они, скрежеща зубами. – Если не уйдешь, мы разорвем тебя на части». Но, мужественный и сильный духом, подвижник не испугался бесовских угроз: с пламенной молитвой обратился он к Богу, – и падшие духи мгновенно исчезли. В другое время бесы, приняв образ отвратительных

гадов, наполнили всю келью, так что не видно было и пола.

Нередко по чаще лесной и кругом кельи преподобного Сергия слышались неистовые крики бесовских полчищ: «Уходи отсюда! Зачем ты пришел сюда? Не надейся здесь дольше жить, мы не оставим тебя в покое. Смерть тебе и погибель от нашей руки!» Но все усилия, все ожесточенное упорство исконного врага человеческого, вся злоба его против преподобного Сергия остались напрасными и были совершенно сокрушены великим подвижником, исполненным благодати Христовой.

Другой знаменитый подвижник, преподобный Антоний Великий, также претерпел немало искушений от диавола. В житии рассказывается, что в одну ночь демоны избили его так сильно, что на другой день благочестивый муж, приносивший ему пищу, нашел его без чувств и принес, как покойника, в ближайшую сельскую церковь. Но он, придя в себя, упросил друга своего отнести его обратно в пещеру, где, будучи не в силах стоять, он лежал, не переставая молиться и ратовать против невидимых врагов. Мужество святого только воспламенило ярость: демоны подняли шум и стук, как бы желая поколебать здание в основании, и потом приблизились к нему в виде львов, тигров, медведей и других хищных зверей. Намереваясь устрашить его ревом, свистом, они кидались на него с раскрытой пастью, чтобы поглотить его, нанесли ему даже несколько ударов. Но святой Антоний, несмотря на боль, сохранял терпение, твердость души и укорял их в слабости. «Если бы вы имели силу надо мной, – говорил он, – то и одному из вас было бы легко уничтожить меня; но как Господь отнял у вас силу, то вы пытаетесь устрашить меня множеством; даже и то служит признаком вашей немощи, что обращаетесь в животных. Если же можете и имеете надо мной власть, то не медлите и нападайте, а если не можете, то к чему мятетесь напрасно? Знамение креста и вера в Спасителя моего служат мне несокрушимым щитом». Так он говорил им, и демоны, раздраженные его к ним презрением, скрежетали зубами от отчаяния.

Таковы явные и открытые действия врага нашего спасения – диавола! Но эти открытые действия бывают направлены преимущественно против людей благочестивых, а с нами, грешными и нерадивыми, он и не станет вступать в открытую борьбу.

Один пустынный старец, встав ночью, по обычаю, на молитву, услышал звук военной трубы, созывающей на битву, и удивился: откуда в такой безлюдной пустыне быть войскам? Тогда явился ему бес и сказал: «Да, это, конечно, войска, потому что ты стоишь на молитве. Ложись и спи, если не хочешь, чтобы мы с тобой воевали; мы воюем только с теми,

которые вооружаются против нас молитвой, а с ленивыми мы не боремся».

Случай из священнической практики

Рассказ священника Иоанна Баронова

В 1856 году, во вторник шестой недели Великого поста, я был позван приобщить Святых Тайн женщину лет тридцати. На первый взгляд мне показалось, что больная не находится в большой опасности. Она сидела спокойно и разговаривала с окружающими. На мой вопрос, давно ли она нездорова и в чем заключается ее болезнь, эта женщина отвечала твердо и ясно, что с ней сделалось что-то ныне ночью и она чувствует себя больной, а потому и желает заблаговременно приобщиться. Началось чтение молитв. Больная вначале раза два перекрестилась. Но далее рука отказалась служить ей, она пыталась приподнять руку, но не могла. Через несколько минут той же рукой перекрестила ее помогавшая ей женщина, но повторить это была уже не в состоянии и прислужница, ибо рука перестала сгибаться. По глазам и по лицу больной видно было, что происходит резкое ухудшение ее состояния. По окончании молитв и по выходе из комнаты посторонних лиц, я приступил к исповеди. На первый мой вопрос больная произнесла несколько невнятных слов, потом совершенно онемела и только давала утвердительные или отрицательные знаки рукою или движением головы и, наконец, лишилась всякого движения и смотрела на меня бессмысленно. Сколько ни употреблял я усилий, чтобы вызвать с ее стороны хоть какой-нибудь признак сознания и понимания, ничто не помогало. Я позвал родных.

Минут через пять она как будто очнулась, сделала знак рукой и хотела что-то сказать, но не смогла. Желая воспользоваться минутами сознания, я изготовил Святые Тайны. Но лишь подошел к ней со Святыми Дарами, как у нее вдруг начались сильнейшие конвульсии. Руки опустились, голова опрокинулась назад, глаза закатились под лоб, зубы стиснулись и заскрежетали, и она совершенно омертвела. В страхе отступил я назад. Через несколько минут больная опять очнулась. Я вторично приступил к ней со Святыми Дарами, но опять начался тот же припадок. Три раза приступал я к больной со Святыми Дарами, чтобы приобщить ее, – но безуспешно. Каждый раз она впадала в омертвение, но когда я отходил, немного приходила в себя.

Поручив больную воле Божией, я принужден был удалиться без всякого успеха, попросив ее домашних известить меня о состоянии больной. Через несколько дней я получил весть, что Татьяна (так звали больную) кричит покликушей, т. е. беснуется, и что с того дня, как я был у

нее, она ни на одну минуту не приходила в себя. Мне стало жаль ее и их бедное семейство, в котором, при четырех совершеннолетних мужчинах и четырех малолетних детях, была только одна Татьяна, женщина достойная, скромная, трудолюбивая и богобоязненная.

Увидеть лично больную мне привелось на Светлой неделе. Наряду с другими прихожанами служили мы молебен в их доме. Во время молебна больная сильно кричала и билась так, что удержать ее едва могли двое. Несмотря на беснование, я, однако, приложил к устам больной крест и окропил ее святой водой. После нескольких, как бы от того происшедших судорог больная сделалась спокойнее. Когда из комнаты были вынесены иконы, а вслед за ними вышли и все домашние на двор, чтобы там приложиться к иконам при пении пасхальных стихир, я остался в комнате с одной только женщиной, которая присматривала за больной. В моем присутствии Татьяна начала бранить меня разными оскорбительными словами; но я, не обращая внимания на ее слова, пристально смотрел ей в лицо.

Меня при этом особенно поразило то обстоятельство, что в то время как слова произносимы были ею с особенной горячностью и значительным ударением, в лице ее не обнаруживалось ни малейшего выражения, – она лежала с закрытыми глазами, как полумертвая, и только слегка шевелила губами. Притом, говоря о себе самой, она выражалась в мужском роде. Когда поток слов несколько остановился, я сказал: «Татьяна! Какая ты была прекрасная женщина! С радостью, бывало, встречала меня и усердно молилась со мною, а теперь как жестоко обижаешь меня! Не стыдно ли и не грешно ли тебе?» «Да я вовсе не Татьяна», – прозвучало в ответ. – «Как не Татьяна? Я вижу Татьяну». – «Видишь Татьяну, да говорит-то не Татьяна, а я». – «Кто же ты?» – «Ты сам знаешь, кто я, и если скажу, то не успеешь убежать отсюда». – «Но если ты не Татьяна, то зачем пришел сюда?» – «Я не сам собою пришел, а мне вышло такое определение от моего начальника. Впрочем, нечего распространяться, ступай отсюда, твои товарищи уже ушли, тебя никто не звал, и я терпеть тебя не могу». – «Но если ты не Татьяна, то ты не в свое место зашел и, боясь имени Воскресшего ныне Господа Иисуса Христа, должен выйти отсюда». – «Да, я уйду, только не теперь. А теперь мне нет еще определения от моего начальника». – «Когда же это будет?» – «Тогда, как пройдут эти Великие дни. В эти дни мне нигде нельзя показаться, и я должен оставаться там, где мне приказано». При этих словах начали входить в избу домашние, и я, прекратив разговор и осенив больную крестом, удалился.

Но слышанные мною слова взволновали меня, я много думал об этом

разговоре и ждал, не произойдет ли действительно какой перемены с больной. Так и случилось. В понедельник на Фоминой Неделе меня попросили приобщить больную, объяснив, что прошедшей ночью ей сделалось легче и она пришла в себя.

Действительно, нашел больную выздоровевшей – она ходила и стояла без посторонней помощи, говорила хорошо и свободно. В лице ее и глазах выражалась какая-то особенная живость и разумность, чего не было даже в здоровом ее состоянии. Во время молитв ко причащению она молилась так усердно, с такой горячностью, что привела меня в удивление. При исповеди она обнаружила такую искренность и чистосердечие, такую сильную веру и любовь к Искупителю, такое разумное понимание Святого Таинства, какого не случалось мне встречать между сельскими жителями и какого невозможно предположить в женщине необразованной и ума недалекого. Все доказывало, что она находится под особенным осенением благодати Божией. С величайшим благоговением приняв Святые Тайны, она в душевном, благодатном восторге возблагодарила Господа долгим земным поклоном. После причащения Татьяна просила у меня прощения и благословения, как бы перед самой смертью.

Желая успокоить ее, я старался возбудить в ней надежду на выздоровление. Но на мои слова она с полной уверенностью сказала, что ей остается жить недолго. Часа через три после сего меня известили, что Татьяна скончалась... Обстоятельства, сопровождавшие ее болезнь, как то: первоначальные припадки, воспрепятствовавшие преподать ей Святые Тайны, терзание ее и биение самой себя, произнесение кощунственных слов, несообразных с душевным ее настроением, и проявление мыслей, превышающих умственные ее способности, прекращение беснования, случившееся, как было предсказано, по прошествии великих дней Светлой недели, – не оставляют сомнения в свойстве ее болезни.

Больная находилась под влиянием злого духа. А благодетельная перемена, происшедшая с ней пред самой смертью, вразумительно говорит о благодати Божией, которая, допустив страдание и изможднение тела, достигла через то высших и благодетельных целей, именно: очистила, просветила и спасла дух.

О духовных средствах борьбы со злыми духами

Нам даны Иисусом Христом, Спасителем нашим, все средства к победе над диаволом. Благодатию Христа подсекается грех, живущий в нас (см.: Кол. 2, 11–12). Господь истребил силу сатаны и полчищ его бесовских, отняв у них всякую власть над нами. *Отняв силы у началъств и властей, властно подвергал их позору, восторжествовав над ними Собою* (ср.: Кол. 2, 15). Только посредством греха и страстей бесы льнут к душе, и она, пока во грехе, бывает ослеплена ими и является как бы одетой в них. Пиявки облепляют тело живое и сосут из него живую кровь; но если обдать тело соленой водой, то пиявки тотчас отпадут. Так и Господь осолил естество наше солью благодати Святаго Духа. И бесы все должны были отскочить от него, пораженные Божественной Силой и светом веры с возлюблением святости. О возможности избавления от бесов при помощи благодати Божией и при пользовании богодарованными для сего средствами свидетельствуют святые отцы Церкви. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Если диавол и хищник, то от нас зависит не давать ему расхищать»[2]. Святитель Григорий Нисский говорит: «Когда естество наше пало в грех, наше падение Бог не оставил Своим Промыслом, но в помощь жизни каждого приставляет некоего Ангела из приявших бесплотное естество; но, с противной стороны, растлитель естества ухищряется на то же посредством лукавого и злотворного демона, который бы вредил человеческой жизни. Человек же, находясь среди Ангела и демона, сам собою делает одного сильнее другого, свободной волей выбирая учителя из двух. Добрый Ангел указывает помыслам блага добродетели, какие преуспевающими открываются в уповании, а другой показывает вещественные удовольствия, от которых нет никакой надежды на благо. Посему если кто чуждается того, что манит к худому, устремив помыслы к лучшему и порок как бы поставив позади себя, а душу свою, как некое зеркало, обратил лицом к упованию благ, чтобы в чистоте собственной его души напечатлелись все изображения и представления указуемой ему добродетели, то сретает его тогда и оказывает ему вспоможение брат; ибо по дару слова и разумности души человеческой Ангел некоторым образом является человеку братом».

«Сильное орудие на демонов – правая жизнь и вера в Бога. Боятся злые духи подвижнического поста, бдения, молитв, кротости, безмолвия, несребролюбия, нетщеславия, смиренномудрия, нищелюбия, милостыни, безгневия, преимущественно же – благочестивой веры во Христа.

Преподобный Иоанн Кассиан, говорит: *подстерегает* враг *в потаенном месте, как лев в логовище* (Пс. 9, 30), скрывая для нас сети и мрежи помыслов нечистых и нечестивых. Но и мы, если не спим, можем еще большие и опаснейшие для него поставить сети, тенета и засады, ибо молитва и псалом, бдение (духовное) и смиренномудрие, служение ближним и милость, благодарение и слушание Божественных словес – вот засада врагу, и сеть, и яма. И бичи, и тенета, и удавление».

Никто не оставайся без брони, которой, по Апостолу, служит добрая вера; никто не будь без щита, который есть смирение, никто – без меча, который есть Божественная молитва, никто – без шлема, который есть послушание и прочее. Крепкий во бранех Господь, оружием креста поразивший начала и власти мироправителя века сего, *дал нам власть наступать на змея и скорпионов, и на всю силу вражию* (ср.: Лк. 10, 19)[3]. *Противостаньте диаволу, и убежит от вас,* говорит апостол Иаков (Иак. 4, 7). Надо только не ослабевать в борьбе с врагом и с терпением вести войну, помня завет Господа: *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19). За победу над диаволом ждет нас вечная награда в Царстве Небесном. Если диавол особенно сильно нападает на нас, то это первый признак его слабости, ибо, если бы мы были побеждены им, ему нечего было бы вступать в борьбу с нами. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Никто не может так свидетельствовать о поражении диавола и демонов, как жестокое их нападение на нас». *Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими* (Рим. 16, 20). «Если Христос восходит на небо, восходи с Ним и ты, будь в числе сопровождающих или сретающих Его Ангелов».

Святые отцы и учители Церкви указывают следующие средства для борьбы с диаволом: веру, слово Божие, призывание имени Христа Спасителя нашего, страх Божий, смирение, трезвение, молитву, крестное знамение. Эти средства мы сами можем употреблять в борьбе, а есть и такие, которыми возможно пользоваться через священнослужителей, – это покаяние с причащением и заклинание.

1) Вера. – Невещественный щит против невидимого врага. *Паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все стрелы лукаваго* (Еф. 6, 16). Диавол часто бросает разжжешгую стрелу похотения срамных удовольствий, но вера, напоминая Суд и охлаждая ум, угашает стрелу сию. Если веруем в Бога, то не боимся демонов, ибо Господь посылает нам помощь Свою. Губитель не найдет себе места в нас, если ограждаться щитом веры.

2) Слово Божие. – «Духовный меч для борьбы с диаволом есть глагол Божий». «Противоположи ему (искусителю) слово Живота, которое есть

Хлеб, посылаемый с неба и дарующий Жизнь миру», – говорит святитель Григорий Богослов. Губитель никогда не найдет в нас места себе, если отражать его мечом Слова Божия. Бесов должно прогонять, по примеру Христа, словами Священного Писания.

3) Призывание имени Христа, Спасителя нашего. – *Именем Моим будут изгонять бесов* (Мк. 16, 17), сказал Спаситель. Отцы Церкви и учители свидетельствуют об исполнении обетования Христова. Святой мученик Иустин говорит: «Мы всегда молим Бога через Иисуса Христа, чтобы сохраняться нам от демонов, которые чужды Богопочтения и которым мы некогда поклонялись, – дабы мы, после обращения к Богу через Христа, были непорочны. Ибо мы называем Его Помощником и Спасителем, от силы имени Которого трепещут демоны, и теперь, когда заклинаем именем Иисуса Христа, Распятого при Понтии Пилате, они повинуются нам; отсюда для всех очевидно, что Отец Его дал Ему столь великую силу, что и бесы покоряются имени и домостроительству бывшего страдания Его». «И доныне трепещут демоны при имени Христовом; сила Его имени не ослаблена и нашими пороками. А мы не стыдимся оскорблять и достопоклоняемое имя Христово и Самого Христа», не стыдимся слышать, как отвергают христианство, как бы стыдясь быть верующими сынами Его... Святой Феодор Едесский говорит: «Никто из нас не может собственными силами избежать козней лукавого, но только непобедимой силой Христовой».

О силе призывания имени Божия в «Прологе» содержится следующий рассказ. В Константинополе был чародей, который хотел привлечь к служению бесам одного отрока. Чтобы показать силу и величие князя бесовского, чародей увел отрока за город в ненаселенное место. И вот обольщенному отроку представился большой город с железными воротами. Чародей входит с отроком в воображаемый город и вводит его в посреди стоящий храм. При входе видит отрок много светильников горящих и на высоком престоле сидящего, подобного царю, и окруженного многочисленными слугами, – это был князь бесовский, который радостно приветствовал чародея, посадил его рядом с собою и спросил, для чего он привел отрока? Чародей отвечает: «Мы твои слуги, и он хочет быть твоим». Сатана спрашивает отрока: «Мой ли ты слуга?» Отрок же воскликнул: «Я служитель Отца и Сына и Святаго Духа». От этого возгласа вдруг пал с престола сатана, погиб чародей, исчезли все призраки города и храма.

4) Страх Божий. – Тому, кто из-за любви боится оскорбить Создателя своего и носит постоянно в сердце благодатную память о милостях

Божиих и страх быть неблагодарным за них, тому не страшен ни диавол, ни человек, ибо тот не боится смерти, уповая на Жизнь Вечную, даруемую Богом. Святой Ефрем Сирин говорит: «Страх Божий – крепкий столп перед лицом вражеским: не разоряй сего столпа и не будешь взят в плен». Святой Симеон Новый Богослов говорит: «Боящийся Бога не боится устремления против него бесов».

5) Смирение. – Смиренному не страшен никто, ибо на смиренного не поднимается рука; ему не страшны лишения и муки, ибо смирение не дает чувствовать уязвления от преследований врага; о стену смирения разобьется всякое зло. Святой Симеон Новый Богослов говорит: «Что мужественнее сокрушенного и смиренного сердца, которое без труда обращает в бегство полки бесов и совершенно прогоняет их?» Преподобный авва Дорофей говорит: «Когда святой Антоний увидел распростертыми все сети диавола и, вздохнув, вопросил Бога: «Кто может избегнуть их?» – то Бог ответил ему: «Смирение избегает их» – и присовокупил: «Они даже не прикасаются к нему», т. е. к смирению.

6) Трезвение, духовное бодрствование. – Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Страшно, страшно, возлюбленный, быть уловленным кознями диавола, ибо тогда душа как бы запутывается в сетях и, как нечистое животное, валяясь в грязи, услаждается этим, так и она, предавшись греховной привычке, уже не чувствует зловония грехов, – посему нужно бдеть и бодрствовать, чтобы с самого начала не дать лукавому демону никакого доступа к нам, дабы он, омрачив у нас ум и ослепив око душевное, не заставил нас, не могущих взирать на свет Солнца Правды, подобно лишенным видимого солнечного света, стремиться в пропасть». «Если мы будем с осторожностью располагать своими поступками, то получим и от Господа великую милость и избегнем козней диавольских. Когда диавол видит, что мы бдительны и осторожны, то, зная, что его покушения (на нас, для соблазна нашего) будут бесполезны, удаляется со стыдом»[4].

7) Молитва. – Молитва есть средство нашего общения с Богом: молитвой мы возносимся до небес. В молитве черпается вера, ибо в молитве человек чувствует счастье благодати, от Бога исходящей, и уже не может сомневаться в существовании Бога. Молитвой человек очищается, ограждается, спасается. В молитве человек чувствует свою душу; познает себя духом самостоятельным от тела, могущим вознестись до Самого Создателя своего и узреть Его духовными очами. (Говорится о настоящей молитве, а не об одном произнесении слов молитвенных, наизусть выученных, когда не вникают в говоримое, не понимают говоримого, не

чувствуют сказанного вследствие отсутствия мысли, занятой земными помыслами, посторонними молитве.)

Святитель Василий Великий говорит: «Если во время молитв он (диавол) и стал бы влагать лукавые мечтания, душа да не перестанет молиться и да не почитает собственными своими произращениями эти лукавые влеяния врага, эти мечтания неистощимого в кознях чудодея, но, рассудив, что появление неподобных мыслей бывает в нас по неотвязности изобретателя лукавства, тем усиленнее да припадем к Богу и да молим Его рассыпать лукавую преграду остающихся в памяти непристойных (для молитвенного состояния) помыслов, чтобы стремлением ума своего беспрепятственно, без всякого промедления и мгновенно, востечь к Богу; тогда нашествие лукавых помышлений нимало не будет пресекать пути к молитве, если же и продолжится таковое восстание помыслов по неотвязности воюющего с нами, то и в этом случае не следует приходить в отчаяние и оставлять подвиг на половине дела, но терпеть, продолжая молиться дотоле, пока Бог, видя нашу стойкость, не озарит нас благодатию Святаго Духа, которая обращает в бегство наветника, очищает и наполняет Божественным светом ум наш и дает то, что мысль наша в тишине служит Богу с весельем».

Преподобный Антоний Великий свидетельствует, что молитва – одно из сильных оружий на врага человеческого. Святой Симеон Новый Богослов говорит: «Христианин, совершающий молитву как бы труд какой и чувствующий (во время молитвы), что как будто против воли терпит насилие, понуждение и мучение, таковой пусть не думает, что освободился от руки диавола, пусть знает, что он мысленно (т. е. своими помыслами) еще удержан игом лукавого мучителя». Нужна, следовательно, для общения с Богом молитва свободная, непринужденная, которая бы составляла жизнь души. Святитель Григорий Нисский говорит: «Должно молиться, ибо следствие молитвы то, что бываем мы с Богом: а кто с Богом, тот далек от сопротивника», и еще: «Тот, кто страшится приражения лукавого, пусть молится, чтобы не быть ему во власти лукавого».

Итак, будем молиться, ибо в молитве мы приходим в общение с Богом и познаем Его.

8) Крестное знамение. – По выражению церковной песни: «Крест бесов губитель», «бесов отгонитель», «Крест воздвижется – и падают духов бездушных чинове». Преосвященный Феофан Затворник говорит о значении и силе Креста Господня так: «Крестом примирено небо с землей, низведен Дух благодати в освящение всех, и в обличение всех властью

наступать (силою креста) на всю силу вражью; почему бесы и не могут взирать на крест: от одного вида его бегут. Крестное знамение есть ограждение верующих и победное оружие на невидимых врагов». Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Не просто перстом должно крест изображать, но должно сему предшествовать сердечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не возможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого он получил смертельную рану. Ведь если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасаются демоны, видя оружие, которым Христос разрушил всю силу их и отсек главу змию. Итак, напечатлей крест в уме твоем и обыми (мысленно) спасительное знамение душ наших. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны».

О том, что крестное знамение отгоняет диавола, сознался демон волхву Киприану, по поручению которого он думал одолеть девицу Иустину, но не успел в этом. На вопрос Киприана: «Скажи мне, каким оружием она сопротивляется?» – тот отвечал: «Не можем зреть на знамение крестное, но бежим от него».

9) Покаяние и причащение. – Святой Ефрем Сирин говорит: «Блаженны те, которые, попав в сети врага, успели разорвать его путы и скрылись, бежав от него, как рыба, спасшаяся от сети. Рыба пока в воде, если, будучи поймана, порвет сеть и скроется в глубину, то спасается; а когда извлечена на сушу, то не может уже помочь себе. Так и мы, пока еще в этой жизни, имеем от Бога власть разорвать на себе узы вражеской воли и покаянием свергнуть с себя бремя грехов и спастись. А если застигнет страшное оное повеление, и душа выйдет, и тело предано будет земле, то не в силах уже мы помочь себе, как и рыба, извлеченная из воды и заключенная в сосуд, не может уже оказать себе помощи».

Иноки Каллист и Игнатий говорят: «Иоанн Вострский, муж святой и власть имеющий над духами нечистыми, спросил бесов, живших в некоторых отроковицах бесноватых и злодействовавших в них, говоря: «Каких вещей боитесь в христианах?» Те ответили: «Вы воистину имеете три великие вещи (отгоняющие бесов): первая – та, что вы носите на шее вашей; вторая – та, что омываетесь вы в Церкви; третья – та, что вкушаете вы в собрании». Тогда он спросил их: «Из сих трех чего боитесь больше вы?» Они ответили: «Если бы добре хранили то, чего причащаетесь, то никто из нас не возмог бы оскорбить христианина». Эти вещи, коих боятся наши неистовые враги паче всего, суть: Крест, Крещение и Причащение». Действительно, что может быть большим доказательством веры в

Спасителя, чем исполнение Им завещанного общения с Ним через Причащение, и что есть большая заслуга, искреннее покаяние перед Богом? Мы, люди, и то не можем устоять в гневе на кающегося нам в проступках своих против нас человека. Мы и то всегда готовы простить искренно кающегося; разве это не доказательство, что есть спасение в искреннем покаянии?..

Итак, спасение душ наших от рабства загробного диаволу заключается в общении с Христом Спасителем нашим по завещанной Им нам на Тайной вечери заповеди и в искреннем покаянии Ему в грехах наших, при старании не повторять уже то, что осознано нами грехом; только в этом последнем случае мы можем доказать искренность покаяния. Покаяние – это выражение познания греха своего, а раз узнал человек, что есть грех, разве он повторит этот грех, если он в нем искренно покаялся? А если повторит, значит – не искренно было его покаяние.

10) Заклинание. – По определению святителя Григория Богослова, «заклинание – есть изгнание демонов». Святой Иустин мученик говорит: «Мы, верующие в распятого Иисуса Господа нашего, заклинаем всех демонов и злых духов и держим их в нашей власти». И еще: «Всякий демон побеждается и покоряется через заклинание именем Сына Божия». Действительно, заклинание оказывается сильным оружием христиан против диавола. Часто получают исцеление такие больные, которые признаны врачами безнадежными.

Да и где искать больше исцелений, как не в храме Божием, где собраны люди от имени Господа?.. К кому больше прибегать за помощью, как не к Господу Богу и святым Его, к Матери Божией?.. Кто, кроме Господа, может исцелить нас от грехов наших, кто, кроме Господа, может уврачевать нашу душу, какие врачи телесные могут излечить эти язвы человеческие?

Исцеляет Господь по благости Своей душевные болезни, с которыми связаны телесные муки, прощением грехов, породивших сии муки. Правда, не всегда тотчас исцеляются больные, но это потому, что иногда Господь наказывает людей, видя неискренность их обращения к Нему, а вместе с наказанием учит терпению. Главной причиной Божиих наказаний служит недостаток в нас веры. Оттого-то и не получают неверующие долго исцеления, что Господь желает нас испытать и научить вере, подавая пример другим.

Дерзайте, и Бог поможет вам

Авва Антоний, основатель и настоятель лавры Илиотской, поведал нам об авве Феодосии молчальнике то, что слышал от него самого. «Прежде чем удалиться в пустыню, – рассказывал авва Феодосии, – в состоянии духовного восторга я видел юношу, лицо которого сияло светлее солнца. Взяв меня за руку, он сказал: «Пойдем, тебе предстоит состязание», – и привел меня в театр, обширности которого я не могу описать. Весь театр был наполнен зрителями. Одна часть их была в белых одеждах, другие были в черных, как эфиопы. Юноша привел меня на середину театра. Здесь я увидел эфиопа необыкновенного роста: голова касалась облаков. Он был безобразен и имел вызывающий вид. Явившийся мне юноша говорит: «Вот с ним тебе предстоит борьба». При виде исполина я пришел в ужас и задрожал... «Кто же из людей, с одними человеческими силами, может бороться с ним?!» – воскликнул я, обращая умоляюще взоры на приведшего меня юношу. «А ты все-таки бодро выходи против него: я буду при состязании... Сам буду судьей и вручу тебе победный венец».

Мой противник также выступил на середину, и мы начали борьбу. Быстро явился Ангел и вручил мне венец. И вот все множество эфиопов с воплем вдруг исчезли. Другая часть людей, облеченных в белые одежды, воссылала хвалу Господу, Который через Своего Ангела помог и доставил мне славную победу».

НЕДЕЛЯ 6-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Исцеление расслабленного

Однажды Иисус прибыл в Капернаум, на который смотрел как на Свой город[1], и пришел в дом, вероятно святого апостола Петра, где останавливался каждый раз во время Своего пребывания в этом городе. Тотчас собрались в этот дом многие, так что уже и у дверей не было места; и Он говорил им слово. Тут сидели фарисеи и законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи и Иудеи и из Иерусалима. И вот принесли к Нему расслабленного, положенного на одре. Будучи одним из тех, которые хотят войти в Царство Небесное силою, больной вместе со своими друзьями решился добиться встречи с Иисусом. Четверо носильщиков, не найдя, где пронести его, за многолюдством, влезли на верх дома, раскрыли кровлю дома и, прокопав ее (вынув несколько черепиц), сквозь кровлю и опустили расслабленного перед Иисусом. Испугавшись, вероятно, своих действий, которыми он получил возможность приблизиться к Спасителю, расслабленный молчал; но Иисус, видя веру, на деле показанную расслабленным и его друзьями, сказал: *дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9, 2).

При этом некоторые книжники и фарисеи помышляли в сердцах своих: *что Он богохульствует? Кто может прощать грехи, кроме единого* Бога? (Мк. 2, 7). Спаситель отпустил грехи больному, как имеющий на это полную власть, и показал Свое одинаковое достоинство с Богом Отцом. Книжники, снедаемые злобой и думая обвинить Его в богохульстве, невольным образом прославили Его за исцеление души, говоря, что власть отпускать грехи принадлежит одному Богу. Желая показать, что Он есть Бог, равный Богу Отцу, Спаситель открыл то, о чем книжники помышляли только в себе и чего, опасаясь народа, не смели обнаружить перед всеми. «Для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?» – неожиданно сказал им Господь. Если кто мог негодовать, так разве только больной, как обманувшийся в своей надежде. Он мог сказать: «Я пришел для того, чтобы Ты исцелил меня от расслабления, а Ты врачуешь другое; чем я могу увериться в том, что мне отпутаются грехи?» Но он ничего подобного не говорит, а предает себя во власть Исцеляющего. Книжники же, будучи горды и завистливы, порицают самые благодеяния Его, оказанные другим. Потому-то Спаситель обличает их, впрочем, с кротостью. «Если вы не верите первому доказательству Моей Божественности и почитаете слова Мои тщеславием, то вот Я присовокупляю еще другое – открываю ваши тайны», наконец, спрашиваю

вас: *что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи твои; или сказать: встань, возьми одр твой и ходи?* (Мк. 2, 8–9). Первое может сказать всякий, за несуществованием возможности удостовериться – прощены грехи или нет. Но кто может сказать второе выражение, и за его словами последует исполнение, тот, наверное, должен быть облечен на то властью свыше. Если Я одним словом могу исцелить расслабленного, то не ясно ли, что Я имею власть на земле прощать грехи? *Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, сказал Он расслабленному: тебе говорю: встань, возьми одр твой и иди в дом твой* (Лк. 5, 24). С этим словом возвратились силы в расслабленные члены и мир в разбитую душу; расслабленный мгновенно выздоровел и тотчас встал перед ними, взял одр свой и пошел в дом свой, славя Бога.

Исцелив расслабленного, Господь посылает его в дом, показывая опять Свое смирение и подтверждая, что сотворенное Им чудо не есть мечта; ибо тех, которые были свидетелями болезни расслабленного, делает свидетелями его здоровья. Так Господь показывает, что Он есть Творец души и тела, и, исцеляя больного от расслабления духовного и телесного, открывает невидимое посредством видимого. Но свидетели этого пресмыкаются еще долу. Хотя они разменивались друг с другом восклицаниями удивления, не без примеси страха: чудные дела видели мы ныне! Никогда ничего такого мы не видели; но плоть препятствовала им вознестись горе, ибо они, говорит Евангелист, прославили Бога, давшего такую власть человекам[3], все еще не понимая, что перед ними Сам Бог.

Нет зла злее греха

Из «Летописи» святителя Димитрия, митрополита Ростовского

Грех – великое зло, и много зла от него происходит. Грех светлого Ангела обратил в темного сатану и низринул его с небес. Грех Адама изгнал из рая и навел проклятие и смерть на весь человеческий род. Грехи, умножившиеся между людьми первого мира, покрыли водами потопными бесчисленное множество народов. Скверные грехи истребили огнем Содом и Гоморру и соседние с ними города. Грехи многими казнями поразили Египет и погрузили в море фараона со всем его воинством. За грехи не вошли в обетованную землю, а скончались в пустыне все те израильтяне, которых Бог извел из Египта. Грехи самую землю под Дафаном и Авироном разверзли до ада, людей обращали в скотов, как Навуходоносора, и в столбы бесчувственные, как жену Лотову, и никогда никого не щадили, а, напротив, всякому грешнику готовили от Бога суд и наказание. Грехи человеческие пригвоздили ко Кресту и Самого, ни в чем не повинного, Праведного и Святейшего Сына Божия, *яко греха не сотвори, ниже обретеся лесть во устех Его* (ср.: Ис. 53, 9). Пощадят ли они какого-нибудь грешника? Тяжкие грехи низвергали с престолов сильных земли, разоряли царства, разрушали города, уничтожали стройные полки войск, опустошали целые страны, да и ныне делают то же самое... О, как жесток всякий грех! Хорошо увещевает Писание: *якоже от лица змиина бежи греха, аще бо приступиши, угрызнет тя* (Сир. 21, 2). Нет в поднебесной зла злее греха. Будет ли болезнь или какая напасть, нищета или гонение, беда или злострадание – все это еще не столь великое зло, как смертный грех. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Что такое болезнь? Что слепота? Все это – ничто; вот величайшее зло – это грех!» Почему же все скорби и беды в мире – ничто противу греха? Да потому, что все это – временное, а грех готовит муку вечную. Если даже и будет он прощен, то все же он останется в памяти самого совершившего навсегда.

Как рана на теле хотя бы и была исцелена, но оставляет знак, так и в душе, согрешившей и получившей прощение от милосердия Божия, хотя она и будет обитать в Царствии Небесном, однако же в ней останется воспоминание о грехе, как знак бывшей ее раны. За то помилованный грешник и будет во веки веков славить и благодарить Бога, что Бог простил ему столько тяжких грехов и беззаконий. Таким образом, и по кончине человек вечно будет помнить грехи свои. Разве в том будет разница, что осужденный грешник будет в муке вечной воспоминать свои

грехи на большее мучение своей совести, а тот, кто получил милость Божию, будет их помнить на большее прославление милосердия Божия, которое простило ему грехи.

Грех – это такое великое зло, за которое человек сам собой, без содействия милосердия Божия, никогда не может совершенно удовлетворить правде Божией, хотя бы он прожил и тысячу лет и все эти годы провел в трудах покаяния, в посте, молитвах и слезах. «Если бы, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – если бы грешник заставил всю вселенную плакать о себе, если бы он весь Иордан в слезы претворил и каплями от очей своих извел, если бы и тысячью смертей за Христа пострадал, и тогда не может он сам собою уплатить долга за грехи свои, ибо не может же кровь его сравняться с Кровью Сына Божия, за нас, грешных, пострадавшего». Один грех Адама был столь тяжек, что его не могли искупить все слезы праотцев, вся кровь пророков, невинно пролитая; нужно было, чтобы Сам Сын Божий сошел с неба, воплотился, пострадал и Своею Кровью уплатил долг правосудию Божию за грех человеческий.

Что же нам делать не с одним, а *с* бесчисленным множеством тяжких грехов наших? Что принесем Богу за них? Чем расплатимся, если не взыщем Божия милосердия? Но хотя и будем искать сего милосердия, мы не найдем, если прежде не расстанемся со своими грехами, ибо невозможно, согрешая, умилостивить Бога!

Грех – такое великое зло, что он не только губит самого согрешающего, но и других, неповинных в грехе, подвергает бедам. За грех Ионы все бывшие с ним в корабле подвергались опасности и отчаивались в жизни своей. Да и во время потопа с нечестивыми людьми погибли и звери, и скоты, и птицы, ни в чем не согрешившие пред Богом, А ныне в мире, как в волнующемся море, сколько бывает бед за грехи людей! И все эти беды вместе с виновными претерпевают и невинные, за чужие грехи страдают и не согрешившие, как это было и при Давиде: согрешил один Давид, а все царство понесло наказание за грех.

Во время болезни исповедуйтесь и причащайтесь Святых Таин Христовых

Когда родные советуют больному пригласить священника для напутствия исповедью и Святыми Тайнами, то некоторые из больных считают такое приглашение священника признаком близкой своей смерти и с огорчением отвечают на добрый совет родных: «Что вы меня готовите к смерти, я еще в силах; стало быть, близок час моей смерти, когда вы посылаете за священником?»

И если после просьб родных больной и согласится, наконец, принять пастыря церкви с Святыми Тайнами, то, как только увидит его входящего, малодушествует, пугается, думая, что настал уже час его смерти.

Думающие так – в великом ослеплении! Смерть вошла в мир вследствие греха: *оброцы бо греха смерть* (Рим. 6, 23), сказано в Писании; а священник приходит к тебе для того, чтобы очистить тебя покаянием от греха и соединить чрез приобщение Святых Тайн с Господом. Зачем же ты смотришь на священника, как на предвестника смерти? Неужели покаяние и приобщение Святых Тайн имеют губительную силу умерщвлять? Стыдно об этом и подумать! Болезнями часто Бог наказывает человека за грехи, а покаяние нередко возвращает здравие человеку. Манассии – царю Израильскому – Бог обещал через пророка здравие, если Манассия раскается в своих грехах; раскаялся Манассия в своих грехах и исцелел. Сам Спаситель, исцеляя больных, прежде всего отпускал им грехи как причины болезни. Так Он, исцеляя больного, расслабленного жилами, прежде всего отпустил ему грехи, потом уже исцелил. Сначала произнес: *чадо, отпущаются тебе греси,* потом сказал: *востани, возьми одр твой и ходи* (ср.: Мф. 9, 2, 6; Мк. 2, 5, 11); то же сказал другому, 38-летнему недужному, исцелив его от недуга расслабления: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14). Если раскаяние во грехах бывает причиной не болезни и смерти, а жизни и здоровья, то тем паче приобщение Святых Тайн. Не сам ли ты читаешь за священником: «Да не в суд или осуждение будет мне причащение Святых Твоих Тайн, Господи, но во исцеление души и тела».

Апостолы Христовы возрадовались, увидевши Господа, а ты печалишься, когда священник приносит тебе Пречистое Тело Его? Такую гибельную мысль внушает тебе древний человекоубийца – сатана, чтобы ты умер без исповеди и приобщения Святых Тайн или приняв Святые Дары без живой веры и чистосердечного раскаяния во грехах. И что же

будет, если ты, боясь пригласить священника благовременно, сойдешь в могилу без покаяния или, по усилившимся недугам, сделаешься неспособным к истинному покаянию? Тогда вечная погибель твоя неизбежна.

Нет, православные христиане, не опасайтесь во время своей болезни приглашать священника для исповеди и приобщения Святых Тела и Крови Христовых; через это видимо иногда обнаруживалась чудодейственная сила Божия, исцеляющая больных. Для примера расскажем вам, что пишется в житии святого Алипия.

«Был некто в Киеве человек богатый, который страдал самою тяжкой болезнью – проказой. Долго лечившись у врачей, он не получил никакой пользы. Тогда один из друзей его посоветовал ему идти в Киево-Печерский монастырь и просить преподобных отцов Печерских, Антония и Феодосия, чтобы их молитвами подал Бог ему здравие. Больной, вынужденный усиленными просьбами своего друга, хотя и пошел в обитель Печерскую, но не вполне верил в силу молитв преподобных Антония и Феодосия. Как скоро он представлен был игумену обители Печерской, тот велел напоить его и умыть ему лицо и голову водой из колодезя преподобного Феодосия. Только больной напился воды и умылся, так тотчас покрылся весь гноем за то, что не с полной верой в молитвы святых Антония и Феодосия пришел в монастырь; болезнь до того усилилась, что все начали избегать его, ибо по причине смрада, исходившего от него, нельзя было находиться рядом с ним. В таком ужасном положении, со слезами и печалью, он возвратился в свой дом и несколько дней не покидал его. Он признался пред друзьями своими, что Бог наказал его за неверие в силу молитв святых Антония и Феодосия; но болезнь не проходила. Наконец, после размышлений, он решился идти к священнику и исповедать пред ним все грехи свои. А потому, возвратившись в Печерскую обитель, он явился к бывшему тогда священником, ныне преподобному, отцу нашему Алипию, и исповедался во всех грехах своих. Алипий, выслушав от него исповедь, сказал ему: «Хорошо ты сделал, чадо, что исповедал Богу грехи пред моим недостоинством, ибо так и Пророк о себе свидетельствует, говоря пред Господом: *исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего (Не.* 31, 5)». Потом ввел его в церковь и приобщил Святых Тайн; после сего повелел умыться водой, которой священники умывают уста по причащении Святых Тайн, и он получил совершенное здравие телесное.

Духовное врачевство

Некоторый человек, проходя через скит, вошел в находившуюся при нем врачебницу. Увидев многих больных, лежащих в ней, он приступил к врачу и спросил: «Есть ли растения, исцеляющие от грехов?» «Есть, – отвечал врач, – и я тебе укажу их. Возьми корень послушания, ветвь терпения, цвет чистоты и плод добрых дел; сотри все это в сосуде смирения, просей сквозь сито здравомыслия, всыпь в коноб (т. е. котел) упования (надежды), налей воздыханиями и прибавь несколько слезной воды; потом разведи огонь божественной любви, покрой коноб милостынью и обложи его дровами трудолюбия. Когда приготовленный состав совершенно разварится, тогда простуди его братолюбием и прими лжицей покаяния. По принятии этого врачевства с чистой верой, при пособии воздержания и поста, ты излечишься от всякой греховной болезни и будешь здоров как телом, так и душой».

Наказанный и помилованный грешник

Один из церковных писателей, Симеон Метафраст, говорит: «Равное есть зло и еже глаголати неподобная и еже молчати та, яже суть полезна и честна. Яко бо вредит мысли слышащих глаголяй нечестная, тако умалчиваяй добрая лишает благочестивых пользы».

В жизни человека бывают нередко случаи, выходящие из ряда обычных, и, внимательно всматриваясь в них, видишь, как бы в чистом источнике, свидетельства о всеуправляющем Промысле Божием, и чем более проникаешь в сущность происходящего, тем более ясно усматриваешь проявление высшей зиждительной силы, преклоняешься пред Всемогущим Промыслителем, сознаешь свое не достоинство, свою греховность, всечасно оскорбляющую милосердие Божие, и из глубины души взываешь с Царем-пророком Давидом: *что есть человек, яко помниши его?* (Пс. 8, 5).

В конце шестидесятых годов XIX века я, по воле епархиального начальства, был определен во священники в учрежденную тогда правительством Ново-Борисоглебскую центральную каторжную тюрьму. Служба моя была нелегкая, так как мои прихожане все до единого были лишены всех прав и сосланы сюда, некоторые на определенные сроки, другие на бессрочное время, а многие пожизненно. Большинство из них состояло из страшных грабителей и убийц; немало было и политических преступников из «образованных». Одни из них хвастались своим удальством в разбоях и крайним цинизмом в безнравственных поступках; другие гордились своим неверием или отрицанием бытия Божия; а иные щеголяли один перед другим наглым кощунством над учением Православной веры, ее таинствами, обрядами и прочее. И всех таковых (а их было до пятисот душ) я должен был каждый день посещать в их камерах, подмечать их душевные недуги и пастырски врачевать.

Из всех заключенных более всего возбуждали во мне жалость, а потому и особенное сердечное участие в их печальной участи, так называемые вечники, т. е. заключенные в камеры пожизненно. Я просиживал у них иногда по целому часу. На вопрос, как они поживают, не ропщут ли на властей и на Бога за свою горькую долю, одни отвечали молчанием, другие – сознанием своей виновности и заслуженного наказания, некоторые же прямо обижались предложенным вопросом и с усмешкой возражали: «А что, батюшка, если бы вас этак сюда, к нам за

компанию, на высидку до самой смерти посадили, и лишили всякой надежды на какое-либо прозябание в этом мире до конца вашей жизни, – чтобы вы тогда запели? Как вспомнишь свое безвыходное положение, не знаешь, что сделал бы над собой; вот призываем на помощь и ведьм, и домовых, и диавола, но нет избавляющего: мы даже и крестики поснимали с шеи, попереламывали пополам и носим в башмаках под пятками, чтоб сатана не боялся креста, полюбил нас и сделал бы нам визит... О Боге мы теперь уже не помышляем и надежды на Него не полагаем; если бы Он существовал, то, смотря на наши страдания, не утерпел, чтобы не помочь нам; может быть, в старину Он и был, а теперь нет, нет, нет Его».

«Братцы! – возразил на это один каторжник, довольно молодой, миловидный и с облагороженными манерами, оказавшийся студентом Дерптского университета, политический преступник. – Братцы! вы шалите, как дети. Бог-то есть, да не следует только докучать Ему: мол, Господи, да не оставь же меня, дай мне великодушие, я буду лить рекой пред Тобою слезы и класть без счету земные поклоны целую жизнь, только спаси меня, – это все пока лишнее. Вот, например, я! Зачем я буду преждевременно лезть к Богу с просьбами, томить себя охами да вздохами, надрывать душу слезами, морить себя поклонами, постом да молитвой? Я молод, жизнь во мне крепка, мускулы слоновые, поживем смело наверняка годков шестьдесят; подумайте же, батюшка, можно ли с моей стороны столько десятков лет играть роль плаксы? – этак и Богу надоешь, и людям опротиветь; поступать так свойственно только малым, неразумным детям, не дающим покоя матери ни днем ни ночью; а нам, а мне достаточно для всего этого и трех дней. Вот будет мне лет восемьдесят, тогда, лежа на смертном одре, я и скажу от всего сердца: Господи! Ты безгранично милосерд, помилуй меня, как разбойника покаявшегося и висевшего с Тобою на кресте; с ним и меня помяни в Твоем Царствии».

Сделав приличное наставление всем, я, уходя из камеры, особо заметил молодому человеку не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовати; что не наше есть еже разумети времена и лета нашей жизни, яже Бог положи в Своей власти. «Вот вы и сами видите, – продолжал я, – что в этой тюрьме за четыре только месяца умерло от цинги 200 душ, отчего не предположить, что вы будете именно 201-я жертва смерти? Да вразумит вас Господь!»

Через неделю после этого, когда я, по совершении Литургии, потреблял Святые Дары в алтаре, тюремный надзиратель доложил мне, что какой-то арестант желает меня видеть и ожидает у дверей церковных; выйдя, я увидел, к моему немалому удивлению, молодого оратора, недавно

мечтавшего о долгой жизни, исхудалым, бледным, жалким. «Что с вами, – спросил я, – и для чего я вам нужен?» «После выхода вашего из нашей камеры, – отвечал он, – я внезапно сражен был болезнью – кровавым поносом; вот уже целую неделю не сплю, ничего не ем, таю, как воск. Помогите мне, спасите меня, хотелось бы еще пожить». «Лекарств никаких я не имею, – было моим ответом, – да если бы и имел, то, по правилам тюремным, я не могу вам передавать ни порошков, ни пузырьков, ничего, кроме религиозно-нравственных книг. Одно врачевство только и есть у меня – это молитва. Попробуйте и вы это средство, да присоедините к нему еще покаяние и слезы». Не совсем охотно выслушал он мой совет и с поникшим лицом ушел в камеру. Спустя несколько дней, по окончании богослужения, опять докладывают мне об арестанте, имеющем очень спешное и важное дело ко мне. Выхожу и вижу того же самого больного, дрожащего, с впалыми глазами, прислонившегося на коленях к стенке; едва переводя дух, прерывающимся голосом говорит он мне, целуя руки: «Батюшка! болезнь моя нимало не унимается; последние силы истощаются; смерть видимо заносит надо мной свою руку; представление о ней меня ужасает... А переселиться в беспредельную вечность, не сделав добра... О, страшно! О, Господи, помилуй и спаси меня!» – и зарыдал, как дитя. Потом продолжал: «Знаете ли, батюшка, что мне пришло на ум: благословите меня проскомидийной просфорой: я надеюсь, что если я ее с верою съем, то болезнь моя пройдет». Радуясь такой доброй мысли, я моментально вынес из алтаря просимую просфору и, вручая ему, присовокупил: «По вере вашей да будет вам: идите с миром».

И, о дивное чудо! Благодать, присущая святому хлебу, оживотворила смертельно больного: через три дня он пришел ко мне в храм, сияющий радостью, и, в избытке благодарных чувств, как евангельский самарянин, он то повергался пред святыми иконами, прижимая их к себе и лобзая их, то бросался мне в ноги и крепко обнимал их, то хватался за воскрилия священных одежд и целовал их. Ни одного из самых приятных мгновений в моей жизни я не мог сравнить с тем, что в это время испытывала моя душа. Вот, думал я, как осязательно видится Промысл Божий и великое милосердие Божие к грешникам! Он не отвергает обращающегося и не до конца поражает, а хранит и подкрепляет изнемогающего. «Чадо, – вещал я ему от иконы Спасителя, – *се, здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14). Господь тебе, а в лице твоем и другим, дает урок и предостережение, что никогда не следует полагаться на свои силы; что душа каждого в руце Божией, и Бог егоже хощет живит и егоже хощет

мертвит, низводит во ад и возводит; что никогда не следует откладывать спасения души на отдаленное будущее время и что крепкая вера в Бога может творить великая, чудная и славная не только от проскомидийной просфоры, но и горы переставлять с места на место, и нет ничего невозможного для нее».

Хульные помыслы не вредят тем, кто ими пренебрегает

Один епископ, придя в Рим, объявил папе Григорию, что его смущают и обуревают многочисленные хульные помыслы на Бога, так что он от великой скорби изнемог плотью и уже приходит в отчаяние. Услышав это, папа сказал: «Ты – епископ, а не знаешь козней бесовских. Всегдашний враг наш, диавол, когда видит кого-нибудь делающего добро и не может совратить его на путь греха, тогда начинает действовать на него хульными помыслами, дабы возмутить его, расстроить ум, отклонить от добродетели и низвергнуть в глубину отчаяния. Но ты знай, что хульные помыслы не имеют никакого значения и нимало не могут вредить тем, которые ими пренебрегают и не смущаются. Они причиняют вред только тому, кто, будучи малодушен и неопытен, вменяет их себе в грех и впадает в изнеможение от напрасной скорби. На таких же малодушных людях сбывается слово пророка Давида: *тамо убояшася страха, идеже не бе страх* (Пс. 13, 5)".

Размышление о хульных помыслах

Одно из самых тяжких искушений, каким нередко подвергаются люди, стоящие на добром пути христианской жизни, есть всеваемый в душу человека врагом нашего спасения внутренний помысл хулы на все святое. Такое состояние тем мучительнее становится для человека, что он чувствует себя бессильным отогнать от себя хульные помыслы даже во время молитвенного стояния пред Богом. Напротив, в это именно время они как будто еще сильнее действуют на человека, обуревая его ум всякими сомнениями и гнусными образами. Но что всего примечательнее – такому тяжкому искушению подвергаются не только начинающие вести жизнь по Богу, но и люди, долгое время подвизающиеся в деле спасения, – нередко самые высокие подвижники благочестия. Испытывающим такое мрачное состояние духа святитель Феофан Затворник, епископ Тамбовский, преподает следующие советы:

»...Дух хулы мучит вас. Бес... производит их. Делает он это для того, чтобы смущать вас и лишить вас дерзновения к молитве. И то имеет он в виду, не согласитесь ли вы на какую-либо хулу, чтобы ввергнуть вас в грех хулы, а потом – в отчаяние. Против сего беса – первое... не смущаться и отнюдь не думать, что это наши помыслы, но прямо относить их к бесу. Затем – против мыслей и слов – мыслить и говорить противное. Он внушает худое о святом, а вы говорите: врешь, лукавец: он вот каков... Так против сего, – и все говорите, пока не отойдут. Ко Господу обратитесь с такою молитвою: душу мою открываю пред Тобою, Господи! Видишь, что я не хочу таких мыслей и не благоволю к ним. Все всевает враг; отгони его от меня. Святитель Нифонт четыре года мучим был таким духом, который жужжал ему в уши: нет Бога, нет Христа и прочее, он же говорил: и Бог есть, и Христос, и я поклоняюсь Ему и служу всею душою... Бог избавил, наконец, его... У святителя Димитрия Ростовского в первом томе есть об этом статья очень вразумительная и утешительная»[1].

«...Вот вам и обязательное удостоверение, что дух хулы есть в вас вражий: с какой неприязнью он относится к Господу Спасителю?! Ему это натурально, ибо Господь разрушил власть их, так что одно имя Его страшно для них. А нам чего ради внимать этим посевам зелий вражеских! Молитесь, да исторгнет Господь из сердца вашего самую возможность таких помышлений. Причаститься Святых Тайн – очень хорошо! Помоги вам, Господи! Исповедаться надо полно... Расскажите духовнику все и просите молитв».

«...Пишут старцы, что, когда нападает искушение, надо отбивать его от сердца неприязненностью к нему, – и затем, или вместе с тем, обратиться ко Господу с молитвой.

Это сильное, неприятное врагу средство. – К нему надо готовиться в мирном состоянии. Надо настоящую возбудить в себе ненависть против врага и приражений его».

Как иноки освободились от хульных помыслов

Один благочестивый инок, претерпевая нападения от хульного беса в продолжение двадцати лет, изнурил тело свое постом и бдением; но видя, что никакой не получает от того пользы, описал на бумаге все свое искушение и смущение и, придя к некоему святому мужу, вручил ему эту бумагу, повергшись лицом на землю и не дерзая воззреть на него. Старец, прочитав бумагу, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: «Положи, чадо, руку твою на мою выю»; и когда брат сделал это, великий муж сказал ему: «На вые моей, брат, да будет грех сей, как за прошедшее время, так и за будущее; только и ты уже не беспокойся о нем». После этого инок увидел, что он еще не успел выйти из кельи старца, как страсть исчезла... «Я слышал эту повесть, – повествует святой Иоанн Лествичник, – из уст того самого инока, который это искушение претерпел и (который), рассказывая об этом, воссылал Богу благодарение»[1].

Другой брат, будучи возмущаем демонами хулы, пошел к авве Пимену с намерением открыть свой помысл. Но, ничего не сказав старцу, вернулся к себе в келью. Однако, видя, что злой дух сильно возмущает его, вновь пошел к старцу; но, стыдясь открыться ему, вернулся опять, ничего не сказав ему. И так несколько раз поступал он, приходя к старцу, чтобы исповедать ему свой помысл, но от стыда возвращался, не сказав ничего.

Старец узнал, что брат мучится хульными помыслами, но стыдится открыть их, и, когда брат опять пришел к нему и, ничего не сказав, хотел уйти, авва Пимен сказал ему: «Что с тобой, брат, почему ты уходишь, ничего не сказав мне?» Брат отвечал: «Что я могу сказать тебе, авва?» Старец же говорит ему: «Я чувствую, что тебя борют помыслы, но ты не хочешь открыться мне, опасаясь, чтобы я не пересказал их кому. Поверь мне, брат, как эта стена не может говорить, так и я никому не открываю чужого помысла». Ободрившись обещанием старца, брат поведал ему: «Отче, я нахожусь в опасности погибнуть от духа хулы; ибо он старается убедить меня, что нет Бога, чего не допускают и не думают даже язычники». Авва говорит ему: «Не возмущайся этим помыслом, ибо плотские брани хотя приключаются нам часто от нерадения нашего, но этот помысл находит на нас не от нашего нерадения, но есть наваждение самого змия. Потому, когда приходит к тебе такой помысл, встань и молись, и, оградив себя крестным знамением, говори в себе, как бы самому врагу: анафема тебе, и наваждению твоему, твоя хула да будет на тебе, сатана, сам я верую, что есть Бог, промышляющий о всем, а этот помысл

не от меня происходит, но от тебя зложелателя». И я верую, добавил старец, что Бог избавит тебя от такой скорби. Выйдя от старца, брат удалился и поступил по его наставлению. Демон, увидев, что умысл его обнаружен, по благодати Божией, отступил от брата.

НЕДЕЛЯ 7-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О чудесном исцелении слепцов

1. Господь подавал прозрение слепым через Святые Тайны. Святой Иоанн Постник, архиепископ Константинопольский, положил на очи одному слепому часть Тела Христова и сказал: «Исцеливый слепого от рождения, Той да исцелит и тя», – и он прозрел. Такова чудная сила святых Христовых Тайн![1]

2. Один священник рассказал следующий чудесный случай. Он был приглашен в соседнее село для напутствия больного Святыми Тайнами. Во время причащения больного запасная Частица каким-то образом упала у него со лжицы, и сколько ни искали ее священник и хозяева, не могли найти. Больным был слепой старец и все время, пока продолжали искать Частицу, лежал на своем одре, с беспокойством по временам спрашивая: «Не нашли ли?» Наконец, через силу привстав с постели и наклонив голову под лавку, произнес: «Это что, батюшка, под лавкой-то светится?» – и при этом указал пальцем. Благодатный свет никто, кроме старца-слепца, не мог видеть; но, по указанию его, священник нашел Святую Частицу и причастил ею чудного слепца.

3. В числе крепостных отставного поручика Александра Феодоровича была девица Агафья Ильинична, редкой доброты и благочестия. Девица эта служила им с почти отроческих лет и до выдачи в замужество дочери его Анастасии Александровны. Когда последняя, имеющая теперь от роду 76 лет, была лет десяти или меньше, Агафья, ее верная служанка, ослепла. Положение было горестное! При всем том не переставала она уповать на помощь Божию и молиться. И вот что стало плодом молитвенного воздыхания этой кроткой души.

Во сне, несколько раз, она услышала приглашение, чтобы получить исцеление – идти в Палицу. Это было селение, расположенное недалеко от Макарьевского монастыря. Едет туда Агафья с верой живой и уже на паперти церкви чувствует, что начинает прозирать. Входит в храм, кладет несколько поклонов пред чудотворной иконой и совсем стала по-прежнему зрячей. Долго она жила после этого, верно служила своим господам и, наконец, в мире предала дух свой Господу, когда Анастасия Александровна была уже замужем.

4. К настоятелю Каневского монастыря, преподобномученику Макарию, жившему в XVII веке, однажды пришел житель Канева, лишившийся зрения от болезни, покрывшей тело его струпьями. Болезнь, при пособии лекарств, частью облегчилась, но зрение не возвратилось, и

никакие советы врачей не оказали пользы слепому. По совету родных обратился он за помощью к преподобному Макарию. Преподобный отвечал, что лекарств у него нет, но предлагает евангельский совет: веруй и молись Тому, Кто дал зрение слепому. «Иди, – прибавил преподобный, – к навечерию Богоявления Господня и молись». Навечерие совершал сам преподобный, молясь и о слепце. Когда сказал он в молитве храма: «Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя», – слепец ощутил, что мимо очей его прошел резкий луч света, и он стал видеть все. В благодарность построил он храм в честь Богоявления Господня.

Утешительное послание преподобного Феодора Студита к слепцу Евдокиму Спафарию

Итак, ты лишился зрения. Приключение скорбное!.. Ибо как не прискорбно потерять светильник тела? Но с другой стороны, есть за что и благодарить, когда не видим сует мирских, коими обыкновенно увлекаются умы всех против воли. Тебе нельзя входить и быть в собраниях городских и в судебных палатах, но, таким образом, ты освободился от собрания лукавствующих и от сообщества беззаконнующих. Ты знаешь," о чем говорю я. Лишен ли ты имения? И это переносить очень трудно. Но есть побуждение для тебя и сие перенесть с легкостью и быть превыше житейских обстоятельств и отношений. Где, почтеннейший, нашел бы ты столько пространства, как ныне, чтобы упражняться для Бога и познавать Его, сколько то можно? Где столько времени для молитвы, для воздыхания, умиления, воздеяния рук, каким можешь пользоваться в настоящем бедствии? Не видишь ли, что обстоятельства твои склонились к твоему благу и злоба людей обратилась тебе во спасение? Одно то паче всего достойно примечания, что в прежнем состоянии трудно было знать, находился ли ты на пути спасения, когда, как тебе известно, многие препятствовали благочестивому намерению. А теперь не только отверста тебе дверь покаяния, но отверст и вход в Царство Небесное, и всякий богомыслящий поставит тебя в число спасаемых.

О, если б можно было передать свои чувствования другому! Для меня было бы весьма желательно, чтобы с отнятием зрения отняты были у меня, в предметах его, и побуждения ко греху. Но довольно этого по поводу дружбы. Сам Всеблагий Бог да подаст тебе многое утешение и силу переносить все с благодарностью, по примеру блаженного Иова! Да сподобит Он нас войти и в личную беседу, чтобы восполнить то живым голосом, чего нельзя выразить на письме!

Духовные очи прозревают от благочестивой жизни

Слепцы, как и все истинные христиане, имеют несравненно драгоценнейшие телесных духовные очи, видящие и познающие Бога. Они лишились глаз, которыми могли рассматривать внешние предметы, зато они отнюдь не лишились духовных очей, которыми могут на всю бесконечную вечность созерцать Бога и весь духовный мир. Мало того, лишение земного зрения очень часто содействует развитию духовного. Святые отцы часто указывают на существование в нашем духе способности непосредственно ощущать действие и присутствие в нас Божества и через то более и более уяснять себе понятие о Нем и на зависимость этой способности от добродетельной и благочестивой жизни.

Весьма ясно эту мысль развивает Феофил Антиохийский. Обращаясь к язычнику Автолику с целью обратить его к истинному Богу, Феофил говорит: «Если ты скажешь: покажи мне твоего Бога, то я отвечу тебе: покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога; покажи мне, что очи души твоей видят... ибо, как телесные глаза у зрячих людей видят предметы, так точно есть и очи души, чтобы видеть Бога, и Бог бывает видим для тех, которые способны видеть Его, у кого открыты очи душевные. Все имеют глаза, но у иных они покрыты мраком и не видят солнечного света... Так и у тебя, друг мой, очи души твоей помрачены грехом и злыми делами твоими. Человек должен иметь душу, как блестящее зеркало: когда на зеркале есть ржавчина, то не может быть видимо в зеркале лицо человеческое; так и человек, когда в нем есть грех, не может созерцать Бога». Феофил говорит, что в душе человеческой непременно есть духовные очи, чтобы видеть и познавать Бога; но при этом требуется, чтобы очи эти были здоровы и не покрыты тьмой и нечистотой греховной, иначе они не увидят Бога, подобно тому как больные глазами или слепые не видят солнечного света, хотя он и не закрыт для них. Ясно, что Феофил допускает в душе человека существование особенной способности, при помощи которой он может непосредственно ощущать в себе присутствие и действие Божества на душу.

Благодушное перенесение болезни

В одной из московских церквей случайно встретились после долгой разлуки две подруги. Дружба их началась давно, когда они еще детьми сидели рядом в училище; но после окончания курса они должны были расстаться и после этого долго не виделись. Обе были рады неожиданной встрече. Одна из них, Елисавета, была замужем, имела детей, была счастлива, но вот уже восемь лет как болела.

«Чем же ты больна?» – спросила ее другая, Варвара. «Грудь болит, – спокойно ответила Елисавета, – вероятно, у меня чахотка». «Ах, что ты придумала! Если боль в груди, то сейчас и чахотка! Выбрось это из головы!» – поспешила убедить ее Варвара. «Ты думаешь, что это меня огорчает или пугает? Нисколько!» – улыбнулась Елисавета. «Ну, – подумала Варвара, – если так спокойно улыбается, значит, она не признает своего положения опасным». Но она ошибалась.

Поговорив еще немного, подруги расстались, дав слово навестить друг друга.

Варвара, однако, возвращалась домой с неспокойным сердцем; в ее ушах непрерывно звучал изменившийся, глухой голос подруги.

«Боже мой! – думала она, – что, если это правда? Так рано умирать, и когда жизнь так полна! Бедные дети! Бедная Лиза! И кто может спасти от этой страшной болезни? Одно чудо. Что ж, и чудеса бывают, все возможно верующему». Возвратясь домой, Варвара принялась за письмо, советуя своей подруге обратиться за помощью в Кронштадт. Вскоре она узнала, что добрый, сострадательный Кронштадтский пастырь, по приглашению мужа, посетил Елисавету. Но о чем же она просила? На его обещание молиться о выздоровлении она сказала: «Я, батюшка, не хочу выздоравливать, я не тягощусь своей болезнью; только я умирать скоро не хотела бы, а здоровья мне не надо: так для меня лучше». «Это вполне по-христиански!» – ответил ей почтенный гость.

Прошел год, и Варвара, придя однажды к подруге, увидела ее уже лежащую в постели.

«Сядь возле меня, Варя, и я посижу, пока хватит сил», – она поднялась в подушки и села. Как она изменилась! Это была тень прежнего человека: страшная худоба и удушливое, короткое дыхание производили самое тягостное впечатление. Подруги стали говорить о Боге, Промысле Божием, о Его великом милосердии к людям, о путях, ведущих ко спасению.

«У тебя умерла сестра, Варя? Знаешь ли, от меня мои домашние

хотели скрыть ее кончину, как будто в смерти есть что-либо ужасное. Она так прожила свою жизнь, что о ней жалеть и плакать не следует; Бог так милосерд, Он простит человеку его общечеловеческие грехи, если этот человек всегда к Нему шел. Вот о ком надо плакать и горько плакать: кто несколько лет в церкви не был, не считал нужным причащаться Святых Тайн; а есть и такие люди. Ах, Варя, как я скучаю без храма! Как я любила церковные службы! Бывало, когда я еще была здорова, в первые годы моего замужества, если я бывала в театре, я забывала все, что видела и слышала, когда возвращалась домой; побывав в храме за службой, я приходила домой в каком-то необыкновенном настроении, вся наполненная святыми словами, святыми напевами, и потом долго-долго слышались мне эти слова, эти напевы. После моей свадьбы, в первую же субботу, лишь только услыхала я удар колокола, сию же минуту надела шубу и ушла ко всенощной и так не изменяла этой привычке до тех пор, пока не перестала выходить из дому. Часто, придя из церкви домой, я задавала себе вопрос: «Куда так все спешат уйти из храма и неужели может быть выше что-нибудь этого блаженства, как стоять в храме и молиться?»

Варвара стала жалеть ее, что она принуждена оставаться в кровати, и утешать надеждой на выздоровление. «Уверяю тебя, – ответила Елисавета, – я нисколько не скучаю, а что касается до конца страданий, то, конечно, он неизбежен, когда Богу угодно будет послать его. Мне только бывает тогда невыносимо, когда начинается припадок удушья: тогда я страдаю ужасно. Можешь себе представить, как я однажды была безумна! Мои припадки до того участились, что я совсем изнемогла и вдруг сказала: «Ну что же это такое, долго ли так будет? Уж то ли, се ли – поскорее бы конец!» Как будто Бог не знает, сколько мне надо выстрадать? Как я в этом раскаиваюсь! Ты удивляешься и говоришь, будто я необыкновенно терпеливо переношу болезнь. Уверяю тебя, что Бог дает крест по силам, и, когда я смотрю на других, как они страдают, вижу, что мне еще далеко не так трудно, как им. Я больна восемь лет и не слыхала ни одного упрека от своего мужа, а другие сколько сносят попреков в болезни! Нет, мне еще не так трудно!»

«Подкрепи тебя Господь!» – с изумлением проговорила Варвара, глядя на спокойный, ясный взгляд страдалицы.

Вскоре после описанной беседы Варвара была лишена возможности навещать свою дорогую подругу, так как крайне болезненное состояние уже не позволяло Елисавете принимать посторонних посетителей. Тогда они стали писать друг другу письма.

«Помолись о мне, дорогая моя, чтобы Бог дал мне терпение; у меня

такая одышка, – писала Елисавета, слабо выводя буквы карандашом, – почти совсем не могу говорить, пишу лежа. То все лежу – ничего, а то ужасно надоедает. Приходится все лежать на спине: на левом боку – кашель, на правом – душно. Как только услышу чьи-нибудь шаги, тотчас сделается сердцебиение и дух не переведу, и потому никого не вижу, кроме мужа и сиделки».

«Как я рада, как рада! – писала через некоторое время Елисавета, – что наш Милосердый Господь сподобил меня, недостойную, быть причастницей Его Святых Тайн. Подумай, Сам Царь Славы, наш Владыка, изволил прибыть принесенным на груди Своего служителя ко мне, недостойной рабе Его. Он, Царь Небесный, не потребовал пышной встречи и свет Своей неизреченной славы скрыл от наших телесных очей. Я страшно взволновалась, когда услыхала шаги священника, и стала сама не своя; но что же ты думаешь? Лишь только Господь Иисус Христос посетил меня, я даже не чувствовала, бьется ли во мне сердце, или его вовсе и нет. Да, моя милая Варя! что может заменить Господа на земле? Никакое богатство, ни слава, ни все утехи земные; можно обладать всеми этими сокровищами, но если нет в душе Бога, то будет так пусто и, мне кажется, так скучно, что можно с ума сойти».

Все более и более угнетаемая болезнью, Елисавета, однако, находила в себе столько нравственных сил, что исполняла в точности все раз принятые ею ежедневные молитвенные правила и успевала молиться не только за себя, но и за мужа, глубоко сострадая ему: «Его удрученное состояние – моя вторая болезнь, – вылила она свое горе в письме к подруге, – и молюсь-то я за него, а он становится все грустней и грустней».

Наконец, силы совсем стали ей изменять, она слабела с каждым днем. «Так мне плохо, – сообщила она Варваре, – что даже запустила чтение своих ежедневных правил».

Но вот наступило для Елисаветы труднейшее испытание. Исконные враги человека не могли стерпеть ее шествия к Богу и стали внушать ей, что она недостойна Его, что в ней нет истинной любви к Богу, что ее молитва никогда не будет услышана и что они овладеют ею и ввергнут ее в ад. Бедная душа ее, истерзанная и обессиленная в борьбе, билась, как птица в клетке. Она то плакала, то молилась, то начинала читать Евангелие, и, чувствуя себя не в силах так ясно воспринять Святые слова, как могла еще недавно, она со слезами закрывала Святую книгу и признавала себя погибшей, утратившей путь к небу. Случайно узнавши о таком тягостном ее состоянии (Елисавета от слабости уж не писала

писем), Варвара послала ей выписки из сочинений отца Иоанна Кронштадтского и других духовных лиц, которых особенно почитала Елисавета, указывая ей предлагаемые способы борьбы со злобными духами.

Чистым, открытым сердцем радостно приняла Елисавета наставления опытных в духовной жизни мужей и вышла из борьбы победительницей. С поднятым духом, ощутив в себе новые силы, она, едва чертя на бумаге слабевшей рукой, написала последнее письмо своей духовной сестре, как стала она называть в последнее время свою подругу. «Сестра моя во Христе, – писала она, – должно быть, твой Ангел-хранитель внушил тебе написать мне это письмо твое, прямой ответ на мое душевное состояние. Прочитав его, я заплакала. Перекрестись! Что я хочу сказать тебе? Два дня не могла взять в руки Святое Евангелие, каждое его слово, как ножом, резало мое сердце; а когда попросила почитать мужа, так меня вдруг бросило в пот – я испугалась, что буду бесноваться и с тем умру. Спаси тебя Христос. Я недостойна тебя, прошу не возражать мне на это». До такого смирения она возвысилась!

Утратив и последнее – сон, Елисавета усерднее прежнего молилась, чаще и чаще причащалась Святых Тайн, благословила мужа и детей и, наконец, впала в бессознательное состояние. Но и в бреду она читала молитвы и крестилась дрожащей рукой: так сроднилась душа ее с молитвой! Наконец, настал и последний час ее жизни. Перед смертью она пришла в себя и вскоре тихо отошла в иной мир, в который всю жизнь стремилась, и чистая душа, освободившись от оков многострадального тела, понеслась к Богу, Которого любила больше всех и всего на свете.

И скорбная, и вместе радостная стояла Варвара на отпевании. Всякое слово и Литургии, и отпевания было похвалой ее уснувшей сестре. «Кто шел к Богу, о том не надо плакать», – вспоминались ей слова Елисаветы; но не скорбеть она не могла, потому что хоронила истинного друга, от которого не слыхала ничего, кроме доброго и святого.

Где же, из какого источника почерпают такую великую силу люди, подобные Елисавете? В Боге, в младенческой любви к Нему. Воистину, Боже наш, Господи Иисусе Христе, похвала силы их – Ты еси.

У Бога милости много, но подается она только смиренным

В житии преподобного Антония Великого есть такое сказание: «Однажды два беса сговаривались между собой, как бы ввести в искушение великого подвижника. Один из них сказал другому: «Как ты думаешь, если бы кто-нибудь из нас задумал покаяться, то принял ли Бог от него покаяние, или нет?» Другой отвечал: «Кто же может знать о том, кроме старца Антония, который нас не боится! Хочешь, я пойду к нему и спрошу его об этом?» «Иди, иди, – сказал ему другой бес, – только смотри – будь осторожен; старец прозорлив, он поймет, что ты искушаешь его, и не захочет спросить о сем Бога; впрочем, иди, может быть, тебе и удастся получить желаемый ответ».

Бес принял на себя человеческий образ, пришел к старцу и начал перед ним горько плакать и рыдать. Богу угодно было утаить от святого старца притворство бесовское, и преподобный принял пришельца за простого человека и с участием спросил его: «О чем ты так плачешь, что и мое сердце сокрушаешь своими горькими слезами?» Бес отвечал: «Отец святой! я не человек, а просто бес – по множеству беззаконий моих!» Старец, думая, что пришелец по смирению называет себя бесом, сказал ему: «Чего ты от меня хочешь, брат мой?» «Об одном умоляю тебя, отче святый, – говорил бес, – помолись Богу, чтобы Он открыл тебе: примет ли Он покаяние от диавола, или отвергнет его? Если примет от него, то примет и от меня: ибо и я повинен в тех же грехах, в каких он». Старец сказал ему: «Приди завтра, я скажу тебе, что Господь мне откроет». Наступила ночь; старец воздел преподобные руки свои на небо и стал умолять Человеколюбца Бога, дабы открыл ему: примет ли Он покаяние диавола? И вот предстал ему Ангел Господень и сказал: «Так говорит Господь Бог наш: почто умоляешь ты за беса державу Мою? Он только искушает тебя...» Старец сказал Ангелу: «Почему же Господь Бог не открыл мне сей хитрости бесовской?» Ангел отвечал: «Не смущайся сим; тут было особенное намерение Божие, чтобы не предавались отчаянию грешники, много беззаконий соделавшие, а приносили покаяние пред Богом и знали, что Бог никого не отвергает, к Нему притекающего, если бы даже и сам сатана пришел к Нему с истинным раскаянием; притом Бог не открыл тебе бесовского лукавства еще и для того, чтобы обнаружилось демонское ожесточение и отчаяние. Итак, когда придет к тебе искуситель за ответом, то не отвергай его, а скажи: «Видишь, как милосерд Господь:

Он не отвращается никого, кто приходит к Нему в покаянии, хотя бы и сам сатана пришел; Он и тебя обещает принять, если только исполнишь ты повеленное от Него». А когда он спросит тебя: «Что ему поведено от Бога?» – скажи ему: так говорит Господь Бог: «Знаю Я, кто ты и откуда пришел с искушением, ты – злоба древняя и не можешь быть новою добродетелью, ты изначала начальник зла и ныне добра делать не начнешь; ты ожесточился в гордости, и как ты можешь смириться в покаянии и получить помилование? Но чтобы ты не оправдывался в День Судный, чтобы не говорил: я хотел покаяться, но Бог не принял меня, – се Благий и Милосердый Господь определяет тебе, если только сам захочешь, такое покаяние: Он говорит: «Стой три года на одном месте, обратясь лицом к востоку, и день, и ночь взывая к Богу: «Боже, помилуй меня – злобу древнюю!» – и повторяй сие сто раз; потом говори: «Боже, помилуй меня – прелесть помраченную», – и это также сто раз; и, наконец; «Боже, помилуй меня – мерзость запустения!» – опять стократно. Так взывай ко Господу непрестанно, ибо ты не имеешь состава телесного и потому не можешь утрудиться и изнемочь. Вот, когда сие исполнишь со смиренномудрием, тогда будешь возвращен в твой прежний чин и сопричтен к Ангелам Божиим». И если бес обещается сие исполнить, то прими его в покаяние, но Я знаю, что злоба древняя не может быть новою добродетелью». Так изрек Ангел и восшел на небо.

На другой день пришел и диавол и еще издалека начал рыдать человеческим голосом. Он поклонился старцу, и старец, не обличая его коварства, сказал ему так, как повелел Ангел, – и что же? Бес, в ответ на его речи, громко захохотал и сказал: «Злой чернец! если бы я захотел назвать себя злобой древней, мерзостью запустения и прелестью помраченной, то уже давно бы это сделал и уже был бы спасен; ужели ты думаешь, что я теперь назову себя древней злобой? Никогда этого не будет! И кто это тебе сказал? Да я и поныне у всех в большом почете, и все со страхом повинуются мне, а ты вообразил, что я назову себя мерзостью запустения или прелестью помраченной? Нет, чернец, никогда! Я еще царствую над грешниками, и они любят меня, я живу в их сердцах, и они ходят по воле моей; да чтобы я стал рабом непотребным ради покаяния... нет, злой старик, никогда и ни за что! Никогда я не променяю своего почетного положения на такое бесчестие!» Сказал сие диавол и с воплем исчез. А старец стал на молитву и, благодаря милосердие Божие, говорил: «Истинно слово Твое, Господи, что злоба древняя не может быть новой добродетелью и начальник всякого зла не будет делать добра!..»

«Сие мы поведали вам, братие, не ради праздного любопытства, –

говорил в заключение благочестивый писатель сего сказания, – но дабы вы познали Божию благость и милосердие». Итак, не отчаивайся ты, который безмерно скорбишь о множестве грехов своих, – у Бога милости много. Он и самого диавола с любовью принял бы в прежний ангельский чин, если бы тот захотел покаяться. А для нас-то, грешных, Господь и Крови Своей не пожалел... Одного должно бояться – как бы грех не довел тебя до ожесточения, подобного сатанинскому. А в таком ожесточении сердца возможно ли покаяние и спасение?

Не ищите славы от людей

Скажи мне, для чего и почему ты ищешь похвалы от людей? Разве не знаешь, что эта похвала так же, как дым и даже как нечто худшее и дыма, разливается по воздуху и исчезает? Притом и люди так непостоянны и изменчивы: одни и те же одного и того же человека сегодня хвалят, а завтра порицают. Но с приговором Божиим этого никогда не может быть. Не будем же безрассудны, не станем напрасно и всуе обманывать самих себя. Ведь если мы и делаем что-либо доброе, и делаем это не для того только, чтобы исполнить заповеди нашего Господа и быть известными Богу одному, то мы напрасно трудимся, лишая самих себя плода от этого доброго дела. Делающий что-либо доброе для получения славы от людей – получит ее или нет, а часто бывает, что при всех усилиях он и не может получить ее, – пользуется уже здесь полной наградой, а там не получит никакого воздаяния за это дело. Почему? Потому что сам наперед лишил себя награды от Судии, оказав предпочтение настоящему пред будущим, славе человеческой пред приговором Праведного Судии. Напротив, если мы делаем что-либо духовное для того собственно, чтобы только угодить тому Неусыпающему Оку, пред Которым все обнажено и открыто, тогда и сокровище у нас остается неприкосновенно, и будущая награда несомненна, а приятная на нее надежда сама по себе уже доставляет нам великое утешение, и вместе с тем, что эта награда соблюдается нами в безопасном хранилище, может сопутствовать нам даже и слава человеческая. Ибо тогда мы и пользуемся ею в большей мере, когда пренебрегаем ею, когда не ищем ее, когда не гоняемся за ней. И что дивишься, что так бывает у ведущих духовную жизнь, когда очень многие и из миролюбцев более всего гнушаются и презирают тех, кто домогается славы от людей; даже найдете, что над такими людьми все издеваются за их тщеславие. Не видишь ли, возлюбленный, как и на конских ристалищах погоняющие коней не обращают внимания на то, что весь сидящий тут народ рассыпает бездну похвал, и не чувствуют удовольствия от этих похвал, но смотрят на одного только царя, сидящего в центре, и, внимая его мановению, презирают всю толпу, и только тогда величаются, когда он возложит на них венки. Подражая им, и ты не дорожи людской славой и не из-за нее твори добрые дела, но ожидай приговора от Праведного Судии и, внимая Его мановению, так устраивай всю свою жизнь, чтобы тебе и здесь постоянно питаться доброй надеждой, и там насладиться вечными благами.

Остерегайтесь клеветников

Весьма тяжкий грех клеветать на ближнего, т. е. приписывать ему порок, которого в нем нет, или преувеличивать и разглашать действительные его недостатки, с намерением причинить ему существенный вред. По справедливости имя клеветника присвояется духу злобы, ищущему погубить человека (слово «диавол» с греческого значит «клеветник»). Ничем нельзя столь легко и незаметно причинить великое зло ближнему, как посредством клеветы. *Язык – небольшой член,* говорит апостол Иаков, *но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык – огонь, прикраса неправды... Это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда* (Иак. 3, 5–6, 8). Во всех своих видах, начиная с легкой насмешки над ближними до открытого враждебного поношения их, клевета одинаково может быть вредоносна. Так, весьма часто самые достойные люди, честные труженики на пользу общества и блюстители правды, невинно страдают от явных и тайных нападений клеветы, старающейся повредить их доброму имени и заслуженной ими славе. Но если клевета, как служение неправде намеренное или безнамеренное, есть тяжкий грех, то всякому нужно тщательно блюсти себя от участия в клевете. Это участие обычно обнаруживается в том, что люди слушают и доверяют клевете. Не было бы ей доступа в общество людей, и она погасла бы в самом начале, если бы не находила в людях доверия и содействия к своему дальнейшему распространению. К сожалению, немало находится среди людей послушных служителей клеветы, частью намеренных, по недоброжелательству и злобе сердца, частью ненамеренных, по легкомыслию, а иногда и по ложной ревности и фарисейскому тщеславию, чтобы показаться блюстителями правды и чистоты жизни. Нетрудно, впрочем, человеку, самому благонамеренному и доброжелательному, впасть в сети клеветника и поверить его наветам на ближнего. Клевета весьма часто так искусно прикрывается ревностью по правде, что невольно увлекает ограниченного и по природе склонного ко злу человека, побуждая его к неосновательному осуждению своего ближнего. Из жития святителя Кирилла Александрийского мы можем видеть, что внушения клеветы бывают так сильны и опасны, что им поддавались даже люди праведные и великие поборники истины.

Известно, что святитель Иоанн Златоуст низвержен был с архиерейского престола и сослан в ссылку единственно по клевете врагов

своих, в числе которых особенно был упорен Феофил, архиепископ Александрийский. По страдальческой кончине Иоанна Златоуста Святая Церковь почтила его память, сопричислив его к лику Угодников Божиих. Но в Александрийской Церкви, где был архиепископом Феофил, главный враг Иоанна Златоуста, этот последний не хотел его записывать в поминальные книги. Верил клевете и не воздавал должного почитания умершему святителю и преемник Феофила, святой Кирилл, знаменитый учитель Церкви и поборник веры, председавший на III Вселенском Соборе против еретика Нестория, уничижавшего достоинство Пресвятой Богородицы. Не по злобе сердца, всецело проникнутого высотой Евангельского учения, великий святитель гневался на умершего святителя, но по неведению своему и по доверию враждебным наветам дяди своего Феофила, утвердившего в душе святителя Кирилла неправильное понятие о личности и деятельности Иоанна Златоуста. Так и самые великие святые были причастны немощам человеческим, допускали «нечто зазорное и богоугождению супротивное, да исправление их чудесное увидим». Господь действительно чудесно вразумил святителя Кирилла в его погрешении против долга любви и братолюбия.

Однажды святителю Кириллу было следующее видение: стоит он как бы в некоем прекрасном и величественном храме и видит Пресвятую Богородицу, окруженную множеством Ангелов и святых. В лике святых зрит он и святого Иоанна Златоуста, стоящего близ Пресвятой Богородицы с книгой учения, сияющего чудным светом. Когда святитель Кирилл хотел приблизиться к Пресвятой Богородице и воздать Ей поклонение, святой Иоанн Златоуст и предстоящие с ним отстраняли Кирилла и изгоняли из храма. Но Сама Богоматерь остановила изгнание из храма и Своим посредничеством устроила взаимное примирение святителей. После сего видения, получив также братское увещание от святого Исидора Пелусиота, святой Кирилл познал свой грех против вселенского святителя и, тотчас созвав Собор епископов, составил духовный праздник в честь святого Иоанна Златоуста. С тех пор до конца жизни не переставал он его ублажать.

Итак, если и великие праведники могли подвергаться опасному действию клеветы, то тем более и мы, немощные духом, ограниченные и недальновидные умом, должны беречься, чтобы не впасть в сети клеветников, сплетаемые ко вреду ближнего.

НЕДЕЛЯ 8-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О насыщении Иисусом Христом пятью хлебами пяти тысяч человек

Во время Своей земной жизни Спаситель как-то находился около города Вифсаиды, на берегу Галилейского озера, прибыв сюда в лодке вместе со Своими учениками. Вышедши из лодки, Иисус Христос увидел множество собравшегося народа и стал учить, беседуя о Царствии Божием. Беседа затянулась надолго; наступал уже вечер, а народ с наслаждением внимал словам, исходившим из уст Богочеловека. Наконец, к Иисусу Христу подошли апостолы и сказали: «Учитель! место здесь пустынное, а время уже позднее; итак, отпусти народ, чтобы он пошел в соседние города и села и купил себе хлеба». «Не нужно им расходиться; вы дайте им есть», – сказал Спаситель и затем обратился к апостолу Филиппу и сказал ему: «Как бы нам купить хлеба, чтобы накормить их?» Филипп отвечал: «Господи! и на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы досталось каждому, хотя понемногу». Но Спаситель сказал: «Идите и посмотрите, сколько у вас найдется здесь хлеба». После поиска и расспросов оказалось, что у одного мальчика было пять ячменных хлебов и две небольшие печеные рыбы. Несмотря на такое малое количество, Иисус Христос сказал: «Принесите Мне их сюда, а народу велите возлечь». И разместились все на траве, и возлегло всех около пяти тысяч человек, не считая женщин и детей. Тогда Иисус Христос взял пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо и, воздав хвалу Богу, преломил хлебы и стал раздавать ученикам Своим, а те относили народу.

И дивное дело: ели все и насытились, так что осталось еще двенадцать коробов (см.: Мф. 14, 20).

Обратим внимание, православный христианин, на то, как Иисус Христос приступил к чудесному насыщению народа. Рассказывая об этом событии, Евангелист и очевидец выражается так: *воззрев на небо, благослови* (Мф. 14, 19). Итак, Спаситель, прежде чем напитать Своих слушателей, обратился взорами к Отцу Небесному, прославил Его, Подателя всех благ, и в умственной молитве призвал Его на помощь. Не научает ли это и нас с тобой, возлюбленный о Христе брат, всякий раз пред вкушением пищи обращаться ко Господу с молитвой? Да и что такое пища, которую мы вкушаем? Это дар, подаваемый щедрой рукой Отца Небесного для поддержании сохранения нашей жизни и здоровья. Как же ядущему не вспомнить Того, кто питает его? В жизни мы видим, что пища не всегда приносит человеку вожделенное здравие, что иногда вместо

пользы она доставляет человеку вред, что нередко люди садятся за стол здоровыми и выходят из-за стола больными. Помня это, и ты, христианин, приступая к вкушению пищи, всегда возноси молитву к Богу, чтобы вкушаемая тобою пища послужила действительно на пользу и крепость твоему телу. Кто испрашивает через молитву благословение Божие на вкушение пищи, кто принимает и смотрит на нее как на дар Всемилостивого Бога, а не как на средство угождения плоти, тот всегда вкушает ее с пользою для своего здоровья. Посмотрите на угодников Божиих: все они питались самой простой пищей, многие из них не вкушали ничего, кроме черствого хлеба и воды, однако все они поддерживали свои силы для многолетнего труда и тяжелого подвига. Ныне многие усиленно заботятся о пище, чтобы поддержать свое слабое здоровье. Пусть же ведают таковые, что без благословения Божиего и самая дорогая, самая роскошная пища не окажет на человека желанного действия, не восстановит его надломленных нехристианским образом жизни телесных сил.

Впрочем, усердная, приносимая с верой молитва делает нашу пишу не только полезной, но и приятной для человека. При молитве и самое простое яство становится для некоторых приятнее и сладостнее роскошных снедей, украшающих собой трапезу сластолюбцев. Рассказывали о таком случае.

Недалеко от Царьграда, в глубоком безмолвии и уединении, проживал один святой подвижник. Все почитали этого отшельника за его благочестивую жизнь; многие посещали его и находили себе назидание. Однажды в одежде простого воина пришел к пустыннику сам римский император. Среди разговора глаза императора нечаянно остановились на висевшей на стене корзине с сухим хлебом; вдруг ему захотелось вкусить этого хлеба. Старец с радостью исполнил желание гостя, принес чашу с водой, положил в нее сухой хлеб и, помолившись, сел вместе с пришедшим за свою скудную трапезу. Когда кончился скромный обед, то, открывшись пустыннику, император сказал: «Вот я и родился царем, и теперь царствую, но никогда не вкушал хлеба, не пил воды с такой приятностью, с какой сейчас ел и пил у тебя. Как сладка твоя пища!» В ответ на эти слова старец заметил царю: «Мы, отшельники, принимаем пишу свою с молитвою и благословением, отчего наше брашно, хотя и худое, бывает сладко. А в ваших домах пьют и едят без молитвы, с шумом и празднословием, и оттого богатые и роскошные трапезы бывают у вас безвкусны: им недостает услаждающего благословения Божия». К сожалению и нашему стыду, нужно сознаться, что и у нас за столом

бывает в изобилии празднословие, часто слышится неуместный смех и ведутся разговоры. Да, мы забываем, что, по христианскому званию своему, должны все делать во славу Божию, как учит нас Апостол: *аще убо яств, аще ли пиете... вся во славу Божию творите* (1Кор. 10, 31). Отцы семейств и старшие в роде! Употребите свою власть на утверждение в семье добрых порядков и христианских обычаев. Занимая первое и старшее место на семейной трапезе, прежде всего, подавайте сами пример степенности и благочестия юннейшим в роде. Помните, что в домах, в которых еще доселе свято блюдутся благочестивые обычаи, вкушают хлеб в ненарушаемом молчании. Наипаче же всего позаботьтесь о благопристойной молитве при всяком пользовании дарами Божиими. Пусть каждая трапеза ваша начинается и оканчивается прославлением Господа, подающего всем пищу во благовремении и насыщающего все живущее по Своему благоволению.

Каждое дело нужно начинать с благословением

Однажды великий князь Изяслав посетил преподобного Феодосия Печерского и остался у него обедать. На простом столе приготовлена была простая монашеская пища: черный хлеб и обыкновенные овощи. Но эта пища показалась такой вкусной великому князю, что он с умилением спросил преподобного Феодосия: «Вот у меня всего много, припасы дорогие, приправа заморская, повара ученые, но я никогда дома не ел с таким удовольствием, как у тебя, отчего это?» «Государь! – отвечал Феодосии, – у нас братия, когда хотят варить или печь хлебы, имеют вот какой устав: сначала берут у настоятеля благословение, потом кладут три поклона перед алтарем, зажигают свечку из лампады перед образом Спасителя и этою свечой разводят огонь в кухне и хлебне. Когда же нужно вливать в котел воду, служитель говорит старцу: «Благослови, отче!», а тот скажет: «Бог да благословит тебя, чадо!» Таким образом, у нас все делается с благословением. Вот почему у нас все вкусно; а ваши слуги каждое дело начинают с ропотом и досадой друг на друга. А где есть грех, там не может быть удовольствия. Кроме того, ваши дворецкие часто бьют служителей за малейшую неисправность, а их слезы также прибавляют горечи в кушанья, как бы они дороги ни были».

Великий князь согласился с тем, что святой старец говорил правду, принял от него благословение и возвратился домой.

Принимаясь за какое бы ни было дело, всегда нужно молиться Богу или, по крайней мере, перекреститься и сказать в себе: «Господи, благослови!»

Долг благодарности

Многие перед принятием пищи и после своего насыщения забывают принести Богу молитвы благодарения за дары Его милости – пищу и питье, без которых мы не могли бы существовать. Мы уже не говорим о том, что и все бесчисленные благодеяния Божий не вызывают у некоторых чувства благодарности к Богу, поэтому да будет наше слово о благодарности к Богу, к чему побуждает и чтение Евангелия нынешнего дня.

Легче измерить пространства небес и глубины бездн морских, чем измерить и познать величие и число благодеяний Божиих. Кто дал нам жизнь? И какую жизнь? Каким прекрасным созданием вышел человек из рук творческих! По образу и по подобию Своему сотворил его Бог, *умалил еси его малым чим от ангел* (см.: Пс. 8, 6). Им, Всеблагим и Вседействующим, мы *живем и движемся и есмы* (Деян. 17, 28). От Господа исправляются стопы мужа. Им зиждутся домы, наши города и царства. *Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?* (Пс. 115, 3). Падшее создание я пред Тобой, Отче Небесный! Чего мне ждать себе, как не Суда и осуждения? Мы удалились от Тебя, а Ты ищешь нас. Сыне Отца Вечного! Ты обрел и взял на рамена Свои овцу погибшую. Лики Ангелов изумляются любви Твоей, пожертвовавшей Собой для искупления нас, грешных. И кто, как не Дух Святый, созидает в человеках сердце чистое и дух правый! Расстроенная грехом душа наша тогда только оживает для Бога, когда усердная молитва низводит на нее благодать Святаго Духа; все довольство наше от Бога. *Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его* (Пс. 102, 2).

Внемли, душа христианская, как жалуется Отец Небесный на неблагодарного Израиля; Он небо призывает в свидетеля и землю в слышателя жалобы Своей. *Слыша, небо, и внуши, земле; сыны родих и возвысих; тии же отвергошася Мене;* обличает разумного Израиля примером неразумного животного. *Позна вол стяжавшего, и осел ясли господина своего. Израиль же Мене не позна, и людие же Мои отвергошася Мене* (ср.: Ис. 1, 2–3). Какая сильная укоризна Израилю! Мы, христиане, более чем Израиль, получили даров от Отца Небесного. Как же велико неразумие наше, как велика жестокость сердец наших, когда не сознаем благодарным умом и сердцем благодеяний Божиих! Пробудись, восстань из унижения, душа моя, в которое поверг тебя грех ожесточения сердечного. Исповедуй Господу нечестие твое и моли Его, да просветит ум

и воспламенит сердце твое любовью благодарной!

Если мы мало благодарим Бога, то, конечно, потому, что не видим благодеяний Божиих. Как же это бывает с нами? Ум гордый сознает только в себе достоинства и себе приписывает, что имеет: это, говорит, приобретено моими расчетами, это доставило мне мое умение. Жалкое самообольщение! Обличай в себе всякий из нас подобные горделивые помыслы размышлением о необозримой немощи нашей природы; повторяй слово Апостола: *что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получал?* (1Кор. 4, 7).

Древним известен был Бог, но они не стали чтить Его достойно славы Его, не стали благодарить Его достойно благодеяний, которые получили от Него. Сердце их стало холодно к милостям Вышнего, и любовь к Нему слабела, знание о Нем терялось; мрак и запустение, пороки и нечистота увеличивались – человек уподобился скотам несмысленным. Самовольное нечестие неблагодарности наказано, наконец, самой крайней нечистотой, которую полюбила душа языческая. То же может происходить и в сердцах христианских. Осмотритесь. Если Бог благ, чтобы изливать благодать и на неблагодарных, то Он же и правосуден, чтобы карать нечестие, презирающее дары благости Его. Казнь Божия есть естественный плод неблагодарности, потому что неблагодарность вносит в душу духовное опустошение, заглушает в ней лучшие расположения ее и поселяет в ней дикость. А душа благодарная чем чаще обращается с благодарностью к Богу, тем более становится способной к принятию даров благости Его. Бог благ; Он ожидает только того, чтобы мы приближались к Нему за дарами, и Он не медлит дарить их нам; с любовью взирает на наше осознание своей немощи и приемлет его за благоугодную жертву нашу.

Желаешь ли быть благодарным пред Господом? Освящай силы твои служением Господу: не ленись, не отказывайся по зову храма приходить в храм для возношения хвалы и благодарения Господу. Посвящай Господу то, чем Он благословил тебя; принеси Ему плоды трудов твоих, да ниспошлет Он вновь благословение на труды твои. *Не пренебрегай богатством благости Его, и кротости, и долготерпения, как будто не знаешь ты, что благость Божия ведет тебя к покаянию* (ср.: Рим. 2, 4). Наделяй брата бедного, чем можешь: в лице брата Господь примет от тебя дар твой, как благоприятную жертву благодарности к Нему. Господь Сам говорит нам: *понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших: Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

Чудеса божественного промысла

Спустя пятьдесят лет после явления Святого Креста царю Константину на престол Римской империи вступил Иулиан Богоотступник. Воспитанный в христианской вере, он перешел на сторону язычников и стал гнать христиан. Господь Иисус Христос предсказал об Иерусалимском храме ученикам, что камня на камне не останется от него – все будет разрушено, и на месте святом будет стоять мерзость запустения (см.: Мф. 24, 2–15). Иулиан дал распоряжение иудеям восстановить иудейский храм и приказал выдать им деньги из общественной казны, а правителю Палестины повелел содействовать построению храма. Множество рабочих императора приступили к делу, но, как пишет современник Аммиан Марцеллин, язычник, придворный Иулиана, «страшные клубы пламени, часто исторгавшиеся из основания, делали это место неприступным, сожигая неоднократно работавших; таким образом, сие предприятие было остановлено стихией, отгонявшей рабочих».

Об этом свидетельствуют и иудейские писатели. Раввин Бен-Иехайя в V веке писал об этом следующее: огонь исторгался с такой силой, что при этом железные части здания расплавились, и бесчисленные иудеи были сожжены. Он видел в этом чудо, но объяснял это неблаговолением Божиим, потому что храм восстанавливался по указу царя-язычника. Но и храм Соломонов строился мастерами-язычниками, и второй иудейский храм после плена вавилонского строился по указу царя персидского – язычника. Об этом дивном событии с торжеством говорят в IV столетии святые великие отцы Церкви. Современник и соученик Иулиана святой Григорий Богослов в «Слове» против Иулиана говорит, что в это время на небе стоял блистающий крест, и одежды зрителей запечатлены были крестами; святой Иоанн Златоуст спустя двадцать лет очень красноречиво изобразил это чудесное событие в своем «Рассуждении против иудеев и язычников». О нем же свидетельствуют и другие отцы Церкви, равно и христианские историки V века, поэтому в действительности его сомневаться нельзя.

По свидетельству историков, многие сбегались смотреть на это зрелище борьбы рабочих с таинственной огненной стихией. Никакими естественными причинами нельзя объяснить этого события. Бывает, воспламеняются газы и умерщвляют рабочих, но в подземельях или в закрытых местах, и притом воспламеняются от огня, а здесь работы

производились на открытом воздухе и днем, а горючие газы, если бы и исходили из земли, не могли воспламеняться с такой силой, и, конечно, при строительных работах иудеями было использовано все возможное для прекращения огня, но огонь становился все сильнее и заставил оставить строительство, к великому стыду иудеев и самого императора. Заметим, что, кроме этого случая, не менее четырех раз производились большие работы на этом месте с основания, во-первых, при построении храма Соломонова, во-вторых, при построении храма после плена вавилонского, в-третьих, при царе Ироде во время великих перестроек в храме и пристроек к нему и, в-четвертых, в начале VII столетия при построении на этом самом месте мечети магометанской, которая стоит и доселе. Не было никаких клубов пламени при тех постройках с основания, а при Иулиане – упорнейший огонь! Поистине это великое всемирное чудо, совершившееся в глазах жителей большого города: христиан, иудеев и язычников. Иулиан затем был убит неизвестной рукой на войне с персами, язычество более не восставало, а иудеи доселе без храма и жертв.

Другой случай чудесного проявления Промысла Божиего. При императоре Валенте ариане стали разглашать, что знаменитый подвижник Иулиан, живший в Месопотамии при реке Евфрате, участвует в их учении. Иулиан, по просьбе епископов Антиохийского патриархата, пришел в Антиохию Сирскую. Исцелив многих больных в том доме, где остановился, он пошел в собрание православных. Когда он проходил под вратами царских палат, один нищий, расслабленный ногами, прикоснувшись руками к его плащу, исцелился и, восстав, побежал так, словно не болел. Клеветники (ариане) покрыты были стыдом, а православные возрадовались. Некий важный муж прислал слуг просить старца прийти к нему и исцелить его от болезни. Иулиан немедленно пришел к нему и, помолившись, словом разрешил болезнь. Так пишет историк, епископ Феодорит, со слов очевидца Акакия, епископа Верейского.

До нас дошли описания чудес в сочинениях Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского и других, живших в IV веке. В своих трудах они повествуют о разных чудесах, совершившихся над ними самими, над членами их семейств и над другими современниками. Святой Афанасий Великий описал жизнь преподобного Антония Великого. Она вся исполнена великих чудес. Палладий, епископ Еленопольский, в «Лавсаике» написал о многих чудесах подвижников Египта и других стран, живших в IV веке, как их современник и очевидец. Имеем мы много самых достоверных описаний чудес в Церкви Христовой, совершившихся

и во все последующие столетия.

Таким образом, доказательства Божественности христианской веры, явленные и являемые свыше Самим Богом, начиная от первых людей на земле, простираются до нашего времени. Несмотря на то что в наши дни есть и между христианами такие люди, которые, видя, не видят дел Божиих и, слыша, не слышат о них. На верных христианах лежит долг молиться, да обратятся на путь истины коснеющие в неверии, и да исцелит их в Троице славимый Бог, Ему же слава, честь и поклонение во веки веков.

НЕДЕЛЯ 9-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О чуде хождения Господа по морю Галилейскому

В одно время Иисус Христос повелел Своим ученикам сесть в лодку и плыть на противоположную сторону Галилейского озера. Послушные голосу своего Учителя, апостолы отплыли от берега, Сам же Он остался на берегу, чтобы помолиться наедине. Уже стемнело, а Иисус Христос все еще не возвращался к ученикам. Апостолы достигли уже середины моря, навстречу им дул сильный ветер, море волновалось, бушующие волны били прямо в их лодку. Наступало утро, и вдруг ученики увидели Спасителя, идущего по воде к ним навстречу. Пораженные этим чудом, они смутились и, приняв Спасителя за призрак, испугались. Но Иисус Христос сказал им: «Успокойтесь, это Я, и не бойтесь!» Тогда апостол Петр воскликнул: *Господи! если это Ты, то повели мне прийти к Тебе по воде. – Иди,* сказал Спаситель (ср.: Мф. 14, 28–29). И Петр, выйдя из лодки, направился к Иисусу Христу. Вера во Всемогущество Сына Божия сначала поддерживала его, так что он беспрепятственно шел по волнам моря. Но сильный порыв ветра побудил его обратить внимание на морские глубины и породил в нем опасение, как бы ему не утонуть. Как только усомнился он в помощи Божией, так стал тонуть и в страхе закричал: *Господи! спаси меня. Иисус Христос тотчас же протянул ему руку и сказал: Маловерный! Зачем усомнился?* (ср.: Мф. 14, 30–31). С этими словами Спаситель вместе с апостолом Петром вошел к ученикам в лодку. Апостолы дивились увиденному и, подойдя к Иисусу Христу, поклонились, сказав Ему: «Воистину Ты Сын Божий!»

Кому из нас не приходилось бывать в различного рода опасностях? Кого не постигали скорби и бедствия, угрожавшие даже лишением жизни? Но так ли мы поступаем сами, как поступил апостол Петр в опасную минуту своей жизни? Прибегаем ли к призыванию спасительного имени Божия, когда находимся в опасности и не видим впереди скорого избавления от нашедших на нас бедствий? Смиряемся ли под крепкую руку Божию в мрачные и тяжелые дни искушений? Как жаль, что некоторые вместо смиренной молитвы ко Господу о помощи, вместо благодушного перенесения постигшего их несчастья терзают себя гневом и досадою и даже предаются гибельному отчаянию. Подлинно такие люди усугубляют свое скорбное состояние и лишают сами себя спасительной надежды на скорое избавление. *Злостраждет ли кто в вас*, говорит святой апостол Иаков, *да молитву деет* (Иак. 5, 13). И действительно,

произносимая с верой и упованием молитва имеет великую силу. Она полезна христианину всегда, а в особенности в озлоблениях и напастях, когда разразилась над нами грозная туча бедствий, посылаемых на нас или через карающую руку грозного Судии, или по внушению и действию виновника всякого зла – диавола. В самом деле, где и откуда может получить себе помощь и утешение несчастный страдалец? Наши друзья большей частью остаются верными и преданными нам только в светлые дни нашего благополучия, а при беде и несчастье чаще всего оставляют нас на произвол судьбы. Если же и остаются у нас друзья, готовые оказать нам помощь, то и они часто не имеют сил и средств избавить нас от бед; в иных случаях нужна бывает нам особенная, не человеческая помощь. Господь есть единое прибежище и сила в наших напастях, единый Помощник в постигающих нас скорбях. Нет такого горя, в котором бы Господь не мог утешить нас; нет такой беды, в которой отказался бы нам помочь Отец Небесный. Он слышит и благодушно принимает каждое движение нашего сердца и готов подать благовременную помощь всем, призывающим Его во истине. Он неожиданно и непредвиденно для людей прилагает печаль их на радость и скорбь – на веселье.

В этом отношении может служить нам примером святой великомученик Евстафий. Он был римским воеводой, имел огромное богатство, множество рабов. Но вот горе за горем, беда за бедой начали преследовать его, так что он из богатого сделался бедным, а из счастливого семьянина – одиноким. Недобрые люди ограбили его дома и унесли имущество; дикие звери унесли двух его сыновей, и, наконец, в довершение несчастий, разбойники отняли у него добрую и благочестивую жену. Но и среди таких ужасных и, как кажется, ничем не восполнимых бедствий, не отчаялся Евстафий, не потерял утешительной веры в Господа Промыслителя и надежды на Его милосердие. «Плачу бо яко человек, Господи, – говорил он, – но о Тебе, Промыслителе моем и Строителе пути моего, утверждаюся, и на Тебя надеюся, и Твоею любовию, яко же хладною росою, и Твоим желанием, аки сладостию, горесть бед моих услаждаю». Прошло несколько времени, и он утешился: нашел чудесным образом сохраненных жену и детей, снова разбогател и сделался знатным. Так, в трудных обстоятельствах не должно забывать Того, от Кого зависит вся наша жизнь. Так, в самом безнадежном положении не нужно отчаиваться, а просить и молиться, ибо, как говорит святой Димитрий Ростовский, «доброму получению вождь есть прошение, и молитва – ходатай».

Многое в жизни зависит от нашей веры

Чудесное путешествие апостола Петра по морю показывает нам то, какие чрезвычайные дела может совершать в человеке благочестивая и мужественная вера, если не ослабляется в своем действии, и как вообще многое в жизни нашей зависит от силы веры или ее слабости. Общая сторона явления хождения апостола Петра по морю не в том, что это был случай исключительный в его жизни, да и на это решился он только потому, что увидел своего Учителя ходящим по воде. Общая сторона явления заключается в том, что Апостол, нося в душе решимость веры, шел с ней невредимо посреди опасности, но когда стал падать духом – начал погибать и только непосредственной помощью Спасителя поддержан был в минуту крайности. Не буря водная угрожала ему гибелью, а буря помышлений сомнительных внутри его, как выражается Святая Церковь[2]; точно так же, как и на воде его держала не плотность воды, а крепость веры. Это может быть приложено ко всякому, кто призван идти путем веры. С другой стороны, случаи такого затруднительного положения, в котором находился апостол Петр, могут встречаться в нравственной жизни каждого. Эти случаи бывают различными.

В одной из богослужебных песней[1] Святая Церковь сравнивает положение утопающего Петра с положением человека, потопляемого бездной грехов, и влагает в уста этого последнего молитву, где просит он Христа Спасителя подать ему руку помощи, как некогда Петру. Кто спит в греховном самозабвении и вовсе не думает выйти из этого положения, тот, очевидно, не может здесь идти в сравнение: он не борется с опасностью, а прямо делается жертвой ее. Но вот когда человек, сознавая свое гибельное положение, начинает выбиваться, так сказать, наружу и становиться на высоком пути покаянной веры, ему сразу же открывается, как много еще нужно будет ему победить трудностей и как сильно бороться с самим собой, чтобы, наконец, совершенно прийти к Спасителю. И тут-то иногда приходится ему видеть себя в большой крайности: прежние навыки, нажитые наклонности, сокровенные в душе зародыши греховных побуждений – все это возмущает светлую настроенность его веры и волнуется в душе его неудержимой бурей. В эти трудные минуты человек бывает занят не тем, чтобы силой характера сдерживать в душе порывы страсти и настраивать ее на тишину веры, а тем, чтобы как-нибудь удержаться и не погубить вовсе доброго начала. Разумеется, если сможет в этом достичь удачи, он будет постепенно получать и силу усмирять и

движения страстей. В одной из песней Церковь называет настоящую жизнь человека «морем житейским», которое волнуется «напастей бурею», т. е. различными огорчениями и превратностями, хотя и здесь главной виной служит та же общая напасть греха, постигшая род человеческий. Житейские огорчения испытываются всеми нами; но чаще и сильнее всего приходится испытывать их тем людям, которые сознательно, по целям нравственным, вступают на борьбу с этим увлекающим движением случайностей. Стараясь идти твердым и прямым путем богоугождения и стать выше обольстительных приманок жизни, человек находит себе неприятность в том самом, что поначалу льстило ему надеждой земного удовольствия; входит в неизбежные столкновения с людьми, безуспешно искавшими увлечь его в преступное содружество, терпит различные в жизни лишения, неудачи, наконец, нарочитые искушения, посылаемые Богом для его испытания. Здесь опять иногда приходится человеку видеть себя в трудном положении, когда, по слову Псалмопевца, *исчезает душа* (ср.: Пс. 106, 5) его в скорбях и самая вера его начинает колебаться: это бывает в минуты каких-либо сильных, неожиданных несчастий, как говорят, ударов судьбы; бывает это и среди мелких обыденных неприятностей и беспокойств, которые, накапливаясь иногда около человека, многочисленностью своей истощают его терпение и, подобно мелким, быстро движущимся волнам, приводят в колебание силу его постоянства. Наконец, бывают у человека движения помыслов собственно «сомнительных», т. е. помыслов сомнения относительно тех или других предметов веры. Они являются в ту пору, когда человек окончательно установил свои убеждения в послушании вере и сознательно усвоил себе ее внушения, являются точно так же, как и в нравственном отношении – принятые в душу добрые правила жизни ускользают иногда из внимания, и на месте их возникают прежние, оставленные человеком, дурные стремления, вызывая его на борьбу с ними. Но больше всего человек страдает мучительным духом сомнения тогда, когда он хотя и приобрел уже общее сознание о достоинстве истины, но не усвоил себе еще ее частного содержания как следует; одним словом, когда убеждения его, как говорят, находятся еще в переходном состоянии. Во всех этих случаях единственное для человека средство сохранить в себе дух веры и сберечь последние остатки ее состоит в том, чтобы обратиться с мольбой о помощи к Спасителю и высказать Ему Самому крайность своего положения: Он всегда близок и готов подать скорое содействие падающему духом человеку, сообщить новое, сильное возбуждение вере его. Искренняя, хотя бы и краткая, молитва в этом случае весьма важное

дело; сознание недостатка своей веры может заменить силу самой веры, потому что будет служить ее же посильным выражением.

Против страха привидений

Много у нас дурных привычек, обычаев, обрядов осталось от глубокой старины, когда наши предки были еще язычниками. Но то, что свойственно язычникам, неприлично нам – христианам. Так, например, многие из нас страдают боязнью привидений. Они боятся ночью оставаться одни в комнате, боятся даже выйти вон из дома в темную ночь; в каждом темном углу им мерещится страшилище. А в тех местах, где несколько дней тому назад лежал покойник, или при прохождении через кладбище в ночную пору такому страху не бывает предела. Также сколько робости и боязни испытывают при входе в лес или в какое-либо уединенное место! «У страха глаза велики» – говорит русская пословица; поэтому малейший шум или шорох в уединенном месте, особенно ночью, эхо в лесу, тень колеблемого ветром дерева – все это приводит душу в неописуемое содрогание. Оттого часто случается, что видят необычайные явления там, где на самом деле их вовсе не бывает.

Эта боязнь привидении, свойственная многим взрослым, передается часто и детям. Бывает даже так, что иные сами, пожалуй, и не имеют суеверного страха и не верят в призраки или привидения, но часто пугают ими детей. Желая успокоить расплакавшееся дитя, указывают ему на темный угол, угрожая, что оттуда выйдет чудовище, или же нередко по вечерам занимают детей рассказами о разных привидениях, которые будто бы являлись людям. Все это сильно распаляет и без того горячее воображение дитяти и укореняет в его душе суеверный страх, от которого оно потом в течение всей жизни отвязаться не может. Такие люди по большей части бывают малодушными и нерешительными; они неспособны предпринять какие-либо трудные подвиги или мужественно встретить опасности и невзгоды жизни. Вот к каким вредным последствиям приводит суеверный страх. Да и вообще боязнь каких-то привидений неприлична христианину. Ведь это остаток от религиозных верований наших предков, язычников. Они веровали, что души умерших людей бродят, как тени, и по кладбищу, и по тем местам, где жили эти люди; они веровали в бесчисленное множество духов, живущих в домах и хлевах, в лесах и болотах, реках и озерах; веровали, что все эти существа при встрече могут причинить вред человеку, и потому находились в рабском страхе перед ними. Вот эти-то заблуждения наших предков и перешли к нам, христианам. От этого-то и мы страшимся разных домовых, леших и боимся привидении. Но как непростителен для христианина этот

суеверный страх!

Вдумайтесь хорошенько, чего может бояться христианин, когда он находится под охраной и промышлением Всеведущего, Всеблагого и Всемогущего Бога! Каждый из нас может сказать с пророком Давидом: *Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, от кого устрашуся? Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое: аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю* (см.: Пс. 26, 1–3). Если и можно кого бояться христианину, так это злых духов; но и они, без попущения Божия, не могут причинить ему и малейшего вреда. Притом же и в нашей власти удалить от себя злых духов. Нам даны Богом надежные средства против диавола: это молитва, пост и добродетельная жизнь. Ведь бесы имеют власть над людьми неверующими и порочными.

Святой мученик Трифон в юном возрасте врачевал болезни и изгонял бесов. Римский император Гордиан, из дочери которого святой мученик изгнал беса, пожелал своими очами увидеть изгнанного беса. Святой Трифон повелел явиться бесу, и все увидели его в виде черного пса с огненными глазами. Святой мученик спросил беса: «Кто тебя послал в отроковицу?» Бес отвечал: «Отец, начальник всякой злобы, сидящий во аде». «Кто тебе дал такую власть?» – спросил святой Трифон. Бес отвечал: «Мы не имеем власти над теми, которые знают Бога и веруют в Единородного Сына Божия, только, по попущению Божию, наносим им легкие искушения; а полную власть мы имеем над теми, которые не веруют в Бога, ходят в своих похотях и угодное нам творят; угодные же нам дела суть: идолопоклонство, хула, прелюбодеяние, зависть, убийство и прочее. Эти люди опутываются грехами, как сетями; они – друзья наши, и одна с нами ждет их участь». Итак, если хочешь, христианин, не бояться злых духов, то проводи богоугодную и благочестивую жизнь.

Что касается боязни покойников, то этот страх также неоснователен. Наша вера учит, что души отшедших от нас отцов и братии находят себе упокоение в местах, назначенных им от Бога, и вовсе не бродят по кладбищам или прежним жилищам. Правда, умершие люди живут особенной жизнью на том свете, могут, по воле Божией, являться к нам, грешным, на землю. Но что же страшного в том, если к нам явятся во сне наши близкие родные? Кроме отрады и утешения, подобные явления ничего не доставят нам. Много примеров тому, как являлись не только святые, но и грешные люди живущим на земле для вразумления их и уверения в будущей жизни, и эти явления не возбуждали в людях такого суеверного страха, какой чувствуют многие из нас от каких-то мнимых

привидений на кладбищах. Приведем один рассказ из нашей отечественной истории.

В 1812 году наше Отечество постигло страшное бедствие: полчища врагов под предводительством Наполеона двинулись в Россию и на своем пути производили ужасные опустошения. И вот, когда Наполеон овладел Москвой, принц Евгений, вице-король итальянский, выступил с отрядом войск из Москвы к Звенигороду. Он занял комнаты в монастыре преподобного Саввы Сторожевского, ученика преподобного Сергия Радонежского. Часов около десяти, не раздеваясь, принц лег и уснул, но вот наяву или во сне, он не знает, видит, что входит в комнату человек в черной длинной одежде, подходит к нему так близко, что он мог при лунном свете рассмотреть черты лица его; он казался старым, с седой бородой. Этот человек сказал: «Не вели войску своему расхищать монастырь, особенно уносить что-либо из церкви; если ты исполнишь мою просьбу, то Бог помилует тебя и ты возвратишься домой целым и невредимым». Принц отдал утром приказ, чтобы отряд возвратился в Москву, а сам пошел в церковь и при раке преподобного Саввы увидел образ того, кто явился ему ночью, и, узнав, чей это образ, с благоговением поклонился мощам и записал это в своей книжке. Все другие военачальники Наполеона кончали жизнь неблагополучно, но Евгений остался цел и нигде в сражениях после того не был ранен. Он завещал сыну своему Максимилиану, что если будет он в России, то поклониться мощам преподобного Саввы.

Сын приехал в Россию в 1839 году при императоре Николае Павловиче и после маневров на Бородинском поле расспросил, где монастырь преподобного Саввы, приехал туда и поклонился святому.

Так благодетельно бывает явление умерших людей, особенно же праведников, для нас, живущих на земле! Судите сами после этого, есть ли какое-либо основание бояться покойников?! Если иногда умершие люди и являются во сне, так они вреда нам причинить не смогут, а принесут только пользу, т. е. убедят нас в истине бессмертия душ наших, обличат во грехе и наставят на путь истины. Поэтому подобными явлениями нужно дорожить, а не бояться их.

Галилейское море

Была у древних евреев пословица: «Бог создал семь озер в земле Ханаанской, но только одно – озеро Галилейское – Он избрал для Себя Самого». Так говорили евреи потому, что это озеро лежит в местности, которую и по климату, и по красотам природы можно было в древности назвать раем земным. В изобилии росли тут и пальмы, и смоковницы, всякие орехи, апельсины, лимоны, финики, миндаль и виноград. Это был сплошной сад на полсотню верст вдоль течения Иордана и по берегам озера, которое имеет в длину около 25, а в ширину от 7 до 10 верст. Плоды на деревьях здесь можно было видеть в продолжение целых десяти месяцев в году. Теплый, почти жаркий климат прохлаждался близостью и обилием воды, и воздух был полон ароматом садов. Оттого берега Галилейского моря были очень густо населены: города и селения тянулись тут почти без перерыва, а по прозрачным волнам его скользили во всех направлениях и римские военные корабли, и неуклюжие рыбачьи лодки, и раззолоченные суда из дворца Иродова, который стоял в Тивериаде на самом берегу озера. Да, это был рай земной, оттого евреи и говорили, что Бог избрал озеро Галилейское для Самого Себя. Но для нас, христиан, эта еврейская пословица имеет совсем другой – более глубокий смысл; мы больше имеем оснований сказать, что это озеро-море Господь избрал для Себя Самого; мы знаем, что Господь наш Иисус Христос любил окрестности этого озера, любил здесь пребывать, любил тут беседовать с народом и молиться в тишине ночной... Сколько чудес милосердия совершил Он здесь! Здесь, на северных берегах моря Галилейского, находилась незнатная Вифсаида – родина первозванных апостолов – Андрея, Петра (Симона) и Филиппа. Здесь Он воззвал Симона и Андрея, сынов Иониных, а потом – Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, к великому апостольскому служению и из простых деревенских рыбарей соделал их великими богословами и *ловцами человеков*. Здесь, из лодки, поучал Он стоящие на берегу толпы народа, и здесь впервые люди услышали Его божественные по простоте и глубоко поучительные притчи о сеятеле, о закинутом неводе и множество других. Здесь, над этими волнами, раздалось Его божественное запрещение бурному ветру: *молчи, престани! и бысть тишина велия*... По этому озеру однажды ночью плыла лодка с Его учениками, и вот они видят в сумраке ночном: их Божественный Учитель идет по этим волнам, как по суше, видят и своим очам не верят; думая, что это призрак, они от страха возопили... Но

Господь подает им Свой ободряющий голос: «Дерзайте, Аз есмь, не бойтеся!» – Тогда пламенный апостол Петр вызывается идти к Нему навстречу. Господь позволяет, и вот Симон идет по воде, но идет нетвердою стопою: *видя же ветр крепок, убояся, и начен утопати, возопи, глаголя: Господи, спаси мя!* (Мф. 14, 30). И Господь простирает ему руку, ту милосердную руку, которая до сих пор помогает нам, грешным, в многотрудном нашем плавании по житейскому морю, воздвизаемому напастей бурею... Не раз здесь рыбари-апостолы, по слову Христову, извлекали чудесно наполненные мрежи после того как всю ночь трудились напрасно: какой поучительный урок для всех трудящихся, что без Божией помощи всуе они трудятся, что, значит, для всякого труда нужно Божие благословение и Божия помощь! На берегах этого озера был Капернаум, называемый в писании градом Спасителя, – тот Капернаум, которому изрек Господь грозное слово: *и ты, Капернауме, иже до небес вознесыйся, до ада низведешися!* (Лк. 10, 15). И сбылось это страшное изречение: нет более и следов Капернаума, и ученые спорят о самом месте, где находился он. А вот там, на восточном берегу, высится крутой утес: при взгляде на него невольно припоминается история исцеления бесноватого, окончившаяся тем, что огромное стадо свиней гадаринских бросилось с этого утеса в море и погибло в его волнах. Трудно исчислить все дорогие сердцу христианина воспоминания о Спасителе нашем, соединенные с именем моря Галилейского. Любил Господь это озеро и на берегах его благоволил явиться ученикам Своим по Своем светоносном Воскресении. Какая дивная, трогательная картина! Раннее утро; еще темно, едва начинает светать. Усталые рыбари-апостолы плывут к берегу после бессонной ночи и тщетных трудов. Пусты их сети... Но вот на берегу виднеется Человек. Кто бы это был?.. «Дети! – слышится с берега, – нет ли чего у вас съестного?» «Нет», – уныло отвечают они. *Закиньте сеть по правую сторону лодки и поймаете* (ср.: Ин. 21, 6), говорит Явившийся. Они закидывают и едва могут тащить от множества рыбы. Это невольно напоминает им прежний, чудесный лов рыбы, и вот любящее сердце Иоанна подсказывает ему, Кто это стоит на берегу. *Это Господь* (Ин. 21, 7), шепчет Иоанн Петру, и пылкосердечный Петр наскоро опоясывается одеждой, бросается в воду, переплывает пространство сажен в пятьдесят и весь мокрый падает к ногам Иисусовым... Между тем другие ученики плывут на лодке, влача туго натянувшуюся сеть, наполненную рыбой... А на берегу уже разложен был огонь, лежал хлеб, и на пылающих углях для усталых рыбарей уже пеклась рыба. Господь велит им принести и ту рыбу, которую только что поймали. Петр пошел и своими сильными руками

помог вытащить на берег сеть, в которой оказалось 153 больших рыб. Теперь все видели, что это Господь... «Пойдите сюда, обедайте!» – сказал Он им. И безмолвно возлегли они вокруг Господа и стали обедать. И за этой трапезой Господь трижды вопрошает Симона: *Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих?* (Ин. 21, 15). И трижды исповедует смиренный Апостол свою любовь к Господу, и сим троекратным исповеданием заглаживает свое троекратное отречение...

Пустынны теперь берега священного озера Генисаретского. За исключением маленького городка Тивериады да дикой деревни Эль-Маджель – древней Магдалы (родина святой равноапостольной Марии Магдалины), на его берегах нет ни единого населенного местечка. Нет более роскошных садов. На восточном берегу высятся обнаженные скалы, изрезанные мрачными оврагами. С давних пор по водам озера не скользит ничья ладья и не оживляет движением этой мертвой пустыни. Только посредине озера тянется светлая серебристая лента быстрого Иордана, который впадает в озеро на севере, перерезает его с севера на юг и продолжает свое течение далее, к Мертвому морю. Повсюду те же пальмы, те же зеленые поля и журчащие потоки; только рядом с ними угрюмо смотрят серые кучи развалин...

НЕДЕЛЯ 10-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Исцеление бесноватого

В следующий день (после восшествия Спасителя на Фавор и Преображения), когда Иисус Христос с Петром, Иаковом и Иоанном спустились с горы и пришли к прочим ученикам, Господь *увидел много народа около них и книжников, спорящих с ними* (Мк. 9, 14).

В эту самую минуту все заметили Иисуса. Его вид, Его необычное величие, Его лучезарный взор наполнили сердца окружающих благоговейным чувством, и весь *народ изумился, и, подбегая, приветствовали Его* (Мк. 9,15).

О *чем спорите с ними?* (Мк. 9, 16) – спросил Он спокойно у книжников.

Книжникам стыдно было признаться в своих вопрошениях, а ученики Иисусовы сознавали свое маловерие, неудачу и неумение, чтобы осмелиться ответить.

Тогда один человек из толпы подошел к Иисусу и, преклоняя пред Ним колени, воскликнул: «Господи! помилуй сына моего; умоляю Тебя взглянуть на него; он один у меня; он в новолуния беснуется и тяжко страдает, часто бросается в огонь и в воду. Его схватывает дух, повергает на землю, и он внезапно вскрикивает, испускает пену, скрежещет зубами своими, и цепенеет, и дух насилу отступает, измучив его. Я приводил его к ученикам Твоим, но они не могли исцелить его (см.: Мф. 17, 15–16; Лк. 9, 38; Мк. 9, 17–18).

Человек тот приводил несчастного страдальца к ученикам для изгнания злого духа, и их неудача вызвала только насмешки книжников.

О, род неверный и развращенный! отвечая, сказал Иисус. *Доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?*

(Мф. 17, 17). *Приведите его ко Мне сюда,* продолжал Спаситель. *И привели его к Нему. Когда же тот еще шел, и как скоро бесноватый увидел Его, дух сотряс его и стал бить; он упал на землю и валялся, испуская пену* (ср.: Мк. 9, 20; Лк. 9, 42).

Отклоняя от учеников обвинение, Христос словами: *о, род неверный и развращенный* обвиняет самого просителя; но, чтобы не смутить его, обращается не к нему, но ко всем иудеям, из которых многие соблазнились и стали думать худо об учениках. Не довольствуясь же обвинениями, Господь сказал: *приведите его ко Мне сюда,* возбуждая этим надежду и уверенность отца, что сын его будет избавлен от беса. Если же Господь медлит исцелением и попускает больному терзаться, то это делает не

напоказ, а для отца, чтобы возбудить в нем и утвердить его колеблющуюся веру.

Как давно это сделалось с ним? (Мк. 9, 21) – спросил Иисус отца его.

С детства, отвечал отец, *и многократно дух бросал его в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжалься над нами и помоги нам.*

Если сколько-нибудь можешь веровать, отвечал ему Иисус, как бы возвращая его слова обратно, *все возможно верующему* (ср.: Мк. 9, 22–23).

«Я имею столько могущества, – говорит этими словами Христос, – что и других могу сделать чудотворцами; а потому, когда ты уверуешь как должно, сам можешь излечить и этого, и многих других».

Тогда безнадежный отец со слезами воскликнул, как восклицают многие не имеющие веры и колеблющиеся сомнением: *Верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк. 9, 24).

Во время этого краткого разговора народа вокруг Спасителя становилось все больше и больше.

Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: Дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него (ср.:Мк. 9, 25).

За этим словом последовал дикий крик, и бес, *сильно сотрясши его, вышел из него; и он (бесноватый) сделался как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, подня его,* и исцелил отрока, и отдал его отцу его. И все удивлялись величию Божию (ср.: Мк. 9, 25–27).

Власть изгнания бесов Господь дал ученикам Своим прежде всего, и Его именем для этого успешно пользовались даже те, кто не был в числе призванных. Поэтому, естественно, что, как только вошел Иисус в дом, ученики стали Его спрашивать наедине: почему мы не можем изгнать его (беса)? Боясь, не потеряли ли они благодати, данной им. Иисус же сказал им: *по неверию вашему; ибо истинно говорю вам, если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас; сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 20–21).

О кознях диавола и о молитвенном делании

В Киево-Печерском монастыре, при игумене Никоне, был один молодой подвижник, по имени Никита. Он просил у игумена дозволения уйти в затвор. Игумен не позволял ему и говорил: «Чадо! ты молод, нет пользы для тебя сидеть праздным; лучше тебе трудиться вместе с братиями, и ты не потеряешь своей награды; сам ты видел брата нашего Исаакия пещерника, как он прельщен был в затворе от бесов, только великая благодать Божия спасла его». Никита отвечал: «Никогда не соблазнюсь я такой вещью, но крепко желаю стать против козней бесовских и прошу Бога, дабы дал мне дар чудотворения, как Исаакию Затворнику, который и доселе чудеса творит». Игумен опять сказал ему: «Выше сил твоих желание твое; остерегись, чадо, чтобы, вознесшись, не упасть; я велю тебе служить братии, и за свое послушание будешь венчан от Бога». Но Никита не послушал совета и предостережений игумена и, затворив себя в келье, крепко заградил двери и жил один, пребывая в молитве, никуда не выходя. Однако, по прошествии малого времени, затворник Никита не избежал сетей диавола-искусителя. Однажды во время молитвы своей он услышал другой, вместе с ним молящийся голос, почувствовал необыкновенное благоухание и, прельстившись этим, говорил: «Если бы не был он Ангел, то не молился бы со мной», – и начал молить Господа, чтобы Он сам явился ему видимо. Тогда был к нему голос: «Не являюсь тебе, потому что ты молод, чтобы ты, вознесшись, не упал». Затворник со слезами сказал: «Никогда, Господи, не соблазнюсь, и все, что повелишь Ты мне, исполню». Тогда душегубительный змий, приняв над ним власть, говорит: «Невозможно человеку, живущему во плоти, видеть меня, но посылаю ангела своего, он будет с тобой, а ты исполняй его волю». И вдруг явился пред ним бес в образе ангела; Никита поклонился ему, как ангелу. И говорит ему бес: «Теперь ты уже не молись, но читай книги и таким образом будешь беседовать с Богом, и всем приходящим к тебе будешь подавать полезное слово, а я всегда буду молиться о твоем спасении». Поверив сказанному и прельстившись, затворник перестал молиться и читал книги; беса же всегда видел молящимся о нем и радовался, думая, что ангел творит за него молитву. Никита стал прозорливым и учительным. И что он говорил или пророчествовал, то и сбывалось. Князья и бояре стали приходить к нему для слушания наставлений. Но все, что он говорил, то открывал ему бес.

Никто не мог сравниться с Никитой в знании книг Ветхого Завета; он знал их на память. Но Евангелия и книг апостольских он не только не читал, но даже не хотел видеть или слышать о них. И стало всем понятно, что Никита обольщен диаволом. Тогда преподобные отцы монастыря, сияющие добродетелями, пришли к прельщенному и своими молитвами изгнали от него беса. Они вывели его из затвора и спрашивали, чтобы сказал им что-либо из книг Ветхого Завета. Но он клялся, что никогда не читал тех книг; оказалось даже, что теперь он не мог прочесть ни одного слова. Преподобные отцы едва научили его грамоте. Тогда, молитвами преподобных отцов приведенный в полное сознание, он исповедал свой грех и горько плакал о нем, предал себя строгому посту и послушанию, стал жить такой чистой и смиренной жизнью, что других превзошел добродетелями. За его великие добродетели Господь возвел его в сан епископа Новгородского. Будучи епископом, святой Никита во время бывшего бездождия своей молитвой свел с неба дождь, погасил пожар в городе, и много других чудес сотворил. Тринадцать лет был он епископом Новгородским, и 31 января 1108 года отошел ко Господу, в **Жизнь Вечную. Тело его Господь прославил нетлением и чудотворением.**

Теперь размыслим о том, сколько здесь для нас поучительного. Диавол-искуситель повелел затворнику Никите читать книги и оставить молитву. Из сего видно, что диавол не терпит христианской молитвы. Почему не терпит? Потому что молитва – разумею, истинная, которой молятся подвижники Христовы и которой должны молиться все мы, – есть дело важное. Преподобный Макарий Египетский учит: «Глава всякой добродетели и верх добрых дел есть всегдашнее в молитве пребывание»[1]. И точно, кто молится истинной молитвой, тот старается всегда иметь в душе своей твердую веру в Бога и страх Божий, крестится и поклоняется с умиленным сердцем, имеет душу кроткую и смиренную, молитву читает всегда с благоговением, с полным осознанием своего недостоинства пред Богом. Кто молится истинной молитвой, тот в грехах кается искренно и чистосердечно, с сокрушенным сердцем и, прося у Бога отпущения своих грехов, прощает всякие обиды своим врагам и обидчикам, всех любит, не привязывается ни к чему земному, думает об одном Боге и всегда старается жить по воле Господней. Такой богомолец есть верный и добрый раб Господень, достойный Небесного Царства. Таким богомольцам не вредят демоны, и они бегут от них. Их крест и молитва, их вера и смирение побеждают и прогоняют всякую демонскую силу. Желаете ли убедиться в этом примерами? Вот и примеры. Один волхв послал бесов умучить преподобного Феодора Сикеота, но они не могли приблизиться к

нему, потому что молитва была у него на устах, – ожидали ночи, но и ночью, во время сна, огонь исходил из уст преподобного и отгонял бесов. Преподобный Нифонт однажды увидел некоего черноризца, идущего и читающего молитву, из уст его исходил огненный пламень и доходил до небес; шел же и Ангел его с ним, имея в руках огненное копье, которым прогонял бесов от того черноризца. Вот почему диавол-искуситель запретил святому Никите молиться Богу – чтобы не только не бояться Никиты, но чтобы совратить его от веры во Христа Бога и от прочих добродетелей, от молитвы происходящих, и тем удалить его от Бога и Царствия Христова.

Смирение – оружие против диавола

Блаженный Августин говорит: «Враг нашего спасения хитер и лукав: то агнцем, то волком, то светом, то тьмою показывается он».

Так, в образе не только Ангела, но даже Самого Христа он является. Вот пример. Был дивный подвижник – Исаакий Печерский. Семь лет подвизался в уединенном затворе и пребывал в непрестанной молитве. Пищей его каждый день были одна просфора и немного воды. Этот дивный подвижник никогда не ложился спать, но отдыхал сидя. Однажды, когда он, при наступлении ночи, утрудившись от пения псалтири, погасил свечу и сидел на своем месте, видит в пещере необычайный свет, и ему предстали два беса в образе юношей. Они сказали: «Мы – ангелы, и се грядет к тебе Сам Христос». Преподобный, не предполагая со стороны мнимых ангелов никакого лукавства, принял все за действительность. Пал на колени и поклонился сатане в образе Христа. Как только это совершилось, бесы радостно воскликнули: «Наш Исаакий!» И тотчас, окружив преподобного, с тимпанами, свирелями и гуслями, они его схватили, начали с ним скакать и до того измучили его, что он поутру найден был в беспамятстве и оставался несколько лет в расслаблении душевном и телесном.

Вот как опасно поддаваться врагу! Но как отражать его? Церковная история свидетельствует, что великие христианские подвижники побеждали диавола, являвшегося им в образе ангела и искушавшего их гордыми и мечтательными помыслами, смирением. Так, диавол явился одному пустыннику в образе светлого ангела и сказал ему: «Я – Гавриил, послан к тебе от Бога». Пустынник на это возразил: «Смотри, не к другому ли ты послан; я недостоин видеть ангелов, как человек грешный». Диавол тотчас исчез. Смирение – оружие не только на диавола, но и на все злые дела его.

Именем Иисуса Христа и крестным знамением побеждается диавол

Великое для нас значение имеют святейшее имя Спасителя нашего и орудие спасения нашего – Животворящий Крест Христов. Наш исконный и неусыпный враг – диавол непрестанно рыщет, как лев, ища кого погубить, но Господь дал нам и могущественные орудия против всех козней вражеских: это молитвенное призывание святейшего имени Спасителя нашего, о силе коего Сам Господь сказал верующим: *именем Моим бесы ижденут* (Мк. 16, 17), – и Крест Спасителя нашего и знамение сего креста. По свидетельству Святой Церкви, диавол при виде Креста Христова, трепещет и трясется, не терпя взирати на силу его. Этими святыми и божественными орудиями всегда и защищались от диавола верующие. Молитва Иисусова не прекращалась в сердце и не сходила с уст у христианских подвижников, равно и крестное знамение постоянно изображалось ими на прогнание врага. Из множества сему примеров укажу некоторые.

В житии преподобного Авраамия повествуется: однажды в полночь, когда преподобный стоял на молитве, вдруг озарил его свет сильнее солнечного, и он услышал голос, который говорил: «Блажен ты, отче Аврааме, истинно блажен, потому что никого нет равного тебе по заслугам». Поняв, что это не что иное, как лесть лукавого, блаженный сказал ему: «Тьма твоя да погибнет вместе с тобою! Вижу твою лесть и обман: я – человек грешный, благодать Бога моего и упование на Господа Спасителя моего Иисуса Христа со мною, я не боюсь тебя, именем Его заклинаю тебя, нечистый и лукавый!» Лишь только произнес это блаженный, как в ту же минуту сатана исчез. Через несколько дней сатана снова, во время молитвы блаженного ночью, топором стал разрушать его келью и, прорубив, закричал: «Спешите, друзья мои, спешите, войдем и задушим его!» Услышав этот возглас, блаженный сказал: *Вси язы́цы обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (Пс. 117, 10), и враг исчез, а келья осталась невредима. Прошло еще несколько дней; в полночь, когда святой стоял на рогоже и пел псалмы, рогожа вдруг загорелась сильным пламенем, но он не смутился, хорошо зная, что это наваждение диавола, и, затоптав огонь, произнес: *На аспида и василиска наступлю и попру льва, и змия, и всю силу вражию именем Господа нашего Иисуса Христа, помогающего мне* (Пс. 90, 13), и диавол вдруг с криком обратился в бегство.

Однажды к пещере святого Петра, подвизавшегося на Афонской горе, диавол собрал всех зверей и гадов и сам с клевретами своими превратился в различных зверей и гадов. Зрелище поистине было ужасное: одни ползали у ног подвижника, другие свистели страшным голосом, иные уже раскрывали пасти, намереваясь поглотить его живого, и устремлялись на него. Но подвижник знал уже, что это козни вражий, а потому лишь только оградил себя крестным знамением и призвал имя Господа, как лукавый далеко отбежал от него.

Желая искусить великого подвижника Симеона Столпника, диавол принял на себя вид светлого ангела, явился однажды к Симеону с огненной колесницей и такими же конями, как бы сошедший с неба, и сказал: «Послушай, Симеон, Бог неба и земли послал меня к тебе, чтобы я взял тебя, как Илию, на небо, ибо ты достоин того за твое житие, и пришел уже час, чтобы получить тебе венец за труды твои от Господа. Иди немедленно и поклонись Господу Богу твоему; и пусть видят тебя пророки, апостолы, ангелы и мученики, которые все желают тебя видеть». Не распознав, что это искушает его враг рода человеческого, святой Симеон воскликнул: «Господи! Неужели Ты восхотел взять меня в селения Твои?» – и, оградив себя крестным знамением, поднял уже правую ногу свою, дабы сесть в колесницу, но в это мгновение диавол, устрашенный знамением креста, исчез с огненными конями и колесницей.

Потому-то благочестивые христиане непрестанно носят в сердце и на устах святейшее имя Спасителя нашего. Потому-то Святой Животворящий Крест Христов украшает наши храмы; потому-то он – и на святом престоле, и на троне царском, и в домах, и на персях наших; он же, как верный страж, охраняет и бренные наши останки в могилах до Всеобщего Воскресения и Суда Божия.

А мы, грешные, как редко и без надлежащего благоговения произносим святейшее имя Спасителя нашего. Зато почти ежечасно на устах наших – имя врага нашего спасения! Как мы неблагоговейно лобызаем Святой Крест Христов и небрежно ограждаем себя крестным знамением! Как часто в домах своих, при виде распятого на Кресте Спасителя нашего, позволяем себе бесчинство, непристойные речи, негодные поступки! Подобное отношение к Святому Кресту пагубно для душ наших.

Посему я, как пастырь ваш, вашим спасением умоляю вас всегда, во всякое время и на всяком месте, в храме ли, в доме ли, на пути ли, везде благоговеть пред Святым Крестом, как можно чаще с верой осенять себя им, напутствовать им всякое свое дело, всякий шаг в жизни, научать тому

же и детей своих, твердо помня, что в Кресте – наш светлый рай, равно как без Креста – для нас вечный ад.

Польза поста

Богоугодный пост примиряет нас с Богом, привлекает на нас благоволение Божие, избавляет от праведного гнева Божия и наказания. Ниневитяне прогневали Бога своими неправдами и беззакониями. Господь осудил их за это на погибель. Святой пророк Иона объявляет нечестивому народу, что через три дня Ниневия будет истреблена. И вот царь и все жители Ниневии налагают на себя строгий пост: никто ничего ни ест, ни пьет; оставляют все свои беззакония; обращаются к Богу с сердечной молитвой о помиловании. И Милосердый Господь милует Ниневию (см.: Иона 3, 1–10).

Сама Пресвятая Богородица вразумляет нас, что постом мы избавляемся не то что от наказания Божия в этой жизни, а и от вечных адских мучений.

Преподобный Досифей воспитывался у своих родственников. Они были люди знатные; одевали и содержали своего питомца роскошно; но слова Божия он никогда не слышал от них. Случилось, что их знакомые при юном Досифее беседовали об Иерусалиме. Понравилась ему эта беседа. Он отпросился у своих воспитателей посетить святые места. Его отпустили на поклонение святым местам с одним хорошим человеком. Приходят они в Иерусалим и в Гефеиманию. Здесь преподобный увидел изображение Страшного Суда Божия, и оно поразило его. Рассматривает он с ужасом картину адских мук. Вдруг преподобный Досифей видит подле себя Светлую Жену, облаченную в багряницу. Она объясняет ему мучения каждого из осужденных, поучает его и долго наставляет. Ранее он ничего не слышал о Страшном Суде. Слыша от Святой Жены слова Святого Писания, он умиляется душою и ужасается; наконец, преподобный спрашивает у этой Чудной Жены: «Что нужно сделать, чтобы избавиться от этих мучений?» Она говорит ему: «Постись, не ешь мяса, часто молись и избавишься мук». Научив так преподобного, Чудная Жена стала невидима. Эта Чудная Жена была Пречистая и Пресвятая Богородица. С этого времени преподобный Досифей свято соблюдал эту заповедь и спасся.

В беде призывай Бога и молись Святым угодникам

Диакон Иоанн, часто питавший преподобного Симеона, Христа ради юродивого, впал в нечаянную беду: неизвестные злодеи убили одного человека и труп его бросили во двор диакона. Утром убитый был найден, и диакона Иоанна обвинили в убийстве этого человека. Судья приговорил его к повешанию на дереве, и его повели на место казни. Идя на смерть, диакон Иоанн мысленно молился: «Боже юродивого, помози мне; Боже Симеонов, предстани мне в час сей!»

Преподобный Симеон в это время где-то юродствовал. К нему пришел один старец и сказал: «Юродивый! друг твой и благодетель Иоанн диакон осужден на смерть; если он умрет, то ты погибнешь с голода: никто о тебе не печется так, как он». Святой Симеон тотчас поспешил в уединенное место, где обычно тайно от всех молился. Там, преклонив колени, он стал усердно молиться Богу об избавлении диакона от смертной беды. Молитва его была услышана: внезапно убийц нашли, и судья на место казни тотчас же отправил всадников освободить невинного, и они едва застали диакона в живых.

Освобожденный Иоанн поспешил не домой, а прямо пошел к тому месту, где святой Симеон молился, и нашел его еще не окончившим своей молитвы. Когда Симеон кончил молитву и диакон приблизился к нему, преподобный встретил его словами: «Брат Иоанн, ты едва не испил смертной чаши! Иди, молись и благодари Избавителя – Бога. Это испытание случилось с тобой из-за того, что ты приходившим к тебе двум нищим не дал ничего, хотя и имел что дать, и отпустил их с пустыми руками. Ужели твое, что ты подаешь, или не веришь Сказавшему: «Дающий нищим Бога ради, сторицею приимет в нынешнем веке, а в будущем Жизнь Вечную получит. Если веруешь, подавай; если не подаешь, то, очевидно, не веришь Господу».

Сила веры истинного христианина

I. Одного благочестивого священника пригласили в один дом (в Лаодикии) окрестить родившееся дитя. Ребенок был слишком слаб и близок к смерти, и, прежде чем священник пришел в дом, приготовив все нужное для крещения, действительно умер. Но, нимало не колеблясь, священник начал свое дело. Приступая к крещению, он воззвал: «Ангел Божий, взявший душу дитяти прежде крещения! возврати ее в тело, чтобы я мог окрестить дитя, и тогда опять возьмешь ее». Произошло великое чудо: дитя ожило, получило крещение и опять уснуло вечным сном.

П. Когда однажды возникли между православными христианами и еретиками (т. е. отпавшими от православной веры) великие споры и раздоры, православные обратились за помощью к некоему блаженному Макарию. Тогда Макарий, собрав православных и еретиков, отправился с ними на кладбище и воззвал к первой встретившейся могиле, чья вера истинная – православная или еретическая? И что же? Умерший дал ответ, назвав истинной верой православную. Таким образом, еретики были посрамлены, а православные восторжествовали.

Греховное рабство

Тяжело и плачевно положение души, попавшей в плен греха. *Всяк творяй грех раб есть греха* (Ин. 8, 34), изрек Христос Спаситель. Кажется, рабство греху есть что-то невозможное само по себе. Ведь грех есть своеволие, следование своей воле вопреки воле Божией. Грешник сам себе господин, который не хочет стеснять себя требованиями закона Божия. Он не признает над собой другого закона, кроме самолюбия, самоугождения. Подобно изображенному в Евангельской притче блудному сыну, он хочет жить по своей воле и потому не терпит над собою власти нравственного закона. С таким свойством греха несовместимо понятие о рабстве греху. Тем не менее слова Христовы: *всяк творяй грех раб есть греха* – составляют непреложную истину. Правда, в грехе есть своего рода свобода, т. е. своевольное уклонение от закона Господня. Но какая жалкая эта свобода! Если своевольно уклоняющийся от пути правды на путь греха думает, что он свободен, и если радуется своей свободе, он только обманывает себя. Свергая с себя власть закона, он только меняет ее на другую власть, на власть греха, самую унизительную и постыдную, следовательно, делается рабом греха, ибо, скажем словами Апостола, *кто кем побежден, тот тому и раб* (2Пет. 2, 19). В сем отношении нет ни одного на свете человека, кто не был бы в строгом смысле пленником или рабом греха. Иго греховного рабства каждый из нас несет с минуты рождения, ибо никто не свободен от первородного греха, наследованного от Адама. Всякий рождается с непобедимой склонностью ко греху, побуждающей его, даже вопреки воле, творить то, чего не одобряет его совесть. Рабство греху увеличивается грехами личными или произвольными. Греховным искушениям подвергаются даже великие праведники. Впрочем, они, хотя падают, каждый раз спешат восставать от падений. Но есть такие рабы греха, которых держит он в постоянной неволе. Есть грехи, обратившиеся в страсть, привычку. Такие грехи поистине самые страшные господа, служение которым мучительнее египетской работы, тяжелее вавилонского плена. Такова, например, привычка к сквернословию. Она до того овладевает иным, что он не может сказать двух-трех слов без того, чтобы не прибавить слова непотребного. Такова также привычка к пьянству. Привыкший к нему поистине есть жалкий раб этого порока. Протрезвившись, он сам осуждает себя, проклинает свою привычку, дает зарок отстать от нее, вступает даже в общество трезвости, связывает себя обязательством не прикасаться к вину;

но при первом встретившемся искушении предается нетрезвости еще более, чем прежде. Страсть корыстолюбия до того порабощает человека, что он перестает помышлять о покаянии и спасении души. Рассказывают об одном корыстолюбце, что он никогда не говел и, наконец, опасно захворал. Все видели, что он не переживет этой болезни, он один не признавал опасности. Болезнь приняла такой оборот, что надобно было подумать о приготовлении к смерти. Доброжелательные люди кое-как уговорили его послать за священником для напутствия Святыми Дарами. Священник явился, но в те же минуты пришла телеграмма; о ней доложили больному. Требовались какие-то неотложные распоряжения по торговым делам. Больной удалил священника, занялся торговыми распоряжениями и внезапно отдал Богу душу. Раб корыстолюбия не в силах был вступить в борьбу с рабской привычкой даже в минуту смерти и умер без покаяния.

Пристрастие к модным нарядам до такой степени порабощает иную легкомысленную женщину, что она готова целый день проводить за туалетом и ни о чем больше не заботиться, как только одеваться по последней моде. Последняя модная картинка есть для нее кумир, в жертву которому она приносит здравый смысл, обязанности к семейству, даже к церкви, ибо, будучи занята слишком много времени одеванием и прической, не поспевает в свое время к церковной службе.

Любитель сильных ощущений, переживаемых в минуты азартной игры в карты, поистине есть несчастный раб пристрастия к ней. Он довел себя до такого состояния, что готов проиграть все свое состояние, лишить себя и семейство куска насущного хлеба, чтобы удовлетворить свою безумную страсть.

Люди гневливые в порывах гнева походят на разъяренного зверя и до такой степени чувствуют свое бессилие овладеть собой и не доводить себя до крайности в гневном состоянии, что иногда сами предостерегают людей не подходить к ним близко в минуту их раздражения: они за себя не ручаются и могут в эти минуты совершить преступление. Итак, поистине *всяк творяй грех* и, особенно обративший грех в непобедимую привычку, *есть раб греха.*

НЕДЕЛЯ 11-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Притча о должнике немилосердном

Молитва *Отче наш*, которую каждый из нас повторяет ежедневно утром и вечером, дана нам, как известно, Самим Иисусом Христом. В ней мы, между прочим, просим Бога, чтобы Он простил нам согрешения наши. *И остави нам долги* (грехи) *наша*, говорим мы и прибавляем: *яко и мы оставляем должником нашим* (Мф. 6, 12).

Если же мы не станем прощать тем, которые согрешили против нас, то нельзя нам ожидать, чтобы Господь простил нам согрешения наши. Итак, следует нам остерегаться гнева, мириться с товарищами своими, если случится с ними иметь ссору, прощать им обиды и помнить, что Бог не услышит молитвы того, кто, приходя в церковь, хранит гнев или злопамятство на ближнего своего.

В объяснение этой истины Господь однажды сказал такую притчу:

«К одному царю привели служителя, который был ему должен десять тысяч талантов. Так как служителю тому нечем было заплатить долг, то царь велел продать его, и жену, и детей, и все, что у него было, в уплату долга. Но раб тот бросился на колени и говорил: «Государь! потерпи на мне, я все тебе заплачу». Государь, умилосердившись, отпустил его и весь долг простил ему. После этого служитель встретил товарища своего, который был ему должен сто динариев, т. е. гораздо менее того, что он сам был должен царю. Он схватил товарища своего и стал его бить, требуя уплаты долга. Товарищ упал к его ногам и, умоляя, говорил: «Потерпи на мне, я все тебе отдам». Но он не захотел и слушать и посадил его в тюрьму.

Об этом происшествии рассказали царю. Тогда царь, призвав служителя, говорит ему: «Злой раб! весь долг я простил тебе, потому что ты упросил меня; не следовало ли и тебе помиловать товарища, как я тебя помиловал?» И, разгневавшись, государь приказал его мучить, пока он не отдаст своего долга»[1]. *Так*, прибавил Иисус, *и Отец Мой Небесный поступит с вами, если каждый из вас не простит от сердца своего брату согрешений его* (Мф. 18, 35).

Христианин, прощай всегда?

Желая знать, сколько раз должно прощать брату, святой апостол Петр спросил Иисуса Христа: прощать ли до семи раз? И, сказав это, думал, что назначил самую большую меру. Как коротко терпение человеческое! Господь же, применяя Свое долготерпение к нашим немощам, определил: *не семь раз, а семьдесят раз по семь* (ср.: Мф. 18, 22). Это то же, что сказать: всегда прощай и не думай не прощать. Всепрощение и будет отличительной чертой христианского духа, как всепрощение – источник и постоянная поддержка жизни в нас о Господе, от лица Божия. Всегдашнее прощение всем всего есть внешняя одежда христианской любви, которая, по Апостолу, *долготерпит, милосердствует, не раздражается, вся покрывает* (1Кор. 13, 4–7). Оно же есть самое верное ручательство за прощение и на Последнем Суде; ибо если мы отпустим – *отпустит и нам Отец наш Небесный* (ср.: Мф. 6, 14). Таким образом, если хочешь в рай – прощай всем, искренно, от души, чтобы и тени не оставалось неприязненности.

Прежде сам прости

Вот о чем читаем мы в житии святителя Иоанна Милостивого: «Был в Александрии один вельможа, который, несмотря на все увещания угодника Божия, не хотел и слышать о примирении со своим врагом. Раз святитель пригласил его в свою домовую церковь на Божественную литургию. Вельможа пришел. В церкви никого не было из богомольцев, сам патриарх служил, а на клиросе был только один певец, которому вельможа и стал помогать в пении. Когда они начали петь молитву Господню *Отче наш,* запел ее и святитель; но на словах: *хлеб наш насущный дажд нам днесь* – святой Иоанн вдруг замолчал сам и остановил певца, так что вельможа один пропел слова молитвы: *и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим...* Тут святитель обращается к непримиримому вельможе и с кротким упреком говорит: «Смотри, сын мой, в какой страшный час и что говоришь ты Богу: остави мне, как и я оставляю... Правду ли ты говоришь? Оставляешь ли?» Эти слова так поразили вельможу, что он весь в слезах бросился к ногам архипастыря и воскликнул: «Все, что ни повелишь, владыко, все исполнит раб твой!» И исполнил: он в тот же день помирился со своим врагом и от всего сердца простил ему все обиды».

Ненавистник губит и душу свою, и тело

Не любяй бо брата пребывает в смерти (1Ин. 3, 14) – так говорит святой евангелист Иоанн Богослов. О какой смерти говорит он – о духовной или телесной? О той и другой. Ненавистник губит свою душу и свое тело: губит он свою душу тем, что лишается благодати Божией и делается неспособным ни к какой добродетели; губит он и тело свое – потому что злоба и гнев могут быть причиной и смерти видимой – телесной. Вот, например, случай, показывающий, как ненавистью человек может сгубить свою душу. Два брата имели друг на друга злобу. Это было во время гонения на христиан. Как исповедники Христа, они были посажены в темницу. Там один из них почувствовал свой грех и, не желая, чтобы смерть постигла их нераскаянными, стал просить своего брата о примирении; но тот до такой степени ожесточен был ненавистью, что ни за что не согласен был помириться с ним. Что же случилось? Поутру тот и другой пошли на мучения. Искавший примирения с твердостью терпел мучения и принял мученическую кончину, а ненавистник отрекся от Христа при самом начале истязаний. Это обстоятельство так удивило самого мучителя, что он спросил отступника: «Отчего же ты вчера держался своей веры?» Отрекшийся от веры во Христа отвечал: «Я имел вражду с братом и не примирился с ним, несмотря ни на какие просьбы его, оттого и оставила меня сила Божия, и я не вытерпел мучений». Таким образом, ненавистник сам понял и сознал свою погибель: он убедился в том, что злобой отогнал от себя благодать Божию, без которой не в силах был приобрести венец мученический, и сделался отступником от истинной веры.

А пример того, как злоба, ненависть может причинить смерть телесную, можно найти в житии преподобного Тита Печерского. Преподобный Тит жил и подвизался в Киево-Печерском монастыре и был удостоен пресвитерского сана. С ним вместе жил диакон Евагрий; оба они в братской любви упражнялись в иноческих подвигах и были так дружелюбны, что прочие братия удивлялись их дружбе. Но враг рода человеческого позавидовал доброму согласию двух братии и превратил их братскую любовь в такую непримиримую ненависть, что они не могли без злобы взглянуть друг на друга. Даже во время совершения Божественной службы в церкви, когда один шел с кадильницей, другой отходил в сторону, чтобы не услышать фимиама. Долго продолжалась такая злоба, и сколько ни старались братия их примирить, все было напрасно. Однажды

преподобный Тит тяжко разболелся и в смертной опасности сознал свое согрешение, начал горько плакать и послал к недругу своему просить прощения; но Евагрий и слышать не хотел о примирении и продолжал поносить и жестоко проклинать врага своего. Братия, видя такое гибельное заблуждение, насильно привлекли Евагрия к одру умирающего. Тит, собрав свои последние силы, встал и преклонился к ногам своего недруга, говоря: «Прости меня, отче!» Евагрий же был так злобен и бесчеловечен, что отвратился от него и сказал: «Не хочу с ним примириться ни в сем веке, ни в будущем». Сказав это, он вырвался из рук братии и упал на землю. Братия хотели его поднять, но нашли его умершим и внезапно охладевшим, так что не могли ни рук его свести, ни глаз и уст его закрыть. В то же время Тит, бывший при смерти, внезапно получил облегчение и сам встал с одра своего, как будто и не был болен. В ужасе от столь необыкновенного происшествия все окружили Тита и спрашивали, что это значит? Преподобный Тит поведал братии: «Находясь в тяжкой болезни, доколе я сердился на брата моего, видел Ангелов, отступивших от меня и плачущих о погибели души моей, а нечистых духов радующихся, – вот что меня заставило просить примирения с братом. Когда же привели его ко мне и он начал проклинать меня, я увидел, что один грозный Ангел поразил его пламенным копьем, и несчастный мертвым повергся на землю, а мне тут же Ангел подал руку и поднял от одра болезни...» Устрашенные столь поразительным явлением Суда Божия, братия с тех пор особенно старались блюсти между собой любовь, избегать ненависти и вражды, столь богопротивной и гибельной для души.

О злорадовании

Поразительны бывают превратности судьбы человеческой. Ныне окруженный всеми благами земного счастья, завтра человек лишается всего, теряет свое почетное положение, власть, богатство и делается ничтожным, нищим. Тот, кто не знал границ своей гордости и был непоколебимо убежден в сознании своего величия, вынужден смиряться и преклоняться пред теми, которые еще недавно от него во всем зависели, ему льстили и пресмыкались перед ним. Как зеленеющий злак, будучи подкошен, скоро увядает, и как срубленное дерево быстро теряет свое величие и красоту, так быстро исчезает призрачный блеск земного счастья в человеке под ударами несчастий, низводящих те непрочные опоры, на которых человек думает утвердить свое земное счастье и славу. *Видех*, говорит псалмопевец, *нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры ливанская: и мимо идох, и се, не бе, и взысках его, и не обретеся место его* (Пс. 36, 35–36). Так быстро падает земное величие. Как же обычно относятся люди к подобным жертвам превратности судьбы, к этим несчастным, падшим с высоты своего величия и униженным? Обычно их преследуют насмешками, укоризнами, относятся к ним со злорадством, особенно если эти несчастные во дни своего величия нажили себе недоброжелателей своей неправдой, гордостью и жестокосердием. Сердце человеческое, под влиянием самолюбия и своекорыстия, пред лицом падшего и бессильного врага, скорее всего, склонно бывает проявить чувство злорадства и мстительности, чем великодушия и любви христианской. В торжестве над униженным врагом находит себе удовлетворение и возмездие за прежние обиды и притеснения. Но одобрительно ли это? Всякий должен сознаться, что, даже и по обычным понятиям нашим, злорадство и мстительность по отношению к падшему и бессильному врагу – свойства неблагородные, бесчестные. Тем более это противно закону Евангельскому, заповедующему нам всегда любить врагов своих и творить им добро, не воздавать злом за зло, но с кротостью и терпением принимать обиды и даже не противиться злу, не мстить, но вражью злобу отражать любовью и благодеяниями, побеждать благим злое (см.: Мф. 5, 44; Рим. 12, 21).

Поучительный пример христианского великодушия представляет нам святой Иоанн Златоуст. В его время при дворе императора Аркадия был сильный и славный вельможа Евтропий. Он старался убедить царя издать

указ об отмене убежища в церквах для совершивших какое-либо преступление. Право убежища, данное благочестивым царем Константином, возвышало значение Церкви Христовой пред лицом язычников и в то же время было благодетельно для преступников, которые, прибегая под кров Церкви и оставаясь неприкосновенными, познавали благодать Искупителя, не хотящего смерти грешника, и слезами покаяния смывали свое преступление, поправлялись и выходили добрыми и честными на всю жизнь. Святой Иоанн Златоуст, как верный страж дома Божия, со всей силой восстал против незаконного вмешательства Евтропия в дела Церкви и через то навлек на себя гнев этого вельможи и терпел многие от него обиды. И что же? Евтропий вскоре подвергся столь тяжкому обвинению, что лишен был власти и осужден на смерть. Нигде не было ему защиты и спасения, кроме Церкви, права которой он усиливался незаконно ограничить. В страхе смерти, убитый горем и униженный, Евтропий спешит воспользоваться правом убежища в Церкви, и в то время, когда святой Иоанн Златоуст совершал службу и проповедовал, падший вельможа прибегает и скрывается в алтаре. Святитель Христов не отвергает своего прежнего противника и досадителя, не отлучает и не отгоняет от алтаря разорителя прав церковных, но в своей проповеди тут же излагает поразительный случай превратности жизни человеческой и вселяет в народе жалость к падшему вельможе. Ни одного укорительного слова и ни одного намека на прежние обиды не вышло из уст великого святителя. С полной любовью принял он под защиту алтаря Господня бывшего врага Церкви, в надежде его раскаяния.

Итак, братия христиане! Изгоняйте из сердца своего низкое и недостойное чувство злорадства и мстительности к врагам своим, подвергшимся бедствиям и нуждающимся в сострадании и помощи.

Бог в долгу не останется

Один нищелюбец рассказывал о самом себе своему другу: «Я был еще десятилетним мальчиком, когда раз услышал в церкви проповедь о том, что кто подает нищему, у того приемлет Сам Христос. Задумался я тогда: как же это приемлет Христос, когда Он сидит на небесах одесную Отца? Иду я из церкви и вижу: стоит нищий в рубище, а над главой у него – обличив Господа нашего

Иисуса Христа. Вот прохожий подает нищему милостыню, и я вижу, что Христос простирает руки, приемлет хлеб и благословляет подающего. Тогда я поверил слову проповедника и доныне вижу образ Христов над главою каждого нищего». Так поведал о себе нищелюбец тот. А вот доказательство, что Христос Спаситель ни у кого в долгу не останется. Он платит сей долг, платит иногда еще здесь, в сей временной жизни, а в будущей жизни непременно заплатит вечным блаженством в селениях райских. В городе Низибии жила одна христианка, у которой муж был язычник. Они имели пятьдесят монет. В один день муж сказал жене своей: «Отдадим в рост эти монеты, чтобы получить от них хоть малый прибыток». Жена отвечала ему: «Ежели тебе хочется отдать их в рост, то пойди отдай их Богу христианскому». Муж сказал ей: «А где Бог христианский?» Она отвечала ему: «Хорошо, я тебе покажу Его, Он удвоит твой капитал». Муж сказал ей: «Пойдем». Жена привела его на паперть церковную и, указав на бедных, сказала: «Ежели отдашь им, то Бог христианский примет это; ибо они все – Его рабы». Муж с радостью тотчас раздал пятьдесят монет бедным и возвратился в дом свой. По прошествии трех месяцев им уже нечего было и тратить. Тогда муж сказал жене: «Жена! Бог христианский не отдает нам долга; мы терпим крайнюю нужду». Жена отвечала ему: «Ступай туда, где ты давал, и Он отдаст тебе со всей охотой». Муж побежал в святую церковь и, возвратясь оттуда в дом, сказал своей супруге: «Вот ходил я в церковь вашу, и поверь мне, жена, не видел я, как ты говорила, Бога христианского, и никто ничего не дал мне, кроме того, что я нашел эту монету, лежавшую там, где раздал пятьдесят монет». Тогда чудная эта женщина сказала ему: «Это Он невидимо дал тебе ее. Ибо он невидим и невидимою силою и десницею управляет миром; пойди, господин мой, купи нам что-нибудь поесть сегодня, и Он опять тебе даст». Муж пошел и купил хлеба, вина и рыбы и отдал это жене. Жена, взяв рыбу, начала ее чистить и, разрезав, нашла

внутри ее камень чудный; она изумилась, и хотя не знала, какой это камень, однако спрятала его. Когда пришел муж ее и они стали есть, жена показала ему найденный камень и сказала: «Вот этот камень нашла я в рыбе». Муж, увидев, удивился и сам красоте его, впрочем, не знал, что это за камень. Когда они поели, он сказал жене: «Дай мне его, я пойду продам его; может быть, что-нибудь возьму за него». Взяв камень, он пошел к меновщику, который был вместе и серебряник, и сказал ему: «Хочешь купить этот камешек?» Серебряник, посмотрев на камень, спросил: «Что хочешь взять за него?» Продавец сказал ему: «Дай, что хочешь». Торговец сказал: «Возьми пять монет». Продавец, думая, что он смеется над ним, сказал ему: «И ты это даешь за него?» Серебряник же, думая, что тот отвечал ему с сердцем, сказал ему: «Возьми десять монет». Продавец, опять думая, что он смеется, замолчал. Серебряник сказал ему: «Возьми двадцать монет». Тот молчал и ничего не отвечал. Серебряник начал давать тридцать, а потом пятьдесят монет и, мало-помалу возвышая цену, дошел до трехсот больших монет и дал ему их. Взяв монеты и отдав камень, язычник пришел в радости к жене своей. Жена спросила: «За сколько ты продал камень?» Он вынул триста монет и, отдавая их жене, сказал: «Вот за сколько!» Жена изумилась благости человеколюбивого Бога и сказала: «Вот, муж, каков Бог христианский! Как Он благ, как милостив, как богат! Видишь, что он не только возвратил тебе с лихвой пятьдесят монет, которые ты дал Ему взаймы, но в несколько дней вшестеро увеличил сумму. Познай же, что нет другого Бога, ни на земле, ни на небе, кроме Его единого». Муж, убежденный чудом, тотчас принял христианскую веру. Так иногда платит долг Милосердый Господь Своим заимодавцам – милостивцам – еще в здешней жизни».

А вот рассказ о том, какая плата ждет людей в будущей жизни. «Киринейский епископ Синезий обратил к Христовой вере своего школьного товарища, философа Евагрия. Вскоре после крещения Евагрий дает ему три золотых динария в пользу бедных: «Возьми, – говорит он, – эти три динария, раздай бедным и дай мне расписку, что Христос воздаст мне за это в будущей жизни». Он принял золото и тотчас дал ему, как тот хотел, расписку. Спустя некоторое время Евагрий почувствовал слабость, приближающую его к смерти, и, будучи уже близ смерти, говорит детям своим: «Когда будете хлопотать о моем погребении, положите эту бумажку мне в руки и с ней похороните меня». Дети так и сделали: когда он умер, похоронили его с рукописанием. На третий день после погребения является он епископу Синезию во сне и говорит: «Пойди возьми твою расписку в гробу, в котором я похоронен; я получил, что

следовало получить, удовлетворен вполне, а в удостоверение тебя в этом я подписался на твоей расписке». Епископ и не знал, что расписку его положили с философом в гробу; на другой день, рано, позвал он детей его и сказал: «Что вы положили с философом в гроб?» Те думали, что он говорит им о деньгах, и сказали ему: «Ничего, владыко, кроме погребальной одежды его». «Как? – воскликнул он, – не положили ли вы с ним какой бумаги?» Они сказали ему: «Да, владыко, какую-то бумагу он велел нам положить с ним». Тогда епископ рассказал им свой сон и, взяв с собою причт церковный, ктитора и некоторых из граждан, пришел ко гробу философа. Открыв его, нашли, что философ в руках своих держит расписку; взяв из рук его расписку, развернули ее и увидели в ней вновь написанное: «Я, Евагрий философ, тебе, святейшему господину Синезию епископу, желаю радоваться; я получил все по твоей расписке – удовлетворено мне, и я уже не имею права ничего от тебя требовать за то, что отдал тебе золото и, чрез тебя, Христу Богу и Спасителю нашему». Видевшие это, ужаснулись и долго взывали: «Господи, помилуй!» и славили Господа, сотворившего такое чудо и ущедряющего рабов Своих вечным воздаянием. Эта расписка с собственноручной подписью философа доселе бережно хранится в сокровищнице церкви Господней»[1]. Блаженный Иоанн сам видел эту расписку.

Много подобных сказаний можно прочитать в житиях святых Божиих и святоотеческих писаниях. Верно слово Господне: *милуяй нища взаим дает Богови. Елика сотвористе единому сих братии Моих меньших – Мне сотвористе.* «Кем же ты хочешь иметь для себя Бога: Должником или Судией? – вопрошает святитель Иоанн Златоуст. – Что для тебя лучше – рассуди сам!..»

Я – судия праведный

Один игумен, отец общежительного монастыря, святой по жизни, украшенный всеми добродетелями, милостивый к нищим, часто молился Богу за свою братию, чтобы Господь не разлучил его с ними в будущей жизни. На эту молитву Господь даровал ответ следующим образом. В другом монастыре, неподалеку, был праздник, на который пригласили игумена с братией. Игумен не хотел идти, но, услышав во сне голос: «Иди на праздник; только пошли прежде учеников твоих», – так и сделал. Когда настало время, первыми ушли ученики. По дороге они встретили лежащего расслабленного нищего. Объяснив ему, что у них нет ослов, на которых можно было бы довезти его до селения, они оставили больного и пошли дальше.

Через некоторое время отправился игумен и, увидев страдальца, спросил его, не проходили ли здесь монахи. Больной отвечал, что проходили, но не оказали помощи, потому что не было при них ослов, чтобы отвезти его. Игумен сказал: В таком случае я возьму тебя на плечи и отнесу в ближайшее селение». Нищий стал отговаривать его: «Отче! Как тебе одному нести меня? Путь далекий, но поди туда и пошли за мною». Игумен отвечал: «Жив Господь Бог мой! Не оставлю тебя!»

В начале пути он чувствовал тяжесть ноши, но потом тяжесть уменьшилась и сделалась почти нечувствительной. Игумен недоумевал, что происходит, как вдруг тот, кого он нес, стал невидим. И тогда игумен услышал голос: «Ты постоянно молишься о учениках твоих, чтобы они сподобились Жизни Вечной, но дела у тебя одни, а у них – другие. Если хочешь, чтобы прошение твое было исполнено, убеди их поступать так, как поступаешь ты. Я – Судия Праведный и каждому воздам по делам его».

Много я тебе должен, Господи!

Из творений святого Тихона Задонского

Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устпех моих (Пс. 33, 2). Не было меня, и вот есмь и живу, как и прочие люди. Ты, Господи, благоволил мне быть, и между делами рук Твоих считаться и видеть дело рук Твоих – небо и землю с исполнением их, и от великих и преславных дел Твоих Тебя, великого и преславного Создателя, познавать, и благами Твоими довольствоваться и утешаться. *Руце Твои сопгвористе мя, и создаете мя* (Пс. 118, 73). Много я Тебе за сие должен и не могу ничем воздать! Сотворил Ты меня не бездушной тварью, не скотом, не птицей, не рыбой, не иным каким бессловесным животным, которые все суть и живут, но блаженства своего не разумеют; но сотворил разумным человеком, который может познавать и разуметь, что я от Тебя начало бытия и жития своего имею; я – Твое создание, Ты – мой Создатель. Много я Тебе за сие должен и никак не могу воздать! Так сотворенный от Тебя, быть и жить без Тебя не могу. Рука Твоя, Господи, содержит меня и благая Твоя подает мне. Не могу я без света жить и обращаться: светила Твои, солнце, луна и звезды светят мне. Не могу я без огня жить: огонь Твой согревает меня и варит пищу мою. Не могу я без воздуха цел и жив быть: воздух Твой оживляет меня и сохраняет жизнь мою. Не могу я без пищи быть: щедрая рука Твоя, Господи, подает мне пищу. Не могу я без пития быть: благость Твоя, Господи, произвела ради меня источники, реки и озера, и теми прохлаждаюсь и омываюсь. Не могу я, обнаженный одежды боготканой, без одеяния быть: от щедрой Твоей десницы и то получаю. Не могу я без дома быть: подаешь мне и дом к упокоению немощного и многобедного тела моего. Не могу я быть без скотов: скоты Твои служат и работают мне. Много я Тебе за сие должен! Но *что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?* (Пс. 115, 3). Что бы я был, когда бы Ты хотя едино от сих благ отнял от меня? Что бы мне пользовали очи мои, когда бы свет Твой мне не светил? Неотменно блуждал бы, как слепой... Как бы мог жить, когда бы не подавал Ты мне пищу Твою? Без воздуха и малейшей минуты жить не могу. Так всякое создание Твое весьма добро и мне бедному служит. Но сия благая получая от Тебя, надеюсь будущих и лучших благ, по не ложному обещанию Твоему, и от видимых к невидимым, и от настоящих к будущим, и от временных к вечным, и от земных к небесным стремится дух мой. Аще бо во изгнании и ссылке толикая благая подавши нам, коликая подаси во отечестве и дому Твоем!

Воистину *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1Кор. 2, 9). *Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя* (Пс. 32, 22). Слеп я, как и прочие, без благодати и просвещения Твоего; грех мой меня ослепил. Сего ради ниспослал Ты нам слово Твое святое чрез избранных рабов и служите лей Твоих. Сие мне, как свеча во тьме сидящим, сияет и показывает вред и пользу, зло и добро, грех и добродетель, ложь и истину, неугодное Тебе и угодное, неверие и веру, и так прогоняет мою слепоту и просвещает мой разум. *Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105). Много я за сие Тебе, Господи, должен и ничем не могу воздать! От слова Твоего познаю Тебя, Бога и Создателя моего; в нем я вижу, что Ты преславная и чудная дела сотворил твориши, каковых рука человеческая и никакое создание сотворить не может; и от всего того познаю всемогущую силу Твою, трепещу и смиряюсь под крепкую руку Твою. В слове Твоем вижу я, что всемогущая десница Твоя защищает, сохраняет и спасает боящихся, любящих и почитающих Тебя, своевольных же смиряет, наказует и казнит. И оттого познаю правду Твою и боюсь суда Твоего: *Боже, милостив буди мне грешнику!* (Лк. 18, 13). *Не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый* (Пс. 142, 2). *Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит?* (Пс. 129, 3). В слове Твоем вижу я, что Ты всех отвратившихся Тебя призываешь к Себе и обратившихся и с покаянием приходящих, яко Отец чадолюбивый, человеколюбие приемлеши. От сего познаю благость и бесприкладное Твое милосердие к бедным грешникам; а потому и не отчаиваюсь и сам за грехи мои, но с надеждой к Тебе, Благому и Милосердому Богу, прибегаю и милости прошу. *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое!* (Пс. 50, 3). В слове Твоем вижу я, что все, что ни открываешь нам, истина есть; и что предсказываешь, то сбывается; и что обещал и обещаешь, то все исполняешь, яко верен Господь во всех словесех Своих; вижу, что и небо, и земля мимо идут, словеса же Твоя не имут прейти. И оттуда познаю истину Твою и утверждаюсь в вере моей. Знаю я, что храмина тела моего разорится и тело мое, яко земля, земле предастся; но милость Твоя уверяет меня, что то же самое тело, в котором ныне живет душа моя, силой и всемогущим гласом Твоим восстанет и благодатию Твоей в лучший и краснейший вид преобразится. *Подобает бо тленному сему облещися в нетление, а мертвенному сему облещися в бессмертие* (1Кор. 15, 53). Итако с Церковию Твоею Святою чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. В слове Твоем вижу я, что Ты, яко Создатель, о всем

создании Своем промышляешь так, что и птица малая не падает без воли Твоей (см.: Мф. 10, 29); но наипаче о человеке, которого по образу и по подобию Твоему сотворил еси. В том вижу я, что человек в создании своем почтен от Тебя, Создателя своего, почтен паче всея твари Твоея особенным Твоим советом: сотворим человека. Сотворен по образу Твоему и по подобию Твоему, сотворен свят, чист, непорочен, премудр и к вечному блаженству сотворен. Но лестным лукавого змия советом прельщен, всей своей чести и блаженства лишился и, так отвратившись от Тебя, Создателя своего, погиб... *Человек в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 21). Так погиб человек первозданный; погибли мы, сыны его. Ты же, Благий, Милосердый и Человеколюбивый Боже, не терпел видеть бедного человека в погибели, но умилосердился над ним. Подал было ему закон Твой, дабы его, отпадшего от Тебя, обратил и привел к Тебе; но закон показывал ему только немощь его, а не исцелял его. Послал Ты к падшему человеку избранных рабов Твоих пророков, но они только обличали человека, а не помогли человеку, но указывали на Грядущего спасти человека, и Того возвещали, и тем отраду новую делали бедному человеку: грядет, грядет спасти нас; грядый приидет и не закоснит!.. Наконец пришло время, и святейшим благоволением Твоим послал Ты к нам Самого Единородного Сына Твоего Соприсносущного и Собезначального. Он в подобострастную нам плоть облеклся, и от пренепорочныя Девы Марии родился, и Бог сый, Собезначальный, младенчествовал, и, Царь Небесный, на земли жил. Он от Тебя, Бога и Создателя нашего, к нам, бедным, послан был взыскати и спасти нас, погибшее Твое создание: *тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имат живот вечный* (Ин. 3, 16). Он высочайшую Твою милость, придя к нам, объявил нам, проповедал нам, что Ты грехи наши оставляешь нам, и нас к Себе чрез Него призываешь, и верующим в Него и слушающим Его двери Вечного Твоего Царствия отверзаеши, якоже Сам Он о том засвидетельствовал к нашему утешению: *Дух Господень на Мне: егоже ради помаза Мя благовестити нищим, посла Мя исцелити сокрушенный сердцем, проповедати плененным отпущение и слепым прозрение, отпустити сокрушенныя во отраду, проповедати лето Господне приятно* (Лк. 4, 18–19). Сию всерадостную весть от Тебя принесши нам, бедным грешникам, с человеками, яко человек, на земли пожил, и веровать в Тебя, и угождать Тебе, и волю Твою творить чрез Себя Самого научил нас, и к Вечному Твоему Царствию путь показал нам, и призвал нас, и пострадал, и умер, и страданием, и смертью Своей, и Кровью, нас ради излиянной,

очистив нас, верующих в Него, от грехов наших, влечет к Тебе, Небесному Своему Отцу, яко Пастырь добрый, заблудшие овцы Твоя... За сей человеколюбивый, спасительный, чудный и умом нашим непостижимый промысл Твой, как все люди, так и я, бедный грешник, много Тебе, Господи, должен! Но *что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?* Исповедаюсь Тебе, Отче, с Единородным Твоим Сыном и Пресвятым Твоим Духом! Пою человеколюбие Твое! Прославляю благость и милосердие Твое, недостойный и бедный грешник! *Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем Своим: и воздвиже рог спасения нам, в дому Давида отрока Своего* (Лк. 1, 68–69). Где бы я был, грешник и законопреступник, если не в погибели и в вечной смерти, как мертвец поверженный, лежал бы? Благость Твоя, милосердие и человеколюбие Твое не допустило меня до того, но столь дивно Ты спас Меня. Много я Тебе, Господи, за сие должен! *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его. Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его* (Пс. 102, 1–2). Вижу в слове Твоем святом, что диавол, завидуя блаженству нашему, к которому благодатию Единородного Сына Своего ведешь нас, *яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1Пет. 5, 8). От сего врага нашего, как всех знающих Тебя, так и меня, недостойного, предостерегает благость Твоя и сохраняет всесильная десница Твоя. О, как бы цел мог я быть, если бы не всемогущая Твоя хранила меня десница! Много я Тебе, Господи, за сие должен! *Благословен Господь, Иже не даде нас в ловитву зубом их (Не.* 123, 6). Но не остави меня, Господи, до конца, но избави от лукавого того. *Не предажд зверем душу исповедающуюся Тебе: душ убогих Твоих не забуди до конца* (Пс. 73, 19). Вижу я в слове Твоем святом, что Ангели Твои святии ополчаются окрест знающих и боящихся Тебя, и сохраняют их повелением Твоим от лукавых демонов, и *в служение посылаеми* бывают *за хотящих наследовати спасение* (Евр. 1, 14). Сей благодати Твоей и я, недостойный и непотребный раб Твой, по милости Твоей, сподобился. Много я Тебе, Господи, за сие должен! Знаю я, и исповедую со смирением, что я много Тебе, Создателю и Богу моему, согрешил, и жалею о том, и иные грехи вижу в совести моей, а иных и не вижу, и более не вижу, нежели вижу: *грехопадения бо кто разумеет?* (Пс. 18, 13). Жалею и сокрушаюсь, что ими Тебя, благого и человеколюбивого Бога моего, Создателя моего, Искупителя моего, Высочайшего Благодетеля моего, Того, Которого Ангели святии со страхом и трепетом почитают, поют и поклонением чтут, – Тебя, Господа, безумно я, последнейшии червяк, много оскорбил!.. И сколько раз я согрешил Тебе, столько раз видел Ты

согрешающего меня; и сколько раз видел, столько раз терпел Ты меня по благости Твоей; и сколько раз терпел меня, столько раз миловал меня. И аще бы по святейшей правде Твоей поступил Ты со мною, уже бы давно сошла душа моя во ад: но благость Твоя, и человеколюбие Твое, и долготерпение Твое удержало Тебя, и не допустило меня, бедного грешника, до погибели моей. Много я Тебе, Господи, и за сию великую Твою ко мне милость должен! *Исповемся Тебе, Господи, Боже мой, всем сердце., моим, и прославлю имя Твое в век: яко милость Твоя велия на мне, и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго* (Пс, 85, 12– 13). От сих и прочих, которых я не знаю, благодеяний Твоих ко мне вижу я, что в любви Твоей ко мне и благости, человеколюбии, и долготерпении, и щедротах весь заключаюсь. Благость Твоя, Господи, есть, что я еще не погиб, еще живу. Вижу я, что Ты к спасению вечному меня ведешь. Помилуй убо меня, бедного грешника, до конца, и благодатью Единородного Сына Твоего заглади вся согрешения моя, и спаси мя в Вечную Жизнь, да тамо со всеми избранными Твоими за вся Твоя благодеяния буду благодарить, хвалить и воспевать Тебя с Единородным Твоим Сыном и Пресвятым Духом, не верою, но лицом к лицу в нескончаемые веки.

Из сих рассуждении видишь, христианин, что, во-первых, как я, так и ты – неоплатные должники пред Богом; что ты живешь, движешься – все это по Божией благости, и что бы ты ни делал, как бы ни угождал Богу, хотя бы даже всю свою жизнь страдал ради имени Его, и это было бы ничто: ты всегда оставался бы пред Богом неоплатным должником. Так много должны мы Господу! За одно то только, что Он создал нас, никак и ничем воздать мы не можем, а чем мы воздадим Ему за все прочие бесчисленные и величайшие Его благодеяния? *Что воздадим Господеви о всех, яже воздаде нам!..* Едино сие – ничто... Во-вторых, из сего научаемся со смирением благодарить Его от искреннего сердца и сознавать свою нищету в том, что от Него, яко Благодетеля, получаем благодеяния каждый день и каждый час, но воздать сему Благодетелю ничем не можем. В-третьих, за все блага мы должны благодарить Его, наипаче же за слово Его и за спасительное Единородного Сына Его к нам пришествие и за обещанный ради Него Вечный Живот и блаженство. В-четвертых, из сего видишь, христианин, как ты сам убог и беден, – без Божиих благ ты и минуты жить не можешь. Убог и беден тот, кто пищи не имеет, тот, кто одеяния не имеет, тот, у кого дома нет и прочего: а у тебя всего этого своего ничего нет, но все от Бога, богатого в милости, получаешь. И если бы не подавал тебе Господь, то ты был бы несчастнее и беднее всякой твари. Познавай же свою нищету, чтобы Господь обогащал тебя Своею

милостью. В-пятых, мы ничего у Бога заслужить не можем, все даром от щедрой десницы Его получаем. Он, Благий и богатый в милости, видя нашу бедность и нищету, отверзает Свои сокровища благости и от сих сокровищ все подает нам даром. Таково Его естество, что Он не может не благотворить. В-шестых, кто Бога познает, то, чем более познает, тем более исправляется, обновляется и делается лучше. Знать Бога истинно и неблагочестиво жить – одно другому противно. В-седьмых, беззаконно живущие Бога не знают, хотя имя Его святое и исповедуют, и молятся Ему, и в церковь ходят, и Тайн Христовых приобщаются. Вот почему Апостол написал: *и о сем разумеем, яко познахом Его, аще заповеди Его соблюдаем. Глаголяй, яко познах Его, и заповеди Его не соблюдает, ложь есть и в сем истины несть* (1Ин. 2, 3–4). В-восьмых, посему и ты, грешник, если хочешь не одним телом жить, но и душой, обратись всем сердцем к Богу, Который есть Сам Жизнь и всех животворит, и держись Его верой и правдой, и будешь истинно жив, и ныне, и в будущей жизни, и хотя умрешь, но паки оживешь и изыдешь в Воскресение Вечного Живота...

Скоро ли будет второе пришествие Христово?

Все мы веруем, что при кончине мира явится вторично на землю Иисус Христос, но никто из нас не знает, когда случится это Второе Пришествие Христово. Уверяя нас в действительности Второго Пришествия на землю Спасителя для совершения Суда, слово Божие не открывает, однако, нам, скоро ли Господь наш приидет на землю. *О дни же том и часе,* сказал Спаситель, *никто же весть, ни Ангела небеснии, токмо Отец Мой един* (Мф. 24, 36). Мало того, Христос положительно отказался отвечать ученикам Своим, когда они спросили Его об этом; Он даже запретил им, а чрез них и нам такую любознательность, сказав однажды прямо: *несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти* (Деян. 1, 7). Итак, не наше дело предугадывать день и час пришествия Господа, но наше дело всегда готовиться достойно встретить Его; посему *бдите, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет* (Мф. 24, 42), наставляет нас Спаситель; *будьте* всегда *готовы* предстать на Суд Господа, потому что, в *который час не думаем, в тот и придет Сын Человеческий* (ср.: Мф. 24, 44).

Но, не указав нам определенного дня и часа Своего пришествия на землю для Всеобщего Суда, Господь благоволил все-таки открыть верующим некоторые признаки, по которым можно узнать о близости кончины мира и Страшного Суда. Признаки эти указываются в Слове Божием следующие: проповедание Евангелия всем народам на земле, крайнее оскудение веры и любви между людьми, распространение нечестия и умножение пороков и, вследствие сего, умножение бедствий на земле и, наконец, явление врага Божия – антихриста. Пред пришествием Христа на землю проповедь о Христе распространится по всему миру, так что не останется места, куда бы не проникло слово Евангелия, не будет народа, который бы не услыхал слова о спасении. *И проповедано будет Евангелие Царствия по всей вселенной во свидетельство всем языкам, и тогда придет кончина,* сказал Сам Спаситель (ср.: Мф. 24, 14). Это случится для того чтобы нечестивые не имели на Суде Божием оправдания, что они не знали учения Христова. Но, несмотря на всемирное распространение проповеди Евангелия, перед кончиной мира среди людей произойдет небывалое развращение нравов, умножится неверие, взаимная ненависть, зависть и злоба; так что Единородный Сын Божий, *пришед на землю, едва обрящет веру на земли* (ср.: Лк. 18, 8). Апостол Павел говорит, что в последние времена *будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы,*

величавы, горди, хулъницы, родителям противящиеся, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирителни, невоздержницы, некротцы, имущий образ благочестия, силы же его отвергшиися (2Тим. 3,1–5). Развившаяся между людьми злоба и взаимная ненависть произведут на земле непрестанные войны, междоусобия и кровопролития. *Восстанет бо язык на язык и царство на царство* (Мф. 24, 7). За такие беззакония Правосудный Господь будет поражать людей разнообразными, но одинаково тяжелыми бедствиями: то гладом, то язвой, то землетрясениями. Тогда *будут глади и пагубы, и труси по местом* (Мф. 24, 7). Но так как грешник, когда впадает в глубину зол, то уже нисколько не радит о спасении, то и эти кары гнева Божия не образумят развратившегося рода людского, не остановят его на пути к погибели. Посему и бедствия не только не прекратятся перед последними временами, но постепенно будут возрастать, как и говорит Иисус Христос: *вся же сия начало болезнем* (Мф. 24, 8).

В это же самое время диавол, предчувствуя близость кончины мира и окончательной своей погибели, употребит все усилия к омрачению и уловлению людей в свои коварные сети. По его внушению между людьми во множестве *восстанут лжехристы и лжепророцы,* которые будут отвлекать людей от веры в Бога ложными знамениями и лживыми чудесами. Хитрость и лукавство таковых слуг сатаны будут настолько сильны, что они едва не прельстят и самых избранных из поклонников Господа. Они *дадят знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранных* (Мф. 24, 24). Соблазн будет тогда так силен, что только прекращение этих злых дней волей Вседержителя спасет людей от всеобщей погибели: и *аще не быша прекратится дние они, не бы ибо спаслася всяка плоть; избранных же ради прекратятся дние оны* (Мф. 24, 22).

Но самым очевидным признаком близкого пришествия Христова и вместе с этим самым сильным бедствием для верующих во Христа перед кончиной мира будет появление антихриста. Что же такое антихрист? Слово «антихрист» значит противник Христу, не покоряющийся Его учению. По пророчеству апостола Павла, антихрист, имеющий явиться перед пришествием Христовым, будет *человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища, якоже ему сести в церкви Божией аки Богу, показующу себе, яко Бог есть* (2Сол. 2, 3–4). Он будет настолько горд, что отвергнет Господа и Христа, будет выдавать себя за Бога, требовать себе божеского поклонения, будет хулить имя Божие. Против христиан он выступит со страшной враждой и

жестоко будет мучить верующих во имя Христа. Преподобный Ефрем Сирин следующим образом описывает вражескую жизнь и деяния антихриста: «Придет всесквернъш, как тать, чтобы прельстить всех, придет притворно благоговейным, смиренным, кротким, ненавидящим, как скажет о себе, неправды, отвращающимся идолов... добрым, нищелюбивым, в высокой степени благообразным, весьма постоянным, ко всем ласковым, уважающим особенно народ иудейский; потому что иудеи будут ожидать его пришествия. При всем этом с великою властию совершит знамения, чудеса и страхования, приимет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его простой народ. Не будет брать даров, говорить гневно, показывать пасмурного вида, но всегда будет ласковый. И во всем этом благочинною наружностию станет обольщать мир, пока не воцарится. Ибо когда многие народы и сословия увидят такие добродетели, совершенства и силы, все вдруг возымеют одну мысль, и с величайшей радостью воцарят его, говоря друг другу: «Найдется ли еще человек, столь добрый, правдивый?»... Скоро утвердится царство его. Потом он через меру вознесется сердцем... смятет вселенную; всех притеснит, осквернит многие души, поступая уже не как человек благоговейный, благопопечительный, ласковый, но при всяком случае суровый, жестокий, гневливый... губительный, бесстыдный, своим неистовством старающийся весь род смертных ввергнуть в пучину нечестия, произведет великие знамения, многочисленные страхования, показывая сие лживо, а не действительно». Но владычество антихриста продлится недолго; время самовластия, вражды и насилия над христианами пройдет скоро. Господь Иисус Христос явится, погубит антихриста духом уст Своих и сокрушит силу его славою пришествия Своего.

Таковы признаки близкого пришествия Христова и кончины века. По ним видно, что последние времена еще не наступили и что антихрист еще не пришел. Но это не должно располагать нас к лености и нерадению о своем спасении. Господь может всегда каждого из нас через смерть позвать к Себе на Суд. Кто из нас может сказать о себе, что он далек от смерти, после которой так же, как и после будущего при конце мира пришествия Христова, верующий тоже идет на частный суд Христов? И как никто из людей не знает «дня и часа Пришествия Господня», так никто из живых не знает дня и часа своей кончины. Посему для всех нас должны быть памятны и назидательны слова Спасителя: *бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет* (Мф. 24, 42).

НЕДЕЛЯ 12-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Евангельское повествование о богатом юноше

На пути из Галилеи в Иудею подошел к Иисусу богатый юноша, может быть, один из начальников синагоги. С благоговением он пал перед Ним на колени и сказал: *Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?* Иисус знал, что у этого юноши при добрых стремлениях недостает осознания своих грехов, и потому, желая пробудить в нем это стремление, сказал ему: *Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог.* Юноша видел в Иисусе только человека, подобного самому себе, поэтому Господь отклоняет такое название. Он был благ только потому, что вместе был и Бог, а между людьми никто не благ. Этим Он хотел напомнить юноше, чтобы он не считал себя человеком добрым, благим, чтобы сознал свои грехи и необходимость покаяния. Для этого Иисус указал ему на закон и сказал: *Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди.* Юноша рассчитывал на чрезвычайные заповеди, на совершенно особенный путь к небу: поэтому он с чувством собственного достоинства спрашивает: *Какие?* Конечно не древние, обыкновенные? И когда Иисус действительно назвал древние заповеди: *не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать; и люби ближнего своего, как самого себя,* – юноша с гордой самоуверенностью отвечает Господу: *Все это сохранил я от юности моей.* В этом ответе была некоторая правда; он так сохранил заповеди, как понимал их.

Но вместе с тем в этих словах прозвучали его простодушие и откровенность. Он сам заметил, что этого еще недостаточно, потому спросил: *Чего еще недостает мне?* Это благородное стремление, для которого недостаточно было всего закона, это простодушие и откровенность расположили к нему сердце Иисуса. Господь посмотрел на него любящим взором и сказал одно, чего еще недоставало ему. Его сердце еще было привязано к земному имуществу, и притом так, что помочь ему можно было не иначе, как только совершенно оторвав его от богатства. Поэтому Иисус сказал ему: *Если хочешь совершенным быть, пойди продай имение твое и раздай нищим; и имети имаши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (ср.: Мф. 19, 21). Этим требованием Иисус вполне открыл юноше глубину его сердца и показал ему его недостатки. Когда юноша услышал эти слова, то сделался печален и отошел в смущении, потому что был очень богат. Он бы желал быть спасенным, но борьба была

очень тяжела для него, и требовалась слишком большая жертва. Поэтому он и отошел от Иисуса.

На примере этого юноши видно было, как сильно богатство может препятствовать вступлению в Царствие Христово. С печалью Иисус посмотрел на уходившего молодого человека, которого Он полюбил, и сказал ученикам Своим: *истинно говорю вам: трудно богатому* (который надежду свою полагает на богатство свое и привязывает к нему свое сердце) *войти в Царствие Божие. И еще говорю вам, удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие.* Ученики устрашились этих слов и робко спросили: *Так кто же может спастись?* Иисус же, посмотрев на них, подтвердил их мнение словами: *человекам это невозможно, но* – и этим Он опять утешает их – *Богу все возможно* (ср.: Мф. 19, 16–26).

Что нужно делать. Чтобы наследовать живот вечный?

Чтобы верно знать, что нам должно делать для получения Вечного Живота или Вечного Блаженства, без сомнения, всего надежнее обратить внимание на то, что признавал или заповедал нужным для получения Вечного Блаженства Сам Иисус Христос.

а) Иисус Христос заповедал нужной для получения Живота Вечного, или Вечного Блаженства, веру в Него. Ибо так сказал Никодиму: *якоже Моисей вознесе змию в пустыни, тако подобает вознестися Сыну Человеческому, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имат живот вечный. Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имат живот вечный* (Ин. 3, 14–16).

б) Иисус Христос объявлял нужной для получения Жизни Вечной любовь к Богу и ближнему: когда спрашивал законник Иисуса Христа: *что сотворив, живот вечный наследую?* – и когда Господь спросил его: в *законе что писано есть?* – а тот отвечал: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим: и ближняго своего яко сам себе,* – тогда Господь сказал ему: *сие сотвори, и жив будеши* (Лк. 10, 25–28).

в) Иисус Христос заповедал нужным для получения Живота Вечного соблюдение всех заповедей Божиих: когда некоторый юноша, подобно означенному законнику, спрашивал Господа: *что благо сотворю, да имам живот вечный?* Тогда Господь ему сказал: *аще ли хощеши внити в живот, соблюди заповеди* (Мф. 19, 16–17).

г) Иисус Христос учил, что Живот Вечный получат оставляющие или отвергающие все, что препятствует им прилепляться к Нему всем сердцем. Ибо так Он сказал Своим ученикам: *всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада* (без сомнения, в том только случае, если они отвлекают его от Христа и христианской жизни), *или села, имене Моего ради, сторицею приимет, и живот вечный наследит* (Мф. 19, 29).

д) Иисус Христос признавал, что Живот Вечный получат все верующие в Него, которые внимательно слушают Его слово и следуют Ему в жизни. Ибо так Он сказал: *овцы Мои гласа Моего слушают, и по Мне грядут: и Аз живот вечный дам им* (ср.: Ин. 10, 27–28).

е) Иисус Христос учил, что Живот Вечный получат все достойно причащающиеся Его Святых Тела и Крови. Ибо так Он сказал: *Аз есм хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снест от хлеба сего, жив*

будет во веки... ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, имат живот вечный (ср.: Ин. 6, 51, 54).

ж) Иисус Христос возвещал еще в Завете Ветхом через святого пророка, что Жизнь Вечную получат приносящие истинное покаяние. Ибо так сказано: *беззаконник аще обратится от всех беззаконий своих, яже сотворил, и сохранит вся заповеди Моя, и сотворит суд и правду и милость, жизнью поживет, и не умрет* (ср.: Иез. 18, 21).

з) Наконец, и святой апостол Павел объявляет, что Живот Вечный получат люди, делающие в жизни добрые дела: Бог *воздаст коемуждо по делом его: овым убо по терпению дела благаго, славы и чести и нетления ищущим, живот вечный* (Рим. 2, 6–7).

и) Вечную Жизнь могут наследовать только те, которые живут в ограде Православной Церкви, как верные и послушные ее чада. Так как Иисус Христос, по изречению святого апостола Павла, есть Глава Церкви и Той есть Спаситель тела: то, дабы иметь участие в Его спасении, необходимо нужно быть членом Его тела, т. е. Кафолической Церкви. Помните, братия, что без послушания Святой Православной Церкви, без тесного союза с ней нельзя спастись, хотя бы кто и кровь свою пролил за Иисуса Христа. Помните грозные слова Спасителя: *аще же и Церковь преслушает* (брат твой), *буди тебе яко же язычник и мытарь* (Мф. 18, 17). Берегитесь посему лжеучителей, желающих отторгнуть вас от послушания Святой Церкви!

Вот что нам должно делать, чтобы наследовать Живот Вечный.

На вопрос: что должно делать, чтобы наследовать Живот Вечный, можно дать и другой ответ, со стороны противной, именно:

а) Вечного Живота не наследуют все неверующие в Иисуса Христа; ибо, иже не верует в Сына Божия, сказал Иоанн Креститель, *не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем* (Ин. 3, 36).

б) Вечного Живота не наследуют все те, которые в настоящей жизни не ходят узкими вратами Господних заповедей, ибо Господь сказал: *узкая врата и тесный путь вводяй в живот; а пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу* (Мф. 7, 14, 13).

в) Вечного Живота не наследуют все беспорядочно привязанные любовью к чему-нибудь созданному Богом, как бы ни было то нам важно, или дорого, или любезно: ибо *иже любит*, говорит Господь, *отца, или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37).

г) Не наследуют Вечного Живота все остающиеся без истинного покаяния. *Во гресе вашем умрете,* сказал Господь нераскаянным иудеям (Ин. 8, 21).

д) Не наследуют Вечного Живота все непричащающиеся Плоти и Крови Господа Иисуса Христа, ибо так сказал Господь: *аще не снесте Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53).

е) Наконец, не наследуют Живота Вечного все те, которые, боясь трудностей, не преодолевают в себе греховных вожделений, но дают им действовать в себе до конца жизни и с ними умирают. Ибо так сказал Господь: *побеждали наследит вся: страшливым же и неверным, и скверным, и убийцам, и блуд творящим, и чары творящим, идоложрецем и всем лживым, часть им в езере горящем огнем и жупелом, еже есть смерть вторая* (Апок. 21, 7–8).

Веруйте в Господа все, кто не желает потерять Живота Вечного! Оставьте жизнь, противную Его заповедям, и живите по заповедям Его, приносите истинное покаяние, чаще причащайтесь Тела и Крови Его, и вы непременно будете иметь Живот Вечный.

Разумна ли наша забота о «черном дне»?

Мы только и думаем, что есть, что пить, во что одеться; только и заботимся, где взять денег, чем себя содержать, что будет с нами завтра, послезавтра... И особенно в наше грешное время люди как будто помешались на том, как бы побольше нажить, только у них и помыслов, только и заботы... Но к чему такая заботливость? Рассудите сами: какой сын станет заботиться о житейских нуждах, когда он находится при отце, под родительским попечением и расположением? А у нас всех разве нет Отца Небесного? Разве Он не печется о нас? Он произращает хлеб и всякие плоды в пищу нашу при малейшем нашем труде, а ныне и без всякого содействия нашего. Он и животных питает, и поля украшает цветами. Если же Бог так заботится о неразумных тварях, то неужели Он, Милосердый, оставит человека – это превосходнейшее Свое творение без Своего промышления и попечения? Конечно нет. В житиях святых находим много примеров того, как скоро Господь удовлетворяет нужды прибегающих к Нему за помощью. Возьмем, к примеру, преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца.

Сам преподобный Сергий никогда не заботился о завтрашнем дне и тому же учил братию. Но братия часто роптали на недостатки и лишения пустынной жизни. Однажды оскудение в обители дошло до того, что братия три дня пробыли без пищи. Стесняемые голодом, они возроптали на преподобного Сергия, который запретил им выходить из монастыря и собирать милостыню; некоторые даже решились совсем оставить обитель. Тогда преподобный созвал всех иноков и начал кротко увещевать их, чтобы они не изнемогали в искушении, не роптали, а все упование возложили на Господа. Потом в утешение им сказал: «Я верую, что Бог не оставит места сего и живущих в нем». И, действительно, на следующий же день, рано утром, в монастырь было прислано от неизвестного благотворителя много хлеба, рыбы и иных припасов для монашеской трапезы. В другой раз недостаток воды возбудил ропот между братией. Когда преподобный избирал место для пустынного безмолвия, он не заботился о том, чтобы иметь воду поблизости; ему даже приятно было носить ее издалека, чтобы еще более утруждать свою плоть. Но с умножением братии недостаток воды становился все ощутимее. Братия не раз жаловались преподобному на недостаток воды... Тогда он, взяв с собой одного из иноков, пошел ко рву, находящемуся около самого монастыря.

Найдя во рву немного дождевой воды, преподобный Сергий преклонил колени, усердно помолился Богу и осенил крестным знамением это место. – И, о чудо! – мгновенно явился во рву большой источник воды, который с тех пор и стал служить всем потребностям монастыря.

Так заботится Господь о верных Своих рабах, надеющихся на Него! Но для нас, грешных, эти примеры, по-видимому, не вразумительны. Мы все продолжаем выбиваться изо всех сил, работая день и ночь, не зная отдыха даже в праздники, все с одной целью: как бы побольше накопить, чтобы и самому спокойно прожить под старость, и детям оставить побольше денег. Короче говоря, у каждого из нас на уме забота о «черном дне». Но разумна ли подобная забота? Чтобы ответить на этот вопрос, приводим рассказ одного подвижника.

«Жил некий садовник, по имени Иоанн, который трудился очень много, а денег не имел, так как, что ни зарабатывал, все отдавал нищим. Но вот раз он задумался: «А что, если я состарюсь да разболеюсь? Кто меня приютит тогда? Кто будет кормить и поить?» Подумал он так и стал откладывать деньги на «черный день». Сначала понемногу, потом побольше и, наконец, так пристрастился к деньгам, что и нищим стал отказывать. Скопил он порядочно денег на «черный день», и вот этот день наступил для него. Открылась у него страшная рана на ноге. Слег он в постель и стал лечиться у врачей. Скоро он истратил все свои деньги на лечение, а помощи все не было. Наконец, врачи прямо ему сказали, что если не отнять ногу, то он должен умереть. Как ни тяжело было больному лишиться ноги, но все же он согласился на ее отсечение... Между тем ночью он задумался, вспомнил свою прежнюю жизнь и стал каяться в грехах и просить у Бога милости и прощения. И вот является к нему Ангел Господень и говорит: «Иоанн! где же деньги, которые ты собирал?» Заплакал Иоанн и сказал: «Согрешил я, Господи, прости меня, впредь не буду копить деньги». Тогда Ангел Господень прикоснулся к болящей ноге его, и Иоанн выздоровел. С тех пор он считал грехом копить деньги на «черный день». «На что мне деньги, – говорил он, – когда Сам Господь заботится о мне?»

Видишь, христианин, насколько разумна наша забота о «черном дне»! После этого рассуди сам – нужно ли копить деньги на «черный день»? «Черного дня» для истинного христианина и не может быть, так как Господь хранит от бед Своих верных рабов. А если бы и случилась какая беда, то опять обращайся к Господу, и Он не оставит тебя. *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54, 23); возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя!

Сделав добро – не кайся

Каяться в грехах – дело понятное, ибо, кто творит грех, тот исполняет волю сатаны; но как же это можно каяться в добром деле? Ведь кто творит добро, тот исполняет волю Божию; доброе дело и Богу любезно, и добрым людям приятно; значит, если Бог помог тебе сделать доброе дело – радоваться надо, Бога благодарить надо, а не каяться... Так бы и должно быть; но вот, возлюбленные, в чем беда наша великая: грех нередко так овладевает сердцем человека, что заставляет его жалеть о том добром деле, какое он сделал; не правда ли, какое грешное желание, какое богопротивное покаяние!.. Кажется, и поверить бы этому трудно, но, к несчастью, это нередко бывает, и бывает, конечно, с великим вредом для души.

Во дни святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, был один епископ, по имени Троил, человек скупой и расчетливый. Раз святитель Иоанн пригласил его с собой в больницу навестить бедняков недугующих. Обходя болящих, святой Иоанн сказал Троилу: «Вот тебе, отче, прекрасный случай утешить бедную братию и подать им милостыню». Троилу было стыдно отказаться от доброго дела, и он оделил больных по золотой монете, издержав на это тридцать златниц. Но когда он вернулся домой, ему до того стало жаль этих денег, что он заболел и слег в постель. Между тем святитель Иоанн присылает к нему с приглашением к себе на обед; Троил отказывается, ссылаясь на нездоровье; тогда святитель Иоанн понял, в чем дело; он берет тридцать златниц и идет к болящему епископу. «Я принес тебе деньги, которые взял у тебя в заем для раздачи в больнице, – говорил он Троилу, – вот возьми их; только потрудись написать своей рукой, чтобы Господь отдал мне ту награду, какая следовала за них тебе». Троил, увидев золото, с радостью поднялся с постели и тут же написал такую расписку: «Боже Милосердый! Даждь воздаяние господину моему Иоанну за золото, которое я, грешный Троил, раздал в больнице: ибо он возвратил его мне». Отдав эту расписку святителю Иоанну, Троил забыл свою болезнь и пошел к Иоанну обедать. Скорбно было видеть угоднику Божию такое сребролюбие, и в ком же? – в пастыре Церкви Христовой! И вот святой Иоанн всем сердцем стал молиться, чтобы Господь вразумил Троила, и Господь услышал его святую молитву. В следующую ночь Троил увидел во сне прекрасный дом, над дверями которого был написано золотыми буквами: обитель и покой вечный Троила епископа. Несказанно обрадовался он сему видению, как

вдруг является некий грозный муж и говорит бывшим тут слугам: «Господь всего мира повелел стереть здесь имя Троила и вместо него написать имя Иоанна, патриарха Александрийского, который купил себе сей дом за тридцать златниц. Итак – перемените надпись!» При этих словах Троил проснулся и исполнился страха и жалости. Наутро он поспешил к святому Иоанну; весь в слезах, он рассказал первосвятителю свое видение, принес раскаяние в сребролюбии и с той поры стал ко всем щедр и милостив.

Так Господь вразумил скупого Троила, не попустил погибнуть душе его: видно, в его прежней жизни и добро было, которое вот и помянул теперь Господь, по молитвам святителя Иоанна Милостивого: ведь у Господа Бога ни один вздох сердечный, ни одна капля слезная не останутся забытыми. Он, Милосердый, может поставить нам, грешным, в цену добрых дел и те скорби, какие терпим мы поневоле, за грехи наши, – лишь бы только не роптали мы в этих скорбях и каялись в своих грехах.

А вот другой рассказ, от которого невольно должно бы содрогнуться самое корыстолюбивое сердце. Один житель Константинополя был тяжело болен; страшась смерти, он раздал нищим, как и Троил, тоже тридцать золотых монет. Бог смиловался над ним и за его милостыню даровал ему здравие. Но неразумный стал жалеть потраченных денег и поведал свое горе одному знакомому богатому человеку. Тот уговаривал его не жалеть денег: «Смотри, чтобы не прогневать тебе Господа, – говорил он, – ведь Бог за милостыню тебя почти из мертвых воскресил; как бы не умереть тебе за это без покаяния». Но он не переставал жалеть о деньгах. Тогда знакомец говорит ему: «Если уж не хочешь слушать меня, то, пожалуй, войдем в церковь; там только скажи: Господи! я не подавал милостыню, а вот этот человек, – и я тут же отдам тебе деньги». Несчастный сребролюбец охотно на то согласился. И вот только что он взял в руки деньги и сказал упомянутые слова, как тут же, в церкви, упал и умер... Церковное лужите ли предлагали его товарищу вернуть тридцать златниц, но раб Божий отвечал: «Сохрани меня Бог взять то, что я уже отдал Господу Богу! Разве это можно? Бог поругаем не бывает!» И деньги те были розданы нищим.

Вот как совершился грозный суд Божий над человеком, который не устыдился ради корысти отречься от того доброго дела, за которое сам уже получил великую милость Божию!

Пагубность сребролюбия

Жил один старец, который был набожен и строг в жизни; но, к несчастью, он заразился духом сребролюбия. Он жил близ одного торгового места, будто для того, чтобы народ, каждый день собираясь туда, имел вблизи наставника и отца духовного, а на самом деле для того, чтобы посетители, возвращаясь с торжища, приходили к нему не с пустыми руками. Святой Андрей, Христа ради юродивый, однажды, идя мимо сребролюбца, увидел, по откровению Божию, что страшный змий обвился вокруг его шеи. Прозорливец смотрел с изумлением; а чернец, думая, что он, будучи одним из нищих, ожидает милостыни, сказал: «Бог даст!» Святой Андрей на несколько шагов отступил и увидел над ним воздушную надпись: «Змий сребролюбия – корень всякого беззакония». Соболезнуя о погибели брата, Андрей хотел было удалиться, но едва обратился вспять, как увидел двух юношей, споривших между собой; один был черен, с очами мутными и свирепыми, а другой – прекрасен, как свет небесный; первый утверждал, что старец принадлежит ему, ибо, как второй идолослужитель, не Богу, а ему работает; но другой говорил, что этот старец, будучи смирен и кроток, пребывая в постничестве и молитвах, Божий слуга есть... Так препирались они, как вдруг к светоносному юноше был глас небесный: «Ты не можешь иметь части в старце; оставь его», – и Ангел мгновенно удалился. Удивленный Андрей от жалости заплакал и пошел своей дорогой. Но сердце Андрея не могло быть спокойно: желая несчастного старца обратить к истине, он через некоторое время опять пошел мимо торжища и, увидев его, взял за руку. «Раб Божий! – сказал он, – выслушай меня без гнева, раба твоего: я весьма сокрушаюсь о тебе и не могу без ужаса помыслить, что ты, прежде этого друг Божий, ныне сделался слугой врага нашего спасения. Душа твоя имела крылья, как Серафим; зачем же неприязненному духу ты дал обрезать их? Ты имел образ ангельский: зачем восхотел быть темнообразен? Для чего сдружился со змеем сребролюбия и греешь его на лоне твоем? На что собираешь сокровища? Неужели с ними погребен будешь? Неусыпно собирая сребреники от детей духовных и увеселяясь ими, ты соберешь на главу твою все их преступления... Как же с таким бременем предстанешь Страшному Суду Христову? Познай, что Ангел-хранитель твой далеко отступил от тебя и плачет о твоей погибели, а диавол ведет тебя, куда хочет... Я говорю правду, послушай меня и расточи имение твое нищим,

вдовицам, сиротам и странникам, в противном случае зло погибнешь... Видишь ли диавола?»

Тогда отверзлись душевные очи старца: черный зверообразный исполин стоял в дальнем от него расстоянии и скрежетал зубами; но, ужасаясь святого Андрея, не смел к нему приблизиться... Старец затрепетал от ужаса и едва мог произнести обещание жить по заповедям Господним... Но едва дал клятву, вдруг от востока блеснула молния, нечистый дух исчез, и Ангел Господень приблизился к иноку. Так пагубен грех сребролюбия для Вечной Жизни!

Вот примеры того, как Господь карает сребролюбцев и в этой жизни.

Святой Иона, митрополит Московский (мощи его почивают в Московском Успенском соборе), был очень сострадателен к бедным и часто раздавал им милостыню, но по большей части делал это не сам, а доверял своим слугам. Однажды одному слуге он дал порядочно денег для раздачи бедным; но тот, одержимый страстью сребролюбия, одну часть денег раздал, а другую утаил себе. И пришла к святителю одна вдова бедная с жалобой на слугу, что он ничего не дал ей из выданного святителем. Тогда святой Иона, призвав слугу, сказал ему: «Зачем ты оскорбил эту вдову, не дав ей ничего?» Тот стал отпираться, говоря, что он дал ей, но она еще просит. Вдова же заверяла, что он ничего не дал ей. Тогда слуга вышел из себя и с гневом сказал: «Пойди умри, потому что ты лжешь». Но святитель, видя правоту вдовы, сказал слуге: «Нет, так не будет, потому что вдова говорит правду, а ты лжешь и воруешь; поэтому вдова «та будет жива, а ты умрешь». И в тот же час сребролюбивого слугу постигла болезнь, и он скоро умер.

А вот еще рассказ из обыденной жизни. В 1864 году в большом сибирском городе Омске хлеб был так дорог, что бедные люди едва не умирали с голоду. К таким беднякам принадлежала вдова благородного сословия с дочерью, уже взрослой. Вдова эта долгое время страдала тяжкой болезнью и сама не в силах была снискать себе пропитание: дочь кормила ее продажей своего рукоделия.

Бедные кое-как перебивались в лучшие годы, а в неурожайные окончательно бедствовали. Наступил Великий пост 1864 года, самый тяжелый период времени этого памятного для сибиряков года. Хлеб, бывший до того времени высоко в цене, чрезвычайно вздорожал, особенно к посту, когда по случаю распутицы приостановился привоз его из деревень. Упомянутая мать с дочерью на шестой неделе поста решительно не имели никакой возможности купить себе даже полфунта хлеба и два последних дня этой седмицы буквально сидели голодные, потому что

продать или заложить было нечего; работы, а следовательно, и выручки за нее не имелось, идти же просить милостыню было стыдно. Но два дня, проведенные без куска хлеба, способны были заглушить чувство стыдливости. И вот бедная дочь в самое Вербное воскресенье перед обедом пошла к одному богатому торговцу мукой – купцу А., на семейство которого она иногда работала, и, рассказав ему откровенно свое безвыходное положение, просила у него ради Христа дать ей муки хоть несколько фунтов или немного печеного хлеба в счет платы за работу, какая впоследствии может быть ей заказана семейством А. Что же сделал этот богач? Он с презрением сказал: «Много вас ныне голодных! Если всех буду кормить, то сам, пожалуй, умру с голоду. Идите, откуда пришли...» Бедная девушка, полагавшая на помощь этого богача последнюю надежду на спасение себя и своей матери от голодной смерти, в порыве отчаяния произнесла такие слова: «Господь вас накажет за это!» – и вышла. Эти слова, вырвавшиеся из уст глубоко огорченной и убитой горем девушки, были пророческими: наказание Божие жестокому богачу не замедлило. После ухода девушки А. с семейством сел обедать. За обедом он подавился костью от пирога с рыбой, отчего через несколько часов скончался. Все семейство увидело в этом событии наказующий перст Божий, и вдова несчастного, вскоре после похорон мужа, желая искупить его жестокий поступок с бедными сиротами, взяла их обеих к себе в дом. Вот как карает Господь жестокосердых! Да, видно, каждая слеза нашего ближнего, которую мы могли осушить, но не хотели, много, много значит в очах Правосудного Бога!

Итак, христианин, бегай сребролюбия, как губителя и виновника всех зол на земле.

Святой праведный Филарет Милостивый

Святой Филарет родился в Малой Азии. Он был человеком богатым и знатным. С ранних лет благочестивые родители внушили ему любовь к Богу и закону Его. Филарет женился и со своей семьей – женой и тремя детьми – жил в селении Амнии, в Пафлагонской области, в совершенном довольстве. Кажется, трудно было бы найти человека счастливее его: семья жила дружно, богатства его умножались с каждым днем; ни печали, ни заботы не омрачали его жизни.

Как часто бывает, что, живя в таком довольстве, человек привыкает к самоугождению и забывает о бедных, терпящих нужду! Но Филарет был не таков. «Не для того Бог дал мне богатство, – говорил он, – чтобы я пользовался им один; а для того, чтобы я делился с бедными, с теми, которых на Страшном Суде Господь не постыдится назвать братьями Своими. Какая мне польза от имущества, если стану от скупости беречь его? Поможет ли оно мне в День Суда, который будет так страшен для немилостивых? Будет ли оно мне пищей и питьем в грядущем веке? Будут ли мне роскошные платья одеждой нетления? Конечно нет. Апостол говорит: *мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынест из него* (1Тим. 6, 7). Если же ничего из земного имущества нельзя вынести отсюда, то не лучше ли отдать его Богу руками нищих; а Бог не оставит меня, ни семьи моей; верю я пророку Давиду, который говорит: *я был молод и состарелся, и не видал праведника оставленного, и детей его просящих хлеба* (Не. 36, 25)".

Рассуждая таким образом, Филарет так и делал. Неимущих и несчастных полюбил он, как отец детей своих, и щедро раздавал им пособие. Весь край благословлял его; все нищие, больные, вдовы, сироты, странные находили у него приют, помощь и утешение.

Так прошло много лет. Но вот угодно было Господу испытать верного служителя Своего. Враги, измаильтяне, напали на область, в которой жил добрый Филарет, и, как буря и пламя, опустошили ее. Они разграбили все богатство Филарета, многих его служителей увели в плен, расхитили стада и завладели полями. У Филарета остались только слуга и служанка, дом, в котором он жил, маленькое поле, пара волов и лошадь. С этими скудными средствами доставить насущный хлеб для пропитания семейства можно было только постоянным и упорным трудом. Филарет безропотно покорился воле Господней и стал сам обрабатывать свое поле.

Однажды он запряг своих волов и отправился на пашню. Работая, он

славил и благодарил Господа за то, что Он привел его исполнять заповедь, повелевавшую в поте лица приобретать себе хлеб, и, послав ему труд, избавил его от лени и праздности, столь опасных для души. В это время другой поселянин работал на соседнем поле, и вдруг пал у него вол. Поселянин очень огорчился; он был беден, а издохший вол принадлежал соседу. Он стал горько плакать. «У кого мне найти помощь? – думал он. – Случись это в прежние годы, я пошел бы к доброму Филарету, и он бы помог мне, но теперь он сам беден. А все-таки пойду к нему, расскажу ему свое горе; он пожалеет о мне и поможет хоть добрым словом». Сосед так и сделал. Филарет, видя печаль его, отпряг одного вола своего и дал ему. «Возьми, брат, вола моего, продолжай свою работу и благодари Господа», – сказал он ему, а сам отправился домой. Жена Филарета, узнав о случившемся, стала горько упрекать мужа. «Хочешь нас голодом уморить, – говорила она, – зачем отдал вола? Чем будешь ты обрабатывать свое поле? Ведь я знаю, что не из доброты, не ради Бога отдал ты вола, а ради себя, потому что привык жить в богатстве и праздности, и тебе лень трудиться и обрабатывать поле. Чем же мы станем жить?» С кротостью отвечал Филарет на эти упреки, обнадеживал жену свою милостью Бога, а сам стал с сыном работать день и ночь, почти не зная отдыха.

Однако с каждым днем семья становилась все беднее. Филарет лишал себя самого необходимого, но отказать нищему было выше его сил: иногда снимал с себя одежду и отдавал неимущему. Жена часто бранила и упрекала его. Филарет же говорил домашним: «Есть у меня сокровище, о котором вы не знаете»; но жена и дети не понимали его слов. Наконец, дошли они до крайней нищеты и стали нуждаться в ежедневной пище. Иногда соседи посылали им, из сожаления, хлеба или муки; но и тут Филарет свою часть делил с нищими.

Богу угодно было вернуть богатство доброму и кроткому Филарету, и вот как это случилось.

Императрица Ирина, царствовавшая в Греции вместе с сыном своим Константином, пожелала женить его; были посланы сановники двора царского, чтобы со всей империи привести красивейших девиц, из которых царь мог бы выбрать себе невесту. Посланные пришли и в то селение, в котором жил Филарет. Увидев издали его дом, который был всех больше, они захотели в нем остановиться, но жители села сказали им: «Этот дом хоть и велик и снаружи прекрасен, но внутри беден и пуст: в нем живет беднейший человек». Между тем Филарет, увидев незнакомых, которые шли к его дому, вышел к ним навстречу и стал их звать к себе, совершенно забыв о своей нищете и радуясь, что может дать приют

путникам. Они вошли, а Филарет, поспешив к жене, велел ей готовить ужин.

– Что с тобой? – воскликнула она, – из чего нам готовить ужин? Нет ни ягненка, ни курицы в бедном нашем доме, а о масле и вине мы едва помним, когда они были у нас.

– Так, по крайней мере, разведи огонь, нагрей воды и приготовь комнату для странников; а может быть, Бог пошлет нам что-нибудь в помощь.

В самом деле, лишь только она начала исполнять сказанное, как в дверях показались старейшины селения; услышав, что у доброго Филарета гости, и зная нищету его, они спешили помочь ему, кто чем мог: один нес барашка, другой курицу, третий масла, вина и прочее. Филарет принял с благодарностью все эти приношения и радушно угостил странников, которые расспросили его о семействе и узнали, что у него три молодые внучки. Они пожелали видеть их и так поражены были красотой и скромностью одной из них, которую звали Марией, что непременно потребовали, чтобы она ехала в Константинополь, и Филарет с семейством отправился туда.

Десять молодых девиц были приведены на выбор царя. Мария, воспитанная в смиренномудрии, не ждала блестящей участи, тем более что одна из девиц, гордая своей красотой и знатностью рода, прямо говорила подругам своим: «Неужели вы думаете, что царь изберет кого-нибудь из вас? На меня, наверное, падет его выбор, потому что я всех вас красивее, и умнее, и знатнее». Мария с кротостью слушала эти речи, считая себя совершенно недостойной высокого сана. Но Господь возвышает смиренных, а помышления гордых сокрушает. Выбор царя остановился на Марии. Женившись на ней, он и всему ее семейству оказал милость и почет, а милостивому Филарету дал богатые дома и поместья.

Жена Филарета и домашние его тогда раскаялись в своем прежнем ропоте и просили прощения у Филарета. «Прости нам, – говорили они, – что мы в безумии грешили против тебя и поносили щедроты и милости твои к нищим и убогим. Что нищему дается, то дается самому Богу, и Он воздаст сторицей в этой жизни и блаженством в будущей. За добродетели твои возвысил тебя Господь и нас вместе с тобой». Среди величия, богатства милосердый Филарет оставался кротким и смиренным, как и прежде, радуясь только, что мог более помогать бедным.

Однажды он сказал своей жене: «Жена, сделаем богатый пир и позовем царя и вельмож его». Жена все приготовила, думая действительно роскошным обедом угостить царя и вельмож, а Филарет между тем пошел

звать гостей. В назначенный день множество бедных, хромых, слепых, убогих собралось к нему в дом; он вышел им навстречу, радушно принял их и сам с семейством служил им. Видевшие это поняли тогда, что он действительно принимал Царя Небесного в лице нищих и убогих; ибо Господь Иисус Сам сказал: *что сделали вы одному из братьев Моих меньших, то Мне сделали* (ср.: Мф. 25, 40). Они говорили между собой: «Воистину этот человек весь Божий и настоящий ученик Христа, сказавшего: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29)». Филарет, отпуская бедных, дал каждому по золотому. На дела милосердия Филарет употреблял богатство, данное ему царем, который, любя его, охотно поручил бы ему и важную должность, но Филарет удалился от земного величия и хранил в сердце глубокое смирение. Он часто говорил: «Благодарю и хвалю Бога моего, Который воздвиг меня, нищего, от гноища и вознес на такую высоту, чтобы быть дедом царицы, этого с меня довольно; более мне ничего не нужно».

Дожив до глубокой старости, Филарет получил от Бога извещение, что приближается кончина его; он заказал себе гроб, раздал нищим деньги, которые имел у себя, и когда слег в постель, то, призвав к себе жену, детей и внуков, объявил им о близкой своей кончине. Они стали неутешно плакать, он же радостно и спокойно всех благословил и сказал им: «Вы знаете и видели, дети мои, жизнь мою. Господь дал мне великое богатство; потом испытал нищетой; и, видя, что я терпеливо и безропотно переношу посланное, вновь возвысил меня земной славой и посадил с царями и сильными мира сего. Но я богатства своего не хранил в сундуках, а через бедных и немощных посылал его к Богу. Прошу и вас, возлюбленные, не щадите скоро текущего богатства мира сего, но посылайте его в иной мир, куда я уже отхожу. Прошу вас, не забывайте страннолюбия, заступайтесь за вдовиц и сирот, посещайте больных и заключенных в темницах, не оставляйте собраний церковных, чужого не берите, никого не обижайте, не злословьте, не радуйтесь несчастью ни друзей, ни врагов, совершайте память по умершим и меня, грешного, в молитвах не забывайте».

После этого, сказав еще каждому из внуков несколько поучительных и пророчественных об их судьбе слов и помолившись о всех своих и о всем мире, он с просиявшим лицом запел псалом: *Милость и суд воспою Тебе, Господи* (Пс. 100, 1), потом стал читать молитву Господню и при словах: *да будет воля Твоя!* – предал душу Богу. Лицо его и по смерти сохранило выражение радостного спокойствия, которое до глубокой старости придавало ему необычайную красоту. Когда весть о кончине его разнеслась по стране той, она возбудила всеобщее горе; царь, и вельможи,

и великое множество нищих с плачем сопровождали до могилы тело милостивого Филарета.

Один сродник блаженного Филарета через день по его кончине видел дивный сон. «Я видел, – рассказывал он, – будто я перенесен в неведомое место, и муж светлый указывает мне реку огненную, которая шумом своим устрашает меня. А за огненной рекой видится мне рай светлый и радостный. Там сладкое благоухание наполняет воздух, тихий ветер колеблет прекрасные деревья, покрытые плодами и цветами. Нет слов, чтобы описать все блага, которые Господь там приготовил для любящих Его. Там увидел я праведных, облеченных в белые одежды и наслаждающихся благами небесными. Между ними был один старец, которого я не узнал. Он сидел на престоле золотом: с одной стороны окружали его дети новопросвещенные, держа в руках свечи, с другой – множество нищих толпилось, чтобы подойти к нему поближе. И я спросил у одного юноши: «Кто сей старец, сидящий на престоле посреди этих пресветлых мужей? Не Авраам ли?» А он мне в ответ: «Это Филарет Амниатский, который за любовь свою к нищим и убогим и за чистое и праведное житие, как второй Авраам, водворяется здесь». Филарет, тут увидев меня, начал звать к себе. «Прииди сюда, – говорил он, – да и ты те же блага получишь». А я ему: «Не могу, о преблаженный, река огненная мешает мне, через нее путь узок и мост неудобен». Он же говорит мне: «Дерзай и безбоязненно иди; ибо все, кто здесь, тем же путем шли, и нет пути другого». С этими словами он протянул мне руку, и я безопасно прошел через реку. Но едва коснулся руки его, как чудный сон исчез, и я, проснувшись, опечалился, думая, как же я перейду реку огненную и достигну райских селений».

О подвигах святых, узким путем достигших Царства Небесного

I. Александрийский епископ Феофил, живший в конце IV века, рассказывает, что некто Аммоний, Нитрийский аскет, или инок, для усмирения плотской страсти выжигал себе раны на различных частях тела и время от времени подновлял их посредством раскаленного железа. Другой Нитрийский монах, святой Макарий Александрийский, или младший, в продолжение шести месяцев лежал обнаженный среди скитского болота, отдавая себя на терзание ядовитым комарам. Подобное же блаженный Феодорит говорит о знаменитом Столпнике, преподобном Симеоне. Последний в продолжение долгого времени позволил кусать себя червям, необыкновенно большим и ядовитым, чтобы «малыми подвигами приучить себя к упражнению в больших».

II. В начале появления монашества такие великие мужи, как святой Антоний, святой Иларион и другие патриархи монашеской жизни, носили постоянно власяницу на голом теле и находили себе подражателей. Впоследствии такие примеры упоминаются реже; встречаем ношение власяницы у тех, кто отличался особым подвижническим терпением. В числе таких подвижников греческий святой Феодор Трихина, т. е. волосатый; известный Мартин, епископ Турский, умирая и вознося свои последние молитвы к Богу, одетый во власяницу, говорил окружающим его ученикам: «Христианин не иначе должен умирать, как во власянице и на пепле».

Такие примеры великих подвижников-монахов: святого Антония, святого Илариона, умерших во власянице, содействовали широкому распространению этого обычая.

III. В истории монашества древнего и последних времен, а также в рассказах о различных путешествиях к святым местам, о крестных ходах известен еще один вид аскетического самоумерщвления – это босоножие, или самолишение обуви. Босоножие встречалось и ранее – известны примеры из Ветхого Завета: так, Моисею приказано было снять обувь (см.: Исх. 3, 5); Давид босым спасется бегством от Авессалома (см.: 2Цар. 15, 30), а Исайи поведено было снять сандалии (см.: Ис. 20, 2, 4). В христианской древности встречаем увещевания к босоножию и примеры того же рода. Уже Климент Александрийский в числе нравственных предписаний, необходимых для мужчины, поставляет и совет ходить без обуви. Он высказывает мнение, что самое приличное дело для мужчины

совсем не носить обуви, за исключением военной службы, так как привязывание к ногам сандалий есть, по его суждению, дело постыдное и унизительное, признак рабства, подобно тому, как постыдны *цепочки на ногах женщин*, против которых вооружался еще пророк Исайя (см.: Ис. 3, 16–18). Другие основания для босоножия представляет известный описатель жизни древних монахов Иоанн Кассиан Римлянин. Он находит такие основания в Евангелии, указывая, что босоножие предписывает Сам Иисус Христос Своим апостолам (см.: Лк. 10, 4; Мф. 10, 10), хотя Иисус Христос только воспрещает апостолам брать с собой запасную обувь, повелевая довольствоваться простой обувью (см.: Мк. 6, 9).

IV. Подобно тому, как некоторые из христианских аскетов отказывали себе в обуви, иные из них считали возможным обходиться без всякой одежды, необходимой для покрытия тела. В истории христианства подобные примеры встречаются не часто. Вполне нагими ходили отшельники так называемой Скитской пустыни в Египте; при взгляде на них преподобный Макарий Египетский вынес для себя то назидание, что при всей суровости своей жизни он еще не дошел до той степени в самолишениях, до какой дошли эти отшельники. Встречались также и отдельные примеры обнаженных аскетов, которые жили в пещерах или же под открытым небом. Сульпиций Север говорит об одном пустыннике Синайской горы, что он в продолжение пятидесяти лет не имел другого покрова, кроме того, какой доставляли ему его собственные волосы. Нечто подобное известно о подвижниках Онуфрии и Софронии. Гораздо многочисленнее и поучительнее примеры крайней аскетической скудости в одежде, какой умели довольствоваться подвижники христианского общества. Уже со времен глубокой древности раздаются сильные и неумолкающие голоса, ратующие за возможную простоту и непритязательность в одежде. Такие знаменитые писатели древней Церкви, как Климент

Александрийский и Тертуллиан Карфагенский, в своих сочинениях, можно сказать, начертали стройные правила библейско-созерцательной аскетики. Климент рекомендует предпочитать простую белую одежду всякой другой, потому что в белое одеты и святые люди на небе, и Ангелы (см.: Апок. 6, 2; 19, 8); он предостерегает от пестрых и цветных одежд, потому что такие одежды более ласкают взор, чем служат какой-либо практической потребности. И потому что простота есть лучшее отображение христианской святости и истинности. В Ветхом Завете уже запрещены были пестрые и смешанные из различных нитей одежды. Шелковые материи совершенно неприличны христианину не только

потому, что это совершенно бесполезное изделие, но потому, что шелк – продукт червей, служащих символом непостоянства и переменчивости духовного расположения. Жемчуг христианин совсем не должен употреблять, потому что самое слово Божие уподобляется драгоценному жемчугу (Мф. 7, 6; 13, 45), потому что двери Небесного Иерусалима состоят из двенадцати жемчужин и потому что сама природа хотя не запрещает, однако сильно затрудняет употребление жемчуга и золота, скрыв первый под водой, а второе под землей. Носить фальшивые волосы, что делают женщины, неприлично и совершенно отвратительно, ибо носить чужие волосы на своей голове так же мерзко, как и иметь обритую голову. И на кого в таком случае будет возлагать священник свою благословляющую десницу? Не будет ли он благословлять чужую голову, когда будет касаться своей рукой таких волос у коленопреклоненной женщины, которые ей не принадлежат? Также христианину не следует украшать головы своей венками из цветов, ибо он не должен любить противоположное тому, чем украшена глава Спасителя, а Его глава носила на себе терновый венец. Вообще человек, заботящийся о внешних украшениях, но недостаточно пекущийся о внутренней чистоте и красоте, уподобляется капищам египетским, которые хотя снаружи и блистали роскошью, но внутри были наполнены кошками, крокодилами и другими отвратительными животными, служившими для поклонения язычников.

В конце IV и начале V века блаженный Иероним и святой Иоанн Златоуст также дают много мудрых советов касательно одежды христианина. Блаженный Иероним дает уже определенные предписания о том, как должны одеваться монахи и аскеты. Он требует, чтобы монахи и монахини носили бедные, грубые и темные платья, предостерегая, впрочем, от грязных и неряшливых одежд, как хвастовства бедностью. Святой Иоанн Златоуст, со своей стороны, обличает тех, кто выставлял на вид свою, так сказать, искусственную простоту в платье. Ибо некоторые лица, хотя под предлогом простоты и носили узкую черную нижнюю одежду, того же цвета плащи и обувь, но при этом старались копировать собой некоторых лиц, изображенных на древних картинах. Взамен того он хвалит свою верную ученицу, богатую вдову Олимпиаду, ее бедное одеяние за то, что она по внешности ничем не отличалась от самых бедных людей.

V. Рассказы об аскетизме, в которых речь шла о таких формах плотского самоумерщвления, как босоножие, полное или неполное обнажение, весьма кстати дополнить сведениями о том аскетическом обычае, который состоит непосредственно в борьбе с чувством холода и

приучении себя к перенесению самой ужасной стужи. Простейший и более обычный способ борьбы с чувством холода или зимней стужей состоит в постоянном нарочитом неотапливании комнат, хотя бы на улице был мороз. Подобное обыкновение встречается в истории аскетизма очень рано. Так, блаженный Феодорит говорит об Авраме, епископе в Карах, что он употребление огня считал излишним для какой бы то ни было цели. Самый смелый и самый тяжелый вид принимает борьба с неблагоприятным влиянием ветров и непогоды в том случае, когда аскет в продолжение многих дней или даже на всю жизнь остается без всякого крова, под открытым небом. Этот вид аскетизма, что естественно, встречаем на Востоке, где климат, по крайней мере в большую часть года, благоприятствует такого рода жизни или значительно облегчает его.

В истории подвижников древней Церкви находим много отшельников в Сирии, Палестине, Аравии, Месопотамии, о которых говорит блаженный Феодорит и которые, по его рассказу, или стояли на столпах, или же пустынножительствовали по примеру Иоанна Крестителя (см.: Лк. 1, 80; 2, 3), или пребывали в цистернах (т. е. вместилищах для воды) и в открытых, не представляющих никакой защиты, пещерах, или, наконец, поселялись на подверженных холоду скалах и горных вершинах, открытых для различных изменений погоды. Многие из этих анахоретов (отшельников) проводили подобную жизнь более или менее долгое время, некоторые всю жизнь. Ублаженного Феодорита можно найти подобные рассказы даже о благочестивых женщинах, например, Марине и Кире, носивших железные рубашки. По рассказу других писателей, святая Мария Египетская оставалась без всякого крова более 47 лет, живя в дикой пустыне. Даже в позднейшее время сохранился этот род аскетизма. В сочинениях Евстафия Фессалоникийского встречаем указания на многочисленных аскетов, живших вне крова, – он упоминает о столпниках, о живущих на деревьях, об обитателях пещер и т. п.

VI. Посты составляют один из отличительных признаков аскетизма. Пост заключается, как известно, не в том только, что известное лицо воздерживается от известных родов пищи или употребляет пищу в самом умеренном количестве, но и в том, что с этим родом воздержания соединяется отречение от всяких крепительных и приятных напитков (само собой разумеется – от всякой животной пищи) и вообще от всего, что может услаждать чувство вкуса. Приступаем к описанию постов и постничества в христианстве. Святой Пахомий, основатель общежительного монашества, следуя примеру своего учителя Паламона, питался только хлебом с солью, не употребляя масла (а если и разрешал

себе масло в праздничные дни, то смешивал его с пылью или пеплом). Тем не менее был довольно снисходителен к своим собратьям. Запретив им употребление вкусных и аппетитных блюд, а также вина, Пахомий установил, чтобы братия имели ежедневную пищу, приготовленную на огне, чтобы они имели достаточное количество хлеба, вообще заботился, чтобы монахи имели достаточную силу для полевых и других работ. Однажды, когда Пахомию стало известно, что монахи одного основанного им общежития, ради большого подвига, в продолжение двух месяцев не имели за столом горячей пищи, вследствие чего монастырский повар, пользуясь досугом, приготовил для продажи не менее пятисот ручных изделий, то Пахомий сильно разгневался на отступление от его предписаний – все изделия повара сжег на глазах изумленных монахов и обратился к ним с сильным обличительным словом. Он говорил им, что гораздо легче и удобнее отказаться от пищи, которой не готовят и не ставят на стол, чем соблюдать умеренность, когда достаточная и хорошая пища предлагается для насыщения человека. Только в Четыредесятницу монахи должны были питаться более скудной пищей, и некоторые монахи в это время, как, например, монахи в Тавенне, не ели по два или по три дня и даже по пять дней подряд. Мясо монахам было совершенно запрещено, но оно и не составляло большой необходимости в жарком Египте. Хлеб составлял главную пищу монахов. В день монахам давалось по два хлебца, которые, по свидетельству Кассиана, весили 1 фунт 12 унций, следовательно, каждый хлебец был весом 12–14 лотов (соответствует 144–168 граммам). Один из таких хлебцев съедался около трех часов пополудни, а другой по захождении солнца. В постные дни монахам выдавалась только вечерняя порция. Более строгие из монахов довольствовались одним хлебцем, а иные из таковых старались съедать и того менее: так, святой Макарий Александрийский в продолжение трех лет съедал в каждый день от десяти до восьми лотов хлеба, т. е. 100–120 грамм. Святой Иларион, начиная от 31 года своей жизни до 35 года, не ел более двенадцати лотов ячменного хлеба ежедневно. Для Маркиана Кирского на Евфрате обычную ежедневную порцию хлеба составляла четверть фунта или только 6 лотов. Довольно умеренные требования касательно поста монахов высказывает Василий Великий, который, как известно, в своих правилах для монахов дал образец монашеской жизни для всего православного Востока. Строго предписывая воздерживаться от мяса, а по временам и от рыбы, масла, вина (например, в Четыредесятницу и другие дни поста), Василий является поборником того правила, что степень пощения нужно соразмерять с состоянием здоровья и с теми

трудами, какими занимается монах. Он предписывает избегать всего, что может повредить здоровью – всякого избытка в пище и слишком больших лишений в ней. Греческие монастыри последующих времен, верно следуя примеру Василия, никогда не вводили у себя слишком строгих предписаний касательно пищи.

Доселе мы говорили о монашеских постах, положенных различными монашескими уставами, следовательно, принудительных. От этих постов следует отличать посты произвольные отдельных аскетов. Как произвольные, они очень разнообразны. Церковная история сохранила много поучительных сведений о постах подобного рода. Святой Антоний во время пребывания в пустыне претерпевал сильные нападения со стороны своего тела, не хотевшего вполне подчиняться его духу; средством в борьбе с греховными пожеланиями был для него усиленный пост. В указанное время его подвижничества он жил то в полуразрушенной крепости, то в заброшенной пещере, служившей некогда для погребения покойников; единственной пищей его были хлеб и вода, которые он вкушал обыкновенно раз в день по захождении солнца, а иногда через два и даже четыре дня; тем и другим, хлебом и водой, он запасался вперед на целые полгода. Ученик

Антония святой Иларион руководился в своей собственной жизни также мыслью: чтобы укротить осла, т. е. собственное тело, для этого нужно кормить его не ячменем, а мякиной. Иларион довольствовался пищей самой неприхотливой, принимая ее через несколько дней, и, наконец, достиг того, что ему довольно было вкушать пищу раз в неделю. О святом Макарии Египетском история рассказывает много поучительного. Так, известно о той мужественной борьбе, какую он вел с чувством жажды. Своему ученику Евагрию, просившему у него воды, так как он изнемогал под палящими лучами южного солнца, Макарии сказал: «Довольно с тебя, что ты имеешь тень, которой лишены многие путешественники и мореплаватели. Подумай, сын мой, вот я уже более двадцати лет никогда не высыпаюсь, и не ем досыта хлеба, и не пью вдоволь воды. Все это время я ем хлеб в определенной мере, воду пью тоже в определенной мере, сну посвящаю лишь немного времени, потому что я засыпаю стоя, прислонившись к стене». Подвижник Арсений, чтобы не доставлять удовольствия чувству обоняния, которое у него было тонко развито, не употреблял другой воды, кроме вонючей, в какой он размачивал свой сухой хлеб и пальмовые листья. Подвижник Постумий так мало заботился об удовлетворении чувства жажды, что у него высох и растрескался язык. Иоанн Мосх рассказывает, что один монах в

продолжение трех лет настолько воздерживался от питья, что, наконец, впал в горячку. Другие аскеты выражали свое подвижничество тем, что они воздерживались от всякого хлеба. Так поступали Авраам Каррийский и Евагрий, так делал Иларион. Последний под старость, от 64 до 80 года своей жизни, питался только кочанными листьями, немного посыпанными мукой. А Посидоний Фиваидский и монах Алас лишали себя хлеба в продолжение целых десятков лет – первый в продолжение 40, а второй 80. Палладий рассказывает о некоем Иоанне, что он до 90 года питался лишь древесными плодами и никогда не употреблял пищи, приготовляемой на огне. Другие подвижники показывали свое воздержание в том, что они, хотя имели пред глазами пищу, старались как можно долее не вкушать ее, приучая себя как бы совсем не обращать внимания на пищу. Так поступал Павел Препростый. Елпидий в течение 25 лет вкушал пищу только по субботам и воскресеньям; поэтому на вид он казался скелетом из кожи и костей. Святая Феврония ела понемногу один раз в два дня. Святая Евфросия, или Евпраксия, дочь сенатора Антигона, сначала постилась два дня в неделю, потом четыре, наконец, шесть, с целью победить лукавого, искушавшего ее в сонном состоянии. Святой Савва, живший в пещере близ Едессы, наконец, достиг того, что мог принимать пищу только раз в неделю, и притом пищу самую скудную, состоящую из просяного хлеба с водою и солью. Некто отшельник Иоанн целых три года не ложился, не садился, а только стоял, а силы свои подкреплял Евхаристией, которую принимал каждую субботу.

Не можем не упомянуть здесь о подвигах нашего русского преподобного Иоанна Затворника. Изумительны подвиги этого подвижника. «Истинно блажен посвятивший себя, – пишет Поликарп, – воле Божией и сохранивший заповеди Его непорочные, соблюдший тело и душу без осквернения плотского и душевного; я говорю об Иоанне преподобном, затворившем себя в узком месте пещерном. Тридцать лет пробыл он в великом воздержании, удручая тело свое крепким постом, нося железы на всем теле». Вначале три года сряду проводил он без пищи целые недели; тяжелые вериги на теле усиливали тяжесть голода и жажды, но страсть плотская не потухала. Он пошел в пещеру преподобного Антония и в ней пробыл день и ночь, молясь у его гроба. Святой возвестил ему: «Иоанн, Иоанн! тебе надобно затвориться здесь, чтобы, по крайней мере, невидением и молчанием ослаблять брань; Господь поможет тебе молитвами святых». И Иоанн затворился в самой тесной и темной пещере; брань не умолкала; тридцать лет проведены в сей пещере и тридцать лет были временем борьбы мучительной. Не зная, что сделать с собою, Иоанн

решился на подвиг еще более тяжкий: выкопал яму, сел по перси и засыпал себя землей. В таком положении пробыл он весь Великий пост; ноги его горели, жилы корчились, жар пожирал внутренность; Иоанн радовался духом, не чувствуя греховного огня. Только страшное видение привело его в ужас. «Господи, Боже мой! векую мя еси оставил? Ущедри мя, яко Ты еси един человеколюбивый», – молился страдалец. И когда окончил молитву, воссиял свет, и страшный змей, дотоле готовый пожрать его, исчез, и он услышал голос: «Иоанн, вот помощь тебе; но внимай себе, чтобы не случилось с тобою горшее. По силе терпения твоего попущено тебе, да выжжен будешь, как злато; крепким и сильным слугам назначает господин тяжелую работу, а немощным и слабым плохую и легкую». О таких подвигах говорил сам преподобный Иоанн одному брату, находившемуся в сильном унынии.

О святой Марии Египетской, которую Церковь Восточная представляет образцом постничества, известно следующее: пребывая в Иорданской пустыне, она в продолжение трех лет питалась взятыми ею с собой хлебами, а затем целых сорок лет питалась только злаками и водой, какие доставляла ей пустыня. Когда ее, считавшуюся уже давно умершею, встретил благочестивый монах Зосима и предложил пищу, то она в состоянии была съесть лишь три чечевичных зерна, так как совсем отвыкла от обыкновенной человеческой питии.

С точки зрения медицины, рассказы о продолжительном посте подвижников не представляют ничего невероятного. Физиологи утверждают, что человек, как и многие животные, например, собаки, лошади, если давать им пить воду и не заграждать доступ воздуху, может жить безо всякой пищи несколько дней и даже недель. Один преступник в Тулузе, захотевши! уморить себя голодом, но пивший воду, умер только на 63-й день своего поста. Известно также из свидетельств самых правдивых путешественников по Индии, что иные из индийских аскетов действительно поддерживают себя только водой и воздухом. Пример сорокадневного поста был показан врачом Танкером, о чем сообщены известия во всех газетах.

VII. Рядом с постничеством безбрачная, или девственная, жизнь составляет один из отличительных признаков аскетизма. О том, кто строго постится или ведет девственную жизнь, обыкновенно говорят, что это аскет. Действительно, безбрачие, или девственность, – один из самых трудных подвигов в числе других аскетических само лишений.

Среди аскетов существовал обычай – усмирять внутренний жар своих страстей посредством холода, для чего прибегали к холодной воде, льду,

снегу. Сюда же принадлежит стремление некоторых аскетов смирять свои вожделения посредством лежания на терновнике, волчцах и в крапивнике. В этом последнем отношении замечательный пример представляет святой Венедикт, который, желая изгнать из воображения образ прекрасной женщины, вошел в чащу терновника и изранил себя со всех сторон.

Дальнейшая форма аскетизма в сохранении целомудрия состояла в избегании со стороны мужчин решительно всяких встреч с женщинами. Замечателен в этом отношении рассказ об одном египетском монахе – Павле. Однажды, когда Павел случайно встретился с женщиной, он обратился в бегство, как будто встретился со львом. В сказаниях Иоанна Мосха один настоятель говорит своим монахам: «Монаху должно с такою же заботливостью избегать всякого соприкосновения с женщиной, с какой предохраняют соль от воды, в которой соль растворяется и исчезает». В других случаях избегание встреч с женщиной простиралось так далеко, что аскеты подавляли в себе родственные чувства и не хотели видеться ни с сестрами, ни с матерью (см.: Мф. 12, 50). Пахомий отказывался видеть свою сестру и, даже когда она сделалась монахиней и настоятельницей особого женского монастыря, разговаривал с ней не иначе, как в присутствии монаха Петра, человека престарелого и высокоцеломудренной жизни. Подобное же история передает о Пиоре, Иоанне Каламите, Феодоре, Маркиане и других подвижниках Востока, а на Западе о Венедикте Нурсийском, который своей сестре Схоластике позволял видеться с собой только раз в году, причем это свидание не должно было длиться более одного дня. Иные же не хотели даже видеть своих собственных матерей: это известно о Феодоре, ученике Пахомия, Пимене, Нуфе и Симеоне Столпнике. Последний не хотел видеться с матерью, несмотря на неотступные ее просьбы. Сюда же относятся строгие правила монахов охранять свои монастыри от посещения их женщинами.

Совершенствуйся на пути к царству небесному

«Ходя в лесу, в саду или по лугу и видя молодые побеги растений, плоды на деревьях и разнообразие полезных цветов, возьми для себя от всей этой Божией растительности именно такой урок: всякое деревцо в лето дает непременно значительный побег, непременно возрастает в объеме и в вышину, – всякое дерево с каждым годом как бы усиливается подвинуться вперед богодарованной ему силой; так скажи себе: и я должен непременно с каждым днем, с каждым годом становиться нравственно выше и выше, лучше и лучше, совершеннее и совершеннее, должен подвигаться вперед на пути к Царству Небесному или к Отцу Небесному, силою Господа Иисуса Христа и Духа Его, во мне живущего и действующего. Как луг украшается множеством цветов, так луг души моей должен благоукрашаться всеми цветами добродетелей; как деревья приносят цветы и потом плоды, так душа моя должна приносить плоды веры и добрых дел».

НЕДЕЛЯ 13-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Притча о винограднике и виноградарях

Выслушайте притчу, которую произнес однажды Спаситель, обращаясь к членам синедриона и народу, и рассказал о Хозяине виноградника (см.: Мф. 21, 33–42; Мк. 12, 1–7).

Таким образом, фарисеи и книжники еще раз вынуждены были осознать свою неправоту, произнести над собой суд, высказать лично, что согласны с правосудием Божиим, которое лишит их исключительных прав и передаст те права язычникам.

И Иисус Христос подтвердил это, сказав: *придет и погубит виноградарей тех; и отдаст виноградник другим* (Мк. 12, 9).

Фарисеи же и первосвященники, сначала произнесшие свой приговор, а теперь услышав подтверждение Иисуса Христа и уразумев притчу, сказали: *Да не будет* (Лк. 20, 16).

Но Он, взглянув на них, в доказательство того, что не только самая справедливость требует, но что и сам Бог предсказал и определил так, – привел пророчество, говоря: *неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла; это от Господа и есть дивно в очах наших. Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие, и дано будет народу, приносящему плоды его* (Мф. 21, 42–43).

Чтобы доказать книжникам и фарисеям, что Святое Писание пророчествовало об их поступках, Иисус Христос спросил их, разве они не читали в псалме о Камне, которым пренебрегали строители и который все-таки, вследствие дивных предначертаний Господних, сделался главным угловым камнем, соединившим две стены? Как же они будут оставаться долее строителями, когда все их планы отвергнуты и отменены? Не исполняется ли видимым образом древнее пророчество о Мессии, что Бог призовет других строителей созидать Ему храм?

«Этой притчей Иисус Христос научает многому: что Бог с давних времен промышлял об иудеях, что они с самого начала склонны к убийству; что приняты были всевозможные меры для их исправления, что, даже по избиении ими пророков, Бог не оставил их, но еще послал к ним Сына; что и Нового и Ветхого Завета один и тот же есть Бог; что через смерть Христову совершено великое дело; что иудеи за Крест Христов и за свое злодеяние понесут крайнее наказание; что будут призваны язычники, а иудеи отвержены. Притчу эту Иисус Христос предложил для того, чтобы показать всю тяжесть и непростительность греха иудеев, когда они, при

всем попечении о них, дали опередить себя блудницам и мытарям. Велико было попечение о них Божие, и непомерна их беспечность, потому что то, что нужно делать земледельцу, Он сделал Сам, насадил виноградник, обнес оградой и прочее, и им оставалось немногое: заботиться только о том, что уже есть, и сберегать порученное, так как ничто не было забыто, а все приготовлено. Но при всем этом они ничем не воспользовались, хотя многое и в большой мере получили от Бога. Когда Бог вывел их из Египта, то дал им Закон, дал гражданское бытие, устроил жертвенник, воздвигнул храм и *отлучился,* т. е. долготерпел, не всегда и не тотчас по преступлении наказывал. Послал *рабов*, т. е. пророков, *принять плоды*, т. е. повиновение, доказываемое делами. Но они показали свою злобу после таких попечений о них: не только не дали плода, что обнаруживало их недеятельность, но даже вознегодовали на пришедших. Если нечего было отдать, хотя были к тому обязаны, то им должно было не досадовать, не негодовать, а умолять. Они же не только вознегодовали, но еще обагрили руки свои кровью: предали казни посланных, сами заслуживая казнь. Поэтому Бог послал в другой раз и третий, дабы видны были их злоба и человеколюбие Пославшего. Он не тотчас послал Сына, для того чтобы они почувствовали, как несправедливо поступили с посланными рабами и, отложив гнев, устыдились Его пришествия. Словами *может быть устыдятся Сына Моего* выражается не неведение, а указывается, что они должны были устыдиться. Если они были не признательны к рабам, то, по крайней мере, должны были почтить достоинство Сына. Им должно было прийти и просить помилования в своих преступлениях, а они ведут себя по-прежнему, даже предпринимают новые злодеяния, ужаснее прежних. На это и Сам Христос указывает, говоря: *дополняйте же меру отцов ваших* (Мф. 23, 32); в том же обвиняли их прежде пророки, говоря: *ваши руки полны крови* (Ис. 1, 15); *и кровопролитие следует за кровопролитием* (Ос. 4, 2). Но они не сделались благоразумнее. Хотя в Десятисловии дана была им заповедь: не убей, и велено было воздерживаться от многого другого, однако же, при всех таких и многих других побуждениях к исполнению заповеди, они не оставили своего злого намерения. Увидев Сына, говорят: *пойдем убьем Его.* За что? За то ли, что Он почтил вас: будучи Богом, сделался для вас человеком и совершил бесчисленные чудеса, прощал грехи, призывал в Царствие Божие? И как они, при своем нечестии, крайне безумны; как безрассудно их побуждение к убийству: *убьем Его*, говорят, *и наследство Его будет наше* (Лк. 20, 14). И где же убить намерены – *вне виноградника.* Так Иисус Христос предсказывает о самом месте, где будет убит, и доводит их до невольного сознания, которым они сами произнесли

свой суд; а нет справедливее приговора, когда подвергаемые наказанию сами себя обвиняют. Он всячески уверяет иудеев, что неверующие будут изгнаны, а язычники приняты. Это Он дал разуметь обращением с хананеянкой, избранием осленка при восшествии в Иерусалим, примером сотника и многим другим; на это указывает и теперь присовокупляет: *это от Господа и есть дивно в очах наших*, давая тем знать, что верующие язычники и те, которые из самых иудеев уверуют, составят одно, несмотря на все их, прежние между собой, различия; что все это совершается по определению Божию и чудно, поразительно для всякого. Камнем Он называет Себя, а строителями – учителей иудейских. Камень, т. е. Христа, отвергли они, когда говорили: *Он не от Бога; Он обольщает народ; Ты Самарянин, и бес в Тебе* (ср.: Ин. 9, 16; 7, 12; 8, 48). Но слова Иисуса Христа не вразумили иудеев, они не устыдились ни свидетельства пророков, ни собственного своего приговора. Так совершенно ослепило их любоначалие, тщеславие и привязанность к временному».

Горькая участь нераскаянных грешников

Далече отстоит Бог от нечестивых, говорит премудрый Соломон (Притч. 15, 29), и потому несчастны они бывают и в сей жизни. Как часто наблюдается, что некоторые люди, при всем своем видимом счастье, в душе своей настолько несчастны, что в отчаянии сами желают себе смерти и даже, как нередко случается в настоящее время, сами причиняют себе смерть. А что вина всех этих несчастий заключается в грехе, об этом редко кто подумает. Когда человек, вследствие тяжких и нераскаянных грехов, оставил Бога, то и Бог оставляет его; тогда злой дух овладевает всем сердцем грешника и делает последнего несчастным. А мучение совести – разве это малое наказание нераскаянного грешника? Голос совести, как бы ни старались заглушить его, нигде не дает покоя грешнику, и на нем исполняется слово пророка Исайи: *безбожным несть мира* (ср.: Ис. 57, 21).

Но все эти наказания, как бы они ни были тяжки, со смертью человека прекратятся. Но что же ожидает нераскаянного грешника после смерти? Страшно даже сказать: вечные мучения в вечном неугасимом, геенском огне, уготованном диаволу и ангелам его. *Аще* не обратитеся, говорил Иисус Христос упорным иудеям, и *не покаетпеся, вси погибнете* (ср.: Лк. 13, 3).

В пояснение вышесказанного расскажем такую повесть. «В городе Карфагене африканском жил некий муж-воин, именем Таксиот. Жизнь проводил он нерадиво, много грешил. Случилось в то время в Карфагене начаться эпидемии одной заразной болезни, от которой умирало много народу. Страшась смерти, Таксиот раскаялся в своих грехах и переселился из города в селение. Но здесь он впал в грех прелюбодеяния с женою одного земледельца и через несколько дней после того умер от укуса змеи. Погребли его в близлежащем монастыре. Вскоре после его погребения в монастыре услышали страшный крик из гроба: «Помилуйте меня! помилуйте меня!» Откопав гроб, иноки, к великому удивлению своему, нашли Таксиота живым и всего в слезах. Стали расспрашивать его о том, что с ним случилось, но он ничего не говорил, а только просил отвести его к епископу Тарасию. В течение трех дней Таксиот не мог прийти в себя и лишь на четвертый день рассказал о происшедшем с ним. «Отцы и братия, – начал свой рассказ воин Таксиот, – когда я умирал, видел пред собой страшных муринов (бесов); увидел также двух светлых юношей (Ангелов), которые, взяв мою душу, понесли ее мимо разных мытарств, где истязают

души умерших во грехах, и сколько грехов, столько и мытарств; на каждом из них бесы представляли мои грехи. Но святые Ангелы «примериша добрые дела к делам моим злым, и тако мытарства миновахом». И так мы дошли до блудного мытарства. Здесь демоны представили все мои блудные грехи, которые совершил я от детства. Святые Ангелы сказали: все, какие совершил он телесные грехи, живя в городе, простил ему Бог, ибо он в них покаялся. Но демоны сказали: по переселении из города в селение он согрешил с женою землевладельца. Услышав это, святые Ангелы, не находя ни одного доброго дела, которое можно было бы противопоставить греху[7] прелюбодеяния, покинули меня. И вот злые духи начали жестоко бить меня. Затем я был низринут в ад, где страдали грешники. Здесь я слышал непрестанные вопли: горе нам, горе! Трудно изобразить те бедствия и мучения, которые я там видел. Они стонут – и никто о шгх не сожалеет, плачут – но никто не утешает их; молят о помиловании – но никто не внемлет их мольбе. С грешниками был заключен и я. Вдруг, вижу я, показался небольшой свет, и передо мной предстали два Ангела; я стал умолять их вывести меня оттуда, обещая раскаяться во всем. А они отвечали: «Безвременно ты молишься: до Всеобщего Воскресения никто не выйдет отсюда». Я еще усерднее стал просить их. Тогда один Ангел сказал другому: «Ручаешься ли ты за него, что он покается?» Тот ответил: «Ручаюсь». И вот они, подав друг другу руки, вывели меня из преисподней и привели к моему телу, приказывая войти в него. Тело мое было темное, смрадное, так что мне не хотелось входить в него. Но Ангелы сказали: «Невозможно тебе покаяться иначе, как только в теле, с которым ты грешил». Тут я вошел в тело и стал кричать: «Помилуйте меня!» Этим Таксиот закончил свой рассказ. Ему предложили было пищу, но он отказался принять ее. Переходя из церкви в церковь, Таксиот со слезами молился Богу и говорил, обращаясь ко всем: «Горе согрешающим, горе не кающимся, горе оскверняющим свое тело!» Сорок дней он провел в молитве и слезах покаяния и после того мирно отошел ко Господу»[1].

Видите, каким тяжелым мукам был подвергнут Таксиот за один грех, в котором не успел покаяться, какие же невообразимые муки ожидают тех, которые не приносят по нескольку лет покаяния, которые живут так нерадиво, что совсем не думают о своих грехах.

Други мои! Пожалеем от сердца таких несчастных, постараемся вразумить их, чтобы спасти их души, сами же будем каяться непрестанно, всю нашу жизнь будем оплакивать грехи свои, чтобы быть готовыми всегда к смерти, тогда только мы можем избежать участи нераскаянных грешников.

Непостижимость судеб Божиих

Один отшельник просил Бога, чтобы дал понять ему пути Своего Промысла, и наложил на себя пост. Однако Бог не открыл ему того, что ему хотелось знать. Он все-таки не переставал молиться, и наконец Господь вразумил его. Когда тот отправился к одному живущему вдалеке от него старцу, ему в образе монаха явился Ангел и предложил быть спутником. Отшельник очень обрадовался предложению, и дальше они пошли вместе. День склонился к вечеру. Они остановились на ночлег у одного благочестивого мужа, который принял их с таким почетом, что даже пищу предложил на серебряном блюде. Но вот что удивительно! Сразу же после трапезы Ангел взял блюдо и бросил его в море. Старец недоумевал, однако ничего не сказал. Пошли дальше и на другой день остановились у другого, тоже благочестивого мужа. И этот принял их с радостью: и ноги им омыл, и всякое внимание оказал. Но опять беда! Когда отшельник со спутником стали собираться в путь, хозяин привел к ним своего малолетнего сына, чтобы его благословили. Но вместо благословения Ангел, коснувшись отрока, взял его душу. Ни старец от ужаса, ни отец от отчаяния ни слова не могли произнести, и старец выбежал вон, а спутник, не отставая, последовал за ним.

На третий день пути остановиться им было негде, кроме одного полуразрушенного и всеми брошенного дома, и они приютились в нем. Старец сел вкусить пиши, а спутник, к его изумлению, опять начал странное дело. Он стал разрушать дом, а разрушив, начал строить заново. Видя это, отшельник не вытерпел: «Да кто же ты, бес или Ангел? Что ты делаешь? – с гневом вскричал он. – Третьего дня у доброго человека отнял блюдо и бросил в море. Вчера отрока лишил жизни, а сегодня для чего-то разрушил и снова начал строить этот дом?» Тогда Ангел сказал ему: «Не дивись, старче, этому и не соблазняйся о мне, но выслушай, что я тебе скажу. Первый принявший нас муж действительно во всем богоугодно поступает, но блюдо, брошенное мной, приобретено им неправдой. Поэтому я и бросил его, чтобы он не погубил своей награды. Второй муж тоже угоден Богу, но если бы вырос его малолетний сын, то стал бы он страшным злодеем; поэтому я и взял его душу за добро его отца, чтобы и он спасся». «Ну а здесь-то, что ты сделал?» – спросил старец. Ангел продолжал: «Хозяин этого дома был человек безнравственный, из-за этого обнищал и уехал. Дед же его, построив этот дом, скрыл в стене золото, и некоторые знают об этом. Потому-то я и разорил его, чтобы с этого

времени никто не искал здесь золота и через него не погиб». Ангел так заключил свою речь: «Возвратись, старче, в свою келью и не мучайся без ума, ибо так глаголет Дух Святый: «Судове Господни – глубина многа, неиспытуема и недоведома человеком». Потому ты и не испытывай их – не будет тебе это на пользу». Ангел затем стал невидим, а пораженный старец раскаялся в своем заблуждении и после всем рассказывал о происшедшем.

Вечные мучения

Один пресвитер, муж чудный и много времени проведший в подвиге, рассказывал следующее: «Была у меня сестра, девица молодая летами, но приобретшая старческий разум. Она проводила все время в посте и воздержании. Однажды сидела она около меня и вдруг упала навзничь и пролежала безгласна и бездыханна целый день и ночь. На следующий день в тот же час, как бы от сна встав, была она в страхе и ужасе. Я спрашивал ее, что с ней было, но она просила подождать, пока пройдет ужас... В слезах провела она много дней, и сама не хотела говорить, и других не хотела слушать, не говорила даже с самыми близкими, часто же имена некоторых вспоминала со слезами и, стеная, оплакивала их.

Наконец, она уступила моим просьбам и начала говорить: «В оный час, когда я сидела около тебя, два неких мужа, седые волосами, сановитые по виду, одетые в белую одежду, придя и взяв меня за правую руку, приказали следовать за ними. Один же из них, держащий в руке жезл, простер его к небу и отверз его, приготовляя нам доступ внутрь его. Потом, взяв меня, приводят в некое место, где стояло великое множество Ангелов, двери же и храмины были выше всякого слова. Когда же я вошла внутрь, вижу престол возвышенный и многих стоящих там, красотой и величием превосходящих тех, которые стояли вне. На престоле сидел Некто, Своим светом всех освещающий, Которому все поклонились. Меня тоже привели к Нему на поклонение, и я услышала, что Он повелел показать мне все для вразумления живущих на земле. Придя в некое место, вижу великое множество творений красоты несказанной, облеченных в различные одежды, блистающие золотом и драгоценными камнями, и храмины разнообразные, и живущих в них мужей и жен великое множество в чести и славе. Показывая их, говорили мне: «Это суть епископы, это клирики, это миряне, из них одни в своем служении просияли, другие целомудренно и праведно пожили».

Там я увидела пресвитера своего селения и клириков, которых знаем. Увидела множество дев и вдов, жен, в браке честно поживших; из них многие были знакомы, иные из нашего местечка, другие же из разных мест... одни упражнялись в подвижничестве, другие пожившие честно в своем состоянии, некоторые во вдовстве провели большую часть жизни и сокрушаемы были скорбями и многими бедствиями. Есть из них некоторые в девстве и во вдовстве сначала павшие, и за покаяние и многие слезы, опять восстановленные в прежний чин. Взяв меня оттуда, отвели в

некоторые места, страшные по виду и ужасные для зрения, исполненные всякого плача и рыданий».

Намереваясь же начать рассказ о сем, в такой пришла она страх, что слезами омочилась вся одежда ее, прерывался ее голос, язык же ее невольно запинался, двигался, не издавая звука. Но, принуждаемая мной, так начала она говорить: «Видела я места столь страшные и ужасные, что ни зрением, ни слухом нельзя понять; о них предстоящие мне говорили, что они приготовлены для всех нечестивых и беззаконных и для тех, которые в мире назывались христианами, но много зла делали. Там видела я печь разжженную и издающую страшное некое клокотание. Я ужаснулась и спросила, для кого приготовлено сие. Мне ответили: «Для вчиненных в клир, из сребролюбия же и беспечности Церковь Божию оскорбивших и в постыдной жизни проживших без покаяния...» Я же, трепеща, возгласила: «Ужели для находящихся в клире и девстве приготовлены такие бедствия?» Один же из бывших вдали отвечал: «Бедствия, девица, назначены им соответствующие нечестию их против Бога и неправде их против ближнего. Ибо ни тех, кто страдает там, не презирает Бог, ни тех, кто делает неугодное Ему, не оставляет без наказания. Всем за доброе и злое воздает по достоинству Бог Всемогущий». Пройдя еще немного, остановились мы на месте, полном глубокой тьмы. Все там было наполнено вопля и смущения, жалобного голоса, скрежета зубов и страшного стенания. Там увидела я разных дев и вдов, которые не поступали сообразно своим обетам, вину и наслаждениям прилежали, на псалмопение, и молитвы, и посты не обращали никакого внимания, несмотря на то что своими обещаниями вступили в завет со Христом.

О некоторых же из них говорили, что они человеконенавистно, хотя и правильно, пересказывали о намерениях других, что послужило для некоторых из них к развращению, и сделались они виновными в их погибели. Я же, видя их стенания и плач, не меньше их была объята страхом. Посмотрев внимательно, вижу двух самых любезных мне девиц, объятых огнем и муками... увидев их и восстенав, по имени позвала я одну из них. Они же взглянули, и лица их покрылись стыдом по причине наказания, которому подверглись, и еще более мучились стыдом и поникли вниз. Я же со слезами спрашивала их, что сделано ими тайного, что утаилось от многих, кто знал их на земле, и в какие впали они худые дела, за которые получили наказание?.. Они же сказали: «Девство погубили мы растлением, на убийства же по причине зачатия решались, воздержание и пост в виду других исполняли, втайне же делали

противоположное, ибо славы только человеческой желали, а на угрожающие мучения не обращали внимания. Но вот все сделанное там тайно обличили здешние бедствия, за славолюбие соответственный принимаем стыд... Но если есть у тебя какая сила и дерзновение ради твоей доброй жизни, помоги нам, испроси хотя немного помилования у мучащих нас». Я же отвечала: «Где же многие увещания и советы вам брата моего? Где мольбы, где великое его попечение, где постоянные молитвы? Ужели всего этого недостаточно для того, чтобы не быть вам здесь?..» Они же, устыдившись, молчали, но затем стали говорить: «Не время теперь обличения и укоренил, но утешения и помощи... помоги нам...» Я же, припав, со слезами молила мучителей облегчить их мучения. Они со страшным взором отослали меня, говоря: «Справедливо для них, какие посеяли там деяния, за такие пожать плоды; какие там презрели блага, тех здесь не получить, а какими пренебрегали муками, те испытать... Ступай, девица, возвещай там о здешнем – добром и злом, хотя бы многим показалась ты говорящей пустое». Девицы те, узнав, что бесполезно было мое моление, плача и скрежеща зубами, сказали: «Все терпим мы сообразно с тем, что мы творили, но, оставив нас, иди опять в мир и расскажи обо всем виденном той, которая жила с нами, ибо и она с нами делала подобное, смеясь над здешним... Возвести ей о наших мучениях, убеди покаяться...»

О долготерпении Божием

Слово Божие учит, и голос совести каждого из нас удостоверяет в том, что злые и нечестивые дела наши прогневляют Господа Бога и призывают на нас наказание от Него.

Много грехов совершается всеми нами – то по увлечению соблазняющей силой зла, то по немощи плоти в борьбе с искушением. Но бывают среди нас и такие, которые, вследствие омрачения своего сердца неверием и гордостью, сознательно и упорно противятся благодати Божией и предаются греху и нечестию. В недоумении и скорби как не воскликнуть в таком случае христианину: *доколе,* Господи, *вознесется враг* Твой (Пс. 12, 3) и что *путь нечестивых спеется?* (ср.: Иер. 12, 1). Не будем, братие, дерзновенно испытывать пути Промысла Божия, которых мы не можем постигнуть слабым своим умом, а лучше по сему поводу поищем себе утешения и утверждения в вере в слове Божием. Просили некогда во время земной жизни Спасителя возлюбленные ученики Его, Иаков и Иоанн, низвести огонь с небес, чтобы истребить жителей одного самарянского селения, оскорбивших их отказом в гостеприимстве. Что же сказал им Господь на эту просьбу? *Не весте, коего духа есте вы. Сын бо Человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти* (Лк. 9, 55–56). Вот некоторое изъяснение великой тайны Божией – неизреченного долготерпения Его к грехам и беззакониям нашим! Оно заключается в бесконечной любви Божией к роду человеческому, в призвании всех ко спасению. Сам Господь Спаситель наш, снисшедший на землю и воплотившийся по великой любви к нам, претерпевая оплевание и заушения, Крест и смерть от недостойных рабов Своих, долготерпит о Своих распинателях. «Господи, восходяшу Ти на Крест, земли убо возбранил поглотит распинавших Тя, аду же повелел еси испустити сотника, жизнь пришел еси подати, а не смерть» – так изображено Божие долготерпение в одной церковной песни. Господь Своей любовью хочет победить злобу распинателей так, чтобы и с Голгофы некоторые ушли с сокрушенным духом, биюще в перси свои, чтобы и при Кресте нашлись и такие, которые бы исповедали Его Сыном Божиим. Он терпит гонение от Савла, чтобы после сделать его избранным сосудом, назначенным к благовестию имени Его между язычниками. Он терпит поругание и от всякого грешника, паки распинающего Его своими беззакониями, всячески ожидая обращения его к Себе. Посему все время нашего земного бытия можно назвать временем долготерпения Божия. Постараемся

воспользоваться им для своей духовной пользы, для своего вечного спасения. Да не подумает кто-либо из нас по причине долготерпения Божия дать простор своим страстям и вожделениям. В таком случае не к оправданию, а к большему осуждению нашему послужит это долготерпение Божие о нас! Страшен суд, и ужасны муки, ожидающие за гробом грешников и нечестивцев, презревших благость Божию и умерших нераскаянными! Однако нередко суд Божий и в сей жизни исполняется над нечестивцами и грешниками, когда они продолжают коснеть в своем беззаконии и упорствовать в греховном ожесточении. Много времени ожидал Господь покаяния от нечестивых людей, живших до потопа; но когда увидел, что нет в них покаяния, истребил их потопом. От содомлян также ожидал Он покаяния, но, не дождавшись, истребил их огнем; от фараона, царя египетского, немалое время ожидал покаяния, но когда сей последний пренебрег Его долготерпением, потопил его в глубине морской со всем воинством. «Тот же суд Божий, – говорит святитель Тихон, – и ныне постигает беззаконнующих, нерадеющих о Божием долготерпении! Слышим часто, как беззаконники поражаются иногда в самом беззаконии. Хотя не все они, по неведомым судьбам Божиим, караются здесь, однако же все смертию, как секирою, посекаются и в огнь вечный ввергаются».

Познаем же великую любовь Господа нашего к нам, Его неизреченное милосердие и долготерпение о нас. Покаемся во грехах и беззакониях своих, пока еще продолжается время долготерпения Его, пока еще слышится святой глас Его: *покайтеся* (Мф. 4, 17), да не постигнет нас смерть и Суд Христов во грехах. *Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония наша* (ср.: Пс. 50, 3).

Господь долго терпит, да больно бьет

Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Ежечасно и даже ежеминутно мы прогневляем Его своими тяжкими грехами, но Господь все терпит и ждет нашего покаяния, исправления. Он *не хощет смерти грешника* (ср.: Иез. 33, 11) и всегда готов помиловать кающегося, как бы ни были велики и тяжки его грехи. Поучительный и утешительный пример в этом отношении представляет покаяние ниневитян.

Жители древнего города Ниневии некогда сильно прогневили Бога: совершенно забыли Его и предались всевозможным порокам, и вот Бог решил окончательно погубить их и для этого послал туда пророка Иону с проповедью. Иона начал ходить по городу и проповедовать, говоря: *еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена! И поверили ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во вретища от большего из них до малого. Это слово дошло до царя Ниневии, и он встал с престола своего, и снял с себя царское облачение свое, и оделся во вретище, и сел на пепле,* и повелел провозгласить: *чтобы ни люди, ни скот ничего не ели и воды не пили, и чтобы покрыты были вретищем люди и скот, и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих. Кто знает, может быть, еще Бог умилосердится, и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем. И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел* (ср.: Ион. 3,4–10). Видите, христиане, насколько милостив Господь! Но в то же время и знайте, что Он правосуден, что Он хотя и долго ждет нашего раскаяния, но зато сильно наказывает. Примером этому могут служить те же ниневитяне, о которых проповедовал, кроме пророка Ионы, другой пророк – Наум.

Скажем несколько слов об этом ветхозаветном святом. Пророк Наум происходил из города Елкисея, лежащего на берегу реки Иордана, от племени Симеонова. Он так же, как и пророк Иона, пророчествовал о Ниневии – он предсказал, что этот город погибнет от воды и огня, что действительно и сбылось. Жители города Ниневии хотя и покаялись чрез проповедь Ионы пророка, но не надолго; и увидев, что пророчество Ионы не сбылось, они опять вернулись к беззаконным делам. Тогда и постиг их гнев Божий. При Ниневии находилось большое озеро, окружавшее город; однажды случилось сильное землетрясение, во время которого потонула в том озере большая часть города, а оставшихся жителей, спасшихся на горе,

попалил огонь – и так все-таки сбылось пророчество Наума.

Этот случай ясно показывает, насколько Господь правосуден. Бойся же, христианин, оскорблять своего Бога и Творца тяжкими грехами: Бог долго терпит по Своему человеколюбию, но зато больно бьет. В бесчисленном множестве опытов иногда встречаются особенные, резко выдающиеся случаи, где суд Божий, поражая преступление немедленно, напоминает о себе тем из нас, которые забывают, что не продолжатся к тому словеса Господня, иже возглаголет, и что не коснит Господь обетования, якоже неции коснение мнят. От лица гнева Его кто постоит? И кто сопротивится во гневе ярости Его? *Ярость Его растаевает власти, и комете сотрошася от Него* (Наум. 1, 6). К числу таких очевидных примеров гнева Божия можно отнести и следующее происшествие.

Это произошло в 1862 году. В селе Б-го уезда жила одна крестьянская семья, состоящая из старушки-матери и двух сыновей, из них старший был женат, а младший холост. Случилось так, что братья поссорились между собою. Старший, бывший нетрезвым, не желая слушать обличений своему укоризненному поведению от младшего, вздумал, по праву старшего, употребить кулачную расправу. Младший, сознавая свою правоту, не счел нужным уступить пьяному, и началась драка. Старушка-мать в то время больная лежала в постели. Собрав последние силы, опираясь на костыль, она подошла к месту драки. Чтобы успокоить сыновей, она ударила костылем по спине пьяного сына, но тот со словами: «Не твое дело, матушка» – грубо оттолкнул ее. Слабая женщина от такого толчка повалилась, как сноп, и предала Богу душу.

Началось следствие, вскрыли труп, оказался ушиб, причинивший смерть; доходит дело до преступника, тот все отрицает. Младший брат из трусости тоже не решился сказать правду. Но дело не обошлось и без свидетелей: тут же рядом жило другое семейство и – замечательно! – в таком же составе: старушка-мать и два сына, из них так же, как и там, старший женат, а младший холост. Как ближайшие соседи, они были вызваны к допросу, и хотя были очевидцами происшествия, но упорно от всего отказались и свою ложь не побоялись утвердить присягой. Конечно, это не помешало делу раскрыться, и виновники были отправлены в острог. Соседи же, под присягой отказавшиеся от всякого участия в происшествии, признаны по суду человеческому непричастными к делу и оставлены на свободе.

Но вот открывается суд Божий на лжесвидетелей. Месяца через два по окончании судебного следствия о помянутом деле семейство нарушителей присяги подвергается наказанию: прежде всего старушка-мать найдена

мертвой. Немедленно дали знать кому следует, и по медицинскому освидетельствованию оказалось, что она умерла от удара. Так как при этом не было открыто никаких следов насилия, то случай был предан воле Божией, а тело – своим чередом земле.

Можно было подумать, что тем и кончится; но тут было только начало гнева Божия. Не прошло двух-трех недель после смерти матери, как ее невестка была найдена на пашне мертвой, на четвереньках, с уткнутой в землю головой, как была, с серпом в руке. Произведено было следствие, и дело предано забвению. Но рука Господня высока. Очередь была за старшим братом, и она не замедлила. Похоронив мать и жену, старший брат уже сам попал в новую беду; будучи в нетрезвом виде, он поссорился с одним крестьянином-односельцем, и, как часто это случается, ссора скоро перешла в драку; в это время несчастный ударил палкой своего соперника так метко, что тот через два дня умер. Опять началось следствие. Но странное дело! При расследовании дела представлена была палка, которой нанесен удар, – она оказалась не толще пальца и такая гибкая! Притом же удар был, можно сказать, так нерешителен, что только одно чудо могло дать ему столь грозное действие. Убийцу отправили в острог. Остается младший брат... Мысль об ужасной участи, постигшей его семейство, не давала ему покоя, и он сошел с ума... Так праведный гнев Божий в самое непродолжительное время разрушил до основания целое семейство грешников!

Как ни объясняй этот случай, а в конце концов придется признать, что Бог поругаем не бывает; что насколько Он милостив, настолько и справедлив, и что рано или поздно тяжкий грех получит свое возмездие, если не в этой, так в будущей жизни. Так помни же это, христианин, и напиши в сердце твоем: «Господь долго терпит, зато больно бьет!».

Церковь – живой союз Христа с верующими

Род человеческий, как происшедший от Единого Создателя, должен был представлять собой тесно сплоченную семью, один дом во главе с Богом, как Отцом. Но грехопадение первых людей произвело то, что род человеческий не только забыл и оставил Бога – своего Небесного Отца, но и разделился на племена и народы, враждебно живущие между собой. Отец Небесный благоводил приблизить к Себе людей и соединить их посредством Единородного Сына Своего Иисуса Христа. Спаситель примирил, возглавил и соединил Собой всяческая в теле Своем – Церкви, став основанием и главой ее. Слово Божие Церковь уподобляет зданию Божию, дому Божию, Христа называет основанием и краеугольным Камнем и верующих – членов Церкви – живыми камнями. Дом крепок основанием и углами. И Церковь тверда и крепка, до неодолимости ее силами ада, Христом (см.: Мф. 16, 18; 1Пет. 2, 5–7; Еф. 1, 10, 22; 2, 13–18, 20–22; 1Кор. 3, 10–11; Кол. 2, 9).

Книжники и фарисеи отвергли Христа как Мессию, как устроителя на земле Царства Божия. Но Он-то, ими отверженный, и есть Основатель на земле Церкви. *Камень, его же небрегоша зиждущий, сей быст во главу угла* (Мф. 21, 42; Пс. 117, 22). Чтобы при твердом основании и крепости углов и стены здания были прочны, каждый камень, из которых построено здание, должен быть крепко сцеплен с прочими камнями. Случается, что камень теряет связь с прочими, выпадает из стены, разбивается и бывает попираем. На место выпавших камней кладут новые камни. Таким образом здание (дом) остается невредимым и благоустроенным, между тем как выпавшие, разбившиеся камни уничтожаются.

Если христианин что-либо значит, то в соединении только со Христом и прочими членами Церкви. Он держится в Церкви до тех пор, пока имеет союз со Христом и с прочими членами Церкви, пока вообще составляет живую часть ее. Если же он порывает связь со Христом или с членами Церкви, то что он? Не более, как камень, вывалившийся из крепкого здания, попираемый ногами прохожих и уничтожающийся.

Но что связывает христиан в живом здании – Церкви? Вера и любовь. Вера во Иисуса Христа, как Сына Божия и Искупителя мира, вера в Церковь, как такое Божественное учреждение, принадлежа к которому христианин состоит в действительном общении со Христом и всеосвящающей благодатью. Но Церковь есть живой союз составляющих ее членов. Христа с Церковью соединяет Его божественная любовь к ней.

Любовь, как цемент, соединяет и всех членов Церкви. Столь живо, как бы следовало, однако же, не сознается необходимость связи каждого отдельного члена Церкви с прочими посредством любви. Представляют, обыкновенно, будто можно пребывать в Церкви и независимо от того, в каком отношении находятся друг к другу. Это глубокое заблуждение. Представим себе, например, что глава дома находится в неудовольствии с некоторыми членами его. К чему это приводит? В большинстве случаев к тому, что живущий не в ладу с семьей, перестает любить занятия, исполнять свои обязанности к ней, уклоняется в сторону какого-либо порока. Но зло этим не ограничивается. Такой человек в то же время представляет собой и плохого христианина, который бегает молитвы, не посещает храма Божия и вообще не исполняет своих христианских обязанностей, т. е. не имеющий любви и мира с ближними порывает общение со Христом. Какой же он член Церкви? Он подобен камню в здании, потерявшему связь с прочими и готовому вывшштъея. Но камень в стене здания, чтобы удержать его на месте, можно соединить цементом. И христианину, чтобы остаться живым членом Церкви, необходимо снова соединиться любовью с другими христианами, соприкасающимися с ним, иначе он как член Церкви погиб.

О, сколь необходима между христианами взаимная любовь, чтобы делом и истиною быть в общении со Христом и Церковью! К несчастью, не сознается необходимость любви и мира между отдельными членами Церкви. Жизнь современных христиан представляет все более и более учащающиеся случаи столкновения на почве житейских интересов и разного проявления злобы.

Не обольщайтесь, братие! Относясь враждебно друг к другу, мы лишаемся доступа к нам любви Иисуса Христа и благодати Святаго Духа. Так любовь Спасителя и благодать Святаго Духа действуют подобно крови в членах живого тела. Кровь разносится сердцем по всему телу только при условии неразрывности всех его членов. Она не доходит до тех из них, которые находятся в разобщении с ближайшими к ним. И любовь Господа нашего Иисуса Христа, и благодать Святаго Духа сообщаются христианину не как отдельному члену, но как составляющему часть единого нераздельного тела – Церкви. При вражде и злобе христиан друг на друга какое же может быть единение! А в таком случае мыслимо ли сообщение любви Христа и спасающей благодати? Имеющие уши слышать да слышат и да избегают всемерно вражды и злобы!

О беспечности человека в деле спасения

Некий человек, убегая от ярости единорога, встретил на пути глубокий овраг с крутым обрывом. Спасаясь от зверя, человек бросился с обрыва. Во время падения он крепко ухватился обеими руками за дерево и уперся ногами в небольшой уступ горы. Но тут он увидел, как две мыши подгрызали корень дерева, и ему предстояла опасность свалиться в пропасть. Потом заглянул в глубину оврага и заметил там страшного змея, который широко раскрывал пасть, а из нее исходило пламя. Наконец, он обратил свои взоры на уступ скалы, на которой держался ногами, и заметил, что из расселин высовываются головы ядовитых аспидов. Взглянув на ветви дерева, за которое держался, он обнаружил в них мед диких пчел. И вот этот человек, окруженный столькими опасностями, забыл о единороге, который бесновался на краю пропасти, забыл о змее, который внизу готов был пожрать его, об аспидах и о том, что дерево скоро должно упасть, – он забыл обо всем этом и начал лакомиться медом.

Вот значение этой притчи: единорог, преследующий человека, есть смерть, которая преследует всех сынов Адама. Большой овраг – это суетный мир сей; дерево, которое беспрестанно подгрызают две мыши, – это жизнь, которую непрестанно сокращают каждый минувший день и каждая прошедшая ночь, приближая ее к смертному часу; головы аспидов – это наши телесные страсти и похоти. Огнем дышащий змей означает ад, готовый поглотить грешников. Капли меда – это наши греховные наслаждения, которым так беспечно мы предаемся.

Непрестанно думай о своем спасении

Часто приходится слышать возгласы невежественных в религиозной жизни людей: мое ли дело думать о спасении? Возможная ли вещь среди разнообразных занятий и удовольствий жизни *искать одного Царствия Божия и правды Его* (ср.: Мф. 6, 33)? Отказываясь от своего спасения, такой человек отказывается не только от своего священнейшего долга, но и от всех истинных радостей жизни, какие следуют за исполнением этого долга...

Мое ли дело думать о спасении?.. Бедная, погибающая душа! Чье же это дело?.. Если бы это было предоставлено только воле желающих, если бы это было только случайной потребностью, удовлетворять которой не все имеют возможность и средства, – тогда бы можно говорить: это не мое дело. Но забота о спасении есть общая обязанность всех, и моя точно так же, как и всякого другого.

Мое ли дело думать о спасении? Чье же это дело? Этих граждан пустыни, обитателей уединенных келий, людей, обрекших себя на одни подвиги благочестия, которым я отдаю должную дань благоговения, но взяться подражать не смею?.. Знаю, что не все вмещают словеса их высоких обетов... Но за исключением этих обетов, за исключением внешнего образа жизни, который мне не по силе, не остается ли еще чего-нибудь, чему бы мог подражать в них, к чему одинаково обязан, как и они?.. Скажу ли, что я имею право меньше их любить Бога; что я могу меньше их дорожить заслугами крестной смерти Христа Спасителя; что я имею возможность безнаказанно не пользоваться средствами спасения, предоставленными и мне, как и всем?.. О, Боже мой! нет, нет!

Мое ли дело забота о спасении... О, жизнь, жизнь земная, ты даешь мне слишком ясный ответ на это. Без нашей воли нам даруемая, не по нашей воле прекращаемая, ты, в самом большем продолжении своем до нескольких десятков лет, так коротка, что самый жаркий защитник и искатель твоих радостей не сочтет тебя единственной целью бытия нашего. Ты и в самом меньшем продолжении своем от нескольких дней до немногих годов так можешь быть длинна, что и в юное сердце можешь заронить искру жажды другой жизни, более отрадной. Боюсь я потерять хоть один день, зная, что он не возвратится; боюсь употребить его на какую-нибудь суетную заботу или удовольствие. Мне жаль становится дня, который я провел беспечно; мне страшно бывает за один день, проведенный в греховном удовольствии, которое оставляет в душе один

след раскаяния. Голос совести, как и учение Евангелия, непрестанно твердят мне, что будет некогда День Суда, когда нужно дать Богу ответ за каждое мгновение жизни. Что же я принесу на этот Суд?

Довольно я уже обманывал себя надеждой, что будет еще время для забот и о спасении; вот прошла и половина жизни (Бог знает, не больше ли еще?) и не принесла мне для будущего ничего: что, если так же пройдет и другая? Нет, забота о спасении души не принадлежит известным годам: мне это очень ясно говорит теперь совесть, трепещущая Суда Божия; эта забота должна сопровождать целую жизнь, которая вся есть приготовление к вечности.

Я предоставляю самой тебе, душа моя, избрать себе живот или смерть... Нет, ты не изберешь себе вечной смерти в удалении от Бога, в страшных муках ада, не решишься променять вечное блаженство на временную сладость греха. Но если ты так дорожишь блаженством вечности, то не говори же мне: будет еще время заслужить его; успею еще приготовиться к нему. Не напоминаю тебе о том, что один только Бог знает, когда придет время перехода твоего в вечность; что, может быть, прежде, чем ты скажешь: вот, скоро надобно будет подумать о вечности, Ангел смерти отворит тебе ее двери!.. Хочу судить тебя от слов твоих прежде, нежели придет Последний Суд, после которого нет исправления... Тебе дорого блаженство неба? Ты не отдашь его ни за какие блага мира, который некогда оставит тебя, как и ты его?.. Зачем же ты не стараешься заслужить его более, приготовить себя к нему лучше? Зачем суетно тратишь время, ценой которого могла бы купить себе большую меру блаженства?.. И пусть бы еще тем только и ограничивалось зло твоей беспечности, что ты не приобретала бы права на большую награду. Но разве не знаешь ты, что ни одна минута жизни не проходит у нас без следа, что всякая минута, в которую мы не сделали добра и не заслужили награды, есть минута более или менее тяжкого греха, за который примем некогда наказание? Смотри же, к какому концу ты ведешь себя... *Блюдите убо, како опасно ходите, искупующе время, яко дние лукавы суть* (Еф. 5, 15–16).

Мое ли дело думать о спасении? Мое, мое, возлюбленный Спаситель мой! Я понимаю это, когда в минуты озарения души светом Твоей благодати взираю на Крест Твой. О, как понятен мне в эти минуты спасительный голос Евангелия; как ясны, как сильны и обязательны тогда становятся для меня его заповеди! Стыд и скорбь покрывают душу мою, когда я, у подножия Креста Твоего, взираю на прежнюю жизнь свою! Должно же когда-нибудь кончиться мое гибельное ослепление! Пора,

наконец, прийти мне к мысли, что дорога мне душа моя. моя Вечная Жизнь, что надобно трудиться во спасение свое, для которого так много сделал Господь. Не буду отлагать более. Буду стараться делать во спасение свое, что можно, по крайней мере, отселе главной заботой моею будет спасение...

Трудно совместить заботу о спасегаш с делами звания? Какая дерзкая и бессмысленная ложь! Я беру на себя много разнообразных дел, разнородных служений и не боюсь, что трудно будет совместить их. а благочестивое настроение духа считаю трудным совместить с делами моего звания. Не трудно мне совместить с делами моей семейной жизни заботы об угождении другому, от кого завишу или от кого жду какой-либо пользы себе; напротив, человекоугодие прибавляет мне силы и деятельности, делает способным трудиться вдвое, для того чтобы и для своего семейства успеть сделать, что нужно, и вне дома не упустить случая сделать угодное тому, чьим вниманием и благосклонностью дорожу. Но когда дело идет об угождении Богу, мне кажется трудным совместить труд угождения Богу с делами семейными!.. Не тяжело мне, по своекорыстию, из-за денег или из-за почестей, брать на себя десятки должностей; нетрудно даже отказаться от удовольствий семейного крова, который я легко забываю в дни особенных хлопот или предприятий, обещающих выгоду; не могу только совместить с делами моего служения заботы о вечном благе души! Среди самых разнообразных занятий находится у меня время для удовлетворения каким-нибудь случайным прихотям, для упражнения в том или другом искусстве, для изучения той или другой науки, для праздного чтения какой-нибудь легкомысленной книги. Нет только времени – для попечения о душе... О, как грубо я обманываю самого себя, тогда как, напротив, сколько можно найти побуждений и ревности о спасении души в самой временной судьбе нашей! Без Твоего благословения, Боже мой, *всуе трудятся зиждущий*, как бы кто ни созидал свое благосостояние; а Твое благословение почивает только на ищущих *Царствия Божия и правды его (*Мф. 6, 33). Я – семьянин; и в этом самом нахожу побуждение угождать Тебе, заботясь о душе своей... Я хотел бы, чтобы дети мои были люди добрые, чтобы Ты был их Отцом, когда Тебе угодно будет воззвать к Себе отца их; я боюсь оставить им незаконно приобретенный кусок хлеба, чтобы он не вооружил против них правды Твоей, но не хочу оставлять их и без надежды, и эту надежду полагаю в Тебе, вверяя Тебе себя и дом свой... Пусть добрый пример мой научит детей моих доброй жизни, и моя верность Тебе будет, в очах Твоего безмерного милосердия, ходатайством о благословении

Твоем на них!.. Я – гражданин, верный своему дорогому Отечеству: и это нудит меня пещись об исправлении моей души, о правоте моей жизни... Я знаю, что правда возвышает народ и что чем больше в обществе людей добрых, угодных Тебе, тем оно крепче и благонадежнее; молюсь Тебе об исправлении сердец моих сограждан. молюсь и о себе, стараясь, по возможности, всегда действовать в жизни по правилам закона и совести... Боюсь, чтобы своекорыстие не привело самого меня к худому концу; чтобы моя недобросовестность не возбудила против меня Твоего гнева, карающего виновных, когда они и не помышляют о наказании... Я – служитель Церкви Твоей и не могу не признавать своего долга жить для Тебя, спасая свою душу. Не потерпит меня во Святилище Твоем правда Твоя, если я буду не верен Твоим законам; не останется моя холодность и невнимательность к душе моей безнаказанной и со стороны паствы моей, которая предалась бы мне совершенно, если бы я заслуживал ее уважение, но которая покроет меня бесславием, если увидит во мне раба страстей, беспечного грешника... Богат я? Незаслуженный дар Твоих щедрот, свое богатство, я должен окупить добрыми делами: иначе сколько зависти, злобы возбудит в моих ближних мое богатство, сколько недоброжелателей, проклинающих мое золото, будет у меня!.. Я беден? Мне не остается ничего, как совершенно вверив себя Твоему Промыслу, сокровиществовать себе богатство в будущем угождении Тебе, чтобы надеждой будущих неизреченных благ услаждать горе настоящего!

Содержание

Простое Евангельское слово протоиерей Григорий Дьяченко 1
Неделя Святой Пасхи 6
- Светлое Христово Воскресение 7
- Пасхальное Евангелие 11
- Слово Святителя Иоанна Златоуста 14
- Пасха Ветхозаветная и Пасха Новая Христианская 17
- Об обычае Христосования во Святую Пасху 21
- Праздник Воскресения Христова – Радость Всех Радостей 24
- Воскресение Христово – торжество веры, добродетели и упования 29
- Чем стали ад, земля и небо после Воскресения Христова? 34
- Что есть Воскресение мертвых? 36
- Светлое Воскресенье в Иерусалиме 40
- Храм Святого Гроба Господня в Иерусалиме 42
- О схождении Благодатного огня 47
- Светлое Воскресенье на Афоне 50
- Празднование Пасхи в Древней Руси 53
- Артос 59

НЕДЕЛЯ АНТИПАСХИ 63
- Явление Господа Святому Апостолу Фоме 64
- Антипасха 65
- Взгляд Церкви на неверие Апостола Фомы 67
- О твердости и постоянстве веры 69
- Рассказы из Церковной истории о силе Веры 72
- Рассказы о любви русских к православной вере 75
- Наказание за неверие 77
- Благодетельный сон 79

НЕДЕЛЯ СВЯТЫХ ЖЕН-МИРОНОСИЦ 82
- Святые Жены-Мироносицы у гроба Господня 83
- Равноапостольная Мария Магдалина 86
- Пример живой любви к Богу 91
- Любовь христианская – закон человеческого сердца 92
- Милости хочу, а не жертвы 94

Женщина как Мать-Христианка 96
Женщины в первые века христианства 100
Мужество христианских жен во времена гонений 105
Образ девицы-христианки 106
Девицы – помощницы в семье 109
О страсти к нарядам 111
О согласии в семейной жизни 114
Милостыня и молитва – помощь усопшим 115
НЕДЕЛЯ О РАССЛАБЛЕННОМ 120
Исцеление расслабленного при овчей купели 121
Покаяние и молитва – лучшее врачевание наших болезней 123
О причинах болезней 125
Терпи до конца 127
Счастливый страдалец 130
Жертва хваления мученика Христова 134
Девица, окрещенная ангелами 137
Бывают ли ныне явления ангелов? 139
Благодатная помощь по молитвам к Святителю Феодосию Черниговскому 142
НЕДЕЛЯ О САМАРЯНЫНЕ 145
Иисус Христос и самарянка 146
о поклонении Богу в Духе и Истине 151
Жажда спасения 154
Притча о спасении 157
Краткие правила, как душу спасать 161
О пути ко спасению 162
Соблюди заповеди и тем спасешь свою душу 166
Спасается тот, кто в единении с Православной Церковью 170
Кара Божия за хулу на Церковь 171
Храм Божий – страх Божий 173
Богоявленская вода 176
НЕДЕЛЯ О СЛЕПОМ 177
Исцеление слепорожденного 178
Непостижимы судьбы Твои, Господи! 181
Должны мы силнии немощи немощных носити 184
Голос спасающей благодати 186
Исцеление слепой 189

Без скорбей не войти в Царство Небесное 190
НЕДЕЛЯ СВЯТЫХ ОТЕЦ 192
Первосвященническая молитва Иисуса Христа 193
О Вселенских Соборах 194
Примеры любви к истинному Богопознанию 197
Совершенствуемся ли мы в познании Святой веры? 199
Любящим Бога все содействует ко благу 202
Святая Православная Церковь – единая истинная 205
Чудо по молитве Святителя Василия Великого 206
НЕДЕЛЯ СВЯТОЙ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ 207
Иисус Христос в последний день праздника Кущей 208
Сошествие Святаго Духа 210
Об обычае в праздник Святой Троицы украшать храмы и дома 212
Кто жаждет, иди ко Мне и пей 216
Любовь к правде Божией 218
Свет Христов 221
Спасение грешника благодатию Божией 223
Небесный огонь сошел в потир во время литургии 231
НЕДЕЛЯ ВСЕХ СВЯТЫХ 232
Как нам спастись? 233
Любовь родителей к своим детям через любовь к Богу 241
Во всяком звании можно угодить Богу 243
К святости призваны все христиане 246
Примеры заступничества святых 248
НЕДЕЛЯ 2-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 252
Призвание Господом первых учеников 253
О послушании слову Христову 255
Всякому доброму делу покровительствует сам Бог и его святые 259
Всякий честный труд угоден Богу 261
Избрание во епископа совершается по воле Божией 264
Не оскорбляйте священника! 265
НЕДЕЛЯ 3-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 266
Ищите сокровищ небесных, я не земных 267
Против роскоши в одежде и убранстве 272
Вразумление юноши, сомневавшегося в промысле Божием 275
Таинственный голос 277

Чудесное спасение от пожара 279
Не заботься о дне грядущем 280
Хлеб наш насущный даждь нам днесь! 281
Притча о двух господах 284
Спасительная лепта 288
НЕДЕЛЯ 4-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 289
Об исцелении слуги сотника 290
Тайна безропотного служения 293
Воистину велик Бог христианский 294
О нищете духовной, или о христианском смирении 296
О христианском смирении 300
Богу все возможно 301
НЕДЕЛЯ 5-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 302
Исцеление двух бесноватых 303
О бытии злых духов 304
Нарушение обета по искушению от диавола 307
Главный враг наш – диавол 309
Случай из священнической практики 312
О духовных средствах борьбы со злыми духами 315
Дерзайте, и Бог поможет вам 322
НЕДЕЛЯ 6-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 323
Исцеление расслабленного 324
Нет зла злее греха 326
Во время болезни исповедуйтесь и причащайтесь Святых Таин Христовых 328
Духовное врачевство 330
Наказанный и помилованный грешник 331
Хульные помыслы не вредят тем, кто ими пренебрегает 335
Размышление о хульных помыслах 336
Как иноки освободились от хульных помыслов 338
НЕДЕЛЯ 7-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 340
О чудесном исцелении слепцов 341
Утешительное послание преподобного Феодора Студита к слепцу Евдокиму Спафарию 343
Духовные очи прозревают от благочестивой жизни 344
Благодушное перенесение болезни 345
У Бога милости много, но подается она только смиренным 349

У Бога милости много, но подаются они только смиренным 348
Не ищите славы от людей 352
Остерегайтесь клеветников 353
НЕДЕЛЯ 8-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 355
О насыщении Иисусом Христом пятью хлебами пяти тысяч человек 356
Каждое дело нужно начинать с благословением 359
Долг благодарности 360
Чудеса божественного промысла 362
НЕДЕЛЯ 9-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 365
О чуде хождения Господа по морю Галилейскому 366
Многое в жизни зависит от нашей веры 368
Против страха привидений 371
Галилейское море 374
НЕДЕЛЯ 10-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 377
Исцеление бесноватого 378
О кознях диавола и о молитвенном делании 380
Смирение – оружие против диавола 383
Именем Иисуса Христа и крестным знамением побеждается диавол 384
Польза поста 387
В беде призывай Бога и молись Святым угодникам 388
Сила веры истинного христианина 389
Греховное рабство 390
НЕДЕЛЯ 11-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 392
Притча о должнике немилосердном 393
Христианин, прощай всегда? 394
Прежде сам прости 395
Ненавистник губит и душу свою, и тело 396
О злорадовании 398
Бог в долгу не останется 400
Я – судия праведный 403
Много я тебе должен, Господи! 404
Скоро ли будет второе пришествие Христово? 410
НЕДЕЛЯ 12-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 413
Евангельское повествование о богатом юноше 414
Что нужно делать. Чтобы наследовать живот вечный? 416
Разумна ли наша забота о «черном дне»? 419

Разумна ли наша забота о «черном дне»? 419
Сделав добро – не кайся 421
Пагубность сребролюбия 423
Святой праведный Филарет Милостивый 426
О подвигах святых, узким путем достигших Царства Небесного 431
Совершенствуйся на пути к царству небесному 440
НЕДЕЛЯ 13-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ 441
Притча о винограднике и виноградарях 442
Горькая участь нераскаянных грешников 445
Непостижимость судеб Божиих 447
Вечные мучения 449
О долготерпении Божием 452
Господь долго терпит, да больно бьет 454
Церковь – живой союз Христа с верующими 457
О беспечности человека в деле спасения 459
Непрестанно думай о своем спасении 460